Моран Мишель
«Нефертити»

От автора
Путешествие в древний мир Нефертити было для меня долгим. Оно началось с посещения Египетского музея в Берлине, где хранится ее прославленный бюст. У этого бюста у самого по себе длинная история, тянущаяся от его создания в Амарне и до того момента, когда его привезли в Германию, где он произвел фурор на первой же своей выставке в 1923 году.

Даже через три тысячи лет после смерти Нефертити ежегодно пленяет своим обаянием десятки тысяч посетителей. Ее загадочная улыбка и выразительный взгляд завладели моим вниманием и заставили задуматься, какой она была и как сделалась такой значительной фигурой в Древнем Египте.

Итак, идет 1351 год до н. э. Среди великих фараонов Египта уже были Хуфу, Амос и женщина-фараон Хатшепсут; Рамсесам и Клеопатре еще предстоит появиться. Нефертити пятнадцать лет. Ее сестре — тринадцать, и весь Египет у их ног.

Пролог

Если верить словам визирей, Аменхотеп убил своего брата из-за короны Египта.

В третьем месяце Ахета[1] наследный царевич Тутмос лежал в своей комнате во дворце Мальгатта. Теплый ветер шевелил занавески в его покоях, неся с собою аромат тимьяна и мирры. С каждым дуновением ветерка длинные льняные полотнища колыхались, обвиваясь вокруг колонн, и мели испещренные солнечными пятнами плиты пола. Но двадцатилетний египетский царевич, которому следовало бы сейчас мчаться во главе царских колесниц навстречу победе, лежал на своем ложе, и его правая нога, раздробленная и распухшая, покоилась на подушках. Колесницу, с которой упал царевич, тут же сожгли, но вред уже был причинен. Тутмоса мучила лихорадка, и плечи его поникли. И пока шакалоголовый бог смерти подкрадывался все ближе, Аменхотеп сидел на другом конце комнаты в позолоченном кресле и даже не вздрагивал, когда его старший брат сплевывал мокроту цвета вина, говорившую визирям о его возможной смерти.

Когда Аменхотеп не мог больше смотреть на страдания брата, он вышел из покоев на балкон, глядящий на Фивы. Он скрестил руки поверх своей

золотой пекторали и так и стоял, наблюдая за крестьянами, что жарким днем собирали полбу. Их фигуры скользили среди храмов Амона, величайшего дара его отца этой земле. Аменхотеп стоял над городом, размышляя о послании, что привело его из Мемфиса к ложу брата, и, когда солнце опустилось, царевича начали преследовать видения того, кем он теперь мог стать. Аменхотеп Великий. Аменхотеп Строитель. Аменхотеп Великолепный. Царевич видел это все перед внутренним взором, и лишь когда молодая луна взошла над горизонтом, раздавшееся позади шлепанье сандалий заставило его обернуться.

— Твой брат зовет тебя в свои покои.

— Сейчас?

— Да.

Царица Тийя повернулась к сыну спиной и заспешила в покои Тутмоса; Аменхотеп последовал за нею. В покоях собрались визири Египта.

Аменхотеп обвел комнату взглядом. Тут собрались старики, верные его отцу, люди, всегда любившие его старшего брата больше, чем его самого.

— Вы можете идти, — объявил он, и визири потрясенно посмотрели на царицу.

— Вы можете идти, — повторила она. Но когда старики вышли, Тийя резким тоном предостерегла сына: — Не смей обращаться с мудрецами Египта, словно с рабами!

— Они и есть рабы! Рабы жрецов Амона, собравших в своих руках больше земель и золота, чем мы! Если бы Тутмос дожил до коронации, он склонился бы перед жрецами, как все фараоны, которые…

Царица Тийя отвесила сыну звонкую пощечину.

— Не смей так говорить, пока твой брат еще жив!

Аменхотеп резко выдохнул и уставился на мать, подошедшую к Тутмосу.

Царица нежно погладила царевича по щеке. Ее любимый сын, храбрый и в битве, и в жизни. Они были так схожи — даже рыжеватыми волосами и светлыми глазами.

— Аменхотеп пришел повидаться с тобой, — прошептала Тийя, и пряди ее парика скользнули по лицу царевича.

Тутмос с трудом сел. Царица попыталась было помочь ему, но он жестом велел ей уйти:

— Оставь нас. Мы будем говорить наедине.

Тийя заколебалась.

— Все будет в порядке, — пообещал ей Тутмос.

Два египетских царевича посмотрели вслед уходящей матери. Лишь Анубис, кладущий сердце умершего на весы против перышка правды, знает наверняка, что произошло после того, как царица покинула покои. Но многие визири верят, что на суде сердце Аменхотепа перетянет перышко. Они думают, что оно отяжелело от злых деяний и что Амт, бог с телом льва и головой крокодила, пожрет его и обречет Аменхотепа на вечное забвение. Но какова бы ни была истина, той ночью наследный царевич, Тутмос, умер, и новый царевич занял его место.

1

1351 год до н. э.

Перет. Сезон роста

Когда солнце склонилось над Фивами, струя свои последние лучи над известняковыми утесами, наша длинная процессия зашагала по песку. В извилистой колонне, скользящей меж холмов, словно змея, первыми шли визири Верхнего и Нижнего Египта, за ними — жрецы Амона, а следом — сотни пришедших на похороны. В тени песок быстро остывал. Он набился мне в сандалии, а когда порыв ветра пронизывал мое тонкое льняное платье, я вздрагивала. Я вышла из процессии, и мне виден был саркофаг, который тянула на телеге упряжка быков — чтобы жители Египта знали, как богат и велик был наш царевич. Нефертити обзавидуется — она-то этого не видит.

«Я ей все расскажу, когда вернусь домой, — подумала я. — Если она не будет задаваться».

Лысоголовые жрецы шли позади нашей семьи, ибо мы важнее даже представителей богов. Они размахивали золотыми шариками, и идущий от них запах навел меня на мысль об огромных жуках, воняющих на ходу. Когда погребальная процессия добралась до входа в долину, грохот систрумов прекратился и плакальщики умолкли. На всех скалах собрались люди, чтобы взглянуть на царевича, и теперь они смотрели сверху, как верховный жрец Амона исполнил ритуал отмыкания уст, возвращая Тутмосу его чувства для загробной жизни. Жрец был младше визирей, но все равно

люди, подобные моему отцу, отступили, считаясь с его силой, когда жрец коснулся золотым анком губ фигуры на саркофаге и провозгласил:

— Царственный сокол взлетел на небо! На его месте появился Аменхотеп Младший!

Между скал свистел ветер, и мне почудилось, будто я услышала шелест соколиных крыльев, когда наследный царевич освободился от своего тела и взошел на небо. Народ вокруг заерзал. Дети выглядывали между ног родителей, пытаясь разглядеть нового наследника. Я тоже вытянула шею.

— Где он? — шепотом спросила я. — Где Аменхотеп Младший?

— В гробнице, — ответил мой отец.

Его лысая голова тускло поблескивала в лучах заходящего солнца, а лицо в сгущающихся тенях приобрело ястребиные черты.

— Разве он не хочет, чтобы народ увидел его? — удивилась я.

— Нет, сенит. — Так отец называл меня: «сенит», малышка. — До тех пор, пока он не получит то, что было обещано его брату.

Я недоуменно нахмурилась:

— А что?

Отец стиснул зубы.

— Соправление, — ответил он.

Когда церемония окончилась, солдаты растянулись цепочкой, чтобы никто из простолюдинов не последовал за нами в долину; предполагалось, что туда никто не пойдет, кроме небольшой группы, в которую входила и я. Позади тяжело дышали быки, влекущие свой золотой груз по песку. Со всех сторон нас окружали скалы, высящиеся на фоне темнеющего неба.

— Мы будем подниматься наверх, — предупредил отец, и моя мать слегка побледнела.

Мы с ней были кошками — мы боялись мест, которых не могли понять, долин, в которых спящие фараоны смотрели из своих тайных покоев. Нефертити — та вошла бы в эту долину, не замешкавшись ни на миг; она бесстрашием была подобна соколу, как и наш отец.

Мы шли под жутковатый грохот систрумов; я смотрела, как на моих позолоченных сандалиях отражается угасающий свет. Когда мы поднялись на скалы, я остановилась, чтобы взглянуть на землю сверху вниз.

— Не останавливайся, — предостерег меня отец. — Иди дальше.

Мы продолжали с трудом идти через холмы, а быки с пыхтением прокладывали себе путь по камням. Теперь жрецы шли впереди нас и несли факелы, освещавшие нам путь. Затем верховный жрец заколебался, и я испугалась, что он заблудился в темноте.

— Отвяжите саркофаг и распрягите быков, — распорядился жрец, и я увидела высеченный в скале вход в гробницу.

Дети заерзали, зашумев четками, а женщины, позвякивая браслетами, принялись переглядываться. Потом я увидела узкую лестницу, ведущую под землю, и поняла их страхи.

— Мне это не нравится, — прошептала мать.

Жрецы освободили быков от ноши и взвалили позолоченный саркофаг на плечи. Потом отец крепче сжал мне руку, чтобы подбодрить меня, и мы последовали за нашим мертвым царевичем в его покои, от света заходящего солнца в непроглядную тьму.

Осторожно, чтобы не оступиться на камнях, мы спустились в скользкие внутренности земли, стараясь держаться поближе к жрецам с их факелами. Внутри гробницы их свет отбрасывал тени на стены, на которых было изображено двадцать лет жизни Тутмоса в Египте. Женщины танцевали, знатные вельможи охотились, царица Тийя подносила своему старшему сыну лотос с медом и вино. В поисках поддержки я прижалась к руке матери, и, когда она не откликнулась, я поняла, что она мысленно возносит молитвы Амону.

Внизу спертый воздух сделался сырым и к запаху гробницы добавился запах земли. В свете факелов появлялись и исчезали изображения: раскрашенные желтым женщины и смеющиеся мужчины, дети, опускающие цветы лотоса в воды Нила. Но самым страшным был синеликий бог подземного мира, с посохом и цепом Египта в руках.

— Осирис, — прошептала я, но меня никто не услышал.

Мы продолжали спускаться в самые потаенные глубины земли, а затем вошли в комнату с высоким сводом, и я ахнула. Здесь были собраны все сокровища, принадлежавшие царевичу: раскрашенные баржи, позолоченные колесницы, сандалии, отделанные мехом леопарда. Мы прошли через эту комнату и вступили в самую отдаленную погребальную камеру. Отец наклонился ко мне и прошептал:

— Не забывай, что я тебе говорил.

В пустой комнате бок о бок стояли фараон и его царица. В свете факелов нельзя было разглядеть ничего, кроме их силуэтов и длинных саркофагов усопшего царевича. Я почтительно поклонилась, и моя тетя сдержанно кивнула мне; она запомнила меня во время ее нечастых визитов в Ахмим. Отец никогда не брал ни Нефертити, ни меня в Фивы. Он держал нас подальше от дворца с его интригами и похвальбой придворных. Сейчас, в дрожащем свете факелов, я заметила, что царица не изменилась за те шесть лет, что я ее не видела. Она по-прежнему была маленькой и бледной. Ее светлые глаза оценивающе взглянули на меня, когда я протянула руки в приветствии. Интересно, что она думает о моей темной коже и необычно высоком росте? Я выпрямилась. Верховный жрец Амона открыл «Книгу мертвых» и принялся читать нараспев слова умирающих смертных, обращенные к богам.

— Позвольте душе моей прийти ко мне оттуда, где она есть. Придите за моей душой, о вы, Стражи небес. Пусть душа моя узрит мое тело, пусть она опочиет в моем мумифицированном теле, пусть оно никогда не будет уничтожено и не пострадает…

Я оглядела зал в поисках Аменхотепа Младшего. Он стоял в стороне от саркофага и каноп, сосудов, в которых внутренние органы Тутмоса должны были отправиться в загробную жизнь. Царевич был высок, выше меня, и красив, несмотря на светлые вьющиеся волосы. Я задумалась: можем ли мы ожидать от него великих свершений, если всегда предполагалось, что царствовать будет его брат? Аменхотеп передвинулся к изваянию богини Мут, и я вспомнила, что при жизни Тутмос очень любил кошек. С ним должны были похоронить его любимицу, Та-Мив, чье мумифицированное тельце лежало в отдельном золотом саркофаге. Я осторожно коснулась руки матери, и мать обернулась.

— Ее убили? — шепотом спросила я.

Мать, проследив за направлением моего взгляда, посмотрела на крохотный гробик рядом с саркофагом принца.

— Говорят, будто после смерти царевича она отказалась от пищи.

Верховный жрец затянул Песнь души, плач, обращенный к Осирису и богу с головой шакала, Анубису. Затем он закрыл «Книгу мертвых» и объявил:

— Благословение внутренних органов!

Царица Тийя сделала шаг вперед. Она опустилась на колени, встав прямо на землю, и по очереди поцеловала все канопы. Затем то же самое проделал фараон. Я увидела, как он резко обернулся, взглядом отыскивая в темноте младшего сына.

— Теперь ты, — приказал фараон.

Его младший сын не шелохнулся.

— Теперь ты! — прикрикнул фараон, и эхо многократно усилило его голос.

Все затаили дыхание. Я посмотрела на отца; он угрюмо покачал головой.

— Почему я должен склоняться перед ним? — с негодованием произнес Аменхотеп. — Он отдал бы Египет жрецам Амона, как и все цари до него!

Я в испуге прикрыла рот ладонью. На мгновение мне показалось, что сейчас Старший кинется через погребальную камеру, чтобы убить его. Но Аменхотеп был его единственным оставшимся в живых сыном, единственным законным наследником египетского трона, и народ ожидал, что его сделают соправителем отца, как всегда делалось с наследным царевичем, достигшим семнадцатилетия. Старший будет фараоном Верхнего Египта и Фив, а Аменхотепу предстоит править Нижним Египтом из Мемфиса. Если и этот его сын умрет, род Старшего пресечется. Царица быстро подошла к младшему сыну.

— Ты благословить внутренности твоего брата! — приказала она.

— Почему?

— Потому что он — царевич Египта!

— И я тоже! — яростно произнес Аменхотеп.

Царица Тийя сощурилась.

— Твой брат служил нашему царству, вступив в войско. Он был верховным жрецом Амона, посвященным богам.

Аменхотеп расхохотался.

— Так ты любила его сильнее потому, что он мог убивать то, что благословлял?

Царица Тийя гневно втянула воздух.

— Иди к своему отцу. Попроси его, чтобы он сделал тебя солдатом. А потом посмотрим, какой из тебя выйдет фараон.

Аменхотеп развернулся и порывисто склонился перед фараоном.

— Я стану воином, как мой брат, — поклялся он.

Подол его белого плаща скользнул по земле, и визири покачали головами.

— Мы с тобой вместе сможем возвысить Атона над Амоном, — пообещал царевич. — Мы сможем править так, как некогда представлял себе твой отец.

Фараон вцепился в свой посох, как будто тот мог поддержать его клонящуюся к концу жизнь.

— Это было ошибкой — растить тебя в Мемфисе, — заявил он. — Нужно было растить тебя вместе с твоим братом. Здесь, в Фивах.

Аменхотеп быстро поднялся и распрямил плечи.

— У тебя остался только я, отец. — Он протянул руку старику, завоевавшему дюжину стран. — Вот, возьми. Возможно, я не воин, но я построю царство, которое будет стоять вечно.

Когда стало понятно, что фараон не возьмет руку Аменхотепа, мой отец шагнул вперед, чтобы выручить принца из неловкого положения.

— Позволь твоему брату упокоиться с миром, — негромко попросил он.

Аменхотеп наградил своего отца взглядом, от которого даже Анубису стало бы не по себе.

До той поры, когда мы вернулись к баржам и поплыли через Нил и плеск воды заглушил наши голоса, никто не осмеливался заговорить.

— Он ненадежен, — сказал мой отец, когда мы уже плыли обратно в Ахмим. — На протяжении трех поколений наша семья давала женщин фараонам Египта. Но я не отдам свою дочь этому человеку.

Я завернулась поплотнее в шерстяной плащ. Отец говорил не обо мне. Он имел в виду мою сестру, Нефертити.

— Если Аменхотеп станет соправителем своего отца, ему потребуется главная жена, — сказала мать. — Ею станет либо Нефертити, либо Кийя. А если это будет Кийя…

Она не договорила, но все мы понимали, что она имеет в виду. Если это будет Кийя, то визирь Панахеси получит власть над Египтом. Это будет легко и логично — сделать его дочь царицей: Кийя уже замужем за Аменхотепом и почти три месяца как беременна его ребенком. Но если она станет главной женой, нашей семье придется склониться перед Панахеси, а это немыслимо.

Отец поерзал на подушках и задумался; слуги гребли на север.

— Нефертити было обещано, что она станет женой царя, — добавила моя мать. — Ты сам ей это говорил.

— Когда был жив Тутмос! Тогда все было спокойно и считалось, что Египтом будет править…

Отец закрыл глаза.

Я смотрела, как над баркой восходит луна. Когда времени прошло достаточно, я решила, что уже безопасно будет задать вопрос.

— Отец, а что такое Атон?

Отец открыл глаза.

— Солнце, — ответил он, глядя на мою мать.

Они обменивались не словами, но мыслями.

— Но ведь Амон-Ра — бог солнца.

— А Атон — само солнце, — объяснил отец.

Я ничего не поняла.

— Но почему Аменхотеп хочет построить храмы богу солнца, о котором никто не слыхал?

— Потому что, если он построит храмы Атону, жрецы Амона станут не нужны.

Я была потрясена.

— Он хочет избавиться от них?

— Да. — Отец кивнул. — И пойти против законов Маат.

Я задохнулась. Никто не идет против богини истины и справедливости.

— Но почему?

— Потому что наследный царевич слаб, — сказал отец. — Потому что он слабый и ограниченный человек, и тебе следует научиться распознавать людей, которые боятся других людей, наделенных властью, Мутноджмет.

Мать бросила на него быстрый взгляд. То, что сказал сейчас мой отец, было государственной изменой, но его никто не услышал за плеском весел.

Нефертити ждала нас. Она поправлялась после лихорадки, но даже и сейчас сидела в саду, примостившись у пруда с лотосами, и лунный свет играл на ее изящных руках. Завидев нас, сестра встала, и я ощутила некое торжество при мысли о том, что я присутствовала при погребении царевича, а она была слишком больна, чтобы отправиться туда. Однако же когда я увидела написанное на лице Нефертити нетерпение, ощущение вины быстро смыло это чувство.

— Ну, как оно?

Мне хотелось, чтобы она меня порасспрашивала, но я не смогла проявить жестокость, какую, несомненно, проявила бы сама Нефертити.

— Просто потрясающе! — выпалила я. — А саркофаг…

— Ты почему не в постели? — сердито спросила моя мать.

Она не была матерью Нефертити — только моей. Мать Нефертити умерла, когда той было два года; она была царевной Миттани и первой женой моего отца. Именно она дала Нефертити это имя, означающее «Красавица грядет». Хоть мы с Нефертити и родственницы, мы совершенно несхожи. Нефертити миниатюрная и бронзовокожая, с черными волосами, темными глазами и высокими скулами, а я — смуглая, и лицо у меня узкое и совершенно неприметное. Мать после рождения не стала давать мне имя, связанное с красотой. Она назвала меня Мутноджмет — «Милое дитя богини Мут».

— Нефертити должна лежать в постели, — сказал отец. — Она нездорова.

И хотя он должен бы был сделать выговор моей сестре, он обратился ко мне.

— Со мной все будет в порядке, — пообещала Нефертити. — Видишь, мне уже лучше.

Она улыбнулась отцу, и я повернулась взглянуть на его реакцию. Как и всегда, отец посмотрел на нее ласково.

— И тем не менее у тебя жар, — отрезала мать, — и ты пойдешь в постель.

Мы подчинились и отправились в дом; когда мы улеглись на наши тростниковые циновки, Нефертити легла на спину. Ее профиль отчетливо выделялся в лунном свете.

— Ну так как оно было?

— Страшновато, — призналась я. — Гробница была огромная. И темная.

— А люди? Много там было народу?

— О, сотни. Может, даже тысячи.

Нефертити вздохнула. Она упустила шанс покрасоваться.

— А новый наследник трона?

Я заколебалась.

— Он…

Нефертити уселась и кивнула мне, чтобы я продолжала.

— Он странный, — прошептала я.

Темные глаза Нефертити блестели в лунном свете.

— Что ты имеешь в виду?

— Он одержим Атоном.

— Чем-чем?

— Символом солнца, — пояснила я. — Как можно чтить образ солнца, а не Амона-Ра, управляющего им?

Нефертити это не взволновало.

— Что еще?

— Еще он высокий.

— Ну, не может быть, чтобы он был намного выше тебя.

Я пропустила мимо ушей ее шпильку.

— Он намного выше. На две головы выше отца.

Нефертити обхватила себя руками за колени.

— Что ж, это должно быть интересно.

Я нахмурилась:

— Что?

Нефертити не объяснила.

— Так что должно быть интересно? — повторила я.

— Брак, — непринужденно отозвалась сестра, укладываясь обратно и натягивая на себя льняное покрывало. — Теперь, когда коронация близка, Аменхотеп должен выбрать главную жену. Почему бы не меня?

Почему бы не ее? Она красива, она получила хорошее образование, она дочь царевны Миттани. Я ощутила укол зависти, но вместе с ним — и страх. Нефертити была рядом всегда, всю мою жизнь.

— Конечно же, ты поедешь со мной, — зевнув, произнесла она. — Ты будешь моей главной придворной дамой, пока не вырастешь достаточно, чтобы выйти замуж.

— Мать не позволит мне отправиться во дворец одной.

— А ты и не будешь одна. Она тоже поедет.

— Во дворец?! — воскликнула я.

— Мутни, семья главной жены едет с ней. Наш отец — величайший вельможа этой страны. Наша тетя — царица. Кто посмеет возразить?

Посреди ночи, когда за стенами нашей комнаты лежала непроглядная тьма, к нам вошла служанка и подняла лампу над головой Нефертити. Я проснулась от яркого света и увидела лицо моей сестры, освещенное золотистым светом, безукоризненное даже во сне.

— Госпожа! — позвала служанка, но Нефертити не шелохнулась. — Госпожа! — повторила она уже погромче. Она взглянула на меня, и я растолкала Нефертити. — Госпожа, визирь Эйе хочет поговорить с тобой.

Я быстро села.

— Что-то случилось?

Но Нефертити не произнесла ни слова. Она быстро накинула платье, сняла со стены масляную лампу и прикрыла трепещущий огонек ладонью.

— Что случилось? — спросила я, но она не ответила, лишь дверь тихо затворилась за нею.

Я ждала возвращения сестры; к тому времени, как она вернулась, луна уже превратилась в желтый диск высоко в небе. Я с трудом приподнялась с соломенного тюфяка.

— Где ты была?

— Отец хотел поговорить со мной.

— С одной? — недоверчиво переспросила я. — Посреди ночи?

— Ночь лучше всего — все пронырливые слуги спят.

Тут до меня наконец-то дошло.

— Он не хочет, чтобы ты выходила замуж за Аменхотепа, — сказала я.

Нефертити повела плечом, изображая застенчивость.

— Я не боюсь Кийи.

— Отец беспокоится из-за визиря Панахеси.

— Я хочу быть главной женой, Мутноджмет. Я хочу быть царицей Египта, как моя бабушка была царицей Миттани.

Нефертити уселась на тюфяк. Мы посидели молча, освещаемые лишь светом лампы, которую она принесла с собой.

— И что сказал отец?

Нефертити снова повела плечом.

— Он рассказал тебе, что произошло в гробнице?

— Только то что царевич отказался целовать канопы, — отмахнулась Нефертити. — Какое это имеет значение, если в результате я буду сидеть на троне Хора? Аменхотеп будет фараоном Египта, — добавила она таким тоном, словно это решало все. — И отец уже сказал «да».

— Он сказал «да»? — Я сбросила льняное покрывало. — Но он не мог! Он сказал, что царевич ненадежен! Он поклялся, что никогда не отдаст дочь этому человеку!

— Он передумал. — В неровном свете лампы я увидела, как Нефертити улеглась и укрылась. — Ты не принесешь мне сока с кухни? — попросила она.

— Сейчас ночь, — напряженно, неодобрительно заметила я.

— Но я же болею, — напомнила Нефертити. — У меня лихорадка.

Я заколебалась.

— Пожалуйста, Мутни. Ну пожалуйста!

Ладно, схожу — но только потому, что у нее лихорадка.

На следующее утро наставники окончили наши уроки пораньше. Нефертити не выказывала никаких признаков нездоровья.

— Но нам не следует утомлять ее, — сказал отец.

Мать с ним не согласилась:

— Раз она скоро выйдет замуж, ей нужно успеть узнать побольше. Она должна научиться всему, чему можно.

Моя мать, выросшая не среди знати, в отличие от первой жены отца, понимала, как важно хорошее образование, ибо ей пришлось самой прокладывать себе дорогу — в юности она была женой простого деревенского жреца. Но отец поднял ладонь:

— Чему еще ей учиться? Она превосходно знает языки, а в письме она искуснее дворцовых писцов.

— Она не знает лекарственных трав, как Мутни, — заметила мать.

Я задрала нос, но отец сказал лишь:

— Это дар Мутноджмет. У Нефертити другие таланты.

Мы дружно посмотрели на сестру, сделавшуюся центром внимания; она сидела в своем облегающем белом платье, опустив ноги в пруд с лотосами. Ранофер, сын местного врача, принес ей цветы, охапку белых лилий, перевязанную веревочкой. Вообще-то он вроде как был моим учителем и должен был преподавать мне тайны врачевания и трав, но он куда больше времени глазел на мою сестру.

— Нефертити очаровывает людей, — одобрительно произнес отец, — а тех, кого не очаровывает, она с легкостью может перехитрить. Зачем ей травы и врачевание, если она хочет властвовать над людьми?

Мать нахмурилась:

— Если это одобрит царица.

— Царица — моя сестра, — просто произнес отец. — Она возьмет Нефертити в великие жены фараона.

Но я заметила в его глазах беспокойство. Принц, осквернивший погребальную камеру родного брата, человек, не способный совладать со своими чувствами… Что из него будет за фараон? Что за муж?

Мы стояли и втроем смотрели на Нефертити, пока она не заметила, что мы за ней наблюдаем. Она поманила меня пальцем. Я подошла к пруду, у которого сидели и смеялись моя сестра и мой наставник.

— Добрый день, Мутноджмет.

Ранофер улыбнулся мне, и на мгновение я позабыла, что хотела ему сказать.

— Сегодня я попробовала алоэ, — сказала я наконец. — Оно вылечило ожоги нашей служанке.

— В самом деле? — Ранофер сел. — Что еще?

— Я смешала его с лавандой, и опухоль сделалась меньше.

Ранофер широко улыбнулся:

— Ты превосходишь мои знания, госпожа моя.

Я просияла, гордясь своей изобретательностью.

— Теперь я хочу попробовать…

— Поболтать о чем-нибудь интересном? — Нефертити вздохнула и откинулась назад, купаясь в солнечном свете. — Скажи, о чем сейчас говорил отец?

— Когда — сейчас?

Из меня ужасно скверная лгунья.

— Да. Когда вы там стояли и подсматривали за мной.

Я покраснела.

— Он говорил о твоем будущем.

Нефертити села; пряди черных волос скользнули по подбородку.

— И?

Я помедлила, не понимая, следует ли мне рассказывать ей об остальном. Нефертити ждала.

— И что, возможно, сюда приедет царица, — наконец отозвалась я.

С лица Ранофера тут же исчезла улыбка.

— Но если она приедет, — он повысил голос, — вы покинете Ахмим!

Нефертити недовольно взглянула на меня поверх головы Ранофера.

— Не волнуйся, — беспечно пообещала она. — Ничего не случится.

На миг между ними что-то повисло, потом Ранофер взял Нефертити за руку, и они встали.

— Куда вы? — воскликнула я, но Нефертити не ответила, и потому я обратилась к моему наставнику: — А как же наш урок?

— Позже.

Ранофер улыбнулся, но взгляд его был устремлен на мою сестру.

К нам дошла весть, что царица намерена посетить наше поместье в Ахмиме. Нефертити тайком ходила молиться в наш семейный храм, ставя к ногам Амона чаши с нашим лучшим медовым вином и обещая ему все, что только можно, если только он приведет царицу в наш город. Теперь, когда Амон, похоже, исполнил ее просьбу, Нефертити пришла в такое волнение, что сделалась невыносима. Пока сестра прихорашивалась, мать носилась по дому, набрасываясь и на рабов, и на слуг.

— Мутни, позаботься, чтобы полотенца были чистые. Нефертити — чаши, пожалуйста. Проследи, чтобы слуги их вымыли. Все до единой!

Слуги вытряхивали отделанные бахромой драпировки со стен, а мать расставляла наши лучшие инкрустированные кресла в зале приемов — туда царица войдет первым делом. Царица Тийя приходилась моему отцу сестрой; она была женщиной суровой и не одобрила бы неряшливости. Полы на кухне были отдраены до блеска, хотя царица и близко бы не подошла к кухне, а в пруд с лотосами запустили оранжевых рыб. Даже Нефертити что-то делала — она и вправду проверила, вымыты ли чаши, а не просто сделала вид. Через шесть дней Аменхотеп Младший будет коронован в Карнаке и станет соправителем своего отца. Даже я понимала, что означает этот визит. Царица не появлялась в Ахмиме больше шести лет. Причина у нынешнего визита может быть только одна — брак.

— Мутни, пойди помоги сестре одеться, — велела мать.

Нефертити была в нашей комнате — стояла перед зеркалом. Она отбросила темные волосы с лица, воображая, что на ней корона Египта.

— Да, — прошептала она, — я буду величайшей царицей, равной которой Египет еще не видал.

Я фыркнула.

— Ни одна царица не превзойдет нашу тетю.

Нефертити развернулась.

— Есть еще Хатшепсут. А наша тетя не носит двойную корону Египта.

— Ее может носить только фараон!

— И что же она получает, хотя командует войском и ведет переговоры с иноземными правителями? Ничего! Всю славу пожинает ее муж. Когда я буду царицей, мое имя войдет в вечность!

Я знала, что нет смысла спорить с Нефертити, когда она в таком состоянии. Я смешала сурьму, протянула кувшинчик сестре и стала смотреть, как она красится. Нефертити накрасила глаза, подвела брови и стала выглядеть старше своих пятнадцати лет.

— Ты вправду думаешь, что станешь главной женой? — спросила я.

— А кого наша тетя предпочтет видеть матерью наследника? Простолюдинку, — Нефертити наморщила нос, — или свою племянницу?

Я была простолюдинкой, но Нефертити не это имела в виду. Она говорила о дочери Панахеси, Кийе, которая была дочерью знатной женщины, — а Нефертити была внучкой царицы.

— Найди мое льняное платье и золотой пояс, — сказала Нефертити.

Я прищурилась.

— Если ты выходишь замуж, это еще не значит, что я твоя рабыня!

Нефертити улыбнулась.

— Ну пожалуйста, Мутни! Я знаю, что без тебя не справлюсь.

И она продолжила глядеться в зеркало, пока я перекапывала ее сундуки в поисках платья, которое она надевала только на празднества. Потом я вытащила золотой пояс, но Нефертити запротестовала:

— Нет, с ониксом, а не с бирюзой!

— У тебя что, нет для этого слуг? — возмутилась я.

Нефертити пропустила мои слова мимо ушей и протянула руку за поясом. Лично мне тот, который с бирюзой, нравился больше. Раздался стук, и в дверном проеме появилась служанка моей матери, раскрасневшаяся от волнения.

— Ваша мать велит поторопиться! — выкрикнула девушка. — Наблюдатели заметили караван!

Нефертити посмотрела на меня.

— Подумай об этом, Мутни. Ты будешь сестрой царицы Египта.

— Если ты понравишься царице, — отрезала я.

— Конечно понравлюсь.

Нефертити снова взглянула на свое отражение, на хрупкие плечи цвета меда и пышные черные волосы.

— Я буду мила и очаровательна. Ты только подумай, что мы сможем делать, когда поселимся во дворце!

— Мы и тут много чего можем делать, — возразила я. — Чем плох Ахмим?

Нефертити еще раз прошлась расческой по волосам.

— Тебе не хочется повидать Карнак и Мемфис и стать придворной?

— Отец — придворный. Он говорит, что устает от бесконечных разговоров о политике.

— Ну, это отец. Он привык каждый день бывать во дворце. А что нам делать тут? — недовольным тоном осведомилась Нефертити. — Ждать, пока царевич умрет, чтобы нам можно было отправиться посмотреть мир?

Я задохнулась от ее слов.

— Нефертити!

Сестра весело рассмеялась. Тут в дверном проеме остановилась, тяжело дыша, моя мать. На ней были ее лучшие украшения и тяжелые браслеты, которых я раньше не видела.

— Ты готова?

Нефертити встала. Ее платье было полупрозрачным, и мне стало завидно при виде того, как ткань натянулась на ее бедрах и подчеркнула тонкую талию.

— Подожди. — Мать взмахнула рукой. — Нужно еще ожерелье. Мутни, пойди принеси золотое ожерелье.

Я ахнула:

— Твое ожерелье?

— Конечно. Поскорее! Стражник пропустит тебя в сокровищницу.

Меня потрясло то, что мать позволила Нефертити надеть ожерелье, которое отец подарил ей на свадьбу. Похоже, я недооценила, насколько визит нашей тети важен для нее. Для всех нас. Я поспешила в сокровищницу, расположенную в дальней части дома; стражник поднял на меня взгляд и улыбнулся. Я была выше его на голову. Я покраснела.

— Мать хочет ожерелье для моей сестры.

— Золотое ожерелье?

— А что, тут есть другое?

Стражник вскинул голову.

— Да… Должно быть, что-то важное творится. Говорят, сегодня приезжает царица?

Я подбоченилась, давая ему понять, что я жду.

— Ну ладно, ладно…

Он спустился в подземную комнату и вернулся с драгоценным украшением, которое должно было когда-нибудь стать моим.

— Должно быть, твоя сестра выходит замуж, — сказал он.

Я протянула руку.

— Ожерелье.

— Из нее получится хорошая царица.

— Все так говорят.

Стражник улыбнулся с таким видом, словно знал, что я об этом думаю, — вот ведь любопытный старый осел! — потом протянул мне ожерелье, и я выхватила украшение у него из рук. Я помчалась обратно к себе в комнату, прижимая ожерелье к груди, словно награду. Нефертити посмотрела на мою мать:

— Ты уверена?

Она взглянула на золото, и в ее глазах отразился его блеск.

Мать кивнула. Она надела ожерелье сестре на шею, застегнула, и мы обе отступили. Ожерелье обхватило шею Нефертити переплетением лотосов и стекло ей на грудь капельками разной длины. Хорошо, что Нефертити на два

года старше меня. Если бы мне нужно было выходить замуж первой, рядом с ней меня никто бы не выбрал.

— Теперь мы готовы, — сказала мать.

Она двинулась в зал приемов, где расположилась царица. Нам слышно было, как она разговаривает с отцом: тихо, резко и властно.

— Войдете, когда вас позовут, — быстро произнесла мать. — На столике лежат подарки из нашей сокровищницы. Когда будете входить — возьмете их. Тот, который больше, пусть несет Нефертити.

Затем она нырнула внутрь, а мы остались ждать, пока нас вызовут.

Нефертити принялась расхаживать взад-вперед.

— Отчего бы вдруг ей не выбрать меня в жены ее сыну? Я — дитя ее брата, а наш отец занимает самое высокое положение.

— Конечно, она тебя выберет.

— Но выберет ли она меня в главные жены? Я не соглашусь на меньшее, Мутни. Я не стану младшей женой, которую фараон навещает раз в два сезона. Уж лучше я выйду за сына какого-нибудь вельможи.

— Она возьмет тебя.

— Конечно, на самом деле это зависит от Аменхотепа. — Нефертити остановилась, и я поняла, что она разговаривает сама с собой. — В конце концов, выбирать будет он. Именно он даст сына мне, а не ей.

Я скривилась при виде такого упорства.

— Но я никогда не увижусь с ним, если не очарую его мать.

— Тебе это удастся.

Нефертити взглянула на меня с таким видом, словно лишь сейчас заметила мое присутствие.

— Правда?

— Да. — Я села в отцовское кресло из черного дерева и подозвала к себе одну из наших домашних кошек. — Но откуда ты знаешь, что полюбишь его? — поинтересовалась я.

Нефертити быстро взглянула на меня.

— Да оттуда, что он будет фараоном Египта, — ответила она. — И мне надоел Ахмим.

Я подумала о Рановере, о его улыбке. Что, он ей тоже надоел? Тут из зала приемов вышла служанка матери, и кошка от меня удрала.

— Нам идти? — нетерпеливо спросила Нефертити.

— Да, госпожа.

Нефертити посмотрела на меня. Щеки ее горели.

— Иди позади меня, Мутни. Пусть она увидит меня первой и полюбит.

Мы вошли в зал приемов с подарками из нашей сокровищницы, и зал показался мне больше, чем я помнила. Нарисованные на стене тростниковые заводи и синяя река на мозаичном полу выглядели ярче. Слуги постарались на славу; они даже смыли пятно с драпировки над головой у матери. Царица выглядела так же, как и тогда, в гробнице. Суровое лицо в обрамлении пышного нубийского парика. Если Нефертити когда-либо станет царицей, ей предстоит носить такой парик. Мы подошли к возвышению, на котором восседала царица. Она сидела в кресле с самыми широкими подлокотниками, какие только нашлись у нас в доме, на большой, набитой перьями подушке. На коленях у нее устроился черный кот. Рука царицы лежала на спинке у кота, а ожерелье ее было из золота и лазурита.

Глашатай царицы выступил вперед и повел рукой:

— Ваше величество — ваша племянница, госпожа Нефертити!

Нефертити протянула свой подарок, и слуга принял у нее позолоченную чашу. Тетя похлопала по пустому креслу слева от нее, давая понять, что Нефертити следует сесть рядом с ней. Пока сестра поднималась на помост, тетя не отрывала взгляда от ее лица. Нефертити была прекрасна той красотой, что приковывает внимание даже цариц.

— Ваше величество — ваша племянница, госпожа Мутноджмет!

Я выступила вперед, и тетя удивленно прищурилась. Она посмотрела на шкатулку из бирюзы, которую я ей протянула, и улыбнулась, признаваясь, что в присутствии Нефертити она позабыла обо мне.

— Ты выросла высокой, — заметила царица.

— Да, ваше величество, но не такой изящной, как Нефертити.

Мать одобрительно кивнула. Я перевела разговор на причину, приведшую царицу в Ахмим. Мы все посмотрели на мою сестру; та попыталась не сиять слишком явно.

— Она прекрасна, Эйе. Думаю, она пошла скорее в свою мать, чем в тебя.

Отец рассмеялся.

— А еще она талантлива. Она умеет петь. И танцевать.

— А умна ли она?

— Конечно. И сильна. — Отец многозначительно понизил голос. — Она сможет направлять его страсти и сдерживать его.

Тетя снова посмотрела на Нефертити, явно размышляя, правда ли это.

— Но если она выйдет за него замуж, она должна стать главной женой, — добавил отец. — Тогда она сможет перевести его интерес от Атона обратно к Амону и к менее опасным взглядам.

Царица повернулась к моей сестре.

— Что ты на это скажешь? — прямо спросила она.

— Я сделаю то, что от меня потребуется, ваше величество. Я буду развлекать царевича и рожу ему детей. И я буду покорной служанкой Амона.

Наши с Нефертити взгляды встретились, и я опустила голову, силясь сдержать улыбку.

— Служанкой Амона, — задумчиво повторила царица. — Если бы мой сын был наделен таким здравым смыслом!

— Из двух моих детей у нее более сильная воля, — сказал отец. — Если кто и сможет повлиять на него, так это она.

— А Кийя слаба, — признала царица. — Она не справится с этим делом. Он хочет сделать главной женой ее, но я этого не допущу.

— Как только он увидит Нефертити, он позабудет про Кийю, — пообещал отец.

— Отец Кийи — визирь, — предостерегающе произнесла тетя. — Он будет недоволен, что я предпочла твою дочь его дочери.

Отец пожал плечами:

— Но этого следовало бы ожидать. Мы же семья.

Поколебавшись мгновение, царица встала.

— Тогда решено.

Я услышала радостный вздох Нефертити. Все закончилось так же быстро, как и началось. Царица спустилась с возвышения — маленькая, но неукротимая, — а кот последовал за нею на золоченом поводке.

— Надеюсь, она исполнит твои обещания, Эйе. На кону будущее Египта, — мрачно предупредила она.

В течение трех дней слуги носились из комнаты в комнату, укладывая белье, одежду и украшения в корзины. Повсюду стояли полупустые сундуки с алебастровыми, стеклянными и керамическими сосудами, ожидающими упаковки. Отец наблюдал за этой беготней с явственным удовольствием. Брак Нефертити означал, что мы будем жить во дворце Мальгатта в Фивах вместе с ним, и теперь он будет видеть нас чаще.

— Мутни, перестань бездельничать! — прикрикнула на меня мать. — Займись чем-нибудь!

— Но Нефертити же бездельничает! — ляпнула я.

Сестра сидела в другом углу комнаты, примеряя наряды и подбирая к ним стеклянные украшения.

— Нефертити! — прикрикнула мать и на нее. — Ты еще успеешь накрасоваться перед зеркалом в Мальгатте!

Нефертити драматически вздохнула, потом подхватила охапку платьев и бросила их в корзину. Мать покачала головой, а сестра отправилась следить за тем, как будут грузить семнадцать сундуков с ее вещами. Со двора донесся ее голос: она велела рабу быть осторожнее, потому что ее корзины стоят больше, чем мы заплатили за него. Я посмотрела на мать. Та вздохнула. У меня никак в голове не укладывалось, что моя сестра станет царицей.

Тогда все изменится.

Мы покинем Ахмим. Это поместье останется нашим, но кто знает, увидим ли мы его еще когда-либо?

— Как ты думаешь, мы вернемся? — спросила я.

Мать выпрямилась. Я заметила, как она посмотрела на пруды, у которых мы с сестрой играли в детстве, а потом на наш семейный храм Амона.

— Надеюсь, — ответила она. — Здесь мы были семьей. Здесь наш дом.

— Но теперь нашим домом будут Фивы.

Мать тяжело вздохнула.

— Да. Твой отец хочет этого. И твоя сестра.

— А ты этого хочешь? — тихо спросила я.

Мать взглянула в сторону комнаты, которую она делила с отцом. Она ужасно скучала по нему, когда он уезжал. Теперь она сможет быть рядом с ним.

— Я хочу быть с моим мужем, — призналась она, — и хочу, чтобы у моих детей было больше возможностей.

Мы посмотрели на Нефертити, отдающую приказы слугам во дворе.

— Она будет царицей Египта, — с некоторым трепетом произнесла мать. — Подумать только — наша Нефертити, которой всего пятнадцать!

— А я?

Мать улыбнулась.

— А ты будешь сестрой главной жены царя. Это немало.

— Но за кого я выйду замуж?

— Тебе всего тринадцать! — воскликнула мать, и по лицу ее скользнула тень.

Я была единственным ребенком, которого даровала ей богиня Таварет. Как только я выйду замуж, у нее не останется никого. Я тут же пожалела, что заговорила об этом.

— Может, я и не выйду замуж, — быстро произнесла я. — Может, я стану жрицей.

Мать кивнула, но я видела, что она думает о том времени, когда останется одна.

2

Фивы

19 фар пути

Наша барка готова была к отплытию в Фивы через четыре дня после визита тети в Ахмим. Солнце, поднявшееся над храмами нашего города, застало

меня в моем маленьком садике с травами; я сорвала листик мирриса, понюхала его и закрыла глаза. Я буду очень скучать по Ахмиму.

— Не ходи ты с таким унылым видом, — раздался сзади голос сестры. — Для тебя найдется достаточно садов в Мальгатте.

— Откуда тебе знать?

Я посмотрела на мои любовно ухоженные растения. Васильки, мандрагора, маки, маленькое гранатовое дерево, которое мы с Ранофером посадили вместе.

— Что значит — откуда? Ты будешь сестрой главной жены царя. Если там нет садов, я прикажу их устроить!

Я рассмеялась, и Нефертити присоединилась к моему смеху. Она взяла меня за руку.

— И кто знает? Может, мы построим для тебя целый храм и сделаем тебя богиней сада!

— Нефертити, не говори так!

— Через два дня я выйду замуж за бога, а значит, стану богиней, а ты — сестрой богини. Ты станешь божеством по родству, — непочтительно пошутила она.

Наша семья была слишком близка к фараонам Египта, чтобы верить в их божественную природу так, как в нее верили простолюдины, — так, как им велели верить, чтобы они не оспаривали власть фараонов. Отец объяснил мне это однажды вечером, и я боялась, что следом он скажет, что Амон-Ра тоже ненастоящий, но этого он не сказал. Есть вещи, в которые веришь удобства ради, — а есть слишком священные, чтобы оспорить их хоть словом.

Невзирая на обещания Нефертити, мне было жалко покидать мой маленький сад. Я взяла с собой столько трав, сколько могла, рассадив их по маленьким горшочкам, и велела слугам заботиться об остальных. Они обещали, но мне не верилось, что они и вправду будут уделять внимание юбе или поливать мандрагору столько, сколько ей требуется.

Путешествие из Ахмима в Фивы было недолгим. Наша барка пробралась через тростники и рогоз и поплыла по мутным водам Нила на юг, к городу фараонов. Отец улыбнулся сестре с носа барки, а она, восседая в кресле под навесом, улыбнулась ему в ответ. Потом он поманил меня пальцем.

— На солнце у тебя глаза, как у кошки, — сказал он. — Зеленые, словно изумруды.

— Как и у мамы, — ответила я.

— Да, — согласился отец. Но он подозвал меня не затем, чтобы побеседовать о моих глазах. — Мутноджмет, в грядущие дни твоя сестра будет нуждаться в тебе. Времена нынче опасные. Когда на трон восходит новый фараон, это всегда сопряжено с неизвестностью, и сейчас — более, чем когда-либо. Ты станешь главной дамой при твоей сестре, но ты должна быть очень осторожна во всем, что говоришь и делаешь. Я знаю, что ты честна. — Он улыбнулся. — Но иногда честность — это недостаток. Двор — не место для честности. Будь осторожна с Аменхотепом.

Отец посмотрел на реку. На берегу висели рыбачьи сети. В это время дня всякие работы прекращались.

— Кроме того, ты должна управлять Нефертити.

Я удивленно уставилась на него:

— Как?

— Давая ей советы. Ты терпелива, и ты умеешь обращаться с людьми.

Я покраснела. Отец никогда прежде не отзывался обо мне так.

— Нефертити вспыльчива. И я боюсь…

Отец покачал головой, но так и не договорил, чего же он боится.

— Ты сказал тете Тийе, что Нефертити сможет сдерживать царевича. Но зачем его сдерживать?

— Потому что он тоже вспыльчив. И честолюбив.

— Но разве честолюбие — это плохо?

— Такое — да. — Отец накрыл мою ладонь своей. — Ты сама увидишь. Просто смотри внимательно вокруг, котеночек, и будь начеку. Если что-то случится, первым делом иди ко мне.

Отец понял, по какому руслу устремились мои мысли, и улыбнулся.

— Не надо так беспокоиться. Все не так уж плохо. В конце концов, это не слишком большая цена за корону Египта. — Он взглядом указал на берег. — Мы уже почти приплыли.

Я посмотрела вперед. Теперь, когда мы приблизились ко дворцу, вокруг стало больше судов, длинных кораблей с треугольными парусами, как и у нас. Женщины подбегали к бортам кораблей, чтобы бросить взгляд на нашу

барку и рассмотреть, кто там есть. Золотой вымпел, реющий над мачтой, указывал, что на этом корабле плывет первый вельможа Старшего, и все, должно быть, знали, что эта барка несет будущую царицу Египта. Нефертити исчезла в каюте и появилась вновь, облаченная в новое платье. На груди у нее, сверкая на солнце, висели редкостные драгоценности, оставленные тетей. Нефертити подошла и встала рядом со мной на носу, подставив лицо прохладным брызгам.

— Великий Осирис! — Я указала вперед. — Смотри!

На берегу стояло пять десятков солдат и не менее двух сотен слуг, и все они ожидали нашего прибытия.

Первым с корабля спустился отец, за ним — мать, а потом уже Нефертити и я. Таково было соподчинение в нашей семье. Интересно, а как изменится иерархия после коронации моей сестры?

— Гляньте на носилки! — воскликнула я.

Носилки были украшены золотом и лазуритом, а шесты у них были из черного дерева.

— Должно быть, это носилки Старшего, — произнесла пораженная Нефертити.

Нам помогли забраться в носилки, каждому — в свою занавешенную кабинку, и я отодвинула занавеску, чтобы во второй раз взглянуть на Фивы, сияющие под послеполуденным солнцем. Я не понимала, как Нефертити может спокойно сидеть в носилках, если она никогда прежде не видала Фивы. Но я видела ее тень, горделивую и прямую, в середине носилок; она сдерживалась, невзирая на то, что нас сейчас несли по городу, куда отец никогда нас не брал. Дюжина флейтистов сопровождала нас, пока мы проплывали мимо домов из песчаника и сотен зевак. Я пожалела, что мы с матерью в разных носилках; мне хотелось бы разделить ее радость при виде акробатов и музыкантов, развлекающих собравшиеся толпы. Мы миновали храм Аменхотепа Великолепного и две огромные статуи, изображающие его в виде бога. Потом на горизонте блеснуло озеро, окруженное пустыней. Я чуть не выпала из носилок, так мне хотелось его разглядеть. Это было рукотворное озеро, вырытое в форме полумесяца; оно окружало дворец. Там, где полагалось бы находиться песку и пальмам, по водной глади скользили лодки с маленькими парусами, и я вспомнила рассказ отца о том, что Аменхотеп Великолепный создал это озеро в знак своей любви к царице Тийе, и о том, что подобного ему нет во всем Египте. Оно сияло под солнцем, словно жидкий лазурит и серебро, и, когда мы приблизились к воротам дворца, толпа отступила.

Я быстро откинулась на подушки и опустила занавески. Мне не хотелось выглядеть деревенской девчонкой, никогда не бывавшей за пределами Ахмима. Впрочем, даже с опущенными занавесками я поняла, когда мы вошли в пределы дворца. На дорогу легла тень деревьев, и мне видны были очертания маленьких храмов, домов чиновников, царской мастерской и маленьких, приземистых жилищ слуг. Носильщики поднялись по лестнице и наверху опустили носилки. Когда мы раздвинули занавески, перед нами раскинулись все Фивы: озеро в форме полумесяца, глинобитные дома, рынки, поля, а за всем этим — Нил.

Отец стряхнул пылинки со своего схенти[2] и объявил слугам:

— Сейчас нас препроводят в наши покои, и там мы разберем вещи. Когда мы вымоемся и переоденемся, мы отправимся на встречу со Старшим.

Слуги низко поклонились в знак почтения, и я поняла, что на мать произвела впечатление власть, которой ее супруг обладал в Фивах. В Ахмиме он был просто нашим отцом, человеком, который любил читать у пруда с лотосами и посещать храм Амона, чтобы полюбоваться, как солнце садится за полями. Но во дворце он был визирем Эйе, одним из самых уважаемых людей во всем царстве.

Появился молодой слуга, щеголяющий юношеским локоном. Он был изящен, а его схенти было отделано золотом. Лишь слуги самого фараона носили такую одежду.

— Я отведу вас в ваши комнаты. — Он двинулся вперед. — Почтенный визирь Эйе и его супруга будут жить в покоях слева от покоев фараона. Справа оттуда — покои царевича, а рядом с ними комнаты госпожи Нефертити и госпожи Мутноджмет.

Позади слуги проворно подхватили нашу дюжину сундуков. Дворец был построен в форме анка, центром которого был фараон. Вокруг во внутренних двориках располагались покои его визирей, и, когда мы проходили через них, женщины и дети останавливались, чтобы посмотреть на нашу процессию. «Вот какой теперь будет наша жизнь», — подумала я. Мир тех, кто смотрит.

Наш проводник провел нас через несколько двориков, вымощенных яркой плиткой, с росписями, изображающими заросли папируса, и дошел до покоев, в которых остановился.

— Это покои визиря Эйе, — церемонно провозгласил слуга.

Он распахнул дверь, и из каждой ниши в комнате на нас уставились гранитные статуи. Комната была светлой и роскошно обставленной, с

тростниковыми корзинами и деревянными столами с резными ножками из слоновой кости.

— Отведи моих дочерей в их комнаты, — распорядился отец, — а потом сопроводи их в Большой зал к ужину.

— Мутни, оденься сегодня как следует, — предупредила мать, ставя меня в неловкое положение перед слугами. — Нефертити, там будет царевич.

— С Кийей? — уточнила Нефертити.

— Да, — ответил отец. — Мы договорились, что украшения и наряды принесут к тебе в комнату. Чтобы к закату ты была готова. Мутни тебе поможет, если что-то потребуется.

Отец посмотрел на меня. Я кивнула.

— Да, еще я договорился, чтобы вам прислали личных служанок. Это самые искусные женщины во дворце.

— А в чем они искусны? — по невежественности переспросила я.

В Ахмиме у нас не было личных служанок. Нефертити покраснела.

— В наведении красоты, — ответил отец.

В наших покоях стояла настоящая кровать. Не тростниковая циновка или тюфяк, как дома, в нашем поместье, а большая, украшенная резьбой кровать из черного дерева, с льняным пологом, которую нам с Нефертити предстояло делить. В мозаичный пол была вделана бронзовая жаровня для прохладных вечеров, когда мы будем потягивать подогретое пиво и сидеть у огня, завернувшись в плотные одеяла. А в отдельной комнате, предназначенной исключительно для переодевания, был устроен туалет из известняка. Я приподняла его крышку, и Нефертити в ужасе оглянулась через плечо. Наш проводник, забавляясь, наблюдал за нами. Туалет представлял из себя керамическую чашу с розмариновой водой на дне. Теперь нам не придется больше пользоваться стульчаком. Эти покои были достойны царевны. Тут наш проводник вмешался, объяснив, что я буду делить кровать с Нефертити, пока она не выйдет замуж, а после этого она, возможно, предпочтет обзавестись собственной кроватью.

Повсюду красовались изображения растущей, бесконечной жизни. Деревянные колонны были украшены резьбой с изображением цветов, а потом раскрашены синим и зеленым, темно-желтым и красным. По стенам летели цапли и ибисы, нарисованные искусным художником. Даже мозаичный пол искрился жизнью: изображение пруда с лотосами было

настолько реалистичным, что казалось, будто мы, подобно богам, ходим по воде. Наш проводник исчез, и Нефертити тут же воскликнула:

— Ты только взгляни на это!

Она коснулась поверхности зеркала — огромного, больше нас двоих, вместе взятых, — и мы уставились на наши отражения. Маленькая, светлая Нефертити — и я. Нефертити улыбнулась своему отражению в отполированной бронзе.

— Так мы будем выглядеть в вечности, — прошептала она. — Молодыми и красивыми.

«Ну, во всяком случае, молодыми», — подумала я.

— Сегодня ночью я должна быть великолепной, — сказала Нефертити, быстро обернувшись. — Я должна затмить Кийю во всех отношениях. Главная жена — это всего лишь титул, Мутноджмет. Аменхотеп может отправить меня на задворки гарема, если я не сумею очаровать его.

— Наш отец никогда этого не допустит! — запротестовала я. — У тебя всегда будут покои во дворце!

— Дворец, гарем — какая разница? — отмахнулась Нефертити, снова поворачиваясь к зеркалу. — Если я не произведу на него достаточно сильного впечатления, я буду лишь куклой, и ничем более. Я буду коротать дни в своих покоях и так и не узнаю, каково это: править царством.

Слова Нефертити напугали меня. Уж лучше пусть ее безумная самоуверенность, чем то, что произойдет, если она не сумеет стать избранницей царевича. Тут я заметила в зеркале кое-что и застыла. В наши покои вошли две женщины. Нефертити резко обернулась, и одна из женщин шагнула вперед. Она была одета по последней придворной моде; ее сандалии были украшены бусинами, а в ушах красовались золотые серьги. Когда она улыбнулась, на щеках ее появились ямочки.

— Нам велено провести вас в ванную, — объявила женщина, протягивая нам льняные полотенца и мягкие купальные одеяния. Она была старше Нефертити, но ненамного. — Меня зовут Ипу.

Она оценивающе взглянула на нас, отметив и мои взъерошенные волосы, и изящество Нефертити. Ипу указала на стоящую рядом с ней женщину:

— А это Мерит.

Уголки губ Мерит слегка приподнялись, и мне подумалось, что она выглядит заносчивее Ипу. Однако же она низко поклонилась нам, а когда

выпрямилась, то взмахнула увешанной браслетами рукой в сторону внутреннего дворика:

— Купальни там.

Я подумала о холодных медных ваннах в Ахмиме, и всякое стремление мыться меня покинуло.

— Мы — ваши личные служанки, — сообщила нам Мерит. — Прежде чем вы оденетесь или выйдете из покоев, мы должны убедиться, что с вами все в порядке. У царевны Кийи свое окружение. И служанки, и доверенные помощницы. Как она накрасит глаза, так и все красятся. Какую прическу она выберет, то за ней и повторяют фиванки. Пока что, — с улыбкой добавила она.

Двое стражников церемонно распахнули перед нами двустворчатые двери в купальню, и когда я огляделась сквозь пар, то ахнула. Воду наливали из сосудов в длинные мозаичные бассейны, окруженные каменными скамьями и большими камнями, согретыми солнцем. Между колоннами были подвешены вазы, и растущая в них буйная зелень тянулась к солнцу.

Нефертити одобрительно осмотрела зал с колоннами.

— Нет, ну ты представляешь: отец знал обо всем этом и предпочел вырастить нас в Ахмиме!

Она отбросила полотенце.

Мы уселись на каменные скамьи; наши новые служанки велели нам лечь.

— У тебя очень напряженные плечи, госпожа. — Ипу принялась разминать мне спину. — У старух и то плечи мягче!

Она рассмеялась. Меня удивила подобная фамильярность. Но по мере того как Ипу массировала мне спину, мои плечи и вправду расслаблялись.

Бусины, вплетенные в парик Ипу, тихонько позвякивали, и я чувствовала запах, исходящий от ее длинного облегающего платья, — аромат лотоса. Я закрыла глаза, а когда открыла — в бассейне оказалась другая женщина. Почти в тот же самый миг Мерит набросила на мою сестру ее одеяние.

Я уселась.

— Где…

— Тсс!

Ипу надавила мне на спину.

Я ошеломленно уставилась вслед уходящим Нефертити и Мерит.

— Куда они?

— Обратно в ваши покои.

— Но почему?

— Потому что здесь Кийя, — сказала Ипу.

Я посмотрела через бассейн на женщину, окунувшую голову в воду. Лицо ее было маленьким и узким, нос — с небольшой горбинкой, но все же в ее лице было нечто, притягивающее внимание.

Ипу прищелкнула языком.

— Мне нужно сбегать за лавандой. Побудь здесь и ничего не говори! Я скоро вернусь.

Едва лишь Ипу ушла, как Кийя двинулась в мою сторону. Она обернула полотенце вокруг пояса. Я тут же села и тоже завернулась в полотенце.

— Так значит, это тебя прозвали Кошачьи Глаза? — сказала Кийя. Она уселась напротив и уставилась на меня. — Ты, похоже, впервые в этой купальне?

Она посмотрела под мою скамью. Я проследила за ее взглядом и увидела, что я натворила. Я положила мое купальное одеяние на пол, и теперь его подол намок.

— Во дворце мы используем для этого шкафы.

Кийя улыбнулась; я взглянула туда, где висела ее одежда, и покраснела.

— Я не знала.

Кийя приподняла брови.

— Я думала, твоя служанка скажет тебе о таких вещах. Ипу известна в Фивах. Все женщины при дворе хотели бы заполучить ее — она очень искусна в обращении с косметикой, — но царица отдала ее тебе.

Она умолкла, ожидая моего ответа. Поняв, что я ничего не собираюсь говорить, она подалась вперед.

— Скажи, это была твоя сестра?

Я кивнула.

— Она очень красивая. Она наверняка была украшением садов Ахмима. — Кийя взглянула на меня из-под длинных ресниц. — Готова поспорить: у нее было множество поклонников. Должно быть, ей было нелегко бросить их там, — задушевным тоном произнесла Кийя, — особенно если она была влюблена.

— Нефертити ни в кого не влюблена, — отозвалась я. — Это мужчины влюблялись в нее.

— Мужчины? Так поклонник был не один?

— Нет, только наш наставник, — быстро ответила я.

Кийя выпрямилась.

— Наставник?

— Ну, не ее наставник. Мой.

В дворике раздались шаги Ипу. Кийя тут же встала и ослепительно улыбнулась:

— Думаю, мы еще побеседуем, малышка.

Ипу увидела нас, и по лицу ее промелькнула тревога. Кийя выплыла за дверь, облаченная лишь в мокрое льняное полотенце.

— Что случилось? — нетерпеливо спросила Ипу, пересекая купальню. — Что тебе сказала царевна Кийя?

Я заколебалась.

— Только что Нефертити красивая.

Ипу прищурилась:

— И больше ничего?

Я энергично тряхнула головой.

— Ничего.

Когда я вернулась в наши покои, Нефертити уже была там. На ней было отрезное под грудью платье. Мое было таким же, но, когда я его надела, на свете не нашлось бы еще двух таких же несхожих сестер. Мне платье было длинновато и болталось свободно, а у Нефертити оно подчеркивало тонкую талию и поднимало грудь выше.

— Погоди! — воскликнула Нефертити, когда Мерит занесла над ней щетку для волос. — А где масло сафлора?

Мерит недоуменно нахмурилась.

— Что, госпожа?

— Масло сафлора, — пояснила Нефертити, взглянув на меня. — Сестра велит пользоваться им. Чтобы волосы не выпадали.

— Мы здесь не пользуемся маслом сафлора, госпожа. Мне пойти поискать его?

— Да. — Нефертити уселась и посмотрела вслед Мерит. Потом взглянула на мое платье и одобрительно кивнула: — Вот видишь? Ты можешь выглядеть хорошо, если постараешься.

— Спасибо, — вяло ответила я.

На подготовку у нас ушло все время до заката. Ипу с Мерит и вправду оказались настолько умелыми, как их отрекомендовал отец. Они уверенно и тщательно накрасили нам губы и подвели глаза сурьмой, подкрасили грудь хной и в завершение надели на нас нубийские парики.

— Что, прямо на волосы? — огорчилась я. Нефертити гневно сверкнула глазами, но парик казался на вид жарким и тяжелым, с обилием косичек и крохотных бусин. — Неужто их носят все?

Ипу с трудом сдержала смешок.

— Да, госпожа Мутноджмет. Даже царица.

— Но как он держится?

— При помощи воска и смолы.

Она собрала мои длинные волосы в тугой узел и ловко надела на меня парик. Эффект оказался поразительным. Косички красиво обрамляли мое лицо, а зеленые бусины подчеркнули цвет глаз. Должно быть, Ипу специально их подобрала, потому что у Нефертити бусины были серебристыми. Я сидела не шевелясь, пока служанка умастила мне грудь кремом, а потом осторожно сняла крышку с кувшинчика. Она высыпала себе на ладонь что-то блестящее, потом осторожно подула — и меня осыпала золотая пыль. Я краем глаза заметила свое отражение в зеркале и изумленно ахнула. Я была красива.

Потом Нефертити встала.

По ней невозможно было сказать, что она только что проделала утомительное путешествие по Нилу, из Ахмима в Фивы. От важности нынешнего вечера Нефертити была вся на нервах, и сна у нее не было ни в одном глазу. Она сверкала, словно солнце. Ее парик ниспадал ниже плеч, а заправленные за уши волосы подчеркивали скулы и изящную шею. Каждая прядь волос издавала мелодичный перезвон, когда бусины постукивали друг об друга, и я подумала, что на целом свете не найти мужчины, который смог бы отказаться от Нефертити. Тело ее с головы до ног усыпала золотая пыль.

Служанки отступили на шаг.

— Она великолепна.

Они поменялись местами, чтобы оценить работу другой, и Мерит, осмотрев мое лицо, одобрительно хмыкнула.

— Зеленые глаза, — сказала она. — Никогда еще не видела таких зеленых глаз.

— Я подвела их малахитом, — отозвалась Ипу, гордая проделанной работой.

— Получилось чудесно.

Я выпрямилась, а сестра кашлянула, отнимая у меня момент триумфа.

— Мои сандалии! — потребовала она.

Мерит принесла сандалии, отделанные золотом. Нефертити повернулась ко мне и сказала:

— Сегодня вечером я встречусь с царевичем Египта. — Она протянула руки, и браслеты у нее на руках зазвенели. — Как я выгляжу?

— Как Исида, — честно ответила я.

На закате нас провели в Большой зал; праздничный шум был слышен еще за несколько внутренних двориков оттуда. О прибытии каждого гостя сообщал специальный слуга, и, пока мы ожидали своей очереди, Нефертити схватила меня за руку.

— Отец уже там? — спросила она, полагая, что раз я высокая, то могу разглядеть, что творится в зале, через головы дюжины человек.

— Не знаю.

— А ты встань на носочки, — велела Нефертити.

Но мне все равно было не видно.

— Не волнуйся. Когда ты войдешь, это заметят все, — пообещала я.

Несколько человек перед нами прошли, и я смогла разглядеть, что Старший и царица Тийя уже в зале. Царевич тоже был там. Стоящие в очереди мужчины то и дело оборачивались, чтобы взглянуть на мою сестру, и я поняла, что отец был прав, когда велел нам прибыть последними.

Очередь продвигалась, и вскоре нам открылся весь зал. Изо всех помещений, какие я успела повидать в Мальгатте, это определенно было самым большим и самым красивым. Герольд кашлянул и протянул руку.

— Госпожа Нефертити, — величественно провозгласил он, — дочь Эйе, визиря Египта и надзирателя над царскими работами.

Нефертити шагнула вперед, и разговоры в Большом зале стихли.

— Госпожа Мутноджмет, сестра Нефертити, дочь Эйе, визиря Египта и надзирателя над царскими работами.

Теперь пришла моя очередь выступить вперед, и я увидела, как гости поворачиваются, чтобы взглянуть на дочерей Эйе, только что приехавших из маленького городка Ахмим.

Пока мы шли к помосту, женщины изучающе разглядывали нас. Отец встал из-за длинного стола, чтобы поприветствовать нас, и мы очутились перед тремя тронами Гора, кланяясь и разводя руки.

Впереди восседал на своем троне Старший, и я заметила, что его сандалии вырезаны из дерева и что на подошвах у них нарисованы его враги. Фараон посмотрел на круглые, подкрашенные хной груди Нефертити, хотя в Большом зале было достаточно грудей, чтобы ему хватило разглядывать на всю ночь.

— Встаньте, — велела царица.

Когда мы встали, взгляды царевича Аменхотепа и моей сестры встретились. Нефертити улыбнулась ему, а я заметила, что сидящая рядом с царевичем Кийя внимательно смотрит на нас. Затем, поскольку Нефертити пока еще не была царицей, нас отвели за стол, стоящий сразу у помоста, за которым ели визири и где сидел и мой отец.

Нефертити, продолжая ослепительно улыбаться, прошипела:

— Это оскорбление — посадить нас ниже ее!

Отец погладил сестру по золотистой руке.

— Через несколько дней она будет сидеть здесь, а ты будешь царицей Египта.

Сидящие за нашим столом мужчины наперебой расспрашивали Нефертити о нашем путешествии в Фивы, о том, хороша ли была погода и в каких городах мы останавливались по пути. Я смотрела на Аменхотепа, а он не отрывал взгляда от лица моей сестры. Нефертити, должно быть, осознавала это, потому что смеялась, и флиртовала, и запрокидывала голову, когда красивый сын очередного визиря подходил к ней расспросить про путешествие из Ахмима. Я видела, что Кийя пытается разговаривать с царевичем, отвлечь его от созерцания моей сестры, но Аменхотеп не поддавался. Мне стало интересно, что он думает о своей будущей жене. А еще я изучала, как Нефертити удерживает мужчин в своей власти. Она говорила негромко, так что им приходилось наклоняться к ней, чтобы расслышать, и расточала улыбки экономно, так что, когда она смеялась, мужчине казалось, будто он купается в ее свете.

Когда подали угощение и мы начали есть, я не знала, на кого сперва смотреть. На помост, где Старший с вожделением пялился на нагих женщин, изгибавшихся в танце, или на царевича, выглядевшего умным и сдержанным — совершенно не похожим на того человека, который запомнился мне по похоронам. Я посмотрела на Панахеси, сидевшего напротив нас. Визирь носил кольцо с царской печатью, и он был высоким, как мой отец. Но во всем остальном он был полной противоположностью отцу. У моего отца глаза были голубые, а у Панахеси — черные. У отца были высокие скулы, которые от него унаследовала Нефертити, а лицо Панахеси было более вытянутым и полным. Пальцы Панахеси были унизаны кольцами, а отец редко надевал свои украшения. Я изучала соперника отца, пока музыканты не заиграли какую-то мелодию и все вышли из-за стола, чтобы потанцевать: женщины в одном кругу, мужчины в другом. Отец взял мать за руку и повел ее через зал, а Кийя придирчиво взирала на Нефертити, вставшую, чтобы присоединиться к женщинам.

— Ты идешь? — спросила меня Нефертити.

— Конечно нет! — Я взглянула на толпу красивых дочерей придворных. Все они выросли в Фивах, все знали придворные танцы. — Я же не знаю этих танцев. Как ты собираешься танцевать?

Нефертити пожала плечами:

— Посмотрю и научусь.

Возможно, Мерит чему-то научила ее, пока они оставались наедине, ибо я с удивлением увидела, как моя сестра подпрыгивает и поворачивается

одновременно со всеми — прекрасное видение, вся из золота и лазурита. Лишь несколько женщин осталось сидеть, и я с некоторым беспокойством заметила, что я не одна за столом. Панахеси тоже никуда не пошел. Я посмотрела на него, на его длинные пальцы, сплетенные под черной клиновидной бородой; Панахеси был единственным визирем при дворе, позволяющим себе отращивать длинные волосы. Затем он заметил мой взгляд и произнес:

— Должно быть, это волнующее событие для тебя. Юная девушка из Ахмима вдруг оказывается во дворце с его празднествами и роскошью. Так отчего же ты не танцуешь?

Я поерзала на стуле и созналась:

— Я не знаю этих танцев.

Панахеси приподнял брови.

— Однако же твоя сестра танцует и выглядит совершенно естественно, — заметил он, и мы посмотрели на Нефертити, танцевавшую так, словно мы с ней всю жизнь провели при дворе. Панахеси перевел взгляд на меня и улыбнулся. — Вы, должно быть, не полнородные сестры.

Я понадеялась, что нанесенная Ипу косметика скроет охватившее меня чувство унижения, и прикусила язык, чтобы не сказать какую-нибудь резкость.

— Ну так скажи мне, — продолжал Панахеси, — за кого ты выйдешь замуж, имея сестру в царском гареме?

Во мне поднялся гнев.

— Мне всего тринадцать лет.

— Да, конечно, ты еще девочка.

Он скользнул взглядом по моей груди. Внезапно рядом со мной появилась Нефертити. Музыка стихла.

— Да, но лучше быть расцветающей женщиной, чем увядающим стариком.

Она многозначительно взглянула на схенти Панахеси. Затем вновь появился отец и занял свое место за столом.

Панахеси резко отодвинулся от стола вместе со стулом.

— Твои дети очаровательны, — раздраженно бросил он. — Я уверен, что царевич полюбит их всей душой.

И он стремительно удалился — лишь белый плащ вился следом.

— Что случилось? — потребовал ответа отец.

— Визирь… — начала было я, но Нефертити перебила меня:

— Ничего.

Отец бросил на нее долгий взгляд.

— Ничего, — повторила Нефертити.

— Я предупреждал тебя, чтобы ты была осторожна. Аменхотеп прислушивается к визирю Панахеси.

Нефертити выпятила челюсть, и я поняла, что она хочет сказать. «Когда я стану царицей — перестанет». Но она промолчала. Потом она оглядела зал и заволновалась:

— А где царевич?

— Пока ты любезничала с визирем, он ушел.

Нефертити дрогнула.

— Так я не встречусь с ним сегодня?

— Нет, если он не вернется, — ответил отец.

Я никогда еще не слышала, чтобы он говорил так строго. Здесь был не Ахмим. Здесь — двор царя Египта, и ошибок здесь не терпят.

— Может, он вернется? — с надеждой произнесла я, но ни Нефертити, ни отец не обратили на меня ни малейшего внимания.

Зал наполнил мускусный запах вина. Кийю по-прежнему окружали ее женщины, придворные дамы, одетые, как нам и говорила Ипу, по моде, которую диктовала царевна: длинные волосы, длинные облегающие платья без рукавов и ступни, подкрашенные хной. Они вились вокруг Кийи, словно мотыльки, а ее округлившийся живот свидетельствовал, что она, а не моя сестра, была будущим Египта.

— Здесь слишком жарко, — сказала Нефертити, беря меня за руку. — Пойдем со мной.

— Не уходите далеко! — резким тоном предостерег нас отец.

Нефертити разгневанно пронеслась через зал, я — следом.

— Куда мы?

— Куда-нибудь, лишь бы уйти отсюда! — отозвалась Нефертити, стремительно шагая через дворец. — Он ушел, Мутноджмет! Он ушел, даже не подойдя ко мне! К его будущей царице! К будущему Египта!

Мы вышли под открытое небо и оказались у фонтана. Мы подставили руки под падающую воду, позволяя каплям стекать с рук на грудь. Струящаяся вода пахла жимолостью и жасмином. Нефертити сняла парик, и тут сквозь тьму послышался знакомый голос:

— Так значит, ты и есть та жена, которую выбрала для меня мать.

Нефертити подняла голову. Перед ней стоял царевич в своем золотом ожерелье. Сестра тут же изгнала со своего лица малейший след удивления и снова превратилась в ту же Нефертити, что и всегда, кокетливую и очаровательную.

— А что? Ты потрясен? — спросила она у царевича.

— Да.

Но в голосе Аменхотепа не было ни веселья, ни легкомысленности. Он сел и принялся разглядывать Нефертити в лунном свете.

— Неужели царевич Египта устал танцевать?

Она безукоризненно скрыла владеющую ею нервозность под внешней игривостью.

— Я устал смотреть, как моя мать склоняется перед верховным жрецом Амона.

Нефертити улыбнулась, и Аменхотеп внимательно взглянул на нее.

— Это что, смешно?

— Да. Я подумала было, что ты пришел сюда, чтобы поухаживать за твоей новой женой. Но если ты хочешь поговорить о политике, я готова слушать.

Аменхотеп сощурился:

— Слушать, как слушает мой отец? Или как ты слушала своего наставника, когда он преподавал тебе любовь в Ахмиме?

Даже в темноте я увидела, как побледнела моя сестра, и мгновенно поняла, что сделала Кийя. Мне почудилось, что сейчас мне станет дурно, но Нефертити быстро взяла себя в руки.

— Говорят, что ты ревностный почитатель Атона, — произнесла она. — И что ты собираешься строить храмы, когда станешь фараоном.

Аменхотеп снова уселся.

— Твой отец хорошо информирует тебя, — заметил он.

— Я сама себя хорошо информирую, — парировала Нефертити.

Она была умна и очаровательна, и даже Аменхотеп не мог противиться ее искреннему взгляду, устремленному на него при свете масляных ламп. Он придвинулся поближе.

— Я хочу, чтобы меня знали как народного фараона, — признался он. — Я хочу построить величайшие в Египте памятники, чтобы показать людям, что может сделать властитель, наделенный воображением. Жрецам Амона вообще не следовало позволять достигать такого могущества. Это могущество предназначено исключительно для фараонов Египта.

Тут послышалось поскрипывание гравия, и мы обернулись.

— Аменхотеп… — В освещенный круг вступила Кийя. — Все думают: куда это подевался царевич?

Кийя нежно улыбнулась ему, как будто его исчезновение было одновременно и оригинальным, и чудесным. Она протянула руку:

— Вернемся?

Нефертити кивнула.

— Тогда до завтра, — обещающе произнесла она, и голос ее был низким и страстным, словно между ними существовала некая великая тайна.

Кийя сжала ладонь Аменхотепа.

— Сегодня ночью я почувствовала, как наше дитя пошевелилось. Это сын, — уверенно произнесла она, уводя мужа прочь, — достаточно громко, чтобы было слышно и Нефертити. — Я уже чувствую его.

Мы смотрели, как они удаляются во тьму, и я заметила, как крепко Кийя держится за Аменхотепа — словно он мог исчезнуть в любое мгновение.

Нефертити была вне себя; ее сандалии звонко шлепали по мозаичному полу наших покоев.

— Что он станет делать через два дня, когда мы соединимся перед Амоном? Что, он и тогда станет водить Кийю с собой и игнорировать меня?

Отец встал и прикрыл дверь.

— Говори тише. Во дворце полно соглядатаев.

Нефертити тяжело опустилась на кожаную подушку и положила голову на плечо моей матери.

— Я унижена, мават. Он смотрит на меня как просто на еще одну жену.

Мать погладила сестру по голове.

— Он изменится.

— Когда? — Нефертити села. — Когда?!

— Завтра, — уверенно произнес отец. — А если не завтра, то мы заставим его понять, что ты — не просто жена, которую выбрала ему мать.

3

20 фармути

Коронация нового фараона Египта и его царицы состоялась двадцать первого фармути, и мой отец делал все, что только мог, чтобы Нефертити была на глазах у Аменхотепа.

Утром мы вошли в широкие бронзовые ворота Арены, которую Аменхотеп III возвел в честь Амона. Нефертити крепко сжала мою руку. Никто из нас не видал прежде ничего столь же огромного и величественного. Лес колонн окружал углубление, заполненное песком, а покрытые росписями стены уходили в небо. На нижнем ярусе собралась знать со слугами, держащими напитки и медовые лепешки. Здесь Аменхотеп любил ездить по утрам, потому мы теперь сидели здесь, глядя, как царевич несется по дорожке на своей золоченой колеснице. Но Кийя тоже была здесь, как и визирь Панахеси, и, когда царевич час спустя перестал разыгрывать из себя воина, он подошел к Кийе, чтобы поцеловать ее, и с нею он смеялся, а Нефертити тем временем приходилось улыбаться и напускать на себя довольный вид, чтобы не давать сопернице повода злорадствовать.

В полдень мы снова были в Большом зале: сидели у помоста, ели и весело болтали, как будто все шло на руку нашей семье. Нефертити смеялась и кокетничала, и я заметила, что чем чаще Аменхотеп видит свою будущую жену, тем труднее ему оторвать от нее взгляд. У Кийи не было ни капли неотразимого обаяния Нефертити. Она не умела привлекать к себе всеобщее внимание, как моя сестра. Но когда дневная трапеза закончилась, царевич и Нефертити не обменялись ни словом, и, когда мы вернулись в наши покои, сестра была молчалива. Ипу с Мерит хлопотали вокруг нас, а я с

возрастающим беспокойством наблюдала за Нефертити. Аменхотеп по-прежнему относился к ней всего лишь как к жене, которую навязала ему мать, и я не понимала, как отец намеревается это изменить.

— Что ты будешь делать? — спросила я в конце концов.

— Повтори-ка мне, что он сказал тогда в гробнице.

Мерит — она как раз потянулась, чтобы приложить к груди Нефертити золотое украшение, — напряглась. Это было дурной приметой — говорить о том, что произошло под землей.

Я заколебалась.

— Он сказал, что никогда не склонится перед своим братом. Никогда не склонится перед Амоном.

— А у фонтана он тогда сказал, что хочет, чтобы его любил народ, — многозначительно произнесла Нефертити. — Что он хочет быть народным фараоном.

Я медленно кивнула.

— Мутноджмет, пойди отыщи отца, — велела Нефертити.

— Что, сейчас? — Ипу как раз подкрашивала мне брови сурьмой. — Неужто это не может подождать?

— Чего подождать? — отрезала Нефертити. — Пока Кийя родит ему сына?

— Ну а что ты собираешься ему сказать? — нетерпеливо спросила я.

Я не хотела никуда идти, пока меня не убедят, что отца и вправду следует побеспокоить.

— Я собираюсь сказать ему, каким образом мы можем привлечь царевича на свою сторону.

Я вздохнула, чтобы дать Нефертити понять, что все это мне не нравится, а потом вышла. Но мне не удалось найти отца. Его не было ни в его покоях, ни в Зале приемов. Я обыскала сады, пробралась через лабиринт кухни, а потом выскочила во дворик перед дворцом. Там меня остановил слуга и спросил, что мне нужно.

— Я ищу визиря Эйе.

Старик слуга улыбнулся:

— Он там же, где и всегда, моя госпожа.

— И где же?

— В Пер-Меджат.

— Где-где?

— В Зале книг. — Слуга понял по моему виду, что я не знаю, где это, и спросил: — Госпожа, показать тебе дорогу туда?

— Да.

Я поспешила за ним, мимо Большого зала, в сторону Зала приемов. Для старика слуга был на редкость проворным. Вскоре он остановился у двустворчатой деревянной двери, и стало ясно, что заходить туда он не намерен.

— Это здесь?

— Да, моя госпожа. Это Пер-Меджат.

Он подождал, глядя, что я стану делать: постучусь или сразу войду. Я распахнула дверь и застыла, изумленно уставившись на самую великолепную комнату во всем Мальгатте. Я никогда прежде не видела целый зал, заполненный книгами. Две винтовые лестницы уходили к потолку, и повсюду, насколько хватало глаз, лежали свитки в кожаных двусторонних футлярах; должно быть, тут хранилась вся мудрость фараонов. Отец сидел за кедровым столом. Царица тоже была здесь, равно как и моя мать, они разговаривали между собой, быстро и напряженно. Когда я вошла, они умолкли. На меня устремились пронзительные взгляды двух пар голубых глаз; лишь теперь я поняла, насколько отец и его сестра похожи друг на друга.

Я откашлялась и обратилась к отцу:

— Нефертити хочет говорить с тобой.

Эйе повернулся к сестре:

— Мы поговорим об этом позже. Возможно, сегодня что-то изменится. — Он посмотрел на меня. — Чего она хочет?

— Сказать тебе что-то про царевича, — ответила я, когда мы вышли из Пер-Меджата в коридор. — Она думает, что нашла способ привлечь его.

В наших покоях Ипу с Мерит закончили наряжать Нефертити. На руках у нее позванивали парные узорные браслеты, а в уши были вдеты серьги. Я

замерла, потом ахнула и кинулась вперед, посмотреть на результат усилий наших служанок. Они сделали ей в мочке уха не по одной дырке, а по две.

— Ну кто так делает — две дырки!

— Я! — отозвалась Нефертити, вскидывая голову.

Я повернулась к отцу. Он лишь одобрительно посмотрел на нее.

— У тебя какие-то новости о царевиче? — спросил он.

Нефертити взглядом указала на служанок.

— С этого момента ваши личные служанки — ваши лучшие подруги. У Кийи свои женщины, а у вас — свои. И Мерит, и Ипу прошли тщательный отбор. Они верны нам.

Я взглянула на Мерит. Та редко улыбалась, и я порадовалась, что отец выбрал мне в служанки более веселую Ипу.

— Ипу, — тихо распорядился отец, — встаньте с Мерит у дверей и негромко разговаривайте.

Он отвел Нефертити в сторону, и до меня долетали лишь обрывки их беседы. В какой-то момент вид у отца сделался чрезвычайно довольным. Он похлопал Нефертити по плечу и произнес:

— Отлично. Я тоже так думаю.

Потом они подошли к двери, и отец обратился к Мерит:

— Пойдем-ка. У меня есть для тебя работа.

И они, все трое, вышли из комнаты.

Я с удивлением посмотрела на Ипу:

— Что случилось? Куда они пошли?

— Сделать так, чтобы царевич отвернулся от Кийи, — ответила Ипу. Она указала на стул, и я села, чтобы она закончила мой макияж. — Надеюсь лишь, что они добьются успеха, — добавила она.

Мне стало любопытно.

— А почему?

Ипу взяла кисточку и откупорила стеклянный флакончик.

— Потому что Кийя, до того как выйти за царевича, была близкой подругой Мерит.

Я приподняла брови. Ипу кивнула:

— Они обе были дочерями писцов и росли вместе. Но Панахеси сделался великим визирем и забрал Кийю с собой во дворец. Так она встретилась с царевичем. Отец Мерит тоже должен был стать визирем, хотя и не таким значительным. Старший хотел повысить его в должности. Но Панахеси сказал Старшему, что отец Мерит — ненадежный человек.

Я ахнула:

— Какое вероломство!

— Кийя боялась, что, если Мерит появится во дворце, царевич может потерять интерес к ней. Но у Мерит на уме всегда был совсем другой мужчина. Она должна была выйти замуж за Херу, сына визиря Кемосири, как только ее отец получит новую должность. Когда этого так и не случилось, Херу сказал отцу, что он все равно любит Мерит, даже если она — всего лишь дочь писца. Они переписывались в надежде, что когда-нибудь Старший узнает, что его обманули. Потом письма перестали приходить.

Я выпрямилась на стуле.

— А что случилось?

— Мерит не знает. Но позднее она обнаружила, что Кийя завлекала Херу.

— Завлекала?

— Ну да. Хотя знала, что собирается замуж за царевича.

— Как жестоко…

Я представила улыбающуюся Кийю — точно так же она улыбалась мне там, в купальне. «В тебя, наверное, влюблены все девушки», — должно быть, сказала ему она.

Ипу, взяв гранатовую пасту, тихонько прищелкнула языком.

— Конечно, когда Кийя вышла замуж, ей уже было все равно, попадет ли Мерит во дворец.

— А ее отец?

— А! — Ямочки исчезли со щек Ипу. — Он по-прежнему писец. — Ее голос сделался низким и жестким. — Поэтому Мерит по-прежнему ненавидит Кийю.

— Но как Нефертити сможет занять место Кийи?

Ипу улыбнулась:

— Благодаря слухам.

4

21 фармути

Утром того дня, когда должны были состояться свадьба и коронация Нефертити, по дворцу поползли слухи, что в Фивы явилась красавица, равной которой Египет еще не видел, и что она станет царицей. Ипу подозревала, что толчком к возникновению этих слухов послужили дебены, служащие деньгами металлические кольца, розданные моим отцом, — ибо к восходу, куда бы Нефертити ни пошла, на нее изо всех окон пялились слуги. Знатные женщины, прибывшие ко двору по случаю коронации, принялись заглядывать в наши покои под всякими надуманными поводами и интересоваться, не нужны ли Нефертити благовония, или льняные ткани, или вино с пряностями. Через некоторое время мать заперла нас в своей комнате и опустила шторы на всех окнах.

Нефертити пребывала в раздражении; она не спала всю ночь. Она вертелась с боку на бок, стягивала с меня одеяло и то и дело шепотом звала меня, проверяя, сплю ли я.

— Стой спокойно, или я не смогу застегнуть твое ожерелье! — сказала я.

— И держись любезно, — посоветовала мать. — Эти люди даже сейчас, в эту самую минуту, нашептывают принцу новости и рассказывают ему о тебе.

Нефертити, которой Мерит как раз намазывала лицо кремом, кивнула.

— Мутноджмет, найди мои сандалии — те, которые с янтарем. И сама надень такие же. И неважно, что они неудобные, — добавила она, заметив мою реакцию. — Ты сможешь потом их снять.

— Но никто и не взглянет на мои сандалии! — возразила я.

— Еще как взглянут, — отозвалась Нефертити. — На все будут смотреть: и на твои сандалии, и на платье, и на твой съехавший набок парик. — Она неодобрительно взглянула на меня, а Мерит оторвалась от своего занятия и поправила на мне парик. — О боги, Мутни, что бы ты без меня делала?

Я вручила ей усыпанные янтарем сандалии.

— Ухаживала бы за своим садом и жила тихо-мирно.

Нефертити рассмеялась, и я улыбнулась тоже, хотя она была сегодня невыносима.

— Надеюсь, все пройдет хорошо, — с чувством произнесла я.

Сестра посерьезнела.

— Должно — либо наша семья переехала в Фивы и изменила всю свою жизнь впустую.

Послышался стук, и мать встала, чтобы отворить дверь. На пороге стоял отец с шестью стражниками. Они заглянули в комнату, и я поспешно пригладила волосы, пытаясь придать себе вид, подобающий сестре главной жены царя. Нефертити же не обратила на них никакого внимания; она сидела, закрыв глаза, и ждала, пока Мерит не нанесет на ее лицо последние штрихи сурьмой.

— Все готово?

Отец вошел в комнату, а стражники остались у двери, вглядываясь в отражение Нефертити в зеркале. Меня они даже не заметили.

— Да, почти готово, — отозвалась я.

Стражники впервые взглянули в мою сторону, а мать недовольно нахмурилась.

— Ну так не стой там. — Отец махнул рукой. — Помоги сестре.

Я покраснела.

— Чем?

— Чем угодно. Писцы ждут, и вскоре баржи поплывут в Карнак, и у нас будет новый фараон.

Я повернулась к отцу, ибо в голосе его звучала неприкрытая ирония, но он махнул рукой, веля мне пошевеливаться:

— Скорее!

Наконец Нефертити была готова. Она встала, и расшитое бисером платье заструилось до пола, а золотое ожерелье и браслеты засверкали на солнце. Нефертити взглянула на стражников, изучая их реакцию. Стражники

выпрямили плечи и подтянулись. Нефертити двинулась вперед, подхватив отца под руку, и победно произнесла:

— Я рада, что мы приехали в Мальгатту.

— Не спеши приживаться здесь, — предостерег ее отец. — Аменхотеп останется в Мальгатте лишь до тех пор, пока Тийя не решит, что он готов уехать. А тогда мы отправимся в столицу Нижнего Египта, чтобы править им.

— В Мемфис? — воскликнула я. — Мы уедем в Мемфис? Навсегда?

— Навсегда — это слишком большое слово, Мутни, — отозвался отец. Мы вышли в коридор с мозаичным полом и зашагали между колонн. — Возможно, не навсегда.

— А тогда на сколько? Когда мы вернемся?

Отец посмотрел на мать, и им без слов стало ясно, что отвечать следует ей.

— Мутни, твоя сестра будет царицей Египта, — сказала она тоном, каким говорят с маленькими детьми, а не с тринадцатилетними девушками. — Когда Старший уйдет в загробный мир, Аменхотеп вернется в Фивы, чтобы принять правление и над Верхним Египтом тоже. Но пока Старший жив, мы не вернемся.

— А когда это будет? Фараон может прожить еще двадцать лет!

На это никто не ответил, и я поняла по виду моего отца, что стражники, возможно, услышали мои слова.

— Теперь, когда двор разделится, начнутся опасные игры, — понизив голос, произнес отец. — Кто останется при старом царе, а кто сделает ставку на молодого? Панахеси поедет с Кийей в Мемфис, поскольку она носит ребенка Аменхотепа. Мы, конечно же, поедем тоже. Твоя обязанность будет заключаться в том, чтобы предостерегать Нефертити от всех неприятностей.

Мы вошли в открытый дворик у дворца, где ждала процессия; мать поставила Нефертити рядом с царицей Тийей. Я схватила отца за руку, пока он тоже не ушел.

— А вдруг она не захочет меня слушать?

— Захочет, потому что она слушает тебя всегда. — Отец положил руку мне на плечо. — И потому, что ты единственная, кто честен с нею.

Процессия должна была начаться в полдень. Старший и царица Тийя — на колесницах. За ними — придворные на открытых носилках, под тонкими пологами из льна. И лишь Аменхотепу с Нефертити предстояло идти пешком, как то предписывала традиция, через весь город к барже фараона, ждущей их на фиванской пристани. Оттуда баржа должна была отплыть в Карнак. Там царственная пара вступит в ворота храма, и их коронуют как царя и царицу Нижнего Египта.

По мере того как дворик заполнялся знатью, стражники держались все более напряженно. Они нервно переминались с ноги на ногу, понимая, что, если во время процессии что-то случится, они поплатятся жизнью. Мое внимание привлек один из солдат, молодой военачальник с длинными волосами, в схенти с заложенными складками. Ипу проследила за моим взглядом и сказала:

— Военачальник Нахтмин. Всего двадцать один год. Я могу вас познакомить…

— Не смей! — выпалила я.

Ипу рассмеялась:

— Восемь лет разницы — не так уж и много!

Нефертити услышала наш смех и нахмурилась.

— Где Аменхотеп? — недовольно спросила она.

— Я бы на твоем месте не волновался, — иронически отозвался отец. — Собственной коронации он не пропустит.

Когда царевич появился, по одну руку от него шла Кийя, а по другую — ее отец, Панахеси. Оба они что-то быстро нашептывали царевичу на ухо; когда они подошли к нам, Панахеси холодно поздоровался с отцом. Потом он увидел Нефертити в диадеме царицы и скривился, словно что-то кислое съел. Но Кийя лишь улыбнулась и, прежде чем отойти от Аменхотепа, нежно коснулась его руки.

— Да будет ваше высочество благословенно в этот благоприятный день, — с тошнотворной любезностью произнесла она. — Да пребудет с тобою Атон.

Нефертити взглянула в глаза отцу. Кийя только что благословила Аменхотепа именем Атона. Вот чем она держит его.

Глаза отца заблестели.

— Держись поближе, — предупредил он меня. — В Карнаке мы пойдем до храма пешком, а там на улицах будет столько народу, сколько ты в жизни не видала.

— Это из-за коронации? — спросила я.

Но отец меня не услышал. Мой голос утонул в шуме, производимом лошадьми, колесницами и стражниками.

— Да, и из-за разошедшихся по городу слухов о явлении нового воплощения Исиды.

Я обернулась. Молодой военачальник улыбнулся мне:

— Красавица, способная исцелять прикосновением руки, — если верить дворцовым слугам.

Он протянул руку и помог мне взобраться на носилки.

— А отчего слуги так говорят?

— Ты хочешь сказать — отчего кому-то потребовалось платить слугам, чтобы они так говорили? — переспросил военачальник. — Да потому, что если твоя сестра способна завоевывать людские сердца, — пояснил он, — то ваша семья поднимется еще выше.

Носилки двинулись вперед, и молодой военачальник исчез в людском море.

Когда процессия вышла в город, люди начали скандировать имя царевича, а когда мы проходили через рынки, меня ошеломила страстность, с которой тысячи египтян, толпящиеся на улицах, выкликали имя моей сестры, моля о благословении Исиды и повторяя: «Да здравствует царица! Да здравствует Нефертити!»

Глядя на толпящихся людей, я пыталась представить себе, к какой огромной сети сторонников должен был обратиться мой отец, — и я поняла, насколько могуществен визирь Эйе на самом деле. Стражники постоянно отпихивали людей. Я обернулась и увидела, как Аменхотеп с изумлением смотрит на женщину, которую так любят в его царстве. Я видела, как Нефертити взяла руку Аменхотепа и подняла ее, и по улицам прокатился оглушительный рев. Нефертити повернулась к нему с победным видом, и на лице ее было написано: «Я — не просто жена, которую выбрала тебе мать!»

Когда мы добрались до баржи, уже весь город выкрикивал:

— А-мен-хо-теп! Не-фер-ти-ти!

При виде такой любви народа лицо царевича просияло.

Нефертити снова вскинула руку царевича и воскликнула так громко, что ее услышал бы и Осирис:

— Народный фараон!

Потом толпа, собравшаяся на берегу, начала становиться все более неуправляемой. Стражникам стоило немалых трудов доставить нас к пристани; мы быстро вышли из носилок и перешли на баржу, но простолюдины уже окружили корабль. Стражникам пришлось буквально отрывать их от поручней и бортов. Когда баржа двинулась вперед, на берегу остались тысячи. Толпа тут же двинулась по берегу, следом за баржей, выкрикивая благословения и бросая в воду цветы лотоса. Аменхотеп посмотрел на Нефертити с видом человека, захваченного врасплох.

— Уж не поэтому ли визирь Эйе предпочел растить своих дочерей в Ахмиме?

Нефертити победно зарделась и напустила на себя скромный вид.

— Да, и еще визирь не хотел, чтобы мы верили, как его сестра, в силу жрецов Амона.

Я в страхе сжала губы. Но я понимала, что делает Нефертити. Она ухватилась за подсказку, оброненную Кийей.

Аменхотеп удивленно моргнул:

— Так ты считаешь, что я прав?

Нефертити коснулась его руки, и я словно бы почувствовала жар его ладони, когда она убежденно прошептала:

— Фараон устанавливает, что правильно, а что нет. А когда эта баржа доплывет до Карнака, ты будешь фараоном, а я — твоей царицей.

Мы добрались до Карнака быстро: от дворца Мальгатта до храма Амона было недалеко. Мы могли бы дойти и пешком, но это входило в традицию — плавание по Нилу, — и наш флот барж с золотыми вымпелами очень впечатляюще смотрелся под полуденным солнцем. Когда на берег перебросили сходни, вокруг баржи вскипело людское море — тысячи египтян. Их скандирование неслось над водой; они всячески старались пробиться мимо стражников, чтобы хоть краем глаза взглянуть на новых царя и царицу Египта. Аменхотеп и Нефертити не испугались. Они прошли мимо солдат, прямиком в толпу.

А я замешкалась.

— Сюда! — Рядом со мной появился все тот же молодой военачальник. — Держись поближе ко мне.

Я последовала за ним, и мы понеслись вперед вместе со стремительно движущейся процессией. Впереди виднелись четыре позолоченные колесницы царской семьи. Моим матери и отцу было дозволено ехать вместе с фараоном и царицей. Всем остальным предстояло дойти до храма Амона пешком. Со всех сторон доносились восклицания женщин и детей; они тянулись к нам, пытаясь дотронуться до наших одеяний и париков, чтобы и они тоже могли жить в вечности.

— С тобой все в порядке? — спросил военачальник.

— Кажется, да.

— Не останавливайся, иди.

Можно подумать, у меня был выбор. Храм виднелся впереди. Я уже могла разглядеть прекрасный, почти завершенный храм Сенусрета I и огромную гробницу Старшего. Двор храма был залит солнечным светом, и, когда мы вошли в него, все веселье осталось позади и все вдруг успокоились и умолкли. Между колоннами вразвалочку пробрели гуси. Появились бритоголовые юноши в просторных одеяниях, несущие благовония и свечи. Я слышала, как толпа за стенами продолжает выкликать имя Нефертити. Если бы не шум толпы, единственными звуками здесь остались бы журчание воды и стук сандалий по камню.

— А что будет теперь? — шепотом спросила я.

Военачальник отступил, и я заметила, что глаза у него переменчивые, цвета песка.

— Твою сестру отведут к священному озеру, и верховный жрец Амона объявит ее соправительницей. Потом они с царевичем получат посох и цеп, знаки власти над Египтом, и будут править вместе.

Тут появился мой отец.

— Мутноджмет, иди к сестре, — распорядился он.

Я отправилась к Нефертити. В полумраке храма ее кожа сияла подобно янтарю, а золото, обвивающее ее шею, блестело в свете ламп. Нефертити взглянула на меня, и мы обе поняли, что настает самый важный момент в нашей жизни: после этой церемонии она сделается царицей Нижнего Египта и наша семья взойдет к бессмертию вместе с ней. Наши имена будут

написаны на постройках от Луксора до страны Куш. Нашу память увековечат в камне, и нам будет гарантировано место в вечности рядом с богами.

Аменхотеп взошел на возвышение, держа Нефертити за руку. Он был выше любого фараона, правившего до него, и на руках у него было больше золота, чем во всей сокровищнице моих родителей в Ахмиме. Жрецы Амона торжественно прошествовали через толпу и заняли места на возвышении рядом со мной; их лысые головы сверкали, словно отполированная медь. Я узнала верховного жреца в его одеянии из леопардовой шкуры. А когда он встал впереди нового царя, сестра многозначительно посмотрела на Аменхотепа.

— Узрите же — Амон собрал нас здесь воедино, дабы поставить Аменхотепа Младшего над этою землею! — провозгласил верховный жрец. — Амон предначертал Аменхотепу быть владыкой Нижнего Египта и вершить законы до конца его дней!

С того места, где я стояла, мне виден был молодой военачальник. Он смотрел на мою сестру, и отчего-то я ощутила разочарование.

— Из Верхнего в Нижний Египет отправятся они. Фараон Египта повелел, чтобы его сын стал фараоном вместе с ним. Весь народ собрался на праздник во славу нового фараона и его покровителя, Амона. От востока и до запада пребудет веселье. От севера и до юга пребудет празднество. Приступим же!

Верховный жрец поднял золотой сосуд с ароматическим маслом.

— Амон изливает свое благословение на тебя, фараон Египта.

Он возлил масло на голову Аменхотепа.

— Амон изливает свое благословение на тебя, царица Египта.

Масло потекло по новому парику Нефертити и закапало на ее лучшее платье. Но моя сестра и глазом не повела. Она стала царицей. Теперь у нее будет множество платьев.

— Амон берет тебя под свою руку и ведет к священным водам, что отмоют тебя дочиста и преобразят тебя.

Жрец повел молодую чету к священному водоему; там он велел им наклониться и смыл с них масло. Придворные, которые были допущены в храм, стояли безмолвно, не шевелясь. Даже дети понимали, что могут никогда более не увидеть ничего подобного.

— Царь Аменхотеп и царица Нефертити! — провозгласил верховный жрец. — Да дарует вам Амон долгую жизнь и процветание!

Когда мы взошли на баржи, чтобы вернуться из храма Амона в Мальгатту, солнце все еще стояло высоко. На пути из Карнака Аменхотеп зачарованно разглядывал мою сестру: как она говорит, как улыбается, как запрокидывает голову и смеется.

— Мутни, иди сюда! — весело позвала сестра. — Аменхотеп, это моя сестра, Мутноджмет.

— У тебя кошачьи глаза, — заметил молодой фараон. — Твоя сестра мне об этом говорила, но я не верил.

Я поклонилась. Интересно, что еще Нефертити успела ему сказать?

— Я очень рада встрече с вами, ваше величество.

— Мой муж рассказывал о храмах, которые он построит, — сказала Нефертити.

— Когда-нибудь, Мутноджмет, когда я стану фараоном и Верхнего, и Нижнего Египта, я возвышу Атона надо всеми богами. Я построю ему храмы, которые затмят все, что когда-либо строилось для Амона, и избавлю Египет от жрецов, отнимающих его золото, чтобы возвеличить себя.

Я взглянула на Нефертити, но та не стала мешать мужу.

— Сегодня фараон Египта не может принять решение без жрецов Амона. Фараон не может отправиться на войну, построить храм или возвести дворец без согласия верховного жреца.

— Ты хочешь сказать — без денег верховного жреца? — уточнила Нефертити.

— Да. Но это изменится. — Аменхотеп встал и посмотрел на нос баржи. — Моя мать уверена, что мое почитание Атона со временем пройдет. Но она ошибается. Даже мой отец в конце концов поймет, что именно Атону предназначено привести Египет к славе.

Я передвинулась так, чтобы встать поближе к тете, критически изучающей свою новую невестку. Тетя — грозная женщина — поманила меня пальцем и улыбнулась.

— А ты храбрая, раз осмелилась разговаривать с военачальником Нахтмином при моем сыне, — заметила она, потом похлопала по стоящему рядом с ней креслу, и я села.

— А что, они враги? — спросила я.

— Мой сын не любит войско, а Нахтмин только о нем и думал с самого детства.

Мне хотелось побольше расспросить тетю о военачальнике Нахтмине, но ее интересовала совсем другая тема, связанная с Нефертити.

— Ну-ка, Мутноджмет, — небрежно произнесла она, — расскажи, что там мой сын обсуждает с твоей сестрой?

Я поняла, что мне следует тщательно подбирать слова.

— Они говорят о будущем, ваше величество, о планах, которые Аменхотеп желает претворить в жизнь.

— Интересно, а в эти планы входят храмы Атона?

Я потупилась.

— Так я и думала, — протянула Тийя и повернулась к ближайшему слуге. — Найди визиря Эйе и приведи его ко мне.

Я осталась сидеть. Когда пришел отец, для него принесли другое кресло. Мы посмотрели на Нефертити: она сидела на носу баржи и оживленно беседовала с мужем. Просто не верилось, что до сегодняшнего утра они были едва знакомы.

— Он говорит об Атоне! — яростно произнесла тетя. — Он возвращается из храма Амона и все еще бормочет о чем-то, что его дед некогда вырезал на столбиках кровати и на щитах!

Я никогда еще не видела тетю такой разгневанной.

— Он развалит страну, Эйе. Мой муж не будет жить вечно! Твоя дочь должна научиться управлять им, прежде чем он станет еще и фараоном Верхнего Египта.

Отец посмотрел на меня:

— Что говорит Нефертити?

— Она слушает его, — ответила я.

— И все?

Я прикусила язык и кивнула, так что не произнесла ни слова лжи.

Эйе повернулся к сестре:

— Дай ей время. Прошел всего лишь день.

— За день Птах создал мир, — отрезала тетя.

Все мы понимали, что она имеет в виду. За день ее сын может всех уничтожить.

По возвращении в Мальгатту мы с Нефертити переоделись в новые платья для празднования коронации. Ипу с Мерит сновали вокруг нас, словно кошки, разыскивая сандалии, которые подошли бы к нашим нарядам, и подкрашивая нам глаза черным и зеленым. Мерит с благоговейным трепетом взяла корону Нефертити и возложила ее сестре на голову — а мы с Ипу смотрели, затаив дыхание. Я пыталась представить себе, каково это: быть царицей Египта и носить на голове изображение священной кобры.

— И как оно? — поинтересовалась я.

Нефертити закрыла глаза.

— Как будто ты — богиня.

— Ты пойдешь к нему до начала празднества?

— Конечно! Я явлюсь туда рука об руку с ним. Не думаешь же ты, что я допущу, чтобы он пришел с Кийей? Довольно и того, что он вернется к ней в постель.

— Таков обычай, Нефертити. Отец сказал, что он должен посещать ее каждые две недели. Ты ничего не можешь с этим сделать.

— Я много чего могу сделать! — Ее взгляд лихорадочно заметался по комнате. — Во-первых, мы не останемся в этих покоях.

— Что? — Я расставила все мои горшочки с травами на подоконнике. Я распаковала свои сундуки. — Но мы же скоро уедем из Фив — как только Тийя объявит, что мы переезжаем в Мемфис. Мне придется все укладывать заново.

— Этим займется Ипу. Отчего это вдруг фараон и царица должны спать порознь? Наши родители спят в одной комнате, — заметила Нефертити.

— Но они же не…

— Власть! — Нефертити подняла палец, а наши служанки тем временем делали вид, будто вовсе и не слушают нашего разговора. — Вот в чем дело! Они не хотят, чтобы царица заполучила слишком много власти.

— Что за глупость! Царица Тийя — фараон во всем, кроме имени.

— Да! — Нефертити принялась яростно причесываться, взмахом руки отослав Мерит и Ипу. — Во всем, кроме имени. А что у нас есть в жизни, кроме имени? Что запомнится в вечности? Платье — или имя, которое я носила?

— Твои деяния. Вот что будут помнить.

— А деяния Тийи будут помнить? Или их припишут ее мужу?

— Нефертити…

Я покачала головой. Сестра слишком высоко метила.

— Что? — Она отшвырнула расческу, зная, что потом Мерит ее подберет. — Хатшепсут была царем. Она короновала себя.

— Тебе следовало отговаривать его, — указала я. — А вы говорили на барже об Атоне!

— Отец сказал, чтобы я прибрала его к рукам. — Нефертити самодовольно улыбнулась. — Он не сказал — как именно. Идем!

— Куда?

— В покои царя.

Нефертити стремительно вышла в коридор, я — за ней по пятам. Стражники у входа в покои фараона посторонились. Мы влетели в прихожую и остановились у входа в две раздельные комнаты. Одна из них явно служила Аменхотепу спальней. Нефертити взглянула на вторую комнату и кивнула.

— После праздников она достанется тебе.

Я уставилась на нее:

— А ты где будешь?

— В этой.

Нефертити резко распахнула дверь в личную комнату царя, и я услышала изумленный возглас Аменхотепа. Я заметила мельком мозаичные стены и алебастровые светильники, а потом дверь захлопнулась, и я осталась одна в прихожей. Несколько мгновений было тихо, а потом из-за закрытой двери послышался смех. Я ждала в прихожей, пока Нефертити выйдет, думая, что смех вскорости прекратится, но солнце опускалось все ниже и ниже, а молодая чета, похоже, и не собиралась выходить.

Я уселась и огляделась по сторонам. На низеньком столике лежали листы папируса с поспешно набросанными стихами, восхваляющими Атона. Я взглянула на дверь царской комнаты — та была плотно затворена — и принялась читать. Это были гимны солнцу. «Податель дыхания животным… Твои лучи среди великого зеленого моря». Там было множество листов, исписанных стихотворениями, все они были разными, и все были посвящены Атону. Я читала несколько часов, пока Нефертити не заговорила там, в комнате. Голос Аменхотепа проник через стены, но я не смела представлять себе, о чем они говорят с таким пылом. Вечерело, и я постепенно стала задаваться вопросом, а пойдем ли мы вообще на празднество. Когда в дверь кто-то постучал, я заколебалась, но услышала отчетливо прозвеневший голос Нефертити:

— Мутни может ответить там.

Она знала, что я так и сижу здесь, жду ее.

За дверью обнаружился военачальник Нахтмин.

Он отступил на шаг, явно не ожидая увидеть меня в прихожей царя, и, судя по тому, какой взгляд он бросил на дверь царской спальни, мне стало ясно, что Нахтмин задумался, уж не взял ли Аменхотеп обеих сестер в любовницы.

— Госпожа… — Его взгляд прикипел к запертой двери внутренних покоев. — Я вижу, фараон… занят.

Я густо покраснела.

— Да, он сейчас занят.

— Тогда, возможно, ты сможешь ему передать, что его отец и мать ждут его в Большом зале. Празднество в его честь идет уже несколько часов.

— А может, ты бы сам передал эту весть? — спросила я. — Мне ужасно не хочется… беспокоить их.

Нахтмин приподнял бровь.

— Что ж, хорошо.

Он постучал в дверь спальни, и из-за двери донесся мелодичный голос моей сестры:

— Входите!

Нахтмин исчез за дверью и несколько мгновений спустя появился снова.

— Они говорят, что придут, когда будут готовы.

Мне стоило большого труда скрыть разочарование. Нахтмин протянул мне руку:

— Это не значит, что ты должна пропустить празднество.

Я посмотрела на закрытую дверь и заколебалась. Если я уйду, Нефертити рассердится. Она заявит, что я ее бросила. Но я уже несколько часов сижу и разглядываю мозаики в прихожей, а солнце уже село…

Я поспешно протянула руку, и Нахтмин улыбнулся.

На помосте в Большом зале теперь стояло четыре золотых трона. Под ним поставили длинный стол, за которым сидели мои мать с отцом. Я видела, как они едят и беседуют с придворными визирями Старшего. Нахтмин провел меня к ним, и по пути я чувствовала на себе взгляд тети.

— Визирь Эйе… — Военачальник вежливо поклонился. — Госпожа Мутноджмет прибыла.

От того, что он, оказывается, знает мое имя, меня охватил трепет. Отец встал, нахмурившись, и резким тоном поинтересовался:

— Это прекрасно, но где еще одна моя дочь?.

Мы с Нахтмином переглянулись.

— Они сказали, что придут, когда будут готовы, — ответила я и почувствовала, как краска заливает мое лицо.

За столом кто-то ахнул. Это была Кийя.

— Благодарю, — сказал отец, и Нахтмин удалился.

Я уселась, и передо мной тут же появились чаши с едой: жареный гусь с чесноком, ячменное пиво и ягненок в меду. Играла музыка, и за стуком чаш трудно было расслышать, о чем говорят мои родители. Но Кийя перегнулась через стол, и голос ее прозвучал очень отчетливо.

— Она просто дура, если думает, что он меня позабудет. Аменхотеп обожает меня. Он посвящает мне стихи.

Я вспомнила о папирусах с гимнами в покоях Аменхотепа, и мне стало любопытно: уж не он ли их написал?

— Я забеременела в первый же год брака, и я уже знаю, что это будет сын, — со злорадным торжеством заявила Кийя. — Аменхотеп даже выбрал ему имя.

Я чуть было не спросила какое, но прикусила язык. Впрочем, моего вопроса и не потребовалось.

— Тутанхамон, — сказала Кийя. — Или, может, Небнефер. Небнефер, царевич Египта, — мечтательно произнесла она.

— А если родится девочка?

Черные глаза Кийи расширились. Подведенные сурьмой, они выглядели необыкновенно огромными.

— Девочка? С чего бы это вдруг…

Но она не договорила — ее прервало пение труб, возвестивших о появлении моей сестры. Все повернулись и увидели Нефертити, вошедшую в зал руку об руку с Аменхотепом. Придворные дамы Кийи тут же принялись перешептываться, поглядывая то на меня, то на мою сестру.

Царица Тийя резким тоном поинтересовалась у сына:

— Может, мы потанцуем, пока ночь еще не закончилась?

Аменхотеп взглянул на Нефертити.

— Да, можно и потанцевать, — сказала моя сестра, и тетя не оставила незамеченной такую почтительность со стороны своего сына.

Многие гости напились в эту ночь допьяна — с рассветом их должны были отнести в их носилки. Я остановилась вместе с родителями в мозаичном коридоре, ведущем к царским покоям; от холода меня била дрожь.

Мать нахмурилась:

— Ты дрожишь.

— Я просто устала. В Ахмиме мы никогда не засиживались настолько допоздна.

Мать задумчиво улыбнулась:

— Да, теперь многое будет иначе.

Она внимательно взглянула мне в лицо.

— Что там произошло?

— Аменхотеп был с Нефертити до празднества. Она пошла к нему. Нефертити сказала, что он попросил ее провести ночь с ним.

Мать, видя, что я несчастна, коснулась моей щеки:

— Не стоит бояться, Мутноджмет. Твоя сестра всего через дворик от тебя.

— Я понимаю. Просто я никогда еще не проводила ночей одна, без нее.

У меня задрожали губы, и я попыталась сжать их.

— Ты можешь спать у нас, — предложила мать.

Я покачала головой. Мне тринадцать лет. Я уже не ребенок.

— Нет, мне нужно привыкать к этому.

— Так значит, Кийя лишится своего положения, — заметила мать. — Панахеси будет в ярости.

— Он будет яриться долго, — сказала я.

Тут к нам присоединились отец и Нефертити.

— Отведи Нефертити в ваши покои, — велел отец. — Мерит ждет.

Он положил руку на плечо сестре, чтобы подбодрить ее.

— Ты поняла, что тебе делать?

Нефертити покраснела.

— Конечно.

Мать тепло обняла ее и прошептала на ухо мудрые напутствия, которых я не расслышала. Потом мы расстались с родителями и пошли по расписным коридорам дворца. Слуги плясали на празднестве, и наши шаги гулко разносились по пустым коридорам Мальгатты. Нынешней ночью закончилось наше детство.

— Итак, ты собираешься на ложе к Аменхотепу, — сказала я.

— И намереваюсь остаться там до утра, — сообщила Нефертити, быстро шагая вперед.

— Но никто не проводит с царем всю ночь! — воскликнула я и прибавила шагу. — Он спит в одиночестве!

— Сегодня ночью я изменю этот обычай.

В наших покоях горели масляные лампы. В их мерцающем свете казалось, будто нарисованные на стенах тростниковые заросли шевелятся. Мерит, как

и сказал отец, была здесь, и они с Нефертити принялись шептаться. Ипу тоже присутствовала.

— Мы вымоем твою сестру и подготовим ее, — сказала она мне. — Я не смогу помогать тебе сегодня ночью.

Я обиделась, но смирилась с этим.

— Да, конечно.

Мерит с Ипу повели Нефертити в купальню. Когда они вернулись, то нарядили ее в простое платье. Потом они в четыре руки напудрили ей ноги и надушили волосы, чтобы Аменхотеп повсюду встречал лишь приятные запахи.

— А парик мне надевать? — спросила у меня Нефертити, хотя ей следовало обратиться с этим вопросом к Мерит, сведущей в подобных вещах.

— Иди без него, — предложила я. — Пусть он увидит тебя нынешней ночью такой, какая ты есть.

Стоявшая рядом со мной Ипу кивнула, и мы стали вместе наблюдать, как Мерит умастила лицо Нефертити кремом и сбрызнула волосы лавандовой водой. Потом моя сестра встала, и служанки отступили. Все трое повернулись ко мне, ожидая, что я скажу.

Я улыбнулась:

— Чудесно.

Сестра обняла меня, и я глубоко вздохнула, так что это я, а не Аменхотеп, первой почувствовала исходящий от нее аромат. Мы стояли, прижавшись друг к другу, в тусклом свете ламп.

— Я буду скучать по тебе этой ночью, — сказала я, подавив свой страх. — Надеюсь, ты натерлась мятой и миррой? — добавила я, давая сестре единственный совет, на который была способна.

Нефертити закатила глаза.

— Конечно.

Я отстранилась и посмотрела на нее.

— А ты не боишься?

Нефертити пожала плечами.

— Да нет.

— А Ранофер? — негромко спросила я.

— Мы с ним ничего не делали.

Я пристально взглянула на нее.

— Только трогали друг друга. Я никогда…

Я быстро кивнула.

— Это не имеет значения. Важно только то, что теперь я буду верна ему.

Нефертити вскинула голову, и ее темные волосы упали на плечи. Она заметила свое отражение в полированной бронзе.

— Я готова к этому. Я готова быть царицей, как о том молилась когда-то моя мать. Она вышла замуж за нашего отца в надежде, что однажды этот путь приведет к трону, — и вот это случилось.

— Откуда ты это знаешь?

Я никогда не думала о первом браке моего отца с этой стороны. Мне и в голову не приходило, что царевна из Миттани могла выйти замуж за брата царицы, чтобы дать шанс своему ребенку взойти на трон.

Наши взгляды встретились в зеркале.

— Мне рассказал отец.

— Так она не любила его?

— Конечно любила. Но прежде всего она заботилась о будущем своего ребенка.

Нефертити повернулась к Мерит, и взгляд ее был тверд.

— Я готова.

5

22 фармути

На следующее утро Нефертити пришла ко мне в постель. Я крепко спала, измотавшись за день, но сестра потрясла меня за плечо, и я тут же вскочила, испугавшись, что что-то не так.

— Что такое? Что случилось?

— Я занималась любовью с царем.

Я потерла слипающиеся глаза и посмотрела на ее половину кровати. Постель была нетронута.

— И провела с ним всю ночь! — Я отбросила покрывало. — Ну и как оно?

Нефертити уселась и повела смуглым плечиком.

— Больно. Но потом привыкаешь.

Я ахнула.

— И сколько же раз вы этим занимались? — вырвалось у меня.

Нефертити лукаво улыбнулась:

— Несколько.

Потом она оглядела нашу комнату.

— Нам следует немедленно сменить покои. Царица Египта не спит в одной постели со своей сестрой. Отныне я буду спать с Аменхотепом.

Я кое-как поднялась с кровати.

— Но мы пробыли в Фивах всего четыре дня. А сегодня Тийя объявит, когда мы уезжаем, — наверное, может не пройти и месяца.

Нефертити пропустила мою мольбу мимо ушей.

— Слуги помогут тебе собрать твои травы. Они прекрасно могут расти на солнышке и в нескольких комнатах отсюда.

Нефертити не сказала никому про переезд, и мне вовсе не хотелось, чтобы сообщать об этом отцу пришлось мне. Он велел приходить к нему при малейших признаках сложностей, а насколько я могла судить, в том, чтобы переехать на другую сторону внутреннего дворика, никаких сложностей не было. Кроме того, все равно скоро весь дворец об этом узнает.

— Кийя просто лопнет от злости!

Нефертити ухмыльнулась и чуть ли не пустилась в пляс по своей новой комнате, указав попутно на занавески, которые она хотела убрать.

— Будь поосторожнее с Кийей, — отозвалась я. — Ее отец способен причинить нам неприятности. А если у Кийи родится сын, то Панахеси станет дедом наследника египетского престола.

— Я уверена, что к концу Шему буду беременна.

Мы дружно взглянули на ее живот. Нефертити была маленькой и хрупкой. Но к пахону она, возможно, будет носить наследника трона.

— И мои сыновья всегда будут первыми в линии наследования. Если я смогу родить Аменхотепу пятерых сыновей, у нашей семьи будет пять шансов.

И только если все ее сыновья умрут, только тогда у сыновей Кийи появится возможность унаследовать корону.

Нефертити взяла щетку и принялась расчесывать волосы — шелковистую глубокую тьму, обрамляющую ее лицо. Затем дверь распахнулась и в покои стремительно вошел Аменхотеп.

— О царица Египта и царица моей… — Тут он увидел меня и осекся. Настроение молодого фараона ухудшилось на глазах. — О чем это вы тут сплетничаете, сестры?

— Конечно же, о тебе! — Нефертити, отмахнувшись от его подозрений, обняла супруга. — Поведай же, — задушевным тоном произнесла она, — что нового?

Лицо Аменхотепа прояснилось.

— Завтра мать объявит, когда мы отправляемся в Мемфис. А там мы построим храмы, каких мир еще не видел!

— Нужно будет начать сразу же, — согласилась моя сестра. — Тогда в свой час ты станешь известен как Аменхотеп Строитель.

— Аменхотеп Строитель… — Взгляд Аменхотепа сделался мечтательным. — Когда люди увидят мои деяния, они позабудут о Тутмосе. Когда мы отправимся в Мемфис, — решительно произнес царевич, — нужно, чтобы отцовский архитектор поехал с нами.

Он отступил на шаг, высвободившись из объятий Нефертити.

— Я напишу Майе, дабы убедиться, что он осознает стоящий перед ним выбор. Последовать в будущее, — бросил царевич уже на ходу, направляясь в свою комнату, — или быть похороненным в прошлом.

Дверь за ним захлопнулась. Я посмотрела на Нефертити. Она отвела взгляд. В дверь постучали, и Нефертити быстро отворила.

— Визирь Панахеси! — радостно произнесла она. — Заходите же!

Панахеси попятился, потрясенный тем, что видит ее в личных покоях царя. Потом он все-таки вошел, но осторожно, как будто думал, уж не спит ли он. Нефертити без особой любезности поинтересовалась:

— Что вам нужно?

— Я пришел повидаться с фараоном.

— Фараон занят.

— Не играй со мной, дитя! Я увижусь с ним. Я — визирь Египта, а ты — всего лишь одна из многих жен. Неплохо бы тебе было не забывать об этом. Возможно, ныне он пылает страстью к тебе, но к концу Шему его пыл остынет.

Я затаила дыхание в ожидании ответа Нефертити. Она резко развернулась и отправилась за Аменхотепом, оставив меня наедине с Панахеси. Визирь кивком указал на вторую комнату:

— Это теперь твоя комната?

— Да.

— Интересно.

Аменхотеп вышел в сопровождении моей сестры, и Панахеси тут же согнулся в поклоне.

— Вы прекрасно справились сегодня, ваше величество. — Он скользнул поближе к царю и добавил: — Теперь осталось лишь приплыть в Мемфис и взойти на трон.

— И дождаться, пока Старший умрет, — с жуткой прямотой отозвался Аменхотеп. — Он не замечает алчности жрецов Амона.

Панахеси посмотрел на Нефертити, затем на меня.

— Может, нам стоило бы поговорить где-нибудь в другом месте?

— Мой муж доверяет мне, визирь, — тут же отреагировала Нефертити. — Что бы ты ни хотел сказать, ты можешь сказать это при всех, кто находится здесь. — Она нежно улыбнулась Аменхотепу, но в глазах ее явственно читалось предупреждение: «Я могу перестать любить тебя, и обожание народа исчезнет». Она коснулась плеча супруга. — Ведь правда?

Аменхотеп кивнул:

— Конечно. Я доверяю моей жене так же, как доверяю Атону.

Панахеси впал в ярость.

— Тогда, быть может, ваше величество не пожелает, чтобы тайные сведения стали известны более молодой и впечатлительной женщине?

— Моя сестра и не молода, и не впечатлительна, — любезно произнесла Нефертити. — Или вы судите по тому, какой была в этом возрасте ваша дочь?

Аменхотеп рассмеялся:

— Ну хватит, визирь. Что ты хотел сказать?

Но теперь Панахеси предпочел отступить.

— Я просто пришел, чтобы поздравить ваше высочество.

Он уже повернулся было уходить, а потом добавил, как будто эта мысль лишь сейчас пришла ему в голову:

— Хотя многие желали бы видеть вчера на вашем месте вашего брата, я знаю, что вы станете правителем, наделенным великой мудростью и силой.

— Кто? Кто желал видеть на троне Тутмоса?

Панахеси умудрился-таки обойти Нефертити.

— Есть группировки, мой господин, которые жалеют о Тутмосе. Конечно же, ты их видишь. Само собой, когда мы отправимся в Мемфис, все станет ясно по тому, кто решит отправиться с нами, а кто — остаться здесь.

— Архитектор Майя едет с нами? — задал вопрос Аменхотеп.

— Возможно. — Панахеси развел руками. — Если мы его возьмем.

— А войско?

— Оно будет разделено на две части.

Аменхотеп умолк, потом раздраженно произнес:

— Позаботься, чтобы все придворные знали, что, когда я отправлюсь в Мемфис, они будут либо со мной, либо против меня. И лучше бы им не забывать, какой из фараонов будет жить дольше!

Панахеси, кланяясь, двинулся к выходу:

— Я все сделаю, как вы велели, ваше величество.

Нефертити захлопнула дверь за визирем, и Аменхотеп рухнул в позолоченное кресло с кожаным сиденьем.

— Почему твой отец не пришел поздравить меня с коронацией?

— Мой отец не рассыпается в ненужных поздравлениях. Все и так знают, что боги избрали тебя в фараоны.

Аменхотеп взглянул на нас из-под густых ресниц. Он был мальчишкой. Дующимся, не уверенным в себе ребенком.

— Тогда почему Панахеси говорит…

— Он лжет! — воскликнула Нефертити. — Кто может быть настолько глуп, чтобы желать видеть на троне твоего брата, когда можно служить такому фараону, как ты?

Но в глазах Аменхотепа вспыхнул нехороший огонек, и он отвернулся.

— Если бы мой брат не умер, ты стала бы его женой.

— Я никогда не вышла бы замуж за Тутмоса, — быстро произнесла Нефертити.

Мысли царя приняли опасное направление. Аменхотеп повернулся ко мне:

— Говорят, что сестра Нефертити никогда не лжет. Твой отец когда-нибудь говорил дома о Тутмосе?

Нефертити побледнела. Я медленно кивнула.

— Он намеревался отдать твою сестру за него?

Мне хватило ума понять, что, если я сейчас не солгу, любимой женой фараона в Мемфисе будет Кийя, а Нефертити — всего лишь еще одной из множества царских жен. Аменхотеп подался вперед, лицо его потемнело. Нужно было солгать всего лишь раз, чтобы изменить вечность, чтобы обеспечить нам возможность навеки запечатлеть наши имена на великолепных монументах Фив. Я взглянула на Нефертити. Та ждала, что я стану делать. Я посмотрела Аменхотепу в глаза и дала ответ, который хотел бы слышать мой отец и который сейчас надеялась услышать Нефертити.

— Визирь Эйе всегда верил, что на трон Египта взойдешь ты. Именно тебе он предназначал свою дочь, даже когда ты еще был ребенком.

Аменхотеп потрясенно уставился на меня.

— Это судьба… — прошептал он, снова откидываясь на спинку кресла. — Судьба! Твой отец знал, что я займу трон Египта!

— Да, — прошептала Нефертити, глядя на меня.

Я проглотила вставший в горле комок. Я солгала ради моей сестры. Я пошла против совести, чтобы защитить нашу семью.

Семнадцатилетний фараон Египта встал.

— Эйе будет великим визирем всей этой страны! — провозгласил он. — В Мемфисе он будет отвечать за наши отношения с другими странами, и я возвышу его над всеми прочими визирями!

Аменхотеп снова посмотрел на меня.

— Можешь идти, — небрежно бросил он. — У нас с царицей дела.

Нефертити протянула было руку — остановить меня, но я строго покачала головой и проскользнула мимо нее к двери. На глаза у меня навернулись слезы, и я смахнула их тыльной стороной ладони. Я солгала царю Египта, наивысшему представителю Амона в этой земле. «Маат будет стыдно за меня», — прошептала я вслух, но среди колонн коридоров меня было некому услышать.

Я подумала было, не пойти ли к матери — но она скажет, что я поступила правильно. Я ушла в сад и уселась на самой дальней каменной скамье. Боги накажут меня за мою ложь. Маат захочет возмездия.

— Нечасто сестра царицы гуляет в саду одна.

Это оказался военачальник Нахтмин.

Я смахнула слезы.

— Если фараон увидит нас вместе, он будет недоволен, — сказала я строго, пытаясь взять себя в руки.

— Неважно. Новый фараон скоро уедет в Мемфис.

Я бросила на него быстрый взгляд.

— А ты не поедешь?

— Поедут только те, кто сам решит ехать. Большая часть войска останется в Фивах. — Военачальник уселся рядом, не спрашивая у меня дозволения. — Так почему же ты сидишь среди ив одна?

Мои глаза снова увлажнились. Мне было стыдно перед богами.

— Ну так что? Кто-то разбил твое сердце? — настойчиво спросил Нахтмин. — Хочешь, я изгоню его?

Я невольно рассмеялась.

— Меня не интересуют юноши, — сказала я.

Мы немного помолчали.

— Так почему же все-таки ты плакала?

— Я солгала, — прошептала я.

Нахтмин посмотрел на меня, и уголки его губ поползли вверх.

— И это все?

— Может, для тебя в этом нет ничего особенного, но для меня это очень важно. Я никогда не лгала.

— Никогда? Ни про разбитую посуду, ни про ожерелье, которое кто-то потерял, а ты нашла?

— Нет. Никогда с тех пор, как я сделалась достаточно взрослой, чтобы понимать законы Маат.

Военачальник ничего не ответил, и я поняла, что кажусь ему, человеку, повидавшему войну и кровопролитие, сущим ребенком.

— Это неважно, — прошептала я.

— Это важно, — серьезно возразил он. — Ты ценишь правду. Ты солгала лишь сейчас.

Я промолчала.

— Ничего страшного, твоя тайна умрет вместе со мной.

Я вскочила, рассердившись.

— Зря я стала с тобой разговаривать!

— Ты думаешь, что я перестану тебя уважать из-за твоей лжи? — Он добродушно рассмеялся. — Египетский двор построен на лжи. Ты увидишь это сама в Мемфисе.

— Тогда я закрою глаза, — отозвалась я с ребяческим упрямством.

— И подвергнешь себя опасности. Лучше держи их открытыми, госпожа моя. От этого зависит судьба твоего отца.

— Откуда ты знаешь, от чего зависит судьба моего отца?

— Ну, если ты не сохранишь способность рассуждать здраво, то кто же это будет? Твоя красавица-сестра? Фараон Аменхотеп Младший? Они будут слишком заняты постройкой храмов, — ответил Нахтмин. — А может, — изменнически произнес он, — даже борьбой со жречеством, чтобы завладеть его богатствами.

Должно быть, вид у меня был ошеломленный, потому что военачальник поинтересовался:

— Ты что, вправду считаешь, что никто, кроме твоей семьи, этого не замечает? От молодого фараона лучше держаться подальше. Если жрецы Амона падут, та же судьба ждет и многих других богатых людей, — предсказал он.

— Моя сестра не имеет с этим ничего общего, — твердо произнесла я и зашагала обратно ко дворцу.

Мне не понравилось, как Нахтмин припутал мою семью к замыслам Аменхотепа. Но он пошел за мною следом, приноравливаясь к моей походке.

— Госпожа моя, я тебя обидел?

— Да, обидел.

— Извини. Впредь я буду осторожнее. В конце концов, ты же будешь одной из самых опасных женщин при дворе.

Я остановилась.

— Посвященной в тайны, ради которых визири и жрецы будут щедро платить шпионам, лишь бы разузнать их.

— Я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Об информации, госпожа Мутноджмет, — ответил Нахтмин и зашагал в сторону конюшен.

— А что, по-твоему, способна сделать информация? — крикнула я ему вслед.

— Все, что угодно, — бросил он через плечо, — если попадет не в те руки.

Тем вечером я постелила себе постель в комнате, расположенной рядом с личными покоями царя, зная, что моя сестра находится за стеной, но я не

могу ее позвать. Я посмотрела на выставленные на подоконнике горшочки с травами, которые перенесли путешествие из Ахмима в Фивы, а теперь их еще и таскали из комнаты в комнату. Завтра царица объявит о дате нашего отъезда в Мемфис, и травам придется снова проститься с насиженным местом.

Когда Ипу пришла помочь мне раздеться, она заметила мой унылый вид и прищелкнула языком.

— Что случилось, госпожа?

Я пожала плечами, притворяясь, будто дело в какой-нибудь чепухе.

— Ты скучаешь по дому, — предположила Ипу, и я кивнула.

Ипу стянула с меня через голову облегающее платье, и я надела другое, свежее. Потом я послушно уселась на кровать, чтобы она могла причесать меня.

— А ты когда-нибудь скучаешь по дому? — тихо спросила я.

— Только когда думаю о братьях. — Ипу улыбнулась. — Я росла вместе с семью братьями. Потому-то я так хорошо и лажу с мужчинами.

Я рассмеялась.

— Ты ладишь со всеми. Я видела тебя на празднествах. Наверное, во всех Фивах не найти человека, которого ты не знала бы.

Ипу небрежно повела плечом, но возражать не стала.

— У нас в Файюме все такие. Дружелюбные.

— Так ты родилась у Меридова озера?

Ипу кивнула:

— В небольшой деревне между озером и Нилом.

Она принялась рассказывать про глинистые пустоши, уходящие в зеленые плодородные холмы, и виноградники, покрывающие берега сине-зеленого Нила.

— Во всем Египте не найти лучшего места для садоводства или выращивания хлеба; и там растет самый лучший папирус.

— А чем занималась твоя семья? — спросила я.

— Мой отец был личным виноделом фараона.

— И ты оставила отцовские виноградники ради работы во дворце?

— Только после его смерти. Мне тогда было двенадцать лет — я была самой младшей из пятерых дочерей и семерых сыновей. Мать во мне не нуждалась, а я унаследовала ее умение обращаться с косметикой.

Я посмотрела в висящее над нами зеркало, на густо накрашенные глаза Ипу, на мазки малахита, никогда не расползавшиеся от жары.

— Старший дал мне место в свите царицы. Постепенно я стала ее любимицей.

И при этом царица позволила ей перейти ко мне. Я подумала о тете и всех ее бескорыстных деяниях, которые остались незамеченными. И о том, с какой любовью она относилась к своему сыну, себялюбивому и думающему лишь о себе.

— Во дворце жить лучше, чем на виноградниках, — продолжала тем временем Ипу. — Жить в городе, где женщины могут купить все, что им нужно… — Она довольно вздохнула. — Сурьму, благовония, настоящие парики, редкие лакомства. Суда плавают по всему Нилу и останавливаются в Фивах. А в Файюме сроду не причаливал ни один корабль.

Ипу подала мне одеяло и льняные носки. Я вздохнула. Никаких кораблей. Никаких толп. Никакой политики. Одни сады. Я надела тапочки и уселась у жаровни. Ипу осталась стоять. Я указала ей на стул.

— Ипу, расскажи-ка мне, о чем сплетничают во дворце? — спросила я, понизив голос, хотя Нефертити никак не могла меня услышать.

Ипу просияла. Она очутилась в своей стихии.

— О тебе, госпожа?

Я покраснела.

— О моей сестре и царе.

Ипу приподняла брови и осторожно произнесла:

— Э-э… я слышала, будто новый фараон своенравен.

Я подалась вперед.

— И что?

Ипу метнула быстрый взгляд в сторону двери, ведущей в прихожую, а оттуда — к личным покоям царя.

— И что новая царица прекрасна. Слуги прозвали ее Неферет — Красавица.

— А про Мемфис? — не унималась я. — Слугам не говорили, когда надо будет готовиться к отъезду?

— А!.. — На щеках Ипу на миг появились ямочки. — Вот что тебя интересует!

Она придвинулась поближе ко мне; ее темные волосы ниспадали ей на плечи. Ипу была красивой женщиной, с хорошей фигурой; в парик ее были вплетены множество бусин, а на веках лежали блестящие малахитовые тени.

— Царица Тийя заказала трое новых носилок, а главный конюший сказал, что уже куплено шесть новых лошадей.

Я откинулась на спинку кресла.

— А когда носилки будут готовы?

— Через шесть дней.

На следующий день меня вызвали в Зал приемов, рано утром, до того, как его должны были заполонить во множестве придворные, пришедшие узнать о сроках отъезда Аменхотепа в Мемфис. Когда я вошла в двустворчатые двери, первым, на что упал мой взгляд, был лес колонн в виде бутонов папируса, уходящих к высокому, ярко раскрашенному помосту. По мере того как я приближалась к золотым тронам, бутоны на вершинах колонн медленно раскрывались, и на двух последних уже были вырезаны полностью распустившиеся цветы — символизирующие, как я предположила, фараона, открывающего объятия всему Египту.

У помоста, где сидели мои тетя и отец, были нарисованы изображения связанных пленников, хеттов и нубийцев, так что, когда фараон поднимался на трон, он попирал ногами своих врагов. В Зале приемов не было никого, кроме нас троих. Отец сидел рядом со своей сестрой на скамье из черного дерева, а перед ними были разложены свитки папируса.

— Ваше величество… — Я поклонилась. — Отец.

Царица Тийя не стала дожидаться, пока я сяду.

— Твоя сестра перебралась в личные покои моего сына.

Лицо царицы было непроницаемо. Я поняла, что мне нужно осторожно подбирать слова.

— Да. Она очаровала молодого царя, ваше величество.

— Она очаровала весь дворец, — поправила меня царица Тийя. — Слуги только о ней и говорят.

Я вспомнила, как Ипу назвала мою сестру Неферет, и подумала о том, что мне сказал военачальник Нахтмин.

— Ей свойственна дерзость, ваше величество, но и верность тоже.

Царица Тийя изучающе взглянула на меня.

— Верность — но кому?

Отец кашлянул.

— Мы хотим знать, о чем шла речь сегодня утром за завтраком.

Я осознала, что происходит, и поняла, что меня стали использовать в качестве соглядатая. Неловко поерзав, я ответила:

— Они не завтракали. Слуги поставили подносы с едой в прихожей, а когда я поела, еду отослали прочь.

— Тогда чем же они занимались? — напористо поинтересовалась царица.

Я заколебалась, но отец строго произнес:

— Нам важно знать об этом, Мутноджмет. Либо это выясним мы, либо кто-то другой.

Кто-нибудь наподобие Панахеси.

— Они планировали, как будут строить храм Атона, — сообщила я.

— Рисовали чертежи? — быстро спросил Эйе.

Я кивнула.

Отец повернулся к своей сестре и поспешно произнес:

— Аменхотеп ничего не сможет предпринять, пока Старший жив. У него нет ни золота, ни других ресурсов для постройки храма. Это всего лишь разговоры…

Царица вскипела:

— Опасные разговоры! Разговоры, которые будут продолжаться до тех пор, пока он не сделается фараоном и Нижнего Египта тоже!

— Но к тому времени он поймет, что править без поддержки жрецов совсем непросто. Он даже не сможет собрать войско без их золота. Никакой фараон не может править сам по себе.

— Мой сын считает, что он может. Он считает, что он бросит вызов богам и возвысит Атона надо всеми, даже над Осирисом. Даже над Ра. Твоя дочь должна была изменить это…

— Она и…

— Она чересчур своевольна и честолюбива! — выкрикнула царица. Она вышла на балкон и схватилась за ограждение. — Возможно, я выбрала в главные жены не ту дочь, — произнесла она.

Отец оглянулся через плечо на меня, но я не поняла, что за чувства отражаются на его лице.

— Отправь его в Мемфис, — предложил отец. — Там он поймет, что перечить Маат непросто.

В полдень того же дня царица объявила в Зале приемов о нашем отъезде в Мемфис. Отъезд был назначен на двадцать восьмое фармути. У нас было пять дней на подготовку.

6

24 фармути

На этот раз, когда мы отправились на Арену, посмотреть, как Аменхотеп ездит верхом, он взял нас с собой на конюшню и спросил у Нефертити, какая лошадь ей нравится больше. Кийя на ее месте захлопала бы ресницами и ответила, что больше всего ей нравится лошадь с самой красивой гривой. А Нефертити оценила ширину груди, мышцы, играющие под шкурой, и огонь в глазах и решительно отозвалась:

— Вон та темная. Гнедая в деннике у входа, которая хрупает овес.

Аменхотеп кивнул:

— Приведите гнедую!

Кийя повернулась к трем придворным дамам, сопровождавшим ее повсюду, рослым женщинам, высящимся над моей сестрой, словно башни, и одна из них нарочито громко, чтобы было слышно нашей семье, произнесла:

— Этак он следующим шагом позволит ей выбирать, какое схенти ему надевать.

Они захихикали, а Нефертити решительно подошла к Аменхотепу, стоящему рядом с моим отцом и Панахеси, и стала смотреть, как он надевает кожаные перчатки.

— А давно ты ездишь? — спросила Нефертити.

— Еще с самого детства, когда фараон жил в Мемфисе! — огрызнулся Панахеси.

Нефертити взглянула на ожидающих чуть в стороне юношей, сыновей других визирей, тренирующихся вместе с царем. Аменхотеп проследил за ее взглядом и твердо произнес:

— Они проигрывают мне каждое утро не потому, что обязаны это делать. Я могу обогнать любого наездника в войске моего отца.

Нефертити шагнула ближе.

— Так ты говоришь, ты ездишь с самого детства?

Аменхотеп застегнул шлем и отозвался:

— Я езжу на колеснице с тех пор, как научился ходить.

— А если я захочу научиться водить колесницу? — спросила у него Нефертити.

— Женщины не ездят на Арене! — отрезала стоящая в другом конце конюшни Кийя.

— В Ахмиме я ездила, — заявила Нефертити.

Я посмотрела на отца. Отец отвернулся. Он промолчал, и Нефертити, взяв шлем с ближайшей полки, беззастенчиво надела его.

— Я хочу, чтобы ты научил меня.

Аменхотеп помешкал, пытаясь понять, насколько она серьезна.

— Я хочу насладиться ездой на лучших конях Египта, — с лучезарным видом произнесла Нефертити. — Я хочу учиться у лучшего колесничего Египта.

Аменхотеп рассмеялся.

— Позовите главного конюшего! — приказал он, и Панахеси с Кийей тут же засуетились.

— Она же убьется! — воскликнул Панахеси.

Конечно же, на самом деле он был недоволен вовсе не этим, а тем, что его дочь оказалась недостаточно сообразительна или недостаточно проворна, чтобы додуматься до этого сама. Теперь же Арена будет принадлежать Нефертити. Даже наш отец не додумался до этого, но на самом деле это был отличный ход. Просто безукоризненный. Если Нефертити сумела запустить коготки в личные покои Аменхотепа, в его политику, а вот теперь и в его развлечения, в чем они будут разъединены?

— Но, ваше величество… — произнес Панахеси.

Аменхотеп обернулся с мрачным видом:

— Довольно, визирь! Моя царица желает научиться ездить на колеснице, и я буду ее учить.

Мы уселись на деревянные скамьи нижнего яруса, под льняным навесом, и стали смотреть на них; Кийя прошипела в мою сторону:

— Чем это она занимается? Что она себе воображает?

Я посмотрела на мою сестру, смеющуюся и сияющую, как она отбрасывает свои длинные волосы за спину и как они блестят на солнце. Аменхотеп смеялся вместе с нею, и я ответила:

— Она очаровывает царя. Что же ей еще остается, раз наставника больше нет рядом?

— Ты отлично придумала, — похвалил сестру отец.

Нефертити с самодовольным видом развалилась в кресле, ожидая, пока Мерит закончит причесывать ее парик. В ее комнате появилась пара красных перчаток для верховой езды — подарок Аменхотепа.

— Это было забавно, — сказала она.

— Но одного раза довольно! — предостерег ее отец.

— Почему? Мне понравилось. Отчего бы мне не научиться управлять колесницей?

— Да потому, что это опасно! — воскликнула я. — Ты что, не боишься?

— Чего мне бояться?

— Лошадей. Или падения с колесницы. Вспомни, что случилось с царевичем Тутмосом.

Отец с Нефертити переглянулись. Ипу с Мерит отвели взгляд.

— Тутмос умер на войне, — отмахнувшись от моего довода, произнесла Нефертити. — А тут не война.

Мерит закрепила последние бусины на парике Нефертити, и, когда моя сестра встала, стеклянные бусины глухо зазвенели.

Отец тоже поднялся с места.

— Мне нужно в Пер-Меджат, набросать черновики писем к иноземным правителям. Они должны знать, где им искать твоего мужа и куда отправлять послания.

Он оглядел комнату, в которой со вчерашнего дня ничего не изменилось.

— Мы уезжаем через пять дней, — негромко напомнил он, — и вам обоим нужно проследить за сборами.

Когда отец ушел, Нефертити, которую нимало не интересовали отношения с иноземными правителями, протянула мне руку:

— Идем!

Я нахмурилась.

— Ты слышала, что сказал отец. Он велел нам собираться.

— Не сейчас.

Она схватила меня за руку и потянула за собой.

— Стой! Куда мы? — попыталась воспротивиться я.

— В твое любимое место.

— А почему в сад?

— Потому что там мы кое с кем встретимся.

— С Аменхотепом? — уточнила я.

— И еще кое с кем.

Мы прошли по коридорам и вышли в дворцовый сад с его дорожками, обсаженными деревьями, и водной гладью озер. Какой-то мастер с необычайно хорошим вкусом поместил фонтан с изображением Гора в пруду с лотосами, окружив его рогозом и сине-фиолетовыми ирисами. Каменные скамьи прятались под тяжелой кроной сикоморов, а дорожка, окаймленная жасминовыми кустами, уходила к купальне. За купальней располагался гарем, где обитали менее привилегированные женщины Старшего. По дороге

я смотрела на стрекоз, носящихся над травой, и на игру света на их золотисто-синих крыльях.

— Первое, что мы сделаем после переезда в Мемфис, это возведем самый большой в Египте храм. Как только люди увидят величие Атона, — быстро шагая вперед, произнесла сестра, — жрецы Амона станут не нужны.

— Отец говорит, что они нужны для равновесия. Власть фараона уравновешивается властью жрецов. Даже наши наставники говорили нам об этом.

— А они нам говорили, что жрецы контролируют фараона посредством денег? Это, по-твоему, равновесие? — В тени сикомора глаза Нефертити потемнели. — Мутни, фараоны Египта — марионетки. И Аменхотеп намерен это изменить. Он уберет из центра Амона и возведет на его место Атона. Во главе храмов встанут фараон и царица Египта. Мы, а не они, будем контролировать календарь, объявлять дни празднеств и отвечать…

— За все золото, которое нынче беспрепятственно плывет в храмы Амона.

Я вспомнила о генерале, осознала правоту его слов и закрыла глаза. А когда открыла их снова, во взгляде сестры горела решимость.

— Да.

— Нефертити, ты меня пугаешь. В Ахмиме ты не была такой.

— В Ахмиме я не была царицей Египта.

Мы дошли до конца дорожки, и я остановилась, чтобы задать ей вопрос:

— А ты не боишься оскорбить богов?

Нефертити удержалась от вспышки.

— Это мечта Аменхотепа, — защищаясь, сказала она. — Чем больше я сделаю для Аменхотепа, тем ближе он будет ко мне, а не к кому-то еще.

Взгляд ее устремился к пруду с лотосами, а голос превратился в шепот:

— Завтра он идет возлечь с Кийей.

Я увидела на ее лице беспокойство и произнесла с надеждой:

— Возможно, он не…

— Нет, он пойдет. Таков обычай. Ты сама это сказала. Но наследовать трон будут мои дети, а не ее.

— Отец считает, что ты сделалась чересчур честолюбива, — предостерегла я сестру.

Нефертити бросила на меня взгляд.

— Вы собирались на семейный совет без меня?

Я не ответила.

— О чем вы говорили? — решительно поинтересовалась она.

— Конечно же, о тебе.

— И что сказал отец?

— Особо ничего. В основном говорила тетя.

— Я ей не нравлюсь. Она думает, что ошиблась в выборе. Наверняка она так думает. Увидеть возвышение другой красивой женщины…

— И к тому же еще и скромной.

Нефертити возмущенно взглянула на меня; мы зашагали дальше.

— Только не говори мне, что она не жалеет о сделанном!

— Скорее, раскаивается. Тебя привезли сюда, чтобы восстановить равновесие, а не для того, чтобы перетянуть чашу весов на одну сторону!

— И как, по-вашему, я должна это сделать? — с пылом вопросила Нефертити. — Я не могу сказать Аменхотепу, что то, во что он верит, неправильно. Он тут же уйдет к Кийе, и мне конец!

Мы дошли до беседки в самом дальнем углу сада. Я услышала из-за сплетения лоз голос Аменхотепа, приглушенный и напряженный. Я попятилась было, но Нефертити искоса взглянула на меня, а потом схватила за руку и потащила мимо деревьев, на полянку. Аменхотеп тут же выпрямился. Он разговаривал с каким-то военачальником, и они дружно повернулись к нам.

— Нефертити! — радостно воскликнул Аменхотеп. Потом он заметил меня, и улыбка его увяла. — А, неразлучные сестры…

Военачальник поклонился. Он был молод, как и Нахтмин, но в нем была серьезность, не свойственная Нахтмину, а взгляд его глаз был жестким.

— Царица Нефертити, — произнес он таким тоном, словно это не доставило ему особой радости. — Госпожа Мутноджмет.

— Военачальник Хоремхеб поедет с нами в Мемфис, — объявил Аменхотеп. — Он желает отбросить хеттов и вернуть нам земли, которые Египет утратил после того, как мой отец покинул войско. Я пообещал ему военную кампанию на севере — сразу после того, как мы доберемся до Нижнего Египта. И еще я сказал ему, что вся добыча, которую соберут солдаты, останется ему и войску, если он сможет вернуть нам эти земли.

— Это очень щедрое обещание, — отозвалась Нефертити, внимательно глядя на Аменхотепа.

Я заметила, что военачальник смотрит на фараона не менее настороженно.

— Другие солдаты могут остаться с моим отцом и проститься с мечтами об успехе, но Хоремхеб последует за мною к славе!

Я посмотрела на Хоремхеба; его эти речи, похоже, не тронули.

— А как ваше величество считает, откуда возьмутся деньги на эту кампанию? — напрямик спросил он. — Возвращение утраченных территорий — дело дорогое.

— Значит, я обложу налогом храмы Амона, — ответил Аменхотеп.

Нефертити бросила взгляд на меня, но военачальник и глазом не повел.

— Храмы Амона никогда не облагались налогом. Отчего вы думаете, что вам удастся забрать у них золото?

— Оттого, что ты будешь там, дабы исполнить мою волю, — парировал Аменхотеп.

И тут я поняла, что происходит. Он заключал сделку.

Военачальник Хоремхеб стиснул зубы.

— А откуда мне знать, что, если войско соберет налоги с храмов, это золото пойдет на обеспечение кампании на севере?

— Ниоткуда. Но либо ты положишься на мои слова, либо будешь тратить время впустую на службе фараону, который уже слишком стар, чтобы воевать. Но не забывай, — в голосе Аменхотепа зазвенело предупреждение, — что в конце концов я стану также и фараоном Верхнего Египта.

Хоремхеб посмотрел на Нефертити, затем на меня.

— Значит, мне придется положиться на ваше слово.

Аменхотеп протянул руку военачальнику.

— Я не забуду твоей верности, — пообещал он.

Хоремхеб принял протянутую руку фараона, но во взгляде его читалось недоверие.

— В таком случае, ваше величество, я прошу у вас позволения уйти.

Он поклонился, а у меня по спине пробежал холодок. Что будет, если Аменхотеп не сдержит слово? Мне бы не хотелось иметь врагом такого человека, как Хоремхеб.

Аменхотеп посмотрел ему вслед и повернулся к Нефертити.

— Я никогда больше не склонюсь перед жрецами Амона.

— Ты будешь величайшим из фараонов Египта, — поклялась Нефертити.

— И вместе с самой великолепной из цариц Египта, — добавил он, — произведу на свет фараонов, которые будут восседать на египетском троне вечно!

Он положил ладонь на упругий живот Нефертити.

— Возможно, уже сейчас в тебе растет маленькая царица.

— Мы вскоре узнаем. Я уверена, что к тому времени, как мы доберемся до Мемфиса, уже что-то будет видно.

Но при этих словах Нефертити взглянула на меня, как будто я могла повлиять на богов, раз уж я каждый вечер читаю молитвы и каждое утро хожу на поклонение в храм Амона.

7

25 фармути

— А вдруг я не понесла, а Кийя через шесть месяцев родит мальчика?

Нефертити расхаживала взад-вперед по прихожей. Солнце село, но Аменхотеп был не с Нефертити. Он отправился с визитом к Кийе.

— Кто знает, надолго ли он задержится у нее этой ночью? Вдруг он останется там до утра? — ударилась в панику Нефертити.

Я попыталась успокоить ее:

— Не говори глупостей. Фараон не спит в одной постели со своими женами.

— Со мной — спит! — взвизгнула Нефертити и остановилась. — Но сегодня вечером он не пришел на мое ложе! Он что, думает, что может бегать от одной жены к другой? Что я ничем не отличаюсь от других его рабынь?

Она перешла на крик.

— Значит, так он думает?

Нефертити уселась перед зеркалом.

— Кийя не красивее меня.

Это не было вопросом.

— Конечно нет.

— Может, она хитрее?

На этот вопрос я ответить не могла.

Нефертити развернулась. В глазах ее вспыхнула новая идея.

— Ты должна пойти и посмотреть, чем они занимаются, — решила она.

— Что?! Ты хочешь, чтобы я шпионила за твоим мужем? — Я решительно покачала головой. — Если меня за этим поймают, стражники отведут меня к фараону.

— Мутноджмет, мне нужно знать, чем они занимаются вместе.

— Почему? Какая тебе разница?

— Да потому, что мне нужно быть лучше, чем она! — Нефертити вскинула голову. — Нам всем это нужно. Это же не только для меня, это для всей нашей семьи. Для нашего будущего.

Она приблизилась и положила руку мне на плечо.

— Пожалуйста, узнай лишь, о чем он говорит с ней.

— Это слишком опасно! — запротестовала я.

— Я могу рассказать тебе, как подобраться к их окну.

— Что?! Снаружи? Ты хочешь, чтобы я ползала по грязи? А вдруг меня поймают?

— Под окнами второй жены никто не будет ставить стражу! — огрызнулась Нефертити. — Пожалуйста, надень только плащ, — не унималась она.

Одолеваемая нехорошими предчувствиями, я накинула плотный льняной плащ и присела перед зеркалом, чтобы подобрать волосы. Нефертити наблюдала за мной из-за спины.

— Хорошо, что ты темноволосая и смуглая, — заявила она. — Тебя никто не заметит.

Я сердито посмотрела на нее, но сестра уже не глядела на меня. Все ее мысли сейчас были сосредоточены на Кийе, и она уставилась в коридор, словно могла увидеть, чем сейчас занимается ее муж. Уложив волосы, я подошла к двери и остановилась. Отец хотел бы, чтобы я это сделала. Это ради блага нашей семьи. А соглядатайство — не против законов Маат. Я же не буду ничего красть — только послушаю.

— Мне нужно знать обо всем, что он будет ей говорить, — сказала Нефертити. Она набросила поверх облегающего платья длинный плащ и содрогнулась. — Я подожду тебя здесь. И еще, Мутни…

Я нахмурилась.

— Будь осторожнее.

Я выскользнула во внутренний дворик, чувствуя, как сердце бьется где-то у горла. Воздух был теплым, и плетеные тростниковые циновки негромко постукивали под ветром об окна дворца. Снаружи никого не было. В небе серебрилась луна, и если за мной никто не следил, то ни у кого и не было причин бродить под окнами дворца. Я прошла через цепочку внутренних двориков, считая их на ходу. Я держалась поближе к стенам, в тени кустарников и плюща. Добравшись до дворика Кийи, я остановилась и прислушалась, но вокруг не было слышно ни звука. Я подкралась к третьему окну. Оглядела дворик, никого не увидела, присела на корточки и стала слушать. Теперь стали различимы чьи-то голоса. Я прижалась к стене, пытаясь расслышать, о чем же говорит фараон.

— Когда ты садишься в западные земли света, земля погружается во тьму, словно во смерть. Львы выходят из логовищ своих. Змеи кусаются. Тьма нависает, а земля безмолвствует, когда создатель их отдыхает в краю света.

Аменхотеп читал стихи.

— Земля яснеет, когда ты пробуждаешься в краю света. Когда ты посреди дня сияешь, Атон, когда ты шлешь свои лучи, Две Земли празднуют. Пробуждаются они и встают, ибо ты пробудил их!

— Позволь мне дочитать остальное, — раздался голос Кийи.

Послышался шорох страниц, а потом она начала читать:

— Дороги расстилаются перед тобой, когда ты встаешь. Рыбы в реке стрелою несутся навстречу тебе. Твои лучи проникают в глубь моря. Ты — Тот, кто заставляет семя расти, кто творит жизнь, кто питает сына во чреве матери, кто осушает его слезы. О Хранитель во чреве, о Податель дыхания! Ты питаешь все, что создаешь!

Так вот какими чарами опутывала его длинноногая Кийя — волшебством тихого пристанища. Вдали от постоянных замыслов и политических планов Нефертити Аменхотеп и Кийя вместе читали стихи. Из окна до меня доносился аромат воскуряемых благовоний. Я подождала, слушая, о чем еще они станут говорить, и Аменхотеп принялся рассказывать жене о том, как будет устроена жизнь в Мемфисе, где он рос в детстве.

— Мои покои будут в центре дворца, — сказал фараон, — а справа я размещу тебя и наделю всем самым лучшим.

Кийя хихикнула, словно ребенок. Нефертити никогда не хихикала — она смеялась, низко, с придыханием, как женщина.

— Идем!

Должно быть, он схватил ее, потому что я услышала, как они тяжело рухнули на кровать. Я в ужасе прикрыла рот ладонью. Как он может возлечь с беременной? Он же навредит ребенку!

— Погоди, — прошептала Кийя, и голос ее сделался строже. — А как же мой отец?

— Визирь Панахеси? Конечно, он поедет с нами в Мемфис! — заявил Аменхотеп таким тоном, словно иначе и быть не могло. — И я дам ему наивысшую должность при дворе.

— Это какую же?

— Любую, какую он пожелает, — пообещал фараон. — Тебе не о чем беспокоиться. Твой отец верен мне и моему делу. Во всем Египте нет визиря, которому я доверял бы больше, чем Панахеси.

Я бросила взгляд на другую сторону дворика. Там, в серебристом свете луны, стоял визирь и слушал все то же, что и я. Он стоял неподвижно, и на миг мне почудилось, что у меня остановилось сердце. Увидев, что я его узнала, Панахеси улыбнулся.

Я рванула с места и бежала, не останавливаясь, до самых покоев Нефертити. Я позабыла о стихах Аменхотепа и вопросах Кийи. Нефертити кинулась мне навстречу.

— Что случилось? — воскликнула она, увидев мое лицо.

Но я не могла произнести ни слова.

— Мутни, что случилось? Тебя что, застукали?

Мое дыхание было судорожным, прерывистым. Мысли лихорадочно метались. Я думала, следует ли рассказать сестре про Панахеси. Мы оба с ним были соглядатаями, прячущимися в ночи. Мне не стоит ничего говорить об этом, равно как и ему.

Нефертити схватила меня за плечи и встряхнула.

— Тебя поймали?

— Нет, — выдохнула я. — Они читали стихи.

— Тогда почему ты бежала? Что произошло?

— Он сказал, что доверяет Панахеси больше всех прочих визирей Египта. Он пообещал Кийе, что даст ее отцу самую высокую должность при дворе!

Нефертити тут же метнулась к двери и велела одному из стражников пойти привести визиря Эйе. Отец быстро явился, и мы втроем уселись вокруг собственной жаровни царя. Если Аменхотеп вернется, он застукает нас за плетением заговоров против него.

Сестра выпрямилась.

— Я скажу Аменхотепу, что Панахеси нельзя доверять, — решила она.

— И рискнешь навлечь на себя его гнев? — Отец покачал головой. — Нет. Панахеси можно будет обойти. Куда большая угроза растет сейчас в чреве Кийи.

— Тогда, возможно, нам следует убить эту угрозу, — сказала сестра.

— Нефертити!!!

Они с отцом посмотрели на меня.

— Если добавить ей в вино нужную смесь трав… — задумчиво произнес отец.

Я не хотела этого слышать. Я не хотела в этом участвовать.

— Но она вполне может забеременеть снова, — подвел он итог своим размышлениям.

— А у визиря возникнут подозрения, — отозвалась Нефертити. — Он скажет о них Аменхотепу, и нам тогда конец. Мне придется просто перехитрить его.

— Продолжать действовать так же, как начала, — согласился отец. — Он без ума от тебя.

Нефертити приподняла бровь.

— Ты имеешь в виду — продолжать славить Атона?

Отец посуровел.

— Это единственный способ удержать его, — быстро произнесла Нефертити.

— И именно это делает Кийя, — заметила я.

— Кийя ничего не делает! — запальчиво воскликнула Нефертити.

— Она слушает его стихи. А тебе он их не читает!

— Когда мы переедем в Мемфис, ему следует быть поосторожнее с жрецами Амона, — перебил нас отец. — Пусть он не вмешивается в их дела. Нефертити, ты должна позаботиться об этом.

Я ждала, что сестра расскажет отцу о сделке, которую Аменхотеп заключил в саду с Хоремхебом, но она промолчала.

— Если он возьмет в свои руки слишком много власти, это может погубить нас всех. У Старшего есть и другие сыновья, которые смогут заменить Аменхотепа, если он вдруг умрет.

У меня перехватило дыхание.

— Чтобы жрецы Амона убили царя?!

Отец с сестрой снова посмотрели на меня и проигнорировали мою вспышку негодования.

— А если он сумеет отнять власть у жрецов? — спросила Нефертити.

— Даже и не думай об этом.

— Почему же? — сердито спросила она.

— Потому что тогда фараон получит безраздельную власть над Мемфисом, а твой муж недостаточно мудр, чтобы совладать с подобной властью.

— Тогда ее можешь взять ты. Ты можешь стать силой за троном, — искушающе произнесла сестра. — Ты станешь недосягаем.

В этом было нечто новое. Визирь царя станет более влиятельным, если ему придется отвечать за свои действия только перед царем, не оглядываясь на жрецов и знать. Я увидела, что отец задумался, а сестра продолжала напирать:

— Именно этого он хочет. Он будет занят, возводя храмы Атона. А кто будет править лучше, ты или верховный жрец Фив?

Я поняла, что отец признал правоту Нефертити. Раз равновесие все равно нарушено, отчего бы не сместить его выгодным для нас образом? Отец куда больше смыслит в тонкостях внутренней и внешней политики, чем жрец, отрезанный от мира стенами храма Амона.

— Тийя будет недовольна, — предостерег отец. — Это рискованная игра. Все может пойти прахом.

— А как еще я могу остаться его любимой женой? — Нефертити вскочила с места. — Сказав ему, что его ожидает падение? Он все равно не откажется от своих замыслов, хоть со мной, хоть без меня!

— Ты что, не можешь отвлечь его от мыслей об Атоне?

— Да он только об этом и думает!

Отец встал и направился к выходу.

— Нужно провернуть это постепенно, — решил он. — При дворе есть люди, которых ни тебе, ни твоему мужу лучше не иметь врагами.

Мы слышали, как его шаги стучат по плиткам пола, удаляясь в сторону его покоев.

Нефертити рухнула в кресло.

— Так значит, пока Аменхотеп читает стихи этой шлюхе, царица Египта проводит ночь в обществе своей сестры!

— Не злись, или он на тебя разобидится, — предупредила я.

Нефертити сердито взглянула на меня, но не стала смеяться над моим предостережением.

— Сегодня ночью я буду спать вместе с тобой, — решила она, и я не стала жаловаться.

Мне бы тоже не хотелось, чтобы мой муж забирался ко мне в постель после ночи, проведенной с другой женщиной.

На следующее утро я проснулась на рассвете и быстро оделась, чтобы отправиться на поклонение в храм Амона. Я старалась двигаться как можно тише, но Нефертити все равно проснулась и заворчала на меня.

— Ты что, в храм? — с недоверием спросила она. — Зачем тебе ходить туда каждый день?

— Мне нравится говорить с Амоном, — виновато, словно бы защищаясь, ответила я.

Сестра недоверчиво фыркнула.

— А ты когда ходила туда в последний раз? — перешла я в наступление.

Нефертити закрыла глаза и сделала вид, будто спит.

— Ты вообще хоть знаешь, где здесь храм Амона? — возмутилась я.

— Конечно. В саду.

— Ну так тебе не помешало бы туда сходить. Ты — царица Египта.

— А ты ходишь туда каждый день. Ты относишь туда подношения за меня. Я слишком устала.

— Чтобы поблагодарить Амона?

— Он знает, что я ему благодарна. И отстань от меня.

Так что я отправилась в сад сама, как и каждым утром со времен нашего переезда в Фивы, и собрала букет цветов, чтобы положить его к ногам Амона. Я брала лишь самые лучшие цветы: ирисы, фиолетовые, словно поздний летний вечер, и гибискус, похожий на звезды и алый, словно кровь. Когда я вернулась из храма, было еще очень рано, и лишь слуги бродили по саду, поливая тамаринд из тяжелых кувшинов. Нефертити наверняка еще спала, потому я отправилась во внутренний дворик, где располагались покои родителей. Мать, конечно, уже встала, чтобы поднести дары к ногам Хатор.

Шагая по дворцу, я наслаждалась тишиной. По коридорам крадучись двигались кошки — черные, поджарые, бронзовоглазые, — но они не обращали на меня внимания. Они разыскивали остатки вчерашнего ужина, фигу в меду, оброненную слугой, или вкусненький кусочек жареной газели. Я дошла до дворика матери и обнаружила ее в саду; она читала свиток со знакомой восковой печатью.

— Новости из Ахмима! — радостно сообщила мать, увидев меня.

Ее новое ожерелье из лазурита сверкало под лучами утреннего солнца.

Я уселась на скамью рядом с ней.

— И что там пишет управляющий? — спросила я.

— За твоим садом хорошо ухаживают.

Я подумала о моей юбе с плодами цвета имбиря и о чудесном гибискусе, который я посадила прошлой весной. Я так и не увижу, как они поспеют.

— А еще что?

— Виноградные лозы быстро растут. Управляющий говорит, что в Шему урожай может составить шестьдесят бочек.

— Шестьдесят бочек?! Они отошлют их в Мемфис?

— Конечно. Я еще попросила, чтобы мне прислали мои льняные сорочки. Я их позабыла за всей этой суматохой со сборами.

Мы улыбнулись друг другу и обе подумали об Ахмиме. Только улыбка матери была более широкой и невинной, потому что отец оберегал ее от тех вещей, от которых не мог уберечь меня, и она не знала, что мы обменяли безопасность на беспокойство.

— Ну, расскажи же мне о Нефертити, — попросила мать, сворачивая свиток и пряча его к себе в рукав. — Она счастлива?

— Счастлива, насколько это возможно. Вчера ночью Аменхотеп уходил к Кийе. — Я устроилась поудобнее на холодной каменной скамье и вздохнула. — Итак, мы едем в Мемфис.

Мать кивнула:

— Здесь Аменхотеп будет вести себя все нетерпеливее, ожидая смерти Старшего. А может, он даже и ждать не станет, — зловеще добавила она.

Я быстро взглянула на нее:

— Ты что, думаешь, что он попытается приблизить кончину Старшего?

Мать оглядела дворик; но мы были одни.

— Говорят, будто он стал причиной преждевременной смерти Тутмоса. Но это всего лишь разговоры, — поспешно добавила она. — Сплетни слуг.

— Только вот слуги обычно говорят правду, — прошептала я.

Мать слегка побледнела.

— Да.

Тем вечером мы ужинали в Большом зале, но многие придворные отсутствовали, поскольку отправились на похороны родосского посла. Царица Тийя, равно как и мой отец, были там, а вот Старший остался во дворце со своим вином и женщинами. Тем вечером Старший пребывал в особенно вульгарном настроении — самозабвенно пел и рыгал. Я видела, как он ухватил за грудь служанку, наливавшую ему вино, а когда Нефертити уселась рядом с мужем, он поинтересовался, не хочет ли она лучше сесть рядом с ним. Нефертити молча проигнорировала его предложение, а я покраснела, и тогда фараон повернулся ко мне.

— Может, тогда сегодня вечером мне составит компанию зеленоглазая сестра?

— Довольно! — Аменхотеп грохнул кулаком по столу. Придворные обернулись в нашу сторону, посмотреть, что происходит. — Сестра главной жены царя прекрасно себя чувствует там, где она сейчас!

Старший угрожающе поставил чашу с вином и встал; его кресло с грохотом рухнуло.

— Ты мне еще будешь указывать, слабак? — воскликнул фараон, потянувшись за мечом. Но стоило ему сделать шаг, как у него подкосились ноги. Фараон, одурманенный вином, рухнул на мозаичный пол, и десяток слуг ринулись ему на помощь. — Чтобы собственный сын мне указывал, что мне делать? — бушевал фараон.

Аменхотеп вскочил и приказал слугам:

— Уберите его отсюда! Он перепил!

Слуги застыли, глядя то на Старшего, то на его сына.

— Немедленно уберите его! — прикрикнул Аменхотеп.

Слуги кинулись выполнять приказание. Они понесли фараона к выходу. Но Старший вырвался и кинулся к помосту.

Аменхотеп схватился за короткий меч, и у меня бешено заколотилось сердце.

— Нефертити! — крикнула я.

Стражники кинулись наперерез фараону. Старший выкрикнул:

— Никогда царевич, который пишет стишки, вместо того чтобы сражаться на войне, не будет править моим царством! Ты меня слышишь? Тутмос — вот кто был избранным царевичем Египта.

Стражники стали оттеснять его к двери, и Старший яростно крикнул снова:

— Избранный царевич!

Двери зала захлопнулись, и внезапно стало тихо. Все ужинавшие смотрели на Аменхотепа. Тот спрятал меч в ножны и швырнул свой кубок на пол. Кубок разлетелся вдребезги, а Аменхотеп протянул руку Нефертити:

— Идем.

Ужин в Большом зале завершился.

Когда мы добрались до нашей прихожей, Аменхотеп был сильно не в духе.

— Он как свинья — только и думает, что про вино да про женщин! Я никогда не буду таким, как он! — выкрикнул молодой фараон. — Служанка и та интересует его больше, чем я! Будь Тутмос жив, он бы принялся упрашивать его что-нибудь рассказать. «Кого ты сегодня подстрелил?» — передразнил Аменхотеп отца. — «Кабана? Быть не может! Ты схватился с крокодилом?»

Аменхотеп яростно расхаживал из угла в угол. Этак они с Нефертити изотрут тут всю мозаику.

— Отчего это Тутмос — избранный? — гневно выкрикнул он. — Оттого, что я не ношусь и не стреляю в зверей, как это делал он?

— Никого не волнует, ездишь ты на охоту или нет, — сказала Нефертити. Она погладила мужа по щеке, провела рукой по спутанным вьющимся волосам и попросила: — Не переживай. Завтра мы начнем готовиться к отъезду, и ты станешь истинным фараоном и никому ничем не будешь обязан.

8

27 фармута

На следующий день во дворце начались лихорадочные сборы. Мои родители занимались носилками и вьючными ослами, а Нефертити то и дело кричала из своей комнаты, задавая мне всякие вопросы. Забирать ей свои парики или велеть сделать новые? Что ей носить во время пути до Мемфиса? А Ипу и Мерит поедут с нами? Весь дворец был вверх дном. Даже войско охватило смятение, потому что Старший принялся выбирать, кто останется с ним, а кто отправится в путь. Военачальникам предстояло выбирать самим.

Я ушла в дворцовый сад, подальше от суматохи, и отправилась гулять по аллее, обсаженной сикоморами; их яркие кроны отбрасывали тень на мощеную дорожку. Я неспешно шла вперед, останавливаясь полюбоваться купами цветущих белых миртов у оливковой рощи; их пышный цвет использовался для лечения кашля, дурного дыхания и простуды. Вокруг дворца росло множество растений, способных исцелять или причинять вред. Интересно, знал ли царский садовник, что жасмин хорошо помогает при упадке сил, и случайно ли он посадил виноградные лозы рядом с желтой и белой ромашкой, или он все-таки знал, что придворные лекари используют ромашку, чтобы снижать давление?

Я могла просидеть в саду целый день, и никто бы этого не заметил — разве только Нефертити вдруг что-то понадобилось от меня. Я подобрала камушек и бросила в воду, и вдруг одновременно с плеском послышалось пронзительное мяуканье. Из кустов стрелой вылетело двое котят, испуганных этим плеском. Одна из дворцовых кошек недавно родила, и теперь котята носились следом за своей поджарой черной матерью, ловили друг друга за хвосты и кувыркались в траве. Я подозвала одного из котят. Зеленоглазая кошечка, точная копия мамаши, свернулась у меня на коленях и замяукала, требуя угощения.

— Спорим, тебе нравится здесь, в саду? — с легкой завистью произнесла я, почесав кошечку под подбородком. — Никто тебе не докучает, никто не спрашивает, какое схенти надеть.

Кошечка, не обращая внимания на мои слова, взобралась по моему платью и уткнулась головенкой мне в шею. Я засмеялась и подхватила ее.

Кошечка растопырила крохотные когтистые лапки, пытаясь за что-нибудь зацепиться.

— Вот сюда.

Я посадила кошечку на сгиб руки, и она, устроившись там, принялась зачарованно наблюдать за стрекозами.

— Мутни! — донесся до меня голос Нефертити. Как всегда, ей что-то было срочно нужно. — Мутни, ты где?

Она появилась из-за деревьев и двинулась ко мне по берегу пруда с лотосами. На глазах ее блестели слезы, но Нефертити не плакала. Она никогда не плакала.

— Что случилось? — Я вскочила, позабыв про котенка. — Что такое?

Нефертити схватила меня за руку и потянула к каменной скамье.

— У меня месячные, — сообщила она.

Я недоуменно посмотрела на нее.

— Но ты замужем за Аменхотепом всего лишь…

Она впилась ногтями в мою руку.

— Кийя уже почти на четвертом месяце! — выкрикнула она. — На четвертом! Ты наверняка знаешь что-нибудь такое, что мне нужно попить, Мутни. Ты же училась травознанию у Ранофера!

Я покачала головой.

— Нефертити…

— Ну пожалуйста! Вспомни, что он тебе говорил! Ты же всегда его слушала!

Да, хотя Ранофер был влюблен в Нефертити, не она, а я терпеливо слушала, когда он сыпал названиями лекарственных трав. Мне захотелось улыбнуться, но в глазах Нефертити стоял страх, и я поняла, насколько это будет серьезно, если Кийя родит сына, а Нефертити к этому времени еще даже не будет беременна.

— Мандрагора, — сказала я.

— Хорошо. — Нефертити выпрямилась, и щеки ее снова порозовели. — Что еще?

— Мед и растительное масло.

Нефертити быстро кивнула:

— Это я могу достать. С мандрагорой, конечно, сложнее.

— Попробуй мед, — предложила я, понимая, что бесполезно напоминать о том факте, что Кийе понадобился почти что год, чтобы понести.

Двадцать восьмого фармути все внутренние дворики дворца были забиты носилками. Тяжело груженные ослы пронзительно ревели, а суетящиеся слуги налетали друг на дружку и бормотали себе под нос ругательства. Поскольку уже был канун Шему и вода стояла низко, наше путешествие в Мемфис должно было занять много дней. Я попросила Ипу поискать на рынке трактаты о травах, чтобы мне было что почитать во время плавания.

— На корабле? Ты собираешься читать на корабле? — Ипу остановилась в дверном проеме и опустила корзинку. К середине дня этой корзинке предстояло заполниться покупками по моему заказу. Мы покидаем Фивы, а

кто его знает, какой рынок там, в Мемфисе. Все были в панике, все ринулись в город за лотосовым маслом, сурьмой и кокосовым бальзамом. — Но как это у тебя получится? Тебя что, не тошнит?

— Я буду принимать имбирь. — Я встала с кровати и сунула Ипу в руку несколько медных дебенов. Мы вышли вместе, так что я смогла присоединиться к сестре. — Книгу в кожаном переплете, или хороший свиток, или что-нибудь связанное с травами.

Старший пришел к нам во дворик, посмотреть, как пакуют вещи Аменхотепа, и теперь он с подозрением следил за погрузкой. Дважды, когда он замечал что-нибудь, что не хотел отдавать, он приказывал слугам выгрузить вещь.

— Этот золотой сосуд с бирюзой — дань от нубийцев. Он останется в Мальгатте.

Так что слуги с трудом подняли вазу на ножке и отнесли обратно в покои, которые занимал Аменхотеп. Когда Старший увидел рабыню, к которой питал особую слабость, цветущую девушку с длинными волосами и маленькой грудью, он потребовал, чтобы ее тоже вернули во дворец. Царица посмотрела на него с презрением.

— Я бы никогда не стала терпеть такого распутного мужа, — вне себя от негодования, произнесла Нефертити.

Мы с ней стояли под навесом и наблюдали за представлением.

— Она смотрит сквозь пальцы на его похождения, потому что они его отвлекают, — сказала я ей и сама вдруг осознала истинность своих слов. — Если он в спальне, он не сидит в Зале приемов.

К нам подошла мать. Мы вместе нашли где присесть и стали наблюдать за суматохой. Было жарко и душно, и слуги обмахивали нас опахалами, но Нефертити, похоже, не замечала жары. Она покинула тень, чтобы лично присматривать за погрузкой вещей, которые должны были теперь принадлежать ей, и властно отдавала распоряжения, а слуги потрясенно глазели на нее. Они не привыкли к ее редкостной красоте, миндалевидным глазам и длинным густым ресницам. Но они ошибочно приняли ее красоту за благодушие, не поняв еще, что она наделена безграничной энергией и жаждой перемен.

«Царица Нефертити, — подумала я. — Правительница Верхнего, а со временем и Нижнего Египта. Царица Мутноджмет», — представила я и меня передернуло. Нет, мне бы этого не хотелось. Чей-то негромкий голос отвлек меня от моих мыслей, и я поняла, что рядом с нашим навесом стоит Аменхотеп. На нем было длинное схенти, золотой пояс и серебряные

браслеты. Глаза были недавно подкрашены сурьмой. На расстоянии вытянутой руки от него стоял генерал Хоремхеб, но их разделяла пропасть, и я почти не удивилась, осознав вдруг, что военачальник не уважает молодого царя.

— Семьдесят человек будут идти за мной, и пятьдесят — передо мной. Я не хочу, чтобы ко мне подобрался убийца. Если кто-либо из крестьян проберется на баржу незамеченным, он поплатится за это жизнью.

Иногда беглые рабы присоединялись к царскому каравану, чтобы пробраться во дворец, где они могли бы прислуживать и жить среди роскоши.

Хоремхеб промолчал.

— И мы будем в пути от утра и до темноты. До тех пор, пока можно будет безопасно править, — распорядился Аменхотеп. — Мы не будем нигде останавливаться — отправимся прямиком в Мемфис.

Впервые на лице Хоремхеба промелькнула тень некоего чувства.

— Ваше величество, — решительно перебил фараона Хоремхеб, — людям нужно будет отдыхать.

— Пускай гребут по очереди.

— По дневной жаре люди могут начать умирать. Это может дорого обойтись…

— Чего бы это ни стоило, но чтобы все было выполнено! — выкрикнул Аменхотеп.

Вся шумиха во дворике тут же прекратилась. Аменхотеп осознал присутствие слушателей, и к лицу его прихлынула кровь. Он шагнул к Хоремхебу. Тот не дрогнул.

— Ты подвергаешь сомнению приказы фараона? — угрожающе спросил Аменхотеп.

Хоремхеб взглянул ему в глаза.

— Ни в коем случае, ваше величество.

Аменхотеп прищурился.

— Это все? — спросил Хоремхеб.

На мгновение мне показалось, что Аменхотеп не ответит военачальнику. Но он все же произнес:

— Да, все.

Военачальник решительно зашагал туда, где стояли его люди, а Аменхотеп двинулся в противоположном направлении. Нефертити посмотрела на мою мать, потом на меня.

— Что случилось?

— Аменхотеп рассердился на военачальника, — объяснила я. — Мы поплывем прямо в Мемфис, нигде не останавливаясь. Военачальник сказал, что из-за дневной жары люди могут умереть.

— Ну пускай гребут по очереди, — отозвалась Нефертити.

Мы с матерью переглянулись.

Перед нашим отъездом в Мемфис никакого прощального празднества не намечалось. Солнце поднималось все выше, и близилось время отплытия. Во внутреннем дворике появился Панахеси, и мы с сестрой заметили, как он что-то прошептал Аменхотепу на ухо. Они стояли в стороне от всеобщей суматохи, рева ослов и шума, поднимаемого слугами. Нефертити двинулась через дворик и потащила за собой и меня. Панахеси поклонился ей и поспешно отступил.

— Чего ему было нужно? — сердито спросила Нефертити.

Аменхотеп замялся.

— Носилки.

Сестра тут же ухватила суть дела.

— Для Кийи?

— Она беременна. Ей потребуется шесть носильщиков.

Нефертити крепче сжала мою руку.

— Она что, настолько растолстела, что меньше шести человек ее не унесут?

Я покраснела: Нефертити повысила голос на царя Египта.

— Мне следует пойти навстречу Панахеси…

— Кто будет ехать на этих носилках, Панахеси, что ли? Только царицу несут шестеро носильщиков! Что, царица теперь Кийя? Меня уже сместили?

Я ощутила, что все во дворе снова застыли, и заметила краем глаза военачальника Нахтмина.

— Я… я скажу Панахеси, чтобы ее несли только пять носильщиков, — пробормотал Аменхотеп.

Я ахнула, но Нефертити лишь кивнула и осталась стоять, глядя, как Аменхотеп отправился сообщать Панахеси, что его беременной дочери придется обойтись меньшим числом носильщиков. Когда фараон удалился, Нахтмин пробрался через кишащий народом дворик.

— Я пришел пожелать царице Египта счастливого пути, — сказал он, — а сестре главной жены царя — безопасного путешествия. Пусть сады Мемфиса дарят тебе не меньше радости, чем сады Фив, госпожа Мутноджмет.

Нефертити приподняла бровь. Я почувствовала, что молодой военачальник заинтересовал ее. Ей понравилось сочетание его светлых глаз и темной кожи. Нахтмин посмотрел на Нефертити, и внезапно я ощутила приступ ревности.

— Я смотрю, ты хорошо знаком с моей сестрой, военачальник.

Нефертити улыбнулась, и Нахтмин ответил ей улыбкой.

— Мы встречались несколько раз. На самом деле однажды мы столкнулись в саду, и я предсказал ей будущее.

Улыбка Нефертити сделалась шире.

— Так ты не только военачальник, но еще и предсказатель?

Я с силой втянула воздух. Только жрецы Амона знали, чего желают боги.

— Я не стал бы замахиваться так высоко, ваше величество. Я — просто проницательный наблюдатель.

Нефертити придвинулась поближе к нему, так что могла бы при желании коснуться губами его щеки. Мне не нравилась игра, которую они затеяли. Взгляд Нахтмина скользнул по миниатюрному, сильному телу Нефертити и остановился на черных как смоль волосах, обрамляющих ее лицо. До сих пор Нефертити никому не позволяла смотреть на себя так. Военачальник отступил: от аромата ее благовоний у него закружилась голова. Затем появился Аменхотеп, и их опасная игра прекратилась. Нефертити выпрямилась.

— Так ты едешь в Мемфис, военачальник?

— Увы, нет, — ответил Нахтмин, взглянув на меня. — Я стану ожидать вашего возвращения здесь. Но я сопровожу караван вашего величества до пристани.

Нефертити игриво повела плечом.

— Значит, мы скоро увидимся.

И она отправилась выспросить Аменхотепа насчет носильщиков, а Нахтмин пристально взглянул на меня.

— До свидания, военачальник, — холодно произнесла я и отправилась под навес, к матери.

Караван был готов. Во дворике было жарко, животные тревожились, и в воздухе витало ощущение нервозности. Лошади нетерпеливо ржали, а слуги гладили их по мордам, стараясь успокоить. Я упаковала свои растения в тщательно подготовленный для этого сундук, обмотав горшочки тканью, чтобы они не побились друг об дружку за время короткого путешествия от дворца до пристани. На корабле я смогу распаковать их и поставить где-нибудь на солнышке. Но в сундуке была всего дюжина горшочков. Все прочее я оставила во дворце — только взяла от них черенки и разместила в инкрустированном ящичке из слоновой кости. Их были десятки, а кое-что из самых полезных растений я упаковала в маленькие, крепко завязанные льняные мешочки. Военачальник Хоремхеб проверял войско, а Аменхотеп преклонил колени перед отцом, дабы получить благословение Старшего.

— Ты будешь гордиться мною! — поклялся Аменхотеп. — Сегодня боги возрадуются!

Старший повернулся к Тийе. Мне подумалось: уж не думают ли они сейчас о Тутмосе, который должен был бы стоять сейчас на месте Аменхотепа? Аменхотеп тоже заметил это движение отца и встал.

— Ты можешь жалеть о Тутмосе, — прошипел он, — но это я правлю Нижним Египтом. Это меня избрали боги — не его!

Царица Тийя расправила плечи.

— Да защитят тебя боги, — холодно произнесла она.

Фараон кивнул, но во взгляде его не было любви.

Аменхотеп неловко поправил одежду. Затем он заметил, что солдаты и слуги смотрят на него, и с яростью воскликнул:

— Вперед!

Откуда-то вынырнула моя служанка с восклицанием:

— Скорее в носилки!

Я забралась внутрь. Караван двинулся вперед. Меня несли за Нефертити и Аменхотепом, ехавшими вместе. Я отдернула занавески и помахала тете. Та помахала в ответ. Я заметила, что Старший выглядит серьезно и торжественно. Мы отбыли в облаке пыли и быстро преодолели короткое расстояние до залива, окружавшего дворец. Сквозь льняные полотнища, защищавшие меня от солнца, виднелось поблескивание струящейся воды. Когда караван остановился, мы увидели стоящий на якоре внушительный флот. Носильщики опустили носилки, и царская семья проследовала на корабль. Поскольку наше семейство — отец, мать и я — теперь были родичами царя, нам предстояло путешествовать на барже самого фараона, с реющими на мачте золотыми вымпелами. У Панахеси с его семейством был свой собственный корабль. Меня это радовало: никакого корабля не хватило бы, чтобы вместить Нефертити и Кийю.

Баржа была рассчитана на сорок два солдата, гребущих на веслах, и еще на двадцать пассажиров, располагающихся на палубе либо в трюме. В средней части корабля находились деревянные кабины с двумя покоями. Кабины были сделаны из дерева и сверху накрыты льном.

— Это для защиты от жары, — объяснил отец.

— А где будут спать солдаты? — спросила я у него.

— На палубе. Сейчас достаточно тепло.

Корабли смотрелись чудесно. Весла из черного дерева, инкрустированные серебром, блестели на солнце, а над заливом раздавался крик ибиса, ищущего подругу. Я смотрела с палубы, как грузят сокровища из дворца Старшего: медные чаши, кедровые сундуки с париками, алебастровые статуи и жертвенник, украшенный жемчугом. Рабы сгибались под тяжестью множества корзин, перенося на баржи лучшие драгоценности Египта, а стражники надзирали за ними.

Когда корабль отплыл, я отправилась к родителям, в нашу каюту. Мать играла в сенет с женой самого уважаемого в Египте архитектора. «Так значит, Аменхотеп все-таки уговорил его покинуть Фивы», — подумала я.

— А где отец? — спросила я у матери.

Мать, не отрывая взгляда от игры, кивком указала в сторону кормы. Она, как и Нефертити, хорошо играла в сенет. Я отправилась на корму; прежде чем я увидела отца, до меня донесся его голос.

— Почему ты не сказала мне этого раньше?

— Потому что я знала, что ты рассердишься. Но Хоремхеб на нашей стороне. Он понимает, что мы делаем.

Я заглянула в дверь каюты и увидела, что отец качает головой.

— Ты создаешь нам врагов быстрее, чем мы успеваем заводить союзников. Пески Мемфиса поглотят нас без следа, а если народ поднимется против тебя…

— Но они полюбят нас! — заверила его Нефертити. — Мы построим им величайшие храмы, равных которым они не видели! Мы будем устраивать больше празднеств и оделять людей дарами! Вот о чем мечтает Аменхотеп.

— А ты?

Нефертити заколебалась.

— Разве ты не хочешь, чтобы тебя запомнили?

— За что — за налоги на храм?

На миг между ними повисло молчание.

— Ты станешь самым могущественным человеком в стране, — с мольбой произнесла Нефертити. — Я вижу это. Пока он будет строить храмы, ты будешь править царством. Его не интересует политика. Все будет доверено тебе, а Панахеси будет перед тобой, словно бронза перед золотом.

9

Шему. Сезон сбора урожая

Ко второму пахона я начала различать матросов нашего судна. Они кивали мне, когда я проходила мимо, но они были уставшими и обессиленными — ведь им приходилось грести целый день под солнцем, а для поддержания сил у них была лишь похлебка да вода. Впрочем, у них всегда находилось время для Ипу. Когда она шла по палубе, покачивая бедрами и тяжелыми золотыми серьгами, мужчины разговаривали с ней, словно братья с сестрой, и тихонько, когда никто не видит, смеялись. Но со мной они не говорили никогда, ограничиваясь вежливым: «Госпожа».

На третий день путешествия я начала скучать. Я пыталась читать — про деревья, растущие в царстве Миттани, далеко на севере, там, где сливаются Евфрат и Хабур. За семь дней, которые мы плыли, нигде не причаливая, я прочла все семь трактатов, которые Ипу купила на рынке в Фивах. Затем, на восьмую ночь, даже Аменхотеп устал от непрерывного пути, и мы сошли на берег, чтобы развести костры и размять ноги.

Слуги собрали дрова, чтобы зажарить диких гусей, которых они наловили на реке, и все мы поели из лучшей фаянсовой посуды Старшего. Это было приятной переменой после черствого хлеба и фиг. Ипу присела рядом со мной у костра, с чашей лучшего царского вина в руках. Вокруг нас, у десятка костров, солдаты пили, а придворные играли в сенет. Ипу заглянула в свою чашу и улыбнулась.

— Никогда не пробовала такого хорошего вина, — призналась она.

Я приподняла брови:

— Даже на отцовских виноградниках?

Ипу кивнула и придвинулась поближе.

— По-моему, они открыли бочки с самым старым вином.

Я ахнула.

— Ради сегодняшнего вечера? А фараону что, безразлично?

Ипу посмотрела на Аменхотепа. Я проследила за ее взглядом. Пока придворные смеялись, а Нефертити негромко разговаривала с нашим отцом, Аменхотеп сидел и смотрел на огонь. Губы его сошлись в тонкую линию, а лицо в свете костра казалось изнуренным.

— Его сейчас волнует только одно: как бы добраться до места, — ответила Ипу. — Чем быстрее он прибудет в Мемфис, тем быстрее он сможет принять посох и цеп Египта.

К нашему костру сквозь круг собравшихся пробрался Панахеси в сопровождении Кийи; ее беременность уже была явственно заметна. Когда они подошли к костру, Нефертити повернулась и сильно ущипнула меня за руку.

— Что она тут делает? — сердито спросила она.

Я потерла руку.

— Ну, вообще-то она едет с нами в Мемфис.

Но до Нефертити мой сарказм не дошел.

— Она беременна. Ей полагается находиться на корабле.

«Подальше от Аменхотепа», — явно хотелось добавить ей.

Одна из женщин Кийи положила на песок пуховую подушку, и Кийя присела напротив Аменхотепа, положив руку на свой большой, подкрашенный хной живот. Она вся была такая мягкая и свежая, такая естественная в своей беременности, — в то время как Нефертити, сидящая по другую сторону костра, сверкала малахитом и золотом.

— Мы одолели полпути до Мемфиса, — объявил Панахеси. — Вскоре мы прибудем на место, и фараон взойдет на престол в своем дворце.

Небольшая группка народу у костра кивнула, продолжая негромко разговаривать между собой. Но мой отец внимательно наблюдал за ним.

— Хорошо ли продвигаются планы строительства, ваше величество?

Аменхотеп выпрямился, очнувшись от оцепенения.

— Великолепно. У моей царицы настоящий талант к проектированию. Мы уже набросали схематический план храма с внутренним двориком и тремя алтарями.

Панахеси снисходительно улыбнулся.

— Если вашему величеству потребуется какая-нибудь помощь…

Он развел руками, и Аменхотеп кивнул, давая знать, что ценит его верность.

— У меня уже есть кое-какие замыслы на твой счет, — сказал молодой фараон.

Придворные у ближайших костров перестали играть в сенет.

— Когда мы прибудем в Мемфис, — объявил Аменхотеп, — я поручу тебе проследить, чтобы военачальник Хоремхеб успешно собрал налоги со жрецов Амона.

В костре треснула ветка, огонь зашипел, и Панахеси сумел скрыть свое потрясение. Он взглянул на Нефертити, дабы проверить, в курсе ли она, пытаясь оценить, насколько фараон ныне доверяет ей. Затем все визири заговорили одновременно.

— Но, ваше величество! — не удержался один из них. — Благоразумно ли это?

Панахеси кашлянул.

— Конечно же, благоразумно. Храмы Амона никогда не платили налогов. Они запрятали богатство Египта и тратят, словно собственное.

— Вот именно! — воскликнул Аменхотеп.

Он ударил кулаком по ладони, и многие солдаты обернулись послушать, о чем это там говорит фараон. Я посмотрела на отца. Лицо его было непроницаемо, как у истинного придворного, но я знала, о чем он думает. «Царю всего семнадцать лет. Что же будет через десять лет, когда власть будет лежать на его плечах, словно удобный привычный плащ? Что он ниспровергнет тогда?»

Панахеси наклонился и сказал царю:

— Моя дочь скучала по вам эти восемь ночей плавания.

Аменхотеп быстро взглянул на Нефертити.

— Я не забыл свою первую жену, — изрек он. — Я приду к ней снова… когда мы прибудем в Мемфис.

Он посмотрел через костер на Кийю. Та притворилась, будто знать не знает, о чем ведет речь ее отец. Она нежно улыбнулась супругу. «Вот ведь маленькая дрянь, — подумала я. — Она прекрасно знает, что делает отец».

— Может, пойдем пройдемся по берегу? — тут же предложила Нефертити, схватила меня за руку и увлекла за собой.

Когда мы отошли, я затаила дыхание. Я думала, что сестра в гневе. Но нет, она была в прекрасном настроении. Мы шли по влажному берегу Нила, а за нами на некотором расстоянии двигались два стражника. Нефертити посмотрела на усеянный звездами небосвод и вдохнула прохладный воздух.

— Все, Кийя больше не имеет власти над сердцем Аменхотепа. Он не придет к ней до тех пор, пока мы не прибудем в Мемфис.

— Не такой уж большой срок, — заметила я.

— Но это я проектирую с ним храм. Я правлю вместе с ним. Не она. А вскоре я рожу ему ребенка.

Я взглянула на нее искоса:

— Ты беременна?

У Нефертити вытянулось лицо.

— Нет пока что.

— Ты принимаешь мед?

— Лучше того! — Она рассмеялась, словно в опьянении. — Мои слуги отыскали мандрагору!

— И изготовили сок?

Это было нелегким делом. Я только раз видела, как Ранофер его готовил.

— Да. Прошлой ночью я его выпила. Теперь это может произойти в любой момент.

В любой момент. Моя сестра, беременная наследником египетского трона. Я посмотрела на нее, освещенную серебристым светом, и нахмурилась.

— Но разве тебя не пугают его планы?

— Конечно нет! С чего бы вдруг мне бояться?

— Да с того, что жрецы могут восстать против вас! Они могущественны, Нефертити. Вдруг они попытаются убить вас?

— Без войска? Это как же? Войско на нашей стороне. С нами Хоремхеб.

— А вдруг люди вас не простят? Это их золото. Их серебро.

— И мы освободим его от мертвой хватки жрецов Амона. Мы вернем людям то, что жрецы у них отняли.

— Как?

Даже мне самой собственный тон показался циничным.

Нефертити устремила взгляд на воды Нила.

— Через Атона.

— Через бога, которого никто, кроме вас, не понимает?

— Бога, которого будет знать весь Египет!

— Потому что на самом деле этот бог — Аменхотеп?

Нефертити бросила на меня быстрый взгляд, но промолчала.

На следующее утро матросы медлили с отплытием. Накануне они чересчур много выпили, потому Аменхотеп отдал приказ больше никого не пускать на берег. Мои мать с отцом промолчали и стали гулять по палубе, чтобы размять затекающие ноги, но через три дня по кораблям разошлось известие о том, что шестеро из людей Хоремхеба умерли. Судя по перешептыванию слуг, причиной смерти стала несвежая вода и пища.

— А чего фараон ожидал? — прошипел какой-то визирь, обращаясь к моему отцу. — Если мы не будем регулярно причаливать и искать свежую воду, люди будут умирать!

Это была дизентерия, и ее вылечил бы любой местный лекарь, если бы людям просто позволили сойти на берег.

Два дня спустя стало известно, что умерло еще одиннадцать человек. Затем Хоремхеб нарушил приказ Аменхотепа. Вечером он явился на борт царской баржи, возглавляющей флотилию, и потребовал немедленной аудиенции.

Мы оторвались от игры в сенет. Отец быстро поднялся:

— Не знаю, военачальник, примет ли он тебя.

Но Хоремхеб не намеревался отступать.

— Если дизентерия распространится, умрет еще больше народу.

Отец заколебался.

— Я посмотрю, что мне удастся сделать.

Он скрылся в каюте. Вернувшись, он мрачно покачал головой:

— Фараон никого не принимает.

— Речь идет о людях, — с нажимом, сквозь зубы произнес Хоремхеб. — О людях, которые нуждаются в помощи. Все, что им нужно, — это лекарь. Он что, намерен пожертвовать этими людьми, лишь бы попасть в Мемфис поскорее?

— Да! — Дверь самой дальней каюты распахнулась, и на пороге появился Аменхотеп в схенти и клафте, царском головном уборе. — Фараон не передумает. — Он шагнул вперед и выкрикнул: — Ты слышал мое решение!

Глаза Хоремхеба вспыхнули гневом. Мне подумалось, что он может перерезать Аменхотепу горло одним взмахом кинжала. Затем Хоремхеб вспомнил о своем положении и двинулся к двери.

— Подождите! — неожиданно даже для себя вскричала я.

Военачальник остановился.

— У меня есть мята и базилик. Они могут помочь вашим людям, и нам тогда не придется сходить на берег и искать лекаря.

Аменхотеп напрягся, но у него за спиной в дверном проеме появилась Нефертити.

— Пусть идет! Отпусти ее! — решительно произнесла она.

— Я могу надеть плащ, — быстро предложила я. — Никто даже и не заметит, что я уходила. — Я взглянула на Аменхотепа: — Так люди будут думать, что твоим приказам повинуются, а жизни твоих солдат будут спасены.

— Она изучала травы в Ахмиме, — объяснила Нефертити. — Возможно, она сумеет их вылечить. Вдруг дизентерия начнет шириться?

Военачальник Хоремхеб взглянул на фараона, ожидая, что тот решит.

Фараон вскинул голову с таким видом, словно он проявляет несказанную щедрость:

— Сестра главной жены царя может идти.

Мать смотрела на меня неодобрительно. Лицо отца было непроницаемо. Но речь шла о человеческих жизнях. Позволить людям умереть, когда мы могли бы их спасти, — это против законов Маат. Что подумают боги, если по пути в Мемфис, к началу нового царствования, мы допустим смерть невинных? Я сбегала к своему тюфяку и забрала коробку с травами. Потом я накинула плащ и под покровом темноты спустилась следом за Хоремхебом на палубу.

Ветер с Нила шуршал моим плащом. Я нервничала. Мне хотелось по-быстрому принести подношения Бает, богу странствий, и попросить о благополучном путешествии. Но я шла за военачальником, а он шагал молча, не говоря ни слова. Мы поднялись на судно, где находились больные; в воздухе стояло чудовищное зловоние, которым сопровождается эта болезнь. Я прикрыла лицо плащом.

— Целитель — и брезгливый? — поинтересовался военачальник.

Назло ему я откинула плащ.

Хоремхеб провел меня в собственную каюту.

— Что тебе требуется?

— Горячая вода и чаши. Нужно замочить базилик и мяту и приготовить горячее питье.

Хоремхеб ушел собирать все, что требуется, а я оглядела его покои. Каюта была меньше той, которую делили фараон и Нефертити, и на стенах ничего не висело, хотя мы провели в плавании уже почти двадцать дней.

Соломенный тюфяк был аккуратно свернут, а вокруг доски для игры в сенет стояли четыре стула. Я посмотрела на доску. Последнюю партию выиграл тот, кто играл черными. Интересно, кто это был? Хоремхеб? Или он не стал бы оставлять все как есть?

— Вода греется, — сообщил вернувшийся военачальник.

Присесть он мне не предложил. Я осталась стоять.

— Ты играешь в сенет, — заметила я.

Хоремхеб кивнул.

— Ты играл черными.

Он посмотрел на меня с интересом:

— Говорят, ты умна.

Военачальник не сказал, верит ли он этим разговорам, но зато указал на стул. Он и сам уселся, скрестив руки на груди, и мы стали ждать, пока вода закипит.

— Сколько тебе лет?

— Четырнадцать.

— Когда мне было четырнадцать, я сражался за Старшего против нубийцев. Это было восемь лет назад, — задумчиво произнес Хоремхеб.

Значит, сейчас ему двадцать два. Как и Нахтмину.

— Четырнадцать — это важное время, — добавил он. — В этом возрасте определяются судьбы.

Хоремхеб посмотрел на меня, и под его взглядом мне стало неуютно.

— В Мемфисе ты будешь ближайшей советницей сестры.

— Я ничего ей не советую, — поспешно возразила я. — Она сама себе советник.

Хоремхеб приподнял брови, и я вдруг пожалела, что вообще стала с ним разговаривать. Затем в каюту вошел солдат с горшком кипящей воды. За ним — второй, с дюжиной чаш.

Я удивилась:

— Сколько человек больны?

— Двадцать четыре. А завтра их будет еще больше.

— Двадцать четыре?!

И Аменхотеп допустил, чтобы это произошло? Да это же половина корабля! Я принялась трудиться, быстро обрывая листки с мяты и распределяя их по чашам. Военачальник оценивающе наблюдал за моей работой, но, когда я закончила, он ничего мне не сказал. Он забрал чаши с горячим питьем и проводил меня обратно. Я уж думала, что на том мы и расстанемся, но, когда мы добрались до царской баржи, Хоремхеб вдруг низко поклонился:

— Благодарю тебя, госпожа Мутноджмет.

С этими словами он развернулся и исчез в ночи.

Корабли нашей флотилии швартовались у берега так кучно, что матрос, стоящий на носу одной баржи, мог разговаривать со своим товарищем на корме другой. Так рассказы о том, что я сделала для людей Хоремхеба, разошлись по кораблям, и теперь всякий раз, когда баржи причаливали на ночную стоянку, меня одолевали просьбами женщины, ищущие возможности смягчить боли от месячных, избавиться от тошноты или уберечься от нежелательных последствий случайного любовного свидания с матросом.

— Кто бы мог подумать, — сказала Нефертити, торчащая без дела в дверях моей каюты, — что бесконечная болтовня Ранофера о травах на что-то сгодится?

Я покопалась в своем ящичке и вручила Ипу имбирь — от тошноты при укачивании, и листья малины — от болей при месячных. Вот предотвратить нежелательную беременность было потруднее. Ранофер упоминал о сочетании акации и меда, но приготовить эту смесь оказалось непросто. Ипу аккуратно завернула травы в ткань и надписала на пакетиках имена женщин, которым это предназначалось. Ей предстояло передать эти пакетики просительницам.

Нефертити продолжала наблюдать за нами.

— Тебе следует брать за это плату. Травы сами собою не растут.

Ипу подняла голову и кивнула.

— Я тоже это предлагала, госпожа.

Я вздохнула.

— Может, если бы у меня был собственный сад…

— А что будет, когда твои запасы закончатся? — поинтересовалась Нефертити.

Я заглянула в ящичек. Мята почти закончилась, да и листьев малины хватит не больше чем на день.

— Я пополню их в Мемфисе.

Когда мы наконец-то добрались до столицы Нижнего Египта, женщины выбежали на палубы, а мужчины столпились рядом с ними, спеша взглянуть на Мемфис. Мемфис был прекрасен. Город многолюдных рынков блистал под утренним солнцем. Воды Нила плескались о ступени храма Амона. До нас доносилась перекличка торговцев, разгружающих свои суда у причала. Храмы Аписа и Птаха поднимались выше самых высоких зданий; их золотые крыши сверкали в солнечных лучах. Нефертити смотрела на него круглыми глазами.

— Он великолепен!

Аменхотеп содрогнулся.

— Я вырос здесь, — сказал он. — Среди отвергнутых сокровищ и нежеланных жен моего деда.

Слуги принялись разгружать наши барки, а фараону и придворным подали колесницы, чтобы доехать до дворца, хоть тот был и совсем близко. Тысячи людей столпились на улицах. Они осыпали наш кортеж лепестками цветов, размахивали ветвями и выкрикивали имена царя и царицы, да так громко, что их голоса заглушали ржание лошадей и грохот колесниц.

Аменхотеп просто-таки таял при виде этой новообретенной народной любви.

— Они тебя обожают, — сказала ему на ухо Нефертити.

— Принесите два сундука с золотом! — приказал Аменхотеп, но визири не слышали его из-за шума, поднятого кортежем, и кличей толпы. Фараон дал знак Панахеси, и тот остановил колесницы. Аменхотеп выкрикнул во второй раз: — Два сундука с золотом!

Панахеси соскочил с колесницы и побежал обратно к барже. Вернулся он с семью стражниками и двумя сундуками, и, когда люди поняли, что сейчас произойдет, они просто обезумели.

— Во славу Египта!

Аменхотеп ухватил полные горсти дебенов и швырнул в толпу. На миг воцарилась тишина, а потом толпа забурлила, и ее скандирование сделалось

почти звериным. Нефертити запрокинула голову и расхохоталась. Она и сама набрала полные пригоршни колец и принялась швырять их простолюдинам.

Люди пытались бежать за колесницей фараона, и солдаты Хоремхеба перекрывали им путь копьями. Когда мы въехали в ворота дворца, толпа сделалась неуправляемой. Там собрались тысячи людей — а сундуки уже опустели.

— Они хотят еще! — воскликнула Нефертити, увидев, как женщины бросаются на ворота.

— Ну так дайте им! — выкрикнул Аменхотеп.

Принесли третий сундук, но мой отец поднял руку.

— Разумно ли это, ваше высочество? — обратился он к Нефертити, глядя на нее в упор. — Люди поубивают друг друга.

Вперед вышел Панахеси:

— Я прикажу принести четвертый сундук, ваше величество. Они будут любить вас.

Аменхотеп ликующе рассмеялся.

— Четвертый! — приказал он.

Принесли и четвертый сундук, и золотые кольца полетели через ворота. Хоремхеб скомандовал своим людям хватать любого простолюдина или раба, который попытается перелезть через дворцовую стену.

Я в ужасе ухватилась за мать.

— Они дерутся!

— Да! — Аменхотеп улыбнулся. — Но они будут знать, что я люблю их!

Он зашагал через сад ко дворцу, слуги кинулись за ним.

— Купить народную любовь нельзя! — гневно произнес отец. — Они будут презирать тебя!

Аменхотеп остановился. Нефертити примирительно коснулась его руки:

— Мой отец прав. Это уже чересчур.

Панахеси бочком пробрался поближе к молодому царю.

— Но люди много месяцев будут говорить о великом фараоне Аменхотепе.

Аменхотеп проигнорировал беспокойство отца.

— Проведите нас в наши покои! — приказал он, и нас повели в наши новые комнаты.

Как всегда, покои фараона располагались в центре дворца. Одежды Нефертити отнесли в его комнаты, и, хотя мемфисские слуги смотрели на это, вытаращив глаза, слуги, прибывшие из Мальгатты, знали, что делают. Визиря Панахеси и моих родителей разместили в дворике слева от царя, а меня поселили в отдельной комнате справа от Нефертити — нас разделял лишь короткий коридор. Через десять дней сюда должно было прибыть войско почти в три тысячи человек; их должны были разместить в казармах под стенами дворца. Из солдат, которые плыли вместе с нами, за время пути умерло почти две сотни.

Когда я вошла в свою новую комнату, расположенную в одном дворике с царскими покоями, первым делом мне бросилась в глаза позолоченная кровать с вырезанными изображениями Беса, бога, отгоняющего демонов. Комната была большой, с пышными пуховыми подушками в каждом углу и с яркими глазурованными сосудами, расставленными на низких кедровых сундуках. Потолок поддерживали колонны в форме бутонов лотоса, а в углу Ипу уже принялась распаковывать мое имущество. Она видела, что в Мальгатте я поставила свой ящик с травами в прохладном углу, и теперь сделала то же самое и даже, как я, развесила янтарного цвета листья мирта, чтобы освежить комнату. Работая, она негромко напевала. В дверях появилась улыбающаяся Нефертити.

— Иди посмотри! — позвала меня она, ухватила за руку и потащила в царские покои.

Там она, ухмыльнувшись, отступила, а я ахнула.

Я никогда в жизни не видала ничего подобного. Комната была украшена изысканной мозаикой и росписями и уставлена золотыми статуями, изображающими самых могущественных богов Египта. Из широкого окна-арки открывался вид на ухоженный дворцовый сад и окаймленные деревьями аллеи, что спускались к Нилу. К этой комнате примыкали комната для париков, благоухающая лотосом, и комната, в которой могла работать Мерит. Я прошла во вторую комнату; там уже все было приготовлено для работы: шарики благовоний для подмышек, бигуди, щипчики, флаконы с благовониями и сосуды с сурьмой, уже смешанной с маслом фиников. Ручное зеркальце было искусно вырезано в форме анка, и повсюду, где только было можно, стояли сундучки с косметикой. Лампы были инкрустированы слоновой костью и обсидианом.

Аменхотеп сидел в углу, наблюдая за моей реакцией.

— Ну как, сестра главной жены царя одобряет эти покои? — поинтересовался он, встал и взял Нефертити за руку, так что ей пришлось отпустить меня. — Ты — первый человек, к которому твоя сестра побежала хвастаться.

Я поклонилась ему.

— Покои прекрасны, ваше величество.

Аменхотеп сел и усадил Нефертити себе на колени. Сестра рассмеялась и жестом велела мне сесть напротив них. Она весело произнесла:

— Завтра архитектор Майя начнет работу над храмом.

Я села.

— Храмом Атона?

— Конечно Атона! — огрызнулся Аменхотеп. — Двадцать шестого пахона войско начнет собирать налоги с жрецов. Первого пайни начнется строительство. Как только храм будет завершен, нам не понадобятся больше верховные жрецы. Мы сами станем верховными жрецами.

Он с победным видом повернулся к моей сестре:

— Ты и я… и боги будут говорить нашими устами!

Я отпрянула. Это было богохульство.

Но Нефертити ничего не сказала и отвела взгляд.

Ужин в Большом зале был хаотичен. Хотя сам зал был таким же, как и в Фивах, тут царила такая суматоха и толкотня, какую я прежде встречала лишь на рынке. Слуги кланялись писцам и грубили придворным, поскольку еще не успели запомнить фиванскую знать в лицо. Лишь несколько визирей присутствовали, и даже Панахеси куда-то делся — возможно, все еще разглядывал свои наряды и свои покои. Ко мне то и дело подходили женщины и благодарили за травы — женщины, которых я никогда не видела; и все они желали знать, можно ли у меня будет и впредь купить акацию, и добавляли, что готовы за нее платить, и за листья малины тоже, если я буду и дальше их обеспечивать.

— Давай, соглашайся, — подбодрила меня Ипу. — Я могу приносить тебе любые травы с пристани. Ну да, сада у тебя нет, но если ты скажешь, что тебе нужно…

Я на миг задумалась. Дело было не только в акации и малине. Женщины спрашивали меня и о других травах. О масле сафлора, чтобы снимать боль в мышцах и укреплять волосы, о фигах и иве — от зубной боли, о мирте — для лечения ран. Что-то я могла взять со своих растений в горшочках, но остальное придется разыскивать Ипу.

— Ну ладно, — нерешительно согласилась я.

— А ты будешь брать за это плату?

— Ипу! — ахнула я.

Но она по-прежнему смотрела на меня в упор.

— Женщины в гареме фараона берут плату за лен, который они ткут. И твой отец тоже не работает без платы только потому, что он работает на царскую семью.

Я поежилась от неловкости.

— Могу брать.

Ипу улыбнулась и отошла.

— Я принесу тебе еды, госпожа.

Мои родители сидели за одним столом с царем. Отныне Нефертити предстояло есть вместе с Аменхотепом, на помосте, и наблюдать за всем залом. А сегодня вечером, поскольку еще не было распределено, кому где сидеть, архитектор Майя сидел с нами под тронами Гора. Они с женой были скроены на один лад: высокие египтяне с внимательными глазами.

— Фараон желает начать строительство храма Атона, — предостерегающе произнес Майя.

Мой отец резко выдохнул:

— Он сказал тебе об этом?

Архитектор обеспокоенно оглянулся через плечо. Нефертити с Аменхотепом отнеслись к происходящему с полнейшим равнодушием; их куда больше интересовал разговор о храмах и налогах, который они вели. Майя ответил, понизив голос:

— Да. А через два дня войско начнет собирать налоги с храмов Амона.

— Жрецы не рады будут передавать кому-то то, что принадлежало им на протяжении веков, — резко произнес отец.

— Тогда фараон их убьет, — ответил Майя.

— Он так приказал?

Величайший из египетских архитекторов сдержанно кивнул.

Отец встал, отодвинув кресло.

— Нужно известить Старшего.

Размашисто шагая, он вышел из зала, моя мать последовала за ним, и царственная чета на помосте впервые обратила внимание на что-то, кроме себя самих. Нефертити поманила меня, веля подойти к тронам.

— Куда пошел отец? — требовательно спросила она.

— Он услышал, что вы намереваетесь вскоре начать строительство, — осторожно произнесла я. — Он пошел готовиться.

Аменхотеп откинулся на спинку трона.

— Я не ошибся в твоем отце, — сказал он Нефертити. — Раз в семь дней, — решил он, — мы будем собирать двор в Зале приемов. В остальное время пускай просителями и иностранными послами занимается Эйе.

Сестра взглянула на меня с одобрением.

10

Мемфис

25 пахона

В первое мое утро в Мемфисе отец с Нефертити тихонько нырнули ко мне в комнату и закрыли за собою дверь. Ипу, спавшая в комнате напротив, вместе с еще одной служанкой и моим стражником, громко похрапывала.

Я выбралась из-под одеяла.

— Что случилось?

— Отныне мы встречаемся здесь, — сказал отец.

Нефертити уселась ко мне на кровать. Я потерла глаза, прогоняя сон.

— А почему здесь?

— Потому что покои Панахеси выходят в тот же внутренний дворик, что и отцовские, и, если я заведу обыкновение навещать отца там, Панахеси заведет обыкновение подсылать соглядатаев.

Я оглядела комнату.

— А где мама?

Отец уселся.

— В купальне.

Очевидно, она не будет участвовать в наших совещаниях. Оно и к лучшему. Она потеряла бы сон от беспокойства.

— Завтра Аменхотеп начнет собирать налоги с храмов, — сказал отец. — Нам нужно составить план на тот случай, если дела станут плохи.

Я подалась вперед.

— На какой случай?

— Если Хоремхеб выступит против фараона, а жрецы взбунтуются, — коротко отозвалась сестра.

От страха у меня сдавило горло.

— Но почему это может случиться?

Нефертити пропустила мой вопрос мимо ушей.

— Если завтра дела пойдут скверно, — решил отец, — все члены семьи соберутся за храмом Амона. Мы возьмем колесницы в северной части дворца, где ворота не охраняются, и поедем к пристани. Если войско выступит против нас, они будут штурмовать дворец с юга. У причала нас будет ждать корабль, готовый к отплытию. Если фараона убьют, мы вернемся в Фивы.

Нефертити быстро взглянула в сторону двери, убедиться, что нас никто не подслушивает.

— А если не убьют? — поинтересовалась она, понизив голос.

— Тогда мы проследуем на корабль все вместе.

— А если он не пойдет?

— Тогда тебе придется идти без него. — Голос отца был суров. — Потому что он будет обречен и не доживет до ночи.

Я содрогнулась, и даже Нефертити, похоже, заволновалась.

— Если дела пойдут скверно, — повторила она. — Но нет никаких указаний на то, что они и вправду пойдут скверно.

— И все же мы подготовимся. Пускай Аменхотеп, если хочет, принимает опрометчивые решения, но нашу семью он за собою не утащит.

Отец встал, но Нефертити не шелохнулась.

— Вы обе поняли, что следует делать?

Отец посмотрел на нас. Мы кивнули.

— Я буду в Пер-Меджат.

Он отворил дверь и удалился в сторону Зала книг.

Нефертити, озаренная лучами встающего солнца, посмотрела на меня.

— Завтра решится судьба царствования Аменхотепа, — сказала она. — Он пообещал Хоремхебу множество вещей. Войну с хеттами. Новые колесницы. Щиты большего размера.

— И он выполнит обещания?

Нефертити пожала плечами:

— После того как он соберет налоги, какое это будет иметь значение?

— Мне бы не хотелось заполучить Хоремхеба во враги.

— Да. — Нефертити коротко кивнула. — И я не настолько глупа, чтобы думать, что мы непобедимы. Но у Тутмоса никогда не хватило бы мужества бросить вызов жрецам. Если бы я вышла замуж за Тутмоса, мы до сих пор сидели бы в Фивах, ожидая, пока Старший умрет. Аменхотеп же видит новый, более великий Египет.

— А чем плох Египет нынешний?

— Да ты посмотри по сторонам! Если нашему царству грозят хетты, у кого должны быть деньги на ведение войны?

— У жрецов. Но если власть фараона станет безраздельна, — возразила я, — кто скажет ему, когда следует вести войну, а когда нет? Вдруг он захочет начать бесполезную войну? А жрецов, чтобы остановить его, не будет?

— Как это война может быть бесполезной? — удивилась сестра. — Все они служат возвеличиванию Египта!

В полдень следующего дня мы собрались в Зале приемов. Там присутствовала Кийя; ее круглый живот заметно выпирал из-под платья. Служанка помогла ей сесть в кресло напротив меня, на ступеньку ниже трона, и я поняла, что до рождения ребенка осталось меньше пяти месяцев. Кийя надела новый парик и накрасила руки и тяжелые груди хной. Я заметила, что Аменхотеп посматривает на ее грудь, и сощурилась, подумав, что ему следует смотреть только на мою сестру.

Панахеси с моим отцом уселись на втором ряду, а менее значительные чиновники расселись кружком по залу. В середине расположился архитектор, Майя. Я с ним никогда не беседовала, но слышала, что он умен. Отец как-то сказал, что для Майи нет невозможного. Когда Старший пожелал озеро посреди пустыни, Майя его создал. Когда фараон захотел собственное изваяние небывалой величины, Майя нашел способ сделать такую статую. Теперь же он собрался строить храм Атона, бога, о котором никто не слыхал, защитника Египта, которого понимает только Аменхотеп.

— Ты готов? — нетерпеливо спросил восседающий на троне Аменхотеп.

Майя передвинул свитки папируса и взял тростниковое перо.

— Да, ваше величество.

— Записывай все, — велел Аменхотеп.

Архитектор кивнул.

— Я хочу, чтобы у входа в храм стоял ряд сфинксов с бараньими головами.

Архитектор снова кивнул и записал пожелание фараона.

— Там должен быть открытый двор, окаймленный лотосовыми колоннами.

— И пруды с рыбой, — добавила Нефертити. Отец нахмурился, но Нефертити не обратила на него внимания. — И сад. С озером. Вроде того, которое ты сделал для царицы Тийи.

— Только больше, — с нажимом произнес Аменхотеп, и зодчий заколебался.

— Если этот храм будет рядом с нынешним храмом Амона… — Майя сделал небольшую паузу. — Там может не оказаться места для озера.

— Значит, мы снесем храм Амона, и место появится! — торжественно заявил Аменхотеп.

Придворные принялись перешептываться. Я посмотрела на мать. Та была мертвенно-бледной; она пыталась поймать взгляд Нефертити, но моя сестра

отводила глаза. Как он может снести храм Амона? Где же тогда будет отдыхать бог? Куда ходить людям, чтобы поклониться ему?

Майя кашлянул.

— На снос храма могут уйти годы, — предупредил он.

— Значит, озеро будет делаться в последнюю очередь. Но там должны быть высокие каменные пилоны и могучие колонны. И стенные росписи у каждого входа.

— Изображающие нашу жизнь в Мемфисе, — заявила Нефертити. — Чтобы там были слуги с опахалами, и телохранители, и визири, и писцы, и слуги, подносящие сандалии и ходящие по коридорам, — и мы.

— И чтобы на каждой колонне было изображение царя и царицы Египта.

Аменхотеп взял Нефертити за руку, позабыв про сидящую внизу беременную жену, и их захватило видение, внятное только им двоим.

Майя положил тростниковую ручку и посмотрел на помост.

— Это все, ваше величество?

— Пока да. — Аменхотеп стукнул скипетром об пол. — Введите военачальника!

Двери распахнулись, и в Зал приемов вступил Хоремхеб. Когда архитектор вышел и его место занял военачальник, я заметила, что многие визири напряглись. Я удивилась и подумала: неужто они боятся его?

— Все ли подготовлено? — спросил Аменхотеп.

— Солдаты готовы, — отозвался Хоремхеб. — Они ждут вашего приказа.

«И ожидают вознаграждения». Я читала эти слова на лице военачальника и понимала, что солдаты ждут войны с хеттами, чтобы помешать им захватывать наши владения.

— Тогда передай им мой приказ и приступай.

Хоремхеб двинулся к двери, но, прежде чем он дошел до выхода, Аменхотеп подался вперед и остановил его.

— Не разочаруй меня, военачальник!

Придворные повытягивали шеи, чтобы лучше видеть. Хоремхеб обернулся.

— Я никогда вас не разочарую, ваше величество. Я всегда держу свое слово. И знаю, что и вы сдержите свое.

Когда тяжелые, окованные металлом двери захлопнулись, Аменхотеп вихрем слетел с трона, напугав визирей.

— Прием окончен!

Сидящие в зале чиновники заколебались.

— Вон отсюда! — выкрикнул фараон, и все вскочили на ноги. — Эйе и Панахеси пусть останутся.

Я тоже встала, но Нефертити вскинула руку, веля мне остаться. Зал приемов опустел. Я снова опустилась на свое место. Кийя тоже осталась сидеть. Аменхотеп принялся расхаживать взад-вперед.

— Этому военачальнику нельзя доверять! — решил он. — Он не предан мне!

— Но вы еще не испытали его, — негромко заметил отец.

— Он верен только своим людям из войска!

Панахеси кивнул:

— Совершенно с вами согласен, ваше величество.

Почуяв поддержку, Аменхотеп принял решение:

— Я не пошлю его на войну. Я не стану отправлять его на север воевать с хеттами, чтобы он вернулся с полными колесницами оружия и золота и использовал их для мятежа!

— Мудрое решение! — тут же поддержал его Панахеси.

— Панахеси, я отправляю тебя надзирать за храмами, — сказал Аменхотеп. — Ты отправишься с Хоремхебом следить, чтобы ничего не было украдено. Все, что соберет войско, следует доставить ко мне. Во славу Атона.

Он повернулся к моему отцу.

— Эйе, ты займешься иноземными послами. Ты будешь решать все дела, подлежащие рассмотрению перед троном Гора. Я доверяю тебе больше всех.

Фараон впился взглядом в отца, и тот почтительно поклонился.

— Да, ваше высочество.

На третий вечер нашего пребывания в Мемфисе ужин в Большом зале получился молчаливым. Фараон пребывал в дурном расположении духа и взирал на всех с подозрением. Никто не смел упомянуть имя военачальника Хоремхеба, а визири тихонько перешептывались между собой.

— Ты еще не видела здешние сады? — спросила меня мать.

Она наклонилась и угостила кусочком утки одну из дворцовых кошек, на зависть слугам. За нашим столом она единственная была весела. В тот момент, когда Аменхотеп поклялся отвернуться от генерала, как только Хоремхеб закончит разбираться с храмами Амона, мать изучала местные рынки.

Я покачала головой и со вздохом отозвалась:

— Нет. Я разбирала вещи.

— Тогда нам надо сходить туда после ужина! — жизнерадостно заявила мать.

Когда Большой зал опустел, мы прошли через заполненные народом внутренние дворики и отправились прогуляться по вечерней тишине. С верхней площадки дворцовой лестницы, ведущей в сады, я увидела нанесенные ветром песчаные холмы Мемфиса. В угасающем свете дня видно было движение песка и дрожащую пыльную дымку. Солнце садилось, но было еще тепло, и небо этим вечером было ясным. Я сорвала листик с дерева:

— Мирт.

Я растерла листок в пальцах и поднесла руку к лицу матери, предлагая ей понюхать. Она отпрянула.

— Ужас какой!

— Вовсе и не ужас, когда у тебя что-то болит.

Мать посмотрела на меня.

— Возможно, нам с тобой стоило бы остаться в Ахмиме, — внезапно произнесла она. — Ты скучаешь по своему саду. У тебя всегда были большие способности к травознанию.

Я взглянула на нее, пытаясь понять, отчего вдруг она заговорила об этом сейчас.

— Ранофер был хорошим наставником, — ответила я.

— Ранофер женился, — сказала мать.

Я вскинула голову.

— На ком?

— На местной девушке. Конечно, она не так красива, как Нефертити, но она любит его и будет ему верна.

— Ты думаешь, Нефертити его любила? — спросила я.

Мы стояли и смотрели на темнеющее небо. Мать вздохнула.

— Любовь бывает разная, Мутноджмет. Любовь к родителям, любовь к детям, любовь, которая на самом деле вожделение.

— Нефертити испытывала вожделение?

Мать рассмеялась.

— Нет, для этого она слишком хорошо владеет собою. Это мужчины вожделеют ее. Но я думаю, что она любила Ранофера — на свой лад. Он был рядом, он был привлекателен, и он ходил за нею по пятам.

— Как Аменхотеп.

Мать едва заметно улыбнулась.

— Да. Но Ранофер всегда понимал, что Нефертити предназначена для фараона. Она — дочь царевны.

— А теперь он женился.

— Да. Думаю, его сердце исцелилось.

Мы обе улыбнулись. Я была рада за Ранофера. Он женился на местной девушке. Наверное, у него хорошая жена, которая перемывает его травы и подает ему обед, когда он возвращается домой, навестив своих пациентов в деревне. Интересно, а мой будущий муж будет разбираться в травах или в садоводстве? На небо высыпали звезды; мы отправились обратно во дворец. Мать прошла ко мне в покои, напугав Ипу; девушка поспешно поклонилась и зажгла лампу.

— Чудесно.

Мать коснулась рисунка, изображающего Исиду и Осириса. На стене было нарисовано изображение моей богини-покровительницы.

— Мут, — сказала мать, глядя на освещенную светом лампы кошачью голову. Она взглянула в мои зеленые глаза, потом снова посмотрела на богиню. — Интересно, это имена определяют наши судьбы или судьба подталкивает нас к тому, чтобы выбирать определенные имена?

Мне и самой хотелось бы это знать. А знала ли мать, что у меня будут кошачьи глаза, когда выбрала мне это имя, Мутноджмет? И могла ли первая жена отца знать, какой красивой вырастет Нефертити, когда назвала ее «Красавица грядет»?

Мать опустила руку.

— Завтра будет трудный день, — многозначительно произнесла она. — Завтра решится будущее Мемфиса.

«И решит его человек, которого фараон собрался предать». Интересно, мать слышала об этом от отца? Я промолчала, и мать мягко улыбнулась.

— Тебе пора спать.

Я, как дитя, повиновалась и улеглась в кровать. А мать поцеловала меня в лоб — как раньше, в Ахмиме.

Поутру меня разбудило солнце; его лучи проникли в комнату сквозь плетенные из тростника занавески. Мир вокруг меня был странно безмолвным. Я встала и проверила дверь, но Ипу ушла. Я выглянула во дворик. Никого из слуг не было видно. Я быстро оделась. Наверное, что-то пошло скверно. Что случилось? Хоремхеб предал нас? Баржи скрылись? Я помчалась по коридору. Может, они уплыли без меня? Как я могла столько проспать? Я ускорила шаг, а когда увидела в коридоре слугу, тут же кинулась к нему:

— Где все?

Слуга, обремененный грудой свитков, двинулся прочь от меня.

— В Большом зале, госпожа.

— А почему там?

— Потому что в Зал приемов все не поместится.

В Большом зале двое стражников расступились, давая мне дорогу; я вошла в зал — и ахнула. В распахнутые окна лился утренний свет, но мне в глаза бросились не яркая мозаика и не позолоченные столы. В зале стояли открытые сундуки с сокровищами, один за другим: серебряные скипетры и искусно обработанное золото, которые сотни лет были скрыты от глаз

фараонов Египта. Они были свалены беспорядочными грудами: древние изваяния Птаха и Осириса, золотые троны, лакированные ладьи и сундуки, заполненные бронзой и золотом. Нефертити с Аменхотепом стояли на помосте, а солдаты вносили все новые и новые сокровища. Мои родственники стояли рядом и наблюдали за этой сценой.

— Да тут, должно быть, все золото Египта! — воскликнула я.

Проходивший мимо военачальник Хоремхеб бросил на меня пристальный взгляд. Отец отделился от толпы чиновников и взял меня за руку.

— Все прошло хорошо.

— Это потому ты меня не разбудил? — спросила я, обидевшись на то, что никто не потрудился позвать меня и позволить мне присутствовать при таком торжественном моменте.

— Твоя мать строго-настрого велела не будить тебя, если только дела не станут плохи. — Он отечески погладил меня по спине. — Мы же о тебе заботимся, котеночек. Не сердись.

Мы вместе оглядели Большой зал, и отец предостерегающе произнес:

— Если беспорядки начнутся, то до наступления вечера. Они еще не были у верховного жреца Амона.

— А он знает, что к нему придут?

— Его предостерегли.

Я понизила голос:

— Ты думаешь, будут беспорядки?

— Да, если верховный жрец достаточно глуп, чтобы не видеть течения.

Я потрясенно взглянула на отца.

— Так ты согласен со всем этим?

Отец на миг прикрыл глаза.

— Изменить пустыню невозможно. Можно лишь пересечь ее по самому короткому пути. Желание очутиться в оазисе оазиса не сотворит, Мутноджмет.

Внезапно в зале воцарилась тишина, и я заметила, что люди Хоремхеба исчезли. Нефертити спустилась с помоста к нам с отцом.

— Солдаты отправились в храм Амона, — возбужденно произнесла она.

Мы посмотрели на сокровища, сверкающие на солнце. Их было так много, что я невольно задумалась: солдаты и вправду просто взяли с храмов налоги или же выгребли все, что обнаружили в храмовых сокровищницах?

— Не может быть, чтобы это все — только налоги, — произнесла я вслух. — Вы только гляньте! Этого слишком много!

— Ой, да в Мемфисе десятки храмов! — весело откликнулась Нефертити. Отец сурово посмотрел на нее, и Нефертити, защищаясь, добавила: — Солдатам приказали забрать из сокровищниц четвертую часть золота.

— А они выполняют этот приказ? — строго спросил отец.

— Конечно, — отозвался Аменхотеп. Мы даже не слышали, как он подошел. Он встал между мною и сестрой и обнял ее за тонкую талию. — Там Панахеси — как раз чтобы за этим проследить.

Он посмотрел Нефертити в глаза. Нефертити положила голову ему на плечо.

— Как так получается, что с тех пор, как в моей жизни появилась ты, все мои замыслы приносят плоды?

Нефертити соблазнительно повела плечом с таким видом, словно она знает ответ, но говорить его не хочет.

«Верховному жрецу Амона еще предстоит расстаться со своими богатствами», — мрачно подумала я.

Мы ждали в Большом зале. Несколько часов из Великого храма Амона не было никаких известий, и придворные забеспокоились. Аменхотеп расхаживал взад-вперед, а Нефертити играла в сенет с моей матерью. Когда дверь наконец-то распахнулась и в нее стремительно вошел Хоремхеб, все в Большом зале затаили дыхание. Военачальник подошел к помосту — в кожаном доспехе, но без оружия.

— Где оно? — вскричал Аменхотеп. — Где золото Амона?

— Верховный жрец не согласен платить налог, — просто ответил Хоремхеб.

В голосе Аменхотепа прорезался гнев.

— Тогда почему ты здесь? Ты знаешь условия! Если он не склонится перед фараоном, он должен за это заплатить!

Визири Аменхотепа принялись с жаром переговариваться.

— Тихо! — рявкнул на них фараон.

В Большом зале мгновенно воцарилась тишина.

— Пусть верховный жрец послужит всем примером, — посоветовал Панахеси.

Отец встал со своего места.

— Его смерть может вызвать бунт. Народ считает, что его устами говорят боги. Гораздо разумнее будет арестовать его.

Аменхотеп посмотрел на Нефертити, и всему двору стало ясно, какое влияние она приобрела. Нефертити спустилась с помоста.

— Делай так, как ты считаешь правильным. Возможно, и вправду мудрее будет арестовать его, — признала Нефертити, — но если он не пойдет мирно…

Она развела руками. Только что она одним махом и успокоила всех, и приговорила верховного жреца.

Аменхотеп повернулся к Хоремхебу.

— Арестуй его! Если он не согласится идти — возьми его жизнь!

Хоремхеб не шелохнулся.

— Мои люди не убийцы, ваше величество.

— Он — изменник! — вскипел Аменхотеп. — Пятно на великой славе Атона!

— Тогда я арестую его и приведу сюда. Мирно.

Видно было, что Аменхотепу хочется разразиться бранью, но Хоремхеб был нужен ему. Работа пока еще была не окончена. Нефертити шагнула вперед и что-то прошептала на ухо Хоремхебу. Я поняла по губам, о чем она говорит.

— Царствованию Амона конец, — угрожающе произнесла она. — Отныне Египет охраняет Атон!

Они посмотрели друг на друга, вложив в эти взгляды очень многое. Хоремхеб поклонился и развернулся, собираясь уходить.

Аменхотеп посмотрел на Панахеси и приказал:

— Иди за ним!

Тем вечером в моей комнате состоялась встреча.

— Ты позволила ему убить верховного жреца Амона!

Отец был вне себя от гнева. Он расхаживал по комнате, а плащ обвивался вокруг его ног.

Нефертити сидела на краю моей кровати. Она явно была потрясена.

— Он отказался платить налог, — возразила она. — Если бы он мирно пошел…

— Панахеси не дал ему возможности пойти мирно! Это против Маат! — предостерег отец, и Нефертити слегка побледнела.

— Богиня поймет…

— А поймет ли? — переспросил отец. — Ты готова рискнуть своим ка — своей душой — ради этого?

Мы с ним посмотрели на Нефертити.

— Сейчас уже ничего нельзя поделать, — отозвалась она. — Он мертв и… и Аменхотеп ждет меня в наших покоях. Сегодня ночью будет пир, — добавила она еле слышно и украдкой взглянула на отца. — Он ждет тебя, — поспешно произнесла Нефертити. — И Панахеси там будет.

Отец не ответил. Хоремхеб не предал царя, но произошло нечто худшее, грозящее более длительными последствиями. Это деяние Аменхотепа отзовется не только на земле, но и среди богов. Отец выскочил прочь из комнаты. Нефертити быстро взглянула на меня. Затем она поспешила следом за отцом, и я осталась в комнате одна.

Когда появилась Мерит и передала указание, чтобы я надела на пир мои лучшие украшения, я гневно покачала головой.

— Но так пожелала царица, — удивилась она.

— Тогда передай царице, что она будет единственной дочерью Эйе, которая сегодня вечером будет выглядеть потрясающе. На мой взгляд, двору сегодня следует горевать, а не радоваться!

Мерит посмотрела на меня озадаченно.

— Верховный жрец убит!

До Мерит наконец-то дошло.

— А! Да. Да примет Осирис его душу, — пробормотала она. — Я передам твой ответ царице, госпожа. Но ты пойдешь? — переспросила Мерит.

— Конечно! — огрызнулась я. — Но только потому, что у меня нет другого выхода!

Мерит взглянула на меня с любопытством, но мне это было безразлично. Мне было все равно, кто узнает о том, что я считаю неправильным праздновать смерть Маат. Но в конечном итоге я знала, что даже мой отец будет присутствовать на пиру у фараона. Ибо фараон превыше всех.

Я встала посреди комнаты и закрыла глаза.

— Ипу! — позвала я. Девушка не отозвалась. — Ипу!

Служанка появилась.

— Да, госпожа!

— Сегодня вечером я иду на празднество.

Я видела, что Ипу потрясена, хоть она и промолчала. Верховный жрец Амона, святейший из святых, убит несколько часов назад, а во дворце празднество. Я молча сидела, пока Ипу приводила в порядок мои волосы и ногти, и даже позволила накрасить хной ступни и грудь. Когда дверь комнаты распахнулась, я поняла, кто это, прежде чем она ступила на порог.

Ее парик был короче обычного. Волосы были зачесаны за уши, открывая дважды проколотые мочки ушей, и доходили до уровня подбородка. Она была красивой и пугающей. Она села рядом со мной, но я ее проигнорировала.

— Ну что ты дуешься? Мы сделали то, что нужно было сделать, — проникновенно произнесла она.

— Что нужно — убийство? — воскликнула я и предостерегла: — Боги накажут эту семью!

— Мы показали пример!

— Пример чего? Что фараона следует бояться?

— Конечно, его следует бояться! Он — фараон самого могущественного царства на земле, и существует всего два способа править: или правление будет сопровождаться страхом, или бунтами.

Она протянула руку.

— Завтра начнется строительство нашего храма. Сегодняшний вечер — праздничный, что бы ты там ни думала.

Она улыбнулась и вскинула голову, призывая меня встать и идти с ней.

— А ты знаешь, что Старший прислал сюда своего военачальника, выяснить, что тут происходит?

Мое сердце забилось быстрее.

— Военачальника Нахтмина?

— Да.

Мы быстро шли по коридорам дворца.

— Но чего Старший хочет от своего военачальника? Что тот должен сделать?

— Он ничего не может сделать, — весело отозвалась Нефертити. — Ты, конечно, слышала, что Старший женился снова? На маленькой царевне из Нубии. Ей двенадцать лет.

Я скривилась.

— Хотя какое мне до этого дело? Встало новое солнце, и оно испепелит все прочие звезды на небе. Включая и Старшего.

Ее агрессивность потрясла меня.

— А наша тетя?

— Тийя сильна. Она сама о себе позаботится.

Мы быстро прошли по расписанным коридорам в просторную комнату, которую она делила с царем. Из внутренних покоев вышел Аменхотеп, и при виде его у меня перехватило дыхание. На нем было длинное облегающее схенти и золотое ожерелье, которого я прежде не видела. Возможно, оно было из сокровищ Амона. Они с Нефертити поцеловались. Я отвернулась.

— Я же говорила, что ты преуспеешь, — нежно произнесла Нефертити. — И это только начало!

Двери Большого зала распахнулись, и запели трубы.

Празднество остановилось, чтобы все могли посмотреть на появление фараона. Я шла за сестрой, а за нами следовали Ипу и Мерит; в волосы их были вплетены золотые и лазуритовые бусины. Мои родители сидели за их

столом, у двойного трона. Там же был архитектор, и Кийя, и Панахеси. К своему разочарованию, я увидела за этим же столом и Хоремхеба.

Я уселась на свое место, а Аменхотеп повел мою сестру к ее трону. Все смотрели, как они вместе взошли на помост, словно боги, спустившиеся на землю. Никогда еще Египет не видел такой потрясающей пары, с их золотыми и стеклянными бусинами и с драгоценными царскими скипетрами. Придворные принялись покачивать головами и благоговейно перешептываться. Я посмотрела на свою пустую тарелку и вручила ее Ипу, чтобы та положила мне еды. За всем столом лишь мы с Хоремхебом сидели молча.

— Ты сегодня неразговорчив, военачальник. — Кийя сидела рядом с Хоремхебом. Ее красивая грудь выглядывала в вырез платья, а под ней приятно круглился живот. — Тебя не радует празднество?

Хоремхеб скептически взглянул на нее.

— Я здесь лишь потому, что так мне было приказано. Иначе я готовился бы к сражению с хеттами, что вторгаются в наши земли и разоряют наши деревни.

Кийя рассмеялась:

— Хетты? Ты предпочел бы лучше драться с хеттами, чем пировать у фараона?

Военачальник посмотрел на нее и ничего не сказал.

— А хетты вправду захватывают египетские земли? — спросила его я.

— Каждый день, в который мы им это позволяем, — ответил Хоремхеб.

— Так ты думаешь, будет война? — тихо спросила я.

— Если фараон сдержит свое слово. Сестра главной жены царя верит в это?

Кийя пренебрежительно фыркнула:

— Да что маленькие девочки знают о войне?

Хоремхеб пристально взглянул на нее.

— Судя по всему, больше, чем жены фараона.

Он резко отодвинул стул, встал из-за стола и вышел. И я тоже встала, не дожидаясь, пока Ипу принесет мою тарелку, и заявила, что мне очень хочется взглянуть на сад.

Над садом Гора встала полная луна. Свет из дворца рассеивал ночную тьму, а в отдалении мелодично журчал фонтан. Из дворца до меня доносился смех и шум радостного празднества.

— Я так и подумал, что могу встретить тебя здесь.

Я застыла. Из теней возник человек, и я уже собралась было пуститься наутек. Какая глупость — отправиться в сад одной! Но когда человек вышел на освещенное место, я узнала его. Я вспомнила наш последний разговор и холодно улыбнулась:

— Добрый вечер, военачальник Нахтмин.

— Ты даже не удивилась, увидев меня? — спросил он.

На Нахтмине было длинное схенти и короткий плащ из плотного льна. Я взглянула на него в бледном свете луны.

— Нет. А что, надо было?

— Я только что приехал из Мемфиса. Даже фараон еще не знает, что я здесь.

— Но Нефертити сказала…

Нахтмин пожал плечами:

— Их предупредили о моем приезде.

— Тогда тебе туда. — Я указала на дворец. — Они захотят немедленно поговорить с тобой.

Военачальник рассмеялся.

— Ты думаешь, фараона волнует, что его мать скажет о его действиях?

Я мгновение подумала.

— Нет.

— Тогда какая разница, буду ли я там, притворяясь, будто веселюсь и радуюсь, или побуду тут с прекрасной мив-шер и вправду порадуюсь?

Я покраснела. «Мив-шер» — так меня называл отец. Так уместно называть котенка, но не женщину.

— Там во дворце Нефертити. Ты можешь порадоваться обществу красивой женщины.

— Ах вот почему ты сердишься на меня! А я-то думал…

— Вовсе я на тебя и не сержусь! — возразила я.

— Вот и хорошо. Тогда ты не будешь возражать против прогулки по саду.

Он предложил мне руку, и я нерешительно оперлась на нее.

— У меня будут большие неприятности, если моя сестра обнаружит нас здесь, — предупредила его я.

Но мне нравилось ощущать его прикосновение, и я не отняла руку.

— Она сюда не придет.

Я посмотрела на Нахтмина.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что сейчас ее гораздо больше волнует строительство храма Атона.

Это было правдой. Вряд ли вообще хоть кто-то на празднестве меня хватится.

— Ну и как дела в Фивах? — хмуро поинтересовалась я.

— Да так же, как и в Мемфисе. Сплошная политика, — ответил Нахтмин. — Когда-нибудь я брошу это все и поселюсь где-нибудь в тихой деревушке.

Он посмотрел на меня.

— А ты? Каковы планы сестры главной жены царя?

Мне было четырнадцать — достаточно, чтобы выйти замуж и управлять собственным домом. Я сжала губы.

— Это зависит от того, что решит мой отец.

Военачальник промолчал. Я подумала, что его, быть может, разочаровал мой ответ.

— Говорят, ты целительница, — заметил Нахтмин, меняя тему беседы.

Я энергично покачала головой:

— Просто в Ахмиме я немного изучала травы.

Нахтмин улыбнулся. Он наклонился и сорвал листик с какого-то маленького кустика.

— А что это? — спросил он.

Я не хотела отвечать, но Нахтмин поднял листик повыше и явно собирался дождаться ответа.

— Тимьян. С медом хорошо лечит кашель, — не удержалась я, и Нахтмин рассмеялся.

Мы дошли до самого края сада: в нескольких шагах от нас уже начинался дворец.

— Ты не принадлежишь этому месту, — сказал Нахтмин, глядя на открытые двери Большого зала. — Ты для этого слишком хороший человек.

От возмущения я повысила голос.

— Ты хочешь сказать, что…

— Я ничего не хочу сказать, мив-шер. Но эти игры не для тебя.

Мы остановились у входа во внутренний дворик.

— Я уезжаю завтра утром, — сказал Нахтмин. Помолчав, он быстро добавил: — Будь осторожна здесь, госпожа. Пусть история забудет твое имя. Ибо ради того, чтобы твои деяния жили в вечности, тебе придется стать именно тем, чем желает тебя видеть твоя семья.

— И чем же? — спросила я.

— Рабыней трона.

Я сидела в покоях Нефертити, потому что она позвала меня сюда, и смотрела, как она разделась, бросив дорогое платье на пол. Она протянула ко мне руки, чтобы я помогла ей надеть домашнее одеяние, и мне подумалось: а не стала ли я уже рабыней трона? Уж рабыней Нефертити — так точно.

— Мутни! Мутни, ты меня слушаешь?

— Конечно.

— Тогда почему ты не отвечаешь? Я только что сказала, что завтра мы собираемся пойти посмотреть на храм, а ты… — Она с шумом втянула воздух. — Ты думаешь о том военачальнике! — обвиняюще воскликнула Нефертити. — Я видела, как ты вчера вечером вошла с ним в Большой зал!

Я отвернулась, пытаясь скрыть румянец.

— Выброси его из головы! — прикрикнула Нефертити. — Аменхотеп его не любит. Чтобы тебя с ним не видели!

— Да ну? — Я встала, внезапно рассердившись. — Мне четырнадцать лет! Какое у тебя право указывать, с кем мне видеться, а с кем нет?

Мы уставились друг на друга; у рта Нефертити пролегли жесткие складки.

— Я — царица Египта. Тут не Ахмим, где мы были просто девочками. Я — правительница самого богатого царства на свете, и я не желаю, чтобы ты была повинна в моем низвержении!

Я собрала все свое мужество и яростно тряхнула головой:

— В таком случае я не желаю иметь с этим ничего общего!

Я двинулась к выходу, но Нефертити преградила мне путь.

— Ты куда?

— К себе во дворик.

— Нет, ты не пойдешь! — воскликнула Нефертити.

Я расхохоталась.

— Ты что, собираешься стоять так всю ночь?

— Да!

Мы снова уставились друг на друга, а потом на глазах у Нефертити выступили слезы. Она подошла к кровати и упала на нее.

— Ты хочешь, чтобы я осталась одна? Вот так, да?

Я вернулась и присела рядом с ней.

— Нефертити, у тебя есть Аменхотеп. У тебя есть отец…

— Отец! Отец любит меня за мое честолюбие и хитрость. А тебя он уважает! С тобой он разговаривает!

— Он разговаривает со мной потому, что я его слушаю.

— И я тоже!

— Нет. Ты не слушаешь. Ты ждешь, пока человек скажет то, что тебе хочется услышать, и только тогда обращаешь на него внимание. И ты не прислушиваешься к советам отца. Ты ни к чьим советам не прислушиваешься.

— А почему я должна к кому-то прислушиваться? Я что, овца?

Я помолчала, потом снова повторила:

— У тебя есть Аменхотеп.

— Аменхотеп! — отозвалась Нефертити. — Аменхотеп — честолюбивый мечтатель! И сегодня ночью он будет с Кийей, которая не видит дальше кончика своего кривого носа!

Я рассмеялась, потому что это было правдой, и Нефертити положила руку мне на коленку.

— Останься со мной, Мутни.

— Хорошо, сегодня останусь.

— Нечего делать мне одолжение!

— Ничего я и не делаю. Я просто не хочу, чтобы ты была одна, — искренне ответила я.

Нефертити самодовольно улыбнулась и налила две чаши вина. Я не стала обращать внимание на ее самодовольный вид и села рядом с ней у жаровни, набросив одеяло нам на ноги.

— А почему Аменхотеп не любит этого военачальника? — поинтересовалась я.

Нефертити мгновенно поняла, какого военачальника я имела в виду.

— Он предпочел остаться в Фивах, вместо того чтобы поехать в Мемфис.

На лице Нефертити играли золотистые отблески пламени в жаровне. Она была красивой даже без драгоценностей и короны.

— Но ведь не все же военачальники поехали с нами в Мемфис! — возразила я.

— Ну, Аменхотеп ему не доверяет. — Нефертити повращала чашу с вином. — И потому не следует, чтобы тебя видели с ним. Те, кто верен, приехали с ним в Мемфис.

— Но что будет, когда Старший умрет? Разве войско не воссоединится снова в Фивах?

Нефертити покачала головой:

— Сомневаюсь, что мы вернемся в Фивы.

Я чуть не выронила чашу.

— Что ты имеешь в виду? Когда-нибудь Старший умрет. Возможно, не скоро, но когда-нибудь…

— И когда он умрет, Аменхотеп туда не вернется.

— Он так сказал? Ты рассказала отцу?

— Нет, он этого не говорил. Но я узнаю о нем все больше. — Нефертити смотрела в огонь. — Он хочет свой собственный город. Не Мемфис — другой, чтобы он стал свидетельством нашего царствования.

Нефертити, не сдержавшись, улыбнулась.

— Но разве ты не хочешь вернуться в Фивы? — спросила я. — Это же центр Египта! Центр всего!

Улыбка Нефертити сделалась шире.

— Нет, Мутни. Это мы — центр всего. Как только Старший умрет, двор последует за нами, куда бы мы ни отправились.

— Но Фивы…

— Это всего лишь город. Представь себе: а что, если Аменхотеп сумеет построить город еще больше? — Ее глаза округлились. — Он станет величайшим строителем в истории Египта! Мы сможем написать наши имена на каждом дверном косяке. Каждый храм, каждый алтарь, каждая библиотека, даже каждая вещь станет свидетельством наших жизней. — Черные волосы Нефертити поблескивали в свете огня. — Ты сможешь обзавестись собственным зданием, обессмертить свое имя, и боги никогда не забудут тебя!

Я вспомнила слова Нахтмина о том, что лучший подарок, какой только может сделать история, — это чтобы тебя забыли. Но это не может быть правдой! Откуда боги узнают, что ты сделал? Мы с сестрой сидели в молчании и размышляли. Пламя в глазах Нефертити погасло, и вид у нее сделался затравленный.

— Мы с тобой такие разные! Должно быть, это потому, что я больше похожа на мою мать, а ты — на свою.

Я заерзала в кресле. Я не любила, когда сестра говорила о нашем разном происхождении.

— Интересно, какой была моя мать? Представляешь, Мутни, мне ничего от нее не осталось. Ни портрета, ни одежды, ни даже какого-нибудь свитка.

— Она была царевной Миттани. Дома ее наверняка нарисовали в гробнице ее отца.

— Даже если так, здесь, в Египте, у меня нет ее портрета.

Во взгляде Нефертити появилась решимость.

— Я никогда не допущу, чтобы со мной случилось то же самое. Я высеку свое изображение на всех углах. Я хочу, чтобы мои дети помнили меня до тех пор, пока в Египте не исчезнут пески, а пирамиды не рассыплются в прах.

Я посмотрела на сестру, освещенную светом огня, и мне стало очень грустно. Я никогда не знала этого о ней.

Множество сокровищ Амона сложили в тяжелые окованные сундуки, а сундуки кое-как составили вдоль стен Зала приемов. Но все равно позолоченные сандалии, леопардовые шкуры и короны с самоцветами величиной в мой кулак валялись грудами по углам и на столах. Куда это все девать? Держать здесь, в зале, небезопасно, даже под присмотром трех десятков стражников.

— Надо поручить Майе спроектировать сокровищницу, — предложила Нефертити.

Аменхотеп тут же загорелся этой идеей.

— Царица права! Я хочу сокровищницу, способную противостоять напору времени. Панахеси, отыщи Майю.

Панахеси быстро поднялся со своего места:

— Конечно, ваше величество. И если фараон пожелает, я с радостью присмотрю за строительством.

Отец бросил взгляд на Нефертити, и моя сестра тут же произнесла:

— На это потребуется много времени, визирь. — Она посмотрела на Аменхотепа. — Во-первых, нам нужно найти скульптора, который разместит твои изваяния на каждом углу. Аменхотеп Строитель, хранящий сокровища Египта.

Панахеси сердито сверкнул глазами:

— Ваше величество…

Но Аменхотепа увлекла описанная Нефертити картина.

— Он может изваять и тебя тоже. Мы будем самыми могущественными правителями Египта, оберегающими его величайшие сокровища.

При мысли об изваянии Нефертити на сокровищнице Египта Панахеси побелел.

— Следует ли послать за скульптором? — спросил отец.

— Да. И немедленно, — распорядился Аменхотеп.

11

1350 год до н. э.

Ахет. Сезон половодья

Сокровищница опередила даже храм Амона.

К началу тота рядом с дворцом было воздвигнуто величественное двухэтажное здание. Еще не успела осесть пыль во внутреннем дворике, как Майя распахнул тяжелые металлические двери, и мы застыли в благоговении, потрясенные тем, что сумел совершить архитектор за столь краткий срок. Из всех четырех углов сокровищницы на нас смотрели Аменхотеп и Нефертити — больше, чем в жизни, больше, чем самые великолепные статуи Старшего в Фивах.

— Кто это создал? — ахнула я, и Майя улыбнулся мне:

— Скульптор по имени Тутмос.

Изваяния были великолепны: такие высокие, такие потрясающие — мы были перед ними словно крохотные ростки в лесу сикоморов. Стоящие за нами визири и придворные безмолвствовали. Даже Панахеси ничего не сказал. Нефертити подошла к одной из статуй. Ее голова доходила статуе до щиколотки. Сходство было поразительным: тонкий нос, маленький рот, огромные черные глаза под высокими дугами бровей. Нефертити провела рукой по подолу платья из песчаника и сказала мне одними губами:

— Жаль, что здесь нет Кийи!

Аменхотеп величественно провозгласил:

— Теперь мы начнем строительство храма Атона!

У отца сделался такой вид, словно он не верил своим ушам, но Майя явно не удивился.

— Конечно, ваше величество.

— А визирь Панахеси будет надзирать за строительством.

В моей комнате состоялась очередная встреча. Теперь, когда сокровищница была построена, нельзя было допустить, чтобы Панахеси назначили ведать этим золотом. Строительство храма Атона должно было начаться в тоте, но, когда храм будет готов и Панахеси освободится от надзора за стройкой, он снова попытается пробраться в казначеи.

— Нам необходимо как-то воспрепятствовать ему, — просто произнес отец.

— Мы можем дать ему другую работу. Что-нибудь такое, что удержит его подальше от дворца. Может, сделать его послом? Отправить в Миттани…

Отец покачал головой, отвергая это предложение:

— Он никогда не согласится.

— Да кому какая разница, согласится он или нет? — прошипела Нефертити.

Отец заколебался.

— Мы можем сделать его верховным жрецом Атона, — произнес он, размышляя вслух.

Нефертити отшатнулась.

— В моем храме?!

— А что, ты предпочтешь, чтобы он стал казначеем и надзирал за сокровищами Египта, чтобы передать его будущему царевичу? Нет, мы сделаем его верховным жрецом Атона, — решил отец и быстро встал. — Нефертити, тебе приснился сон. Ты увидела сон, в котором Панахеси был верховным жрецом Атона.

Нефертити мгновенно поняла его замысел.

— На нем было одеяние из шкуры леопарда. Его окружало золотистое сияние. Должно быть, это знак.

Отец улыбнулся, и Нефертити рассмеялась. Превосходная пара гиен.

В тот день Нефертити подождала, пока Зал приемов не заполнился людьми, и только потом возвестила придворным, что она видела сон.

— Все было словно наяву, — сообщила Нефертити, и Панахеси бросил на нее пронзительный взгляд. Сестра продолжала: — Сон был таким ярким, что, когда я проснулась, мне показалось, что все это случилось на самом деле.

Заинтригованный Аменхотеп выпрямился.

— Может, послать за жрецом? Что это был за сон? Он касался меня?

Сидящие у помоста Кийя и ее женщины принялись переглядываться и перешептываться.

Нефертити изобразила застенчивость.

— Он касался всего Египта, — пояснила она.

— Пошлите за жрецом! — воскликнул Аменхотеп, и прежде, чем Панахеси успел хотя бы встать, отец уже был у двери.

— За каким-то конкретным жрецом, ваше величество?

Аменхотеп скривился. Поскольку храм Атона еще не был построен, за жрецами приходилось обращаться в храм Амона.

— За толкователем сновидений.

Когда отец исчез, Панахеси нахмурился, чуя что-то неладное.

— Ваше величество, не будет ли разумным сперва услышать сон? — предложил он.

Нефертити весело рассмеялась:

— Зачем, визирь? Ты боишься, что мне могло присниться что-то такое, что смутит царя?

Она взмахнула длинными ресницами, и Аменхотеп улыбнулся:

— Я доверяю своей жене во всем, визирь. Даже в снах.

Но Кийя с ее растущим животом не могла допустить, чтобы Нефертити превзошла ее.

— Не хочет ли ваше величество послушать музыку, пока мы будем ждать жреца?

Раз Нефертити может угодить фараону сном, она угодит ему музыкой. Кийя махнула рукой в браслетах музыкантам, повсюду следующим за двором, и они заиграли песню. Никто и слова не сказал ни о просителях, выстроившихся у дворца, ни о визирях, желающих знать, что делать с Хоремхебом и с хеттами, посягающими на земли Египта. Сон Нефертити оказался важнее всего. Сон Нефертити и музыка Кийи. «Вот когда фараон

решает отправиться в Зал приемов и заняться делами царства, тогда-то ничего и не делается», — подумала я.

Арфисты играли, а Аменхотеп восседал на троне. Затем двери Зала приемов распахнулись, и появился отец. Следом за ним величаво вошел жрец Амона.

— Толкователь сновидений! — объявил отец.

Старик поклонился.

— Я — жрец Менкхепере.

— Мне приснился сон, провидец, — произнесла Нефертити, — и мы хотим, чтобы ты его истолковал.

— Пожалуйста, поведайте ваш сон, ваше величество, и как можно подробнее — все, что только сможете вспомнить.

Нефертити встала.

— Мне приснилось одеяние из шкуры леопарда, освещенное солнцем, — сказала она.

Я с беспокойством взглянула на Панахеси. Тот перехватил мой взгляд и тут же понял, что заваривается какая-то каша.

— Вам приснился верховный жрец Атона, — торжественно провозгласил Менкхепере, и по залу поползли шепотки.

— Мне также приснилось, что это одеяние надел визирь, и в тот же миг солнце засияло ярче. Так ярко, что его лучи сделались ослепительными.

Все присутствующие застыли, а Менкхепере победно воскликнул:

— Знак! Определенно это знак!

Аменхотеп поднялся с трона.

— Присутствует ли здесь тот человек, что привиделся тебе во сне?

Все взгляды устремились к Нефертити — а та взглянула на Панахеси — и снова на жреца.

Менкхепере раскинул руки. Мне стало интересно, сколько отцовского золота сейчас спрятано у него под одеянием. Жрец провозгласил:

— Значение этого сна очевидно, ваше величество. Атон избрал.

— Нет! — Панахеси подхватился с кресла. — Ваше величество, это был всего лишь сон! Просто сон!

Аменхотеп сошел с помоста и ласково положил руки на плечи Панахеси:

— Атон избрал.

Панахеси посмотрел на меня, потом на отца; лицо отца являло собою безукоризненную маску.

— Поздравляю, святейший, — произнес отец с иронией, понятной только Панахеси. — Бог избрал.

Когда мы покинули Зал приемов, Кийя посмотрела на меня со злорадством.

— Мой отец — верховный жрец Атона! — сообщила она мне, не видя за произошедшим руку нашей семьи. — Вкупе с близящимся царевичем наша семья завладеет всеми важными должностями. А верховный жрец Атона собирает десятину, — добавила она. — Твоя сестра просто помогла нам приблизиться к трону!

— Нет, она столкнула тебя вниз, — ответила я. — Твой отец может собирать налоги, но считать их будет мой отец.

Кийя непонимающе уставилась на меня.

— Перед началом этого приема визирь Эйе был назначен казначеем.

12

7 тота

Мы стояли на вершине бесплодного холма, что глядел на Нил, протекающий через Мемфис.

— Храм будет двухэтажным, и занимать он будет еще два холма.

Майя указал на выжженные солнцем холмы. Их гребни высились один над другим: белые песчаные конусы, блестящие в солнечном свете.

— Откуда будут браться строительные материалы? — спросила Нефертити.

— Камень будет доставляться из восточной каменоломни.

— Сколько на это уйдет времени? — нетерпеливо поинтересовался Аменхотеп.

Порыв ветра заглушил слова архитектора. Панахеси с моим отцом придвинулись поближе.

— Шесть сезонов, если люди будут работать ежедневно.

Лицо Аменхотепа потемнело.

— За шесть сезонов меня могут убить! — воскликнул он.

С тех пор как он лишил жизни верховного жреца Амона, это сделалось его постоянным страхом. Куда бы фараон ни шел, его повсюду сопровождали шесть стражников-нубийцев. Они стояли под дверью, пока он спал, и торчали, словно вороны, за его креслом, пока он ел. Вот и сейчас они были тут — сбились в кучу у подножия холма и держали копья наготове, готовые расправиться с любыми врагами царя. Во дворце Нефертити шепотом сообщила мне, что Аменхотеп боится, что люди его не любят.

— Почему? — спросила я ее.

И ответом стал сам ее вид: из-за того, что произошло с верховным жрецом Амона. Теперь Аменхотеп ощущал на улицах людской гнев, и ни одному визирю не хватало мужества сказать царю, что это правда. Но наш отец предостерег Нефертити.

— Откуда ты знаешь? — застенала она, и отец показал ей найденный на рынке рисунок: змея с головой царя проглатывала статую великого бога Амона.

Теперь же Аменхотеп расхаживал по вершине холма, и тон его не допускал никаких возражений.

— Шесть сезонов — это неприемлемо! — бушевал он.

— Но что же мне делать, ваше величество? Я сужу по числу работников, достаточно искусных для того, чтобы строить храм…

Аменхотеп выпятил челюсть.

— Значит, мы используем войско.

Нефертити шагнула вперед; в голосе ее прорезалось возбуждение.

— Если солдаты помогут строить храм, за сколько можно будет управиться?

Майя нахмурился:

— О каком количестве солдат идет речь, ваше величество?

— Три тысячи, — мгновенно отозвался Аменхотеп, не думая ни о войне, которую обещал Хоремхебу, ни о границах Египта, нуждающихся в защите.

— Три тысячи? — Майя попытался скрыть удивление. — Тогда может потребоваться… — Он умолк на миг, производя расчеты. — Если у нас будет столько работников, мы, возможно, справимся всего за три сезона.

Аменхотеп решительно кивнул:

— В таком случае все солдаты, находящиеся в Мемфисе, сегодня же вечером будут приставлены к делу.

— А как же границы Египта? — твердым тоном поинтересовался отец. — Их необходимо защищать. Да и дворец требуется охранять. Возьмите тысячу, — сказал он, но я знала, что это предложение причиняет ему боль.

Отец бросил на мою сестру предостерегающий взгляд, и она кивнула:

— Да. Тысячу. Мы не хотим, чтобы границы Египта остались без защиты.

Аменхотеп подчинился. Затем он взглянул на Майю.

— Но ты сегодня же вечером сообщишь людям об этом.

— И Хоремхебу? — спросил отец. — Он будет недоволен.

— Значит, пускай будет недоволен! — огрызнулся Аменхотеп.

Отец покачал головой:

— Он может поднять войско против вас.

Панахеси мгновенно очутился рядом с Аменхотепом.

— Заплатите войску больше, чем они могли бы получить с добычи, отвоеванной у хеттов, — предложил он. — Утихомирьте их. Теперь, благодаря налогам, денег предостаточно.

— Отлично. Отлично! — Аменхотеп улыбнулся. — Я дам такую плату, что солдаты меня не покинут!

— А военачальник? — снова спросил отец.

Аменхотеп прищурился.

— А что военачальник?

На следующий день Зал приемов был забит просителями, желающими видеть фараона. Строительство величайшего храма, равного которому не было, уже началось, и с места строительства то и дело прибывали посланцы со свитками. Пока Кийя бродила вперевалочку — как корова, по выражению Нефертити — по дворцу, от кресла к креслу, слуги сновали туда-сюда с

уточнениями и замерами от зодчего Майи. Затем двери Зала приемов распахнулись, и Аменхотеп напрягся. Стражники сомкнулись вокруг Хоремхеба. Военачальник рассмеялся.

— Я сражался против нубийцев, еще когда был мальчишкой! — насмешливо бросил он. — Ты думаешь, пятнадцать стражников сумеют меня остановить?

Он зашагал к трону.

— Ты поклялся мне, что война будет! Я отдал тебе храмы Амона!

Аменхотеп улыбнулся.

— И я очень тебе признателен.

«Будь я царем, я бы не стала насмехаться над этим военачальником», — подумала я.

Хоремхеб, стоящий у подножия помоста, напрягся.

— Как долго ты намерен использовать египетских солдат в качестве рабочих?

— Три сезона, — ответила со своего трона Нефертити.

Хоремхеб перевел взгляд с фараона на мою сестру. Я содрогнулась, но Нефертити не дрогнула.

— Границы Египта нуждаются в надежной защите! А для этого требуется каждый солдат! — предостерег Хоремхеб. — Хетты…

— Мне плевать на хеттов!

Аменхотеп сошел с помоста и остановился перед Хоремхебом, зная, что в полном стражников зале ему ничего не грозит.

Хоремхеб резко втянул воздух. Кожаное нагрудное украшение натянулось.

— Ты солгал мне.

— Я даю твоим солдатам работу получше — и безопаснее.

— На строительстве храма Атона? Ты осквернил Амона!

— Нет, — зловеще улыбнулся Аменхотеп. — Это ты осквернил Амона.

От гнева у Хоремхеба набухли жилы на руках и шее.

— На нас нападут, — предупредил он. — Хетты обрушатся на Египет, и, когда твои люди из солдат превратятся в строителей, ты об этом пожалеешь!

Аменхотеп придвинулся к Хоремхебу, так что только я, сидевшая на самом нижнем ярусе помоста, слышала их разговор.

— Люди следуют за тобой, как следовали за моим братом, — уж не знаю почему. Но ты будешь следовать за Атоном. Ты будешь служить ему, ты будешь служить фараону — либо лишишься своей должности и у тебя во всем Египте не останется ни единого друга. Хоремхеб Лишенный Друзей — вот как тебя станут называть. А всякий, кто станет знаться с тобой, будет убит. — Аменхотеп выпрямился. — Ты понял?

Хоремхеб не ответил.

— Ты понял? — выкрикнул Аменхотеп так, что у меня зазвенело в ушах.

Хоремхеб стиснул зубы.

— Я отлично вас понял, ваше величество.

— Ну так иди.

Военачальник зашагал прочь из зала, а мы смотрели ему вслед, и я подумала: «Он сделал сегодня большую глупость».

Аменхотеп оглядел пребывающий в полнейшем беспорядке Зал приемов и объявил:

— Прием окончен!

Он бросил взгляд на группку визирей, сгрудившихся у подножия помоста, и сердито спросил:

— Где Панахеси?

— Там, где строится новый храм, — ответил отец, скрывая удовольствие.

— Хорошо. — Аменхотеп повернулся к моей сестре и улыбнулся ей. — Пойдем пройдемся по саду. С этим может справиться твой отец.

Он взмахнул рукой с браслетами, указывая на длинную очередь просителей у входа в зал.

Нефертити посмотрела на меня, и без слов стало ясно, что мне тоже следует идти.

Мы прошли через внутренний дворик к раскидистым сикоморам, на которых уже поспели плоды.

— А ты знаешь, что Мутни может сорвать любую травинку в саду и сказать, как она называется? — спросила Нефертити.

Аменхотеп подозрительно оглядел меня.

— Ты целительница?

— Я немного училась, пока жила в Ахмиме, ваше величество.

Нефертити рассмеялась:

— Совсем и не немного. Она — маленький лекарь. Помнишь корабль?

Аменхотеп напрягся. Зачем Нефертити напоминает ему о подобных вещах?

— Когда у меня будет ребенок, она будет одной из моих целительниц, — заявила Нефертити, и в ее голосе было нечто такое, что заставило нас с фараоном повернуться к ней.

— Ты носишь ребенка? — прошептал фараон.

Нефертити улыбнулась еще шире.

— Первого сына Египта.

Я ахнула, прикрыв рот ладонью, а Аменхотеп издал восторженный вопль и прижал Нефертити к груди.

— Теперь мы — семья! И наш ребенок будет окружен такой любовью, как никто до него! — поклялся он.

Он нежно коснулся живота моей сестры. Подумать только, в семнадцать лет Нефертити станет матерью фараона Египта! Просто не верится!

Нефертити с сияющим видом повернулась ко мне.

— Ну?

Я не знала, что сказать.

— Боги благословили тебя, — радостно выпалила я, но вместе с этим ощутила страх. Теперь у нее будет своя семья, требующая внимания, муж и ребенок. — Ты сказала отцу?

— Нет. — Нефертити по-прежнему улыбалась. — Но я хочу, чтобы моего ребенка благословили в храме Атона! — с пылом произнесла она.

Я потрясенно уставилась на нее.

Аменхотеп посерьезнел.

— Значит, храм следует построить за девять месяцев, — сказал он. — Нужно закончить строительство к пахону.

Во дворце уже поползли шепотки среди слуг. На простынях Нефертити не оказалось крови, а на ее платьях — пятен. Конечно же, я об этом не знала. Я теперь жила через дворик от нее. Но Ипу ничуть не удивилась при этом известии.

— Ты знала — и ничего мне не сказала? — воскликнула я.

Ипу помогла мне стащить платье через голову и надеть другое, для вечернего празднества.

— Я не знала, госпожа, хочешь ли ты, чтобы я сообщала тебе сплетни.

— Конечно хочу!

Ипу улыбнулась так широко, что на щеках у нее появились ямочки.

— Тогда моей госпоже довольно лишь спросить.

Приготовления к празднеству в Большом зале официально начались лишь после того, как Нефертити сообщила Аменхотепу о своей беременности, но похоже было, что десятки столов и масляные лампы были подготовлены заранее. Помост с его тремя ступенями, поднимающимися к тронам Гора, был усыпан цветами. На каждой ступени слуги поставили по два кресла с высокими спинками и мягкими подушками, для самых высокопоставленных придворных. Мне предстояло сидеть на одном из этих кресел, наряду с отцом, матерью, верховным жрецом Панахеси и царевной Кийей — в том случае, если она явится. Последнее кресло оставили для избранного почетного гостя.

Нам всем предстояло, когда подадут угощение, подняться к царскому столу, за которым царственная чета обычно ела в одиночестве. Но этой ночью мы должны были присоединиться к ним. Эта ночь была праздником нашей семьи. Царской семьи Египта.

Когда мы вошли в зал, запели трубы — и продолжали петь, пока мы шли через него, чтобы уж точно ни один визирь не проглядел, сколько на мне золотых браслетов и сколько колец надел отец. Кийя отговорилась беременностью, но Панахеси шел к помосту вместе с нами, а моя мать, не скрываясь, сияла радостью.

— Твоя сестра носит наследника египетского трона, — полным изумления тоном произнесла она. — Когда-нибудь он станет фараоном!

— Если это мальчик, — ответила я.

На лице отца промелькнула улыбка.

— Пускай лучше это будет мальчик. Повитухи говорят, что Кийя носит сына, а эта семья не в состоянии позволить себе претендента на престол.

Большой зал был полон разговаривающими, смеющимися людьми. Здесь собралась вся мемфисская знать. Нефертити спустилась с помоста и протянула мне руку, чтобы пойти к себе в комнату вместе со мной. Она вся сияла, наслаждаясь триумфом.

— Ты не можешь дойти одна? — спросила я.

— Конечно могу! Но ты мне нужна.

На самом деле я вовсе не была ей нужна, но я скрыла удовольствие и взяла ее за руку. Все оборачивались, чтобы взглянуть на идущих через зал дочерей Эйе, и впервые я ощутила это чувство — как кружит голову сознание своей красоты и могущества. Мужчины смотрели на Нефертити, но взгляды их задерживались и на мне.

— Какая красивая малышка!

Нефертити пощекотала под подбородком толстую дочку какой-то женщины. Я удивленно взглянула на сестру. Она никак не могла счесть этого ребенка красивым. Но мать девочки с гордостью улыбнулась и поклонилась ей ниже, чем любая другая женщина при дворе.

— Спасибо, царица. Спасибо!

— Нефертити! — попыталась было что-то сказать я.

Сестра ущипнула меня за руку.

— Продолжай улыбаться, — велела она.

Тут я заметила, что Аменхотеп следит за нами с трона. Нефертити и сестра Нефертити, очаровательные, обворожительные, соблазнительные и желанные. Он спустился с помоста. Он не желал больше смотреть, как она расточает свое благоволение кому-то другому.

— Вот самая прекрасная женщина Египта! — провозгласил Аменхотеп, увлекая Нефертити прочь от меня.

Он провел ее обратно к трону из черного дерева, а Нефертити сияла.

Вокруг только и было разговоров что о ребенке.

В купальне, на Арене, в Большом зале — Нефертити повсюду напоминала всем, что она носит наследника египетского трона. К середине тота, похоже, даже мать устала это слушать.

— Она ни о чем другом не говорит, — по секрету призналась я.

Мы сидели на каменной скамье в саду и смотрели, как кошки охотятся на мышей в высокой траве.

— За этим она и явилась сюда, — сказала мать. — Чтобы дать Египту сына.

— И чтобы сдерживать царевича, — резко заметила я.

Мы стали смотреть на озеро; его гладь была покрыта колеблющимися на воде зарослями лотоса, и цветы-чаши отражались в воде.

— Будем надеяться, что это сын, — только и ответила мать. — Народ простит все, что угодно, если только будет царевич, наследник трона, и люди будут знать, что их не ждет впереди бойня из-за короны. Возможно, они даже простят, что царская семья строит храмы в Мемфисе, когда хетты наступают на египетские земли вокруг Кадеша.

Я с удивлением посмотрела на нее, но мать ничего более не добавила.

— Одевайся, Мутни. Мы идем в храм.

Я выглянула из-под простыней.

— В храм Амона?

Нефертити презрительно фыркнула.

— В храм Атона. Там закончили внутренний двор, и я хочу на него посмотреть.

— Его сделали за пятнадцать дней?!

— Конечно. Там работают тысячи людей. Поторопись!

Я кинулась на поиски платья, сандалий и пояса.

— А отец?

— Отец останется в Зале приемов, проводить в жизнь законы Египта. Идеальное трио, — с гордостью добавила сестра. — Фараон, его царица и знающий визирь.

— А мать?

Я быстренько натянула платье.

— Она идет с нами.

— Но что подумает Тийя?

Сестра заколебалась. Она созналась:

— Тийя сердится на меня.

В ее голосе прозвучало подлинное сожаление. На щеках сестры проступила краска стыда. В конце концов, это ведь именно царица Тийя возложила на голову Нефертити корону Гора. Но теперь преданность Нефертити принадлежала Аменхотепу, а не Тийе. Я знала, что Нефертити относится к этому именно так, но она никогда не говорила со мной ни о том, чего ей стоил этот выбор, ни о бессонных ночах, когда она сидела, подперев рукою голову, смотрела на луну и размышляла над тем, как ее решения отразятся в вечности. Теперь же Нефертити сидела на моей кровати и смотрела, как я одеваюсь. Она привыкла дразнить меня за мои длинные ноги и темную кожу. Но теперь у нее не было времени для детских дразнилок.

— Она даже присылала к нему посланцев с угрозами. Но что она может сделать? Аменхотеп коронован. Как только Старший умрет, он станет фараоном Верхнего и Нижнего Египта.

— А это может произойти еще очень нескоро, — предостерегла я, надеясь, что боги не расслышат, с какой надеждой в голосе Нефертити говорила о смерти фараона.

Я проследовала за ней по коридору, а когда мы вышли во внутренний дворик, я с удивлением повернулась к Нефертити:

— Кто эти вооруженные люди?

Мне ответил Аменхотеп, вошедший через резные ворота из песчаника:

— Мне нужна защита, как и твоей сестре. Я не доверяю войску моего отца.

— Но эти люди — часть войска, — заметила я. — Если войску нельзя доверять…

— Нельзя доверять военачальникам! — огрызнулся Аменхотеп. — Солдаты — эти солдаты — будут делать то, что им велено.

Он взошел на свою позолоченную колесницу и протянул руку моей сестре, помогая ей подняться. Затем он взмахнул хлыстом, и кони пустились вскачь.

— Нефертити! — воскликнула я и повернулась к матери. — Разве для нее не опасно ездить так быстро?

Я слышала сквозь стук копыт смех Нефертити и видела, как она исчезает вдали.

Мать покачала головой:

— Конечно опасно. Но кто ее остановит?

Вооруженные стражники быстро усадили нас в нашу колесницу, и мы преодолели небольшое расстояние, отделяющее новый храм Атона от дворца. Когда храм только показался, можно было подумать, будто мы очутились посреди осажденного города. Повсюду валялись каменные глыбы, а через частично возведенные участки строения пробирались солдаты, с кряканьем поднимали тяжести и выкрикивали приказы. Панахеси в его длинном струящемся плаще стоял, скрестив руки на груди, и отдавал распоряжения. Как и сказала сестра, внутренний двор уже был готов, и столбы с высеченными на них изображениями Аменхотепа и Нефертити успели водрузить на места. Царская чета сошла с колесницы, и Панахеси тут же кинулся к ним с поклонами.

— Ваше величество! — Тут он увидел мою сестру и скривился, пытаясь скрыть разочарование. — Царица. Как это любезно с вашей стороны — приехать сюда.

— Мы намерены надзирать за строительством до самого его окончания, — твердо произнесла Нефертити, оглядывая строительную площадку.

Хотя на первый взгляд казалось, что здесь царит хаос, при более внимательном рассмотрении обнаружилось, что территория поделена на четыре части, между художниками, резчиками, носильщиками и строителями.

Аменхотеп сбросил плащ и огляделся.

— Здесь что, не заметили нашего прибытия?

Панахеси заколебался.

— О чем вы, ваше величество?

— Здесь что, никто не заметил нашего прибытия? — выкрикнул Аменхотеп. — Почему никто не кланяется?

Рабочие вокруг нас остановились. Панахеси кашлянул.

— Мне казалось, ваше величество желает, чтобы храм великого Атона был построен как можно скорее.

— Фараон превыше всего!

Голос Аменхотепа разнесся по двору. Я увидела в отдалении военачальника Хоремхеба; на лице его читалась сдержанная угроза. Затем стук молотков стих, и солдаты тут же преклонили колени. Лишь один человек остался стоять. Аменхотеп вспыхнул от гнева. Он зашагал вперед, и толпа поспешно расступилась, давая ему дорогу. Нефертити резко втянула воздух. Я подошла к ней поближе:

— Что он собрался сделать?

— Не знаю.

Аменхотеп дошел до Хоремхеба, и теперь они стояли рядом — но любовь войска принадлежала лишь одному из них.

— Почему ты не преклоняешь колени перед представителем Атона?

— Вы рискуете вашими людьми, ваше величество. Здесь ваши отборные солдаты. Люди, способные нестись в битву на колесницах, высекают из камня ваши изображения, в то время как им следовало бы защищать наши границы от хеттов. Неразумно так использовать обученных солдат.

— Я здесь решаю, что разумно, а что нет! Ты — всего лишь солдат, а я — фараон Египта! — Аменхотеп напрягся. — Ты склонишься передо мной!

Хоремхеб остался стоять, и Аменхотеп потянулся за висящим на боку кинжалом. Он угрожающе ступил вперед.

— Скажи, — произнес он, извлекая кинжал из ножен, — как ты думаешь, твои люди взбунтуются, если я сейчас убью тебя? — Аменхотеп нервно огляделся. — Я думаю, они так и будут стоять на коленях, даже если твоя кровь впитается в песок.

Хоремхеб резко втянул воздух.

— Ну так попробуйте, ваше величество.

Аменхотеп заколебался. Он снова взглянул на тысячи солдат — сильных, тренированных, но безоружных. Затем он спрятал кинжал и отступил.

— Почему ты мне не повинуешься? — с негодованием спросил фараон.

— Мы заключили сделку, — ответил Хоремхеб. — Я повиновался вашему величеству, а ваше величество предало Египет.

— Я никого не предавал! — со злобой отозвался Аменхотеп. — Это ты предал меня! Ты и это войско! Ты думаешь, я не знаю, что вы с Тутмосом были друзьями? Что ты был верен ему?

Хоремхеб не ответил.

— Ты преклонил бы колени перед моим братом! — крикнул Аменхотеп. — Попробуй только сказать, что ты не встал бы на колени перед Тутмосом!

Хоремхеб продолжал безмолвствовать. Внезапно Аменхотеп выбросил руку вперед и врезал военачальнику кулаком в живот. Хоремхеб резко выдохнул, но остался стоять. Аменхотеп быстро взглянул на солдат вокруг. Те напряглись, приготовившись защищать своего военачальника. Затем фараон схватил Хоремхеба за плечо и яростно прошептал:

— Ты лишен должности! Возвращайся к моему отцу. Но лучше бы тебе не забывать, что, когда Старший умрет, я стану фараоном и Верхнего Египта тоже!

Хоремхеб направился к своей колеснице, и люди расступились перед ним. Потом солдаты, как один, повернулись и посмотрели на Аменхотепа.

— За работу! — закричал Панахеси. — Быстро за работу!

Невзирая на раннее утро, в жаровне в моей комнате потрескивал огонь. Нефертити уселась в позолоченное кресло, ближайшее к огню; отсветы пламени освещали лазуритовую подвеску в виде глаза у нее на груди. Отец сидел, откинувшись на спинку кресла и опершись подбородком на переплетенные пальцы. Весь дворец еще спал.

— Ты можешь что-нибудь сделать, чтобы повлиять на его характер?

Дрова в огне затрещали и зашипели. Нефертити вздохнула:

— Я делаю, что могу. Но он ненавидит войско.

— Войско обеспечивает его власть, — строго произнес отец. — А Хоремхеб не забудет Аменхотепу его деяний.

— Хоремхеб в Фивах, — отозвалась Нефертити.

— А когда Старший умрет?

— Это может случиться еще очень нескоро, — ответила сестра моими словами, хотя я и знала, что она в них не верит.

— Без войска Египет слаб. Вам повезло, что в Фивах еще есть военачальники, которые готовят солдат к войне.

— Строительство будет идти всего три сезона! — защищаясь, заявила Нефертити.

— Три? — От гнева отец даже привстал. — Было шесть, а теперь стало три? Как войско может построить храм за год?

— Я жду ребенка! — Нефертити погладила себя по животу. — Ему необходимо получить благословение на алтаре Атона.

Отец сверкнул глазами.

— Так хочет Аменхотеп, — добавила Нефертити. — А если я этого не сделаю, это сделает Кийя! Вдруг она родит ему сына? — с отчаянием произнесла она.

— Ее роды ожидаются через семь дней, — предупредил отец. — Если родится царевич, Аменхотеп будет праздновать. Будут пиры и процессии.

Нефертити закрыла глаза, пытаясь успокоиться, но отец покачал головой:

— Приготовься к этому. Следующие несколько дней должны принадлежать Кийе.

На лице сестры отразилась решимость.

— Сегодня утром я поеду с ним на Арену, — объявила Нефертити.

Она повернулась к чулану, в котором хранила свою одежду для верховой езды, и позвала Мерит.

— Ты поедешь с ним? — воскликнула я. — Но ты уже давно не ездила!

— А теперь поеду. Это было ошибкой — думать, что во время беременности я смогу наслаждаться удобствами.

Нефертити успела сама забраться в чулан, прежде чем вошла Мерит. Даже в столь ранний час служанка была безукоризненно накрашена, а на платье не было ни единой морщинки. Нефертити резким тоном приказала:

— Мои перчатки и шлем. Быстро. Пока Аменхотеп не проснулся и не захотел проехаться.

Отец пристально взглянул на Мерит:

— Это опасно для ребенка?

Нефертити сверкнула глазами из-за отцовского плеча, и Мерит немедленно отозвалась:

— Срок еще небольшой, визирь. Всего несколько месяцев.

Нефертити затянула пояс на талии.

— Возможно, от верховой езды моя кровь потечет быстрее и у меня родится сын.

Двадцать восьмого тота ко мне в комнату, где мы с Нефертити играли в сенет, вбежала Ипу.

— Свершилось! — воскликнула она. — Кийя рожает!

Мы вскочили со своих мест и кинулись по коридору в родительские покои. Отец с матерью сидели вместе и о чем-то быстро, тихо переговаривались.

— Должно быть, у нее мальчик, — прошептала Нефертити.

Отец посмотрел на меня так, словно я сказала ей что-то такое, чего говорить не следовало.

— Почему ты так говоришь?

— Потому что мне это приснилось прошлой ночью. Она родила египетского царевича!

Мать встала и закрыла дверь. Дворец кишел посланцами, которые ждали лишь приказа, чтобы разнести известие по всей стране.

Нефертити совершенно потеряла голову.

— Я не могу этого допустить! И не допущу!

— Ты ничего не можешь с этим поделать, — сказал отец.

— Всегда можно что-то сделать! — заявила Нефертити, а потом расчетливо добавила: — Когда Аменхотеп вернется, скажите ему, что я плохо себя чувствую.

Мать нахмурилась, но отец тут же понял, что за игру она затеяла.

— Насколько плохо? — быстро спросил он.

— Насколько плохо… — Нефертити заколебалась. — Настолько, что я могу либо умереть, либо потерять ребенка.

Отец посмотрел на меня:

— Ты должна подтвердить ее слова, когда он тебя спросит.

Он развернулся и приказал Мерит:

— Отведи ее в ее покои и принеси ей фруктов. И не отходи от нее, пока не придет фараон.

Мерит поклонилась.

— Конечно, визирь.

Мне показалось, что на губах ее промелькнула едва заметная улыбка. Затем она поклонилась Нефертити.

— Пойдемте, ваше величество?

Я осталась стоять в дверях.

— Но что делать мне?

— Ухаживать за твоей сестрой, — многозначительно произнес отец. — И делать то, что она попросит.

Мы прошествовали в покои Нефертити — медленно, так, чтобы, если кто-нибудь нас заметил, он сразу же понял, что с царицей что-то неладно. Добравшись до своей комнаты, Нефертити улеглась, словно тяжелобольная.

— Платье, — сказала она. — Расправь мне платье.

Я посмотрела на нее.

— На ногах и по бокам.

— Ты поступаешь ужасно, — сказала я ей. — Ты уже лишила Кийю привязанности Аменхотепа. Может, довольно?

— Я больна! — возмутилась Нефертити.

— Ты отнимаешь у нее ее единственный момент радости!

Мы посмотрели друг на друга, но во взгляде Нефертити не было ни капли стыда.

Я уселась на ее кровать, а Ипу устроилась на страже под дверью, изводя слуг расспросами насчет новостей про Кийю., Мы прождали весь вечер. В конце концов в комнату вбежала Ипу. Когда она распахнула дверь, лицо ее было мрачным.

— Ну? Что там? — Нефертити подалась вперед. — Что?

Ипу опустила голову:

— Царевич. Царевич Египта Небнефер.

Нефертити рухнула на подушки и вправду побледнела.

— Сообщите фараону, что его главная жена больна, — тут же распорядилась она. — Скажите ему, что я могу умереть. Что я могу потерять ребенка.

Я поджала губы.

— И не смотри на меня так! — приказала она.

Едва лишь известие достигло Аменхотепа, он тут же примчался сюда.

— Что случилось? Что с ней? — вскричал он.

Я думала, что слова лжи застрянут у меня в горле, но стоило мне увидеть его страх, и у меня тут же вырвалось:

— Я не знаю, ваше величество. Сегодня утром она почувствовала себя плохо, и вот теперь не может встать — лишь лежит и спит.

Лицо Аменхотепа потемнело от страха, и вся радость, вызванная рождением сына, тут же была позабыта.

— Что ты ела? Кто готовил еду — твоя служанка?

— Да… — еле слышно отозвалась Нефертити. — Да, наверняка.

Аменхотеп прижал ладонь к щеке и повернулся ко мне:

— Что случилось? Ты должна знать! Вы с ней связаны тесно, словно два вора! Скажи мне, что случилось!

Я видела, что он не старается быть жестоким. Он просто боится. Искренне боится за жену.

Мое сердце забилось быстрее.

— Может быть, дело в вине, — поспешно произнесла я. — А может, в холоде. Снаружи сейчас очень холодно.

Аменхотеп с ненавистью посмотрел на окна, потом на льняную простыню на кровати.

— Принесите одеяла! — выкрикнул он, и служанки тут же помчались исполнять его приказ. — Шерстяные одеяла! Разыщите визиря Эйе! Пусть он приведет врача!

Нефертити тут же села.

— Нет!

Аменхотеп убрал ей волосы со лба.

— Тебе нездоровится. Нужно показаться врачу.

— Мне достаточно Мутни.

— Твоя сестра — не врач! — Аменхотеп подался вперед и с отчаянием схватил ее за руку. — Ты не можешь заболеть! Ты не можешь оставить меня!

Нефертити прикрыла глаза, и темные ресницы затрепетали, выделяясь на фоне высоких бледных скул.

— Я слышала, у тебя родился сын, — тихо произнесла она и улыбнулась, положив ладошку на живот.

— Для меня важна только ты! Мы вместе строим памятники богам, — пылко произнес он.

— Да. Храм Атона.

Нефертити слабо улыбнулась. Она так убедительно разыгрывала свою роль, что на глаза Аменхотепа навернулись слезы.

— Нефертити!

В голосе фараона прозвучала подлинная боль, и мне стало жаль его. Он бросился на кровать Нефертити, и я перепугалась.

— Перестань! Перестань, ты повредишь ребенку!

В дверь постучали, и на пороге появился мой отец, а с ним — лекарь. Нефертити встревоженно посмотрела на него.

— Не бойся, — многозначительно произнес отец. — Он здесь, чтобы помочь тебе.

Что-то промелькнуло в их взглядах, и Нефертити позволила врачу взять у нее кровь из руки. Лекарь повертел темную жидкость в чаше, изучая цвет, а мы

все стояли и ждали, пока он изучит все детали. Старик кашлянул. Он посмотрел сперва на отца, коротко кивнул ему, а потом перевел взгляд на фараона.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Аменхотеп.

Лекарь опустил голову:

— Боюсь, ваше величество, она очень больна.

В лице у Аменхотепа не осталось и кровинки. Его поборница, его жена, его самая ревностная сторонница больна оттого, что носит его ребенка. Аменхотеп украдкой взглянул на свою возлюбленную Нефертити; ее волосы рассыпались по подушке, стекая с нее, словно черные чернила. Она выглядела прекрасной и вечной, словно скульптура. Фараон повернулся к лекарю.

— Ты сделаешь все возможное, чтобы исцелить ее, — приказал он. — Все, что в твоих силах.

— Конечно, — поспешно откликнулся старый лекарь. — Но ей необходим покой. Ее нельзя тревожить, пока она носит ребенка. Никаких плохих новостей, никаких…

— Вылечи ее!

Лекарь закивал, кинулся к своей сумке и извлек оттуда несколько пузырьков и флакон с мазью. Я пригляделась, пытаясь разобрать, что у него там. А вдруг оно опасное? Что, если от этих лекарств ей и вправду станет плохо? Я посмотрела на отца. Тот оставался бесстрастным, и я поняла, что там. Розмариновая вода.

Старик дал Нефертити лекарство, и мы просидели весь оставшийся вечер с моей сестрой, пока она засыпала. Пришла мать, потом Ипу и Мерит принесли свежие фрукты и льняное белье. Когда настала ночь, мать вернулась в свою натопленную комнату, а мы с отцом и Аменхотеп остались. Но чем дольше я смотрела, как Нефертити спит, тем сильнее во мне разгорались обида и возмущение. Если Нефертити настолько эгоистична, нам с отцом не следует принимать участие в подобной глупой возне. Мы вовсе не обязаны торчать у ее постели, как часовые, отогревая руки у огня, пока она лежит, уютно укутавшись в одеяла, а Аменхотеп гладит ее по щеке. В конце концов даже отец ушел, но, уходя, он многозначительно велел мне:

— Мутноджмет, присматривай за ней.

Он закрыл за собою дверь, а Аменхотеп встал у постели Нефертити.

— Насколько тяжело она больна? — спросил царь Египта.

Его удлиненное лицо из-за игры теней казалось треугольным.

Я подавила страх.

— Я боюсь за нее, ваше величество.

Это не было ложью.

Аменхотеп посмотрел на свою спящую царицу. Она была безукоризненно прекрасна, и я поняла, что никогда в жизни не буду любима столь самозабвенно.

— Целители излечат ее, — пообещал Аменхотеп. — Она носит нашего ребенка. Будущее Египта.

— Ваше величество, а как же Небнефер? — не сдержавшись, спросила я.

Фараон посмотрел на меня как-то странно, словно совсем позабыл о ребенке Кийи.

— Она — вторая жена. Нефертити — моя царица, и она верна мне. Она понимает мои мечты о том, как приумножить величие Египта. О Египте под водительством всемогущего Атона. Наши дети изберут Солнце и станут самыми могущественными правителями изо всех, кого благословляли боги.

У меня перехватило горло.

— А Амон?

— Амон мертв! — ответил Аменхотеп. — Но я воскрешу мечты моего деда о фараонах, которые не страшатся власти жрецов Амона. Я воздам ему почести, и меня запомнят навеки благодаря моим деяниям. Нашим деяниям, — произнес он, подчеркнув это «нашим», и посмотрел на Нефертити, свою супругу и соратницу, свою верную союзницу.

На всякую попытку Кийи что-либо предпринять Нефертити отвечала предложением создать новую статую, новый дворик, новый блестящий храм.

Аменхотеп просидел у постели жены всю ночь. Я наблюдала за ним, размышляя над тем, что же такое должно найти на человека, чтобы он уничтожил богов своего народа и возвысил вместо них покровителя, о котором никто не слыхал. «Алчность, — подумала я. — Его ненависть ко всему, во что верит его отец, и его жажда власти. Без жрецов Амона его власть станет безграничной». Я уселась в кресло с толстыми подушками и посмотрела, как фараон гладит мою сестру по щеке. Он с нежностью

коснулся ее лица и вдохнул лавандовый запах ее волос. Когда я уснула, он так и остался сидеть, молясь Атону, чтобы тот ниспослал чудо.

На следующее утро, когда я проснулась, у меня было такое чувство, словно у меня вместо глаз две гири. В прихожей уже дожидался посланник с вестями из Фив, в украшениях из золота и лазурита. Но Аменхотеп не желал ничего слушать.

— Чтобы никто не смел тревожить царицу! — с силой произнес он.

Из-за спины посланца вынырнул Панахеси:

— Ваше величество, это касается царевича.

Аменхотеп подошел к дверям.

— Ну что еще такое? Царица больна.

Панахеси, нахмурившись, вошел в комнату.

— Я глубоко сожалею о том, что ее величество заболела.

Он взглянул на дверь, ведущую в спальню Нефертити.

— Царица Тийя и Старший шлют благословения вашему сыну, — продолжал он. — Празднество в честь его рождения состоится сегодня вечером, с позволения вашего величества.

Аменхотеп тоже взглянул в сторону покоев Нефертити. Дверь была открыта, и Панахеси мог видеть, что Нефертити лежит в постели, а Мерит с Ипу хлопочут вокруг нее.

— Иди, — подала голос моя сестра. — Он — твой сын.

Аменхотеп прошел обратно к ней в комнату и коснулся ее руки:

— Я тебя не оставлю.

— Боги послали тебе сына. — Нефертити слабо улыбнулась. — Иди, вознеси благодарности.

Она лучезарно улыбнулась супругу — воплощенная красота и великодушие, — и я осознала, насколько хитроумно она спланировала эту сцену. Это она давала ему позволение уйти, а не фараон сообщил ей, что уходит на празднество.

— Иди, — прошептала она.

— Я буду думать о тебе весь вечер, — пообещал Аменхотеп.

Панахеси, остававшийся в прихожей, изучающе взглянул на меня.

— Весьма прискорбно слышать, что царица заболела. Когда это случилось?

Я почувствовала, что краснею от стыда.

— Вчера вечером.

— Примерно тогда же, когда царевич появился на свет, — заметил Панахеси.

Я промолчала. Затем из комнаты Нефертити вышел Аменхотеп, и Панахеси попытался изобразить улыбку.

— Так следует ли нам устраивать празднество, ваше величество?

— Да, но я не настроен праздновать, — предостерег его фараон.

Как только они ушли, Нефертити тут же села.

— Панахеси знает, — предупредила ее я.

— Что знает? — весело спросила она, встала и принялась расчесываться.

— Знает, что ты лжешь.

Нефертити обернулась так быстро, что подол платья обвился вокруг ее ног.

— Кто сказал, что я лгу? Кто сказал, что я не болею?

Я не стала ничего отвечать. Нефертити могла одурачить весь мемфисский двор, но ей не под силу было одурачить меня. Она переоделась в чистое платье и велела Мерит принести фруктов.

— Сколько ты будешь продолжать эту затею? — спросила я.

Нефертити улыбнулась — одними лишь краешками губ.

— До тех пор, пока впечатления от рождения нового царевича не изгладятся. — Она слегка пожала плечами. — И я снова стану центром Египта.

Впечатления изгладились быстро — да иначе и быть не могло, ведь строительство храма Атона было превыше всего. И через три дня Нефертити чудесным образом исцелилась. Лекарь пришел и заявил, что это было чудо. Отец принес с винодельни для Нефертити винный напиток шедех, а моя мать по случаю ее исцеления выдавила из себя несколько слезинок. Мне начало казаться, что все мы — какие-то лицедеи, а не правящая семья Египта.

— А какая разница? — поинтересовалась Нефертити, когда я поделилась с ней этой мыслью. — И те и другие нуждаются в масках.

— Но это ложь! Ты солгала! Ты что, совсем его не любишь?

Нефертити остановилась во дворике, где ждали колесницы, чтобы отвезти нас к строящемуся храму. Примостившаяся в темных волосах кобра на ее короне блестела на солнце.

— Я люблю его настолько, насколько это под силу женщине. Ты не понимаешь. Тебе всего четырнадцать. Но любить — это значит лгать.

Сквозь арку во дворик вошел Аменхотеп, и рука об руку с ним — моя мать. Они дружно смеялись, и я застыла от изумления.

— Твоя мать — очаровательная женщина, — тепло произнес Аменхотеп, и Нефертити широко улыбнулась матери.

Моей матери.

— Да, правда, — согласилась она. — Моя семья — это благословение богов.

Фараон помог моей матери взобраться в колесницу, и она зарделась от гордости. Потом Аменхотеп протянул руку Нефертити, и кортеж тронулся. Рядом с нами ехали тяжеловооруженные всадники, и прохладный ветер паофи трепал их схенти. Мне хотелось наклониться к матери и спросить, чем Аменхотеп так ее рассмешил. Но потом я подумала, что, быть может, мне лучше этого не знать.

Мы начали подниматься на холм, что высился над Нилом и раскинувшейся вокруг нагой землей. Аменхотеп хотел возвести свой храм в таком месте, где его было бы лучше всего видно. Когда колесницы внезапно остановились, вооруженные стражи тут же выстроились вокруг нас кольцом. Мы сошли с колесниц, и мать потрясенно прошептала:

— Великий Осирис!

Я застыла, ошеломленная представшей передо мной картиной строительной площадки, на которой тянулись к небу колонны.

— Они, наверное, никогда не останавливаются.

Тысячи строителей стонали под весом тяжелых колонн, устанавливая их вертикально. Окруженный колоннадой дворик храма Атона был готов, равно как и придел храма, и гранитный алтарь. На этот раз, поскольку выполнялись тяжелые работы, Аменхотеп не стал требовать поклонов.

Откуда-то появился Панахеси и низко склонился перед фараоном.

— Ваше величество.

Он улыбнулся, льстивый, как всегда. Затем он повернулся к моей сестре.

— Моя царица, — произнес он с куда меньшим рвением. — Может быть, пройдемся и осмотрим храм?

Нефертити ликующе взглянула на Аменхотепа, как будто это был ее подарок ему, и мы, спустившись с небольшого холма, неспешно двинулись через хаос. Нефертити хотелось разглядеть каждую колонну, каждый фрагмент мозаики, каждый обтесанный камень.

Добравшись до той части строительства, где трудились художники, Аменхотеп остановился.

— Что это? — холодно вопросил он.

Работник встал и вытер пот со лба. У него было сложение колесничего: мускулистые руки и широкая грудь.

— Мы трудимся над изваянием вашего величества, — с поклоном ответил он.

Аменхотеп наклонился пониже и увидел высеченные черты фараона — такие, какими их изображали художники на протяжении столетий. Безукоризненная линия подбородка, длинная борода, глаза, подведенные сурьмой. Аменхотеп выпрямился и нахмурился.

— Это не я.

Работник растерялся. Он ведь изобразил фараона так, как изображали всех фараонов вот уже две тысячи лет.

— Это не я! — выкрикнул Аменхотеп. — Моя статуя должна воспроизводить меня! Разве не так?

Художник в ужасе уставился на него, а потом преклонил колено и склонил голову. Все вокруг прекратили работать.

— Конечно, ваше величество.

Аменхотеп резко развернулся к Панахеси.

— Я что, по-твоему, желаю, чтобы боги перепутали меня с моим отцом? Или с Тутмосом? — прошипел он.

Тут вперед выступила Нефертити.

— Пускай остальные скульптуры сделают похожими на нас, — распорядилась она.

Панахеси резко втянул воздух.

— Художники используют образцы. Им придется сменить…

— Значит, так и сделайте! — приказала Нефертити.

Она обняла Аменхотепа, и фараон согласно кивнул. Затем она повела его прочь по грязи и камням. Панахеси со злостью смотрел ей вслед. Потом он перевел взгляд на работника с фигурой колесничего:

— Исправь это!

— Но как, о святейший?

— Разыщи лучших скульпторов Мемфиса! — разъяренно крикнул Панахеси. — Немедленно!

Работник оглядел остальных присутствующих.

— Но лучшими считались мы, — ответил он.

— Значит, вы все будете уволены! — разбушевался Панахеси. — Либо вы найдете мне художника, способного изобразить фараона в соответствии с его желаниями, либо никогда больше не будете работать!

Художник запаниковал.

— В городе есть один такой скульптор, весьма известный, о святейший. У него есть свои причуды, но его работы…

— Немедленно отыщи его и приведи ко мне! — вышел из себя Панахеси. Он посмотрел на изображение Аменхотепа, ничем не отличающееся от прочих фараонов, и пнул его с размаху, да так, что барельеф полетел на землю. — Никогда больше не изображай его величество в таком виде! Подобных ему нет! Его нельзя сравнивать ни с каким другим фараоном!

Я поспешила вслед за Нефертити и Аменхотепом. Рабочие трудились над внешним двором, устанавливая колонны с высеченными на желтом камне изображениями бога солнца. Так много работы, и так много людей здесь трудятся… Я окинула двор взглядом и увидела в дальней его части военачальника Нахтмина. Он смотрел на меня. Затем в сторону военачальника двинулся Аменхотеп, и Нахтмин тут же отвел взгляд. «Что он

делает в Мемфисе? Он же из Фив, из окружения Старшего». Все это не прошло мимо внимания моей матери с ее цепким взглядом.

— Этот военачальник смотрел на тебя? — поинтересовалась она.

Я быстро покачала головой.

— Нет. Не знаю.

— Царь не любит военачальника Нахтмина.

— Да, меня предупреждали.

— Не вздумай влюбляться в солдата.

Я отвела взгляд.

— Ничего я и не влюблена!

— Вот и отлично. Когда придет время, ты выйдешь замуж за знатного человека, которого одобрит фараон. Такова наша плата за близость к трону, — сказала мать.

Я обиженно посмотрела на нее, вспомнив, как она смеялась с Аменхотепом, и мне захотелось переспросить: «Наша?» — но я лишь сжала губы.

На следующее утро Аменхотеп ворвался в Зал приемов, напугав визирей и послов из Миттани, рассевшихся вокруг стола моего отца. За ним по пятам вошли Панахеси и Нефертити, и Нефертити посмотрела на отца предостерегающе. Он тут же встал:

— Ваше величество, я думал, вы ездите на Арене.

Визири и послы поспешно поднялись и поклонились.

Аменхотеп поднялся на помост и уселся на трон.

— Лошади из Вавилона не прибыли, а египетские скакуны мне надоели. Кроме того, верховный жрец Атона нашел для нас скульптора.

Он оглядел зал и остановил взгляд на иноземцах, которые поглаживали курчавые бороды.

— Это что такое? — спросил он.

Отец поклонился:

— Это послы из Миттани, ваше величество.

— Какое нам дело до Миттани? Отошли их.

Послы принялись обеспокоенно переглядываться.

— Отошли их! — громко повторил Аменхотеп.

Послы тут же встали и гуськом потянулись к выходу.

— Встретимся позже, — негромко, спокойно произнес им вслед отец.

Аменхотеп удобно устроился на троне. Теперь, с появлением Панахеси, в Зале приемов собралась толпа, состоявшая из музыкантов и дочерей визирей. Панахеси, явившийся сюда со стройплощадки ради того, чтобы представить фараону нового скульптора, вышел к помосту.

— Привести ли скульптора, ваше величество?

— Да. Пусть войдет.

Двери Зала приемов распахнулись, и все придворные повернулись ко входу. Скульптор вошел. Он был одет словно царь: на нем был длинный парик с золотыми бусинами, и сурьмы на нем было больше, чем считалось подобающим для мужчины. Скульптор подошел к помосту и низко поклонился:

— О ваше всемилостивейшее величество! — Он был красив, как красива женщина, надевшая свои лучшие драгоценности и подкрасившаяся хной. — Верховный жрец Атона сказал, что твоему дворцу потребовался скульптор. Меня зовут Тутмос, и если на то будет воля вашего величества, я прославлю ваши лики навеки!

По залу пробежал взволнованный гомон. Нефертити, тоже восседавшая на троне, подалась вперед.

— Мы хотим, чтобы они не были подобны другим, — предостерегла она.

— Не будут, — пообещал Тутмос. — Ибо никогда еще не было царицы, равной вам по красоте, и фараона, что выказал бы подобное мужество.

Видно было, что Аменхотеп настороженно относится к этому человеку, более красивому, чем он сам. Но Нефертити была тронута его словами.

— Мы хотим, чтобы ты сегодня же изваял нас! — объявила она, и Аменхотеп холодно кивнул. — Тогда мы увидим, вправду ли ты настолько хорош, как о тебе говорят!

Придворные встали. Мы вышли в коридор, и Панахеси тут же пристроился поближе к Аменхотепу.

— Полагаю, ваше величество, вы сами убедитесь, что это — наилучший скульптор во всем Египте, — предрек он.

Для Тутмоса приготовили временную мастерскую. Панахеси отворил двери. Окна в мастерской были открыты, а столы завалены красками и глиной. Тут было все, что могло потребоваться художнику: тростниковые ручки и папирус, чаши с белым порошком и толченым лазуритом. Здесь же был устроен помост.

Тутмос предложил руку Нефертити и сопроводил ее до ее трона. При виде подобной фамильярности визири принялись перешептываться, но в движении скульптора не чувствовалось ни капли заигрывания.

— С чего начнем, ваше величество? С резьбы по камню, — скульптор взмахнул свободной рукой, — или с раскрашенного изваяния?

— С изваяния, — решила Нефертити, и Тутмос согласно кивнул.

Полсотни придворных расселись, словно приготовились наблюдать за танцовщицами или слушать певицу, подыгрывающую себе на лире. Скульптор вопросительно взглянул на царя.

— И как ваше величество желает быть изображенным?

Поколебавшись мгновение, Аменхотеп ответил:

— Как Атон на земле.

Теперь заколебался скульптор.

— Как жизнь и смерть одновременно?

— Как мужчина и женщина одновременно. Как начало и конец. Как столь великая сила, что никто не может прикоснуться к ее божественности. И я хочу, чтобы мое лицо было узнаваемо.

Тутмос помедлил.

— Чтобы оно было в точности таким, как есть, ваше высочество?

— Сильнее.

По рядам придворных поползли шепотки. Уже тысячу лет, вне зависимости от внешности фараона — был ли он толстым, низкорослым или старым — изображали в храмах и гробницах молодым и стройным, с безукоризненно подведенными глазами, с безупречно уложенными волосами. Теперь же Аменхотеп пожелал, чтобы в вечность смотрело его собственное лицо, его миндалевидные глаза и узкие скулы, его полные губы и вьющиеся волосы.

Тутмос задумчиво склонил голову.

— Я сделаю набросок на папирусе. Когда он будет готов, вы сможете решить, устраивает ли вас сходство. Если его величество будет доволен, я высеку изображение в камне.

— А я? — нетерпеливо спросила Нефертити.

— С вами мне останется лишь быть верным истине, — улыбнулся Тутмос. — Ибо никто не в силах улучшить облик ее величества.

Нефертити с довольным видом откинулась на спинку трона, приготовленного для этого дня.

Мы смотрели, как тростниковое перо летает над папирусом; две дюжины глаз придирчиво следили, как скульптор трудится у широкого бронзового мольберта, установленного в центре комнаты. Пока мы наблюдали за возникающим на папирусе изображением, Тутмос развлекал нас, рассказывая историю своей жизни. Началом ее было безотрадное детство в Фивах, полное тяжкого труда. Отец Тутмоса был пекарем, и, когда его мать умерла, Тутмос занял ее место у отцовских печей — месил тесто и закладывал хлебы в печь. Приходившие за хлебом женщины поглядывали на темноволосого, зеленоглазого мальчика — да и мужчины тоже поглядывали, в особенности молодые жрецы Амона. Затем, в один прекрасный день, в пекарню зашел известный скульптор, и, когда он увидел у печей Тутмоса, он узрел в нем свою следующую модель для изваяния Амона.

— Знаменитый скульптор Бек спросил меня, соглашусь ли я позировать ему. Он, конечно же, собирался мне заплатить, и отец велел мне соглашаться. У него кроме меня было еще семь сыновей. Зачем ему был еще и я? А попав в мастерскую, я нашел там свое призвание. Бек взял меня в ученики, и через два года у меня была собственная мастерская в Мемфисе.

Тутмос отошел от мольберта, и все увидели, над чем же он трудился.

Стоявшие передо мной визири, все как один, подались вперед, и мне пришлось вытягивать шею, чтобы увидеть, что он нарисовал. Это был портрет Аменхотепа; благородное лицо царя наполовину скрывала тень. Глаза на портрете были больше, чем на самом деле, а подбородок художник изобразил более удлиненным и более грозным. В лице фараона было нечто такое, отчего он выглядел одновременно и женственно, и мужественно, и гневно, и милосердно, готовым вещать и готовым внимать. Это было запоминающееся лицо, яркое и выразительное. Лицо человека, которому нет равных.

Тутмос развернул мольберт к фараону, восседающему на троне, и все затаили дыхание, ожидая, что тот скажет.

— Великолепно… — прошептала Нефертити.

Аменхотеп перевел взгляд с изображения на мольберте на лицо молодого скульптора, нарисовавшего этот портрет.

— Я могу начать раскрашивать этот портрет красками, если так будет угодно вашему величеству.

— Нет, — твердо произнес фараон, и придворные затаили дыхание.

Мы все смотрели на Аменхотепа, когда он встал с трона.

— Красок не нужно. Высеки это в камне.

По мастерской пробежал взволнованный гомон, а моя сестра с ликованием распорядилась:

— Два бюста. Мы поместим их в храм Атона.

13

Перет. Сезон роста

Куда бы ни шла Нефертити, Тутмосу надлежало идти за ней. Ему велено было сделать зарисовки, изображающие царственную пару во все моменты их жизни, и даже позволено было сидеть рядом с помостом в Зале приемов — с точки зрения моей матери, это было возмутительно.

— Откуда нам знать, что ему можно доверять? — спросил отец.

Нефертити рассмеялась:

— Да оттуда, что он художник, а не шпион!

Даже фараон был очарован этим изящным молодым художником. Тутмос — всегда со свитком на коленях — изучал Аменхотепа, пока царь играл в сенет или гнал колесницу по мемфисской Арене. От входа на Арену я видела, как Тутмос уселся рядом с матерью, и она улыбнулась, когда он выразил восхищение ее глазами.

— Да осталось ли для него хоть что-то недозволенное? — возмутилась я.

Нефертити проследила за моим взглядом. Мерит помогала моей сестре надеть кожаные поножи для верховой езды, хотя та была на пятом месяце беременности.

— Только наши покои, — призналась Нефертити. — Но мне кажется, Аменхотеп передумает.

— Нефертити! Ты что, шутишь?

Нефертити самодовольно улыбнулась.

— Ваши покои?!

— А почему бы и нет? — бесстыдно вопросила она. — Что там прятать?

— Но что же тогда остается личным?

Нефертити подумала мгновение, затем надела шлем.

— Ничего. В наше царствие личного нет ничего, и потому нас запомнят в Египте навеки.

Я прошла вместе с сестрой до выхода на Арену. Ее ждала колесница, запряженная двумя могучими конями. Тутмос протянул мне руку, помочь подняться на ярус для зрителей. Я поколебалась, потом приняла руку. Рука оказалась на удивление гладкой для скульптора, работающего с резцом и известняком.

— Сестра главной жены царя, — произнес Тутмос.

Я подумала, что сейчас он скажет что-нибудь лестное и про мои глаза, но он лишь молча рассматривал меня. В кои-то веки вокруг него не толпилось два десятка придворных дам. Сегодня Аменхотепу захотелось проехаться рано утром, и придворные еще крепко спали в своих постелях. Я вздрогнула, и Тутмос кивнул.

— Значит, ты пришла посмотреть на его величество. — Скульптор многозначительно обвел взглядом пустые ряды. — Ты — преданная сестра.

— Или глупая, — пробормотала я.

Тутмос рассмеялся, придвинулся ближе и сознался:

— Даже я сегодня утром всерьез задумался, стоит ли мне покидать постель.

Мы дружно посмотрели на Аменхотепа, который в своей ослепительно сверкающей колеснице мчался наперегонки с Нефертити и его нубийскими стражниками. Их радостные крики были слышны даже сквозь храп лошадей и топот копыт, и стены Арены отражали и усиливали этот шум. От нашего дыхания в холодном утреннем воздухе поднимались струйки пара. Внезапно одна из колесниц остановилась у низкой стены, рядом с тем местом, где сидел Тутмос, и Аменхотеп радостно крикнул:

— Сегодня я хочу видеть рисунок, изображающий меня на Арене!

Он стащил шлем; влажные темные кудри прилипли к голове.

— Мы сделаем из этого рисунка барельеф!

Тутмос взял лист папируса и быстро встал.

— Конечно, ваше величество.

Он указал на высокие колонны Арены.

— Я нарисую, как ваши колесницы сверкают в лучах зимнего солнца. Видите? Свет, проходящий между колоннами, образует анк.

Все обернулись, и я впервые заметила неровные очертания анка на пыльной земле.

Аменхотеп ухватился за край своей колесницы.

— Вечная жизнь… — прошептал он.

— Отпечатавшаяся на песке. Золото колесниц, а за ними — пылающий анк жизни.

Я уставилась на Тутмоса, осознав вдруг, что в нем есть кое-что сверх лести и болтовни. Я снова посмотрела на символ вечной жизни, сотворенный игрой солнца и теней, и удивилась, почему я прежде его не замечала.

Тем вечером в Большом зале Тутмоса усадили за царский стол, и рядом с ним села Кийя со своим выводком придворных дам, выросших в комфорте гарема Старшего. Нефертити с Аменхотепом, довольные, наблюдали, как придворные носятся с их скульптором, который, чтобы служить им, просто перебрался во дворец.

Женщины хором упрашивали Тутмоса показать, что он нарисовал сегодня. Но Кийя была мрачна.

— Почему никто мне не сказал, что они отправляются на Арену?

— Было очень рано, госпожа, — успокоил ее Тутмос. — Вы бы замерзли.

— Я не боюсь небольшой прохлады! — огрызнулась она.

— Но тогда ваши щеки побледнели бы, а их цвет слишком чудесен. — Он внимательно оглядел Кийю. — Цвет самых насыщенных оттенков плодородной земли.

Кийя немного успокоилась.

— Ну так где же эти рисунки?

Пока мы ожидали слуг с едой, Тутмос достал листы папируса, которые я видела у Арены. Новым там был рисунок с изображением фараона, правящего могучими лошадьми, и проступающий за ним анк, знак жизни. Тутмос пустил рисунок по рукам, и даже визири — в том числе и мой отец — примолкли.

Кийя подняла взгляд.

— Очень хорошо нарисовано.

— Превосходно, — похвалил отец.

Тутмос склонил голову, и бусины в его парике мелодично зазвенели.

— Их величеств легко изображать.

— Я думаю, тут дело в вашем искусстве, — ответил отец, и на щеках Тутмоса проступил румянец.

— Эта работа мне в радость. А вчера его величество позволил мне брать и другие заказы.

На скульптора обрушился шквал заинтересованных вопросов, а Кийя величественно изрекла:

— Тогда я хочу заказать тебе изваяние — свое и первого сына Египта.

Последовала неловкая пауза. Отец взглянул на мать. Затем Тутмос тактично произнес:

— Всякий ребенок его величества будет изваян в камне.

— А ты? — спросила у меня мать. — Может, закажем твой портрет? Бюст или даже барельеф для твоей гробницы. Тебе следует начинать думать о том, какой тебя запомнят боги.

Тутмоса осыпали просьбами, и все говорили одновременно, даже визири. Посреди всей этой какофонии Тутмос заметил, что я молчу, и улыбнулся мне.

— Может, попозже, — ответила я матери. — Возможно, попозже мне захочется, чтобы меня нарисовали в прекрасном саду.

Придворные дамы порхали вокруг Тутмоса, как свежевылупившиеся бабочки вокруг цветка. Хотя Тутмос провел во дворце уже два месяца, к нему все еще

относились словно к новому гостю: приглашали на все празднества и на прогулки по саду.

— Не знаю, чего они хлопочут, — сказала как-то утром Ипу, заплетая мне косу. — Непохоже, чтобы он интересовался женщинами.

Я непонимающе посмотрела на нее.

— Это в каком смысле?

Ипу взяла кувшинчик с благовониями и искоса взглянула на меня.

— Ему нравятся мужчины, госпожа.

Я застыла на краю кровати и попыталась осознать это.

— Тогда почему он так нравится всем этим женщинам?

Ипу принялась размашисто намазывать мне лицо ароматическим маслом.

— Возможно, потому, что он молод и красив и никто не сравнится с ним в мастерстве скульптора. Он похвалил мое мастерство, — самодовольно добавила она. — Он сказал, что слышал обо мне даже в Мемфисе.

— О тебе все слышали, — ответила я.

Ипу хихикнула.

— Все дамы хотят, чтобы он нарисовал их портрет. Даже Панахеси и тот заказал портрет.

В жаровне горел огонь. Погода испортилась, и все надели длинные одежды. Я прикорнула под теплым меховым плащом, размышляя над этим новым дополнением двора Аменхотепа.

— Ну, он ходит за Нефертити повсюду, куда бы та ни пошла, — отозвалась я. — Предлагает, где можно было бы высечь ее изображения. Наверняка сегодня утром он будет на Арене.

— Он что, ходит туда каждое утро?

Я вздохнула:

— Как и все мы.

Но сегодня утром мне не хотелось отправляться смотреть, как фараон будет ездить на колеснице. Я знала, каково там будет, когда визири, Панахеси и Кийя будут отпихивать друг друга, сражаясь за внимание Аменхотепа, и смотреть, как он ездит вместе с Нефертити, хотя она уже на пятом месяце

беременности. Я знала, что ветер будет холодным и что, даже если слуги принесут нам подогретый шедех, я все равно буду мерзнуть. А мать будет молча переживать из-за того, что Нефертити ездит на колеснице — в ее-то положении, когда в ее чреве будущее Египта! — но никому не станет ничего говорить, даже отцу, потому что тот понимает, что таким образом Нефертити удерживает фараона подальше от Кийи.

— Готово.

Ипу отложила кисточку и сурьму. Но когда я вышла в коридор, ноги отказались нести меня в сторону внутреннего двора. Я решила, что, раз уж если мне суждено сегодня мерзнуть, лучше я буду мерзнуть в саду. Возможно, в суматохе про меня позабудут и никто не заметит, что я ушла.

Я уселась на скамью под старой акацией и услышала пронзительный голос Нефертити:

— Мутни! Мутни, ты там?

Я подобрала ноги под себя и не стала отвечать.

— Мутноджмет! — Голос сестры сделался еще более нетерпеливым. — Мутни!

Она обогнула пруд с лотосами и увидела меня.

— Что ты здесь делаешь? Мы отправляемся на Арену.

Нефертити остановилась рядом со мной; черные волосы касались лица.

— Я, пожалуй, останусь здесь.

Нефертити драматически повысила голос:

— И не увидишь, как мы будем ездить?

— Я устала. К тому же сегодня холодно.

— Здесь тоже холодно!

— Пускай поедет Ипу, — предложила я. — Или Мерит.

Нефертити заколебалась, выбирая, то ли спорить со мной и дальше, то ли махнуть рукой.

— Тутмос закончил бюсты, — сказала она наконец. Значит, она позволит мне остаться в саду. — Теперь он их раскрашивает.

Я спустила ноги со скамьи.

— А надолго ли он останется во дворце?

Нефертити как-то странно посмотрела на меня.

— Навсегда.

— Но что же он будет рисовать?

— Нас.

— Что, все время?

— Он может еще брать заказы у придворных. — Нефертити повернулась. — Видишь? — спросила она, встав так, чтобы мне был виден ее животик, выступающий над поясом из золотых скарабеев. — Он уже растет!

Я заколебалась.

— А если это девочка?

— Аменхотеп будет любить любого ребенка, которого рожу ему я! — пылко произнесла Нефертити.

Я нахмурилась. Я слишком хорошо знала свою сестру.

— В самом деле?

Нефертити сжала губы и прикусила их изнутри, как это часто делала и я.

— Если это будет девочка, то Кийя окажется матерью старшего царевича Египта.

— Но она — вторая жена. Если ты родишь фараону сына, даже если это случится в следующем году, фараоном все равно станет он.

Нефертити уставилась куда-то вдаль, за пруд, как будто могла отсюда разглядеть Фивы.

— Если у меня не будет мальчика, у Небнефера окажется предостаточно времени, чтобы заручиться поддержкой.

— Ему же всего четыре месяца!

— Ему не вечно будет четыре месяца. — Она подалась вперед. — Ты поможешь мне, ведь правда? Ты будешь со мной, когда подойдет срок. И будешь молиться богине, чтобы это был мальчик.

Я рассмеялась — и осеклась, увидев ее лицо.

— Но с чего вдруг богиня станет слушать меня?

— Потому что ты честная, — ответила Нефертити. — А я… я не такая, как ты.

Нефертити ходила по дворцу, держа руку на животе, и никто не смел даже заикнуться о четырехмесячном царевиче, которого Кийя кормила грудью в Большом зале, хотя все его видели. Царевич был очаровательным малышом, невзирая на то что мать его была кислой, как лимон. Аменхотеп то и дело поддерживал Нефертити, постоянно помогал ей взобраться на колесницу и даже на трон. Он трясся над ней и восхвалял растущего в ее чреве ребенка — и при этом полностью игнорировал уже рожденного.

В месяце мехире Аменхотеп объявил в официальных свитках и написал на общественных зданиях, что в Мемфисе господствует бог Атон. Повсюду разослали указания, повелевающие египтянам склониться перед жрецами Атона, как прежде они склонялись перед жрецами Амона.

Ибо Атон обнимает Египет. Он всемогущ.

Он — прекраснейший. Всезнающий и всеведающий.

Свиток не заканчивался словом «Амон». Такого еще не бывало в Египте — чтобы официальный свиток не заканчивался словом «Амон». Но отныне заканчиваться не будет — в Мемфисе.

Отец положил свиток на колени.

— Это богохульство, и Старший о нем узнает! Он будет очень недоволен.

Отец сердито посмотрел на мою сестру. Нефертити пожала плечами. Она не съежилась под отцовским взглядом, как сделала бы я на ее месте.

— Богохульство — это то, что считает богохульством фараон, — отозвалась она.

— Но твой муж не единственный фараон! — Отец встал и швырнул свиток в жаровню. — Старший все еще жив. И попомни мое слово, Нефертити: если твой муж не будет осторожен, не удивляйся, когда моя сестра подошлет к нему убийц.

Я прикрыла рот ладонью, а Нефертити побелела.

— Аменхотеп уже носит корону! Она не сделает этого!

Отец ничего на это не ответил.

— Ты этого не допустишь!

— Дело зашло слишком далеко.

— Но я ношу его ребенка!

Отец приблизился к ней.

— Слушай меня, и слушай внимательно. Покушение более чем возможно. Убедитесь, что люди, которых вы наняли вас защищать, готовы умереть за вас.

В лице Нефертити не осталось ни кровинки.

— Ты должен ее остановить! Она твоя сестра! — воскликнула она.

— Она еще и царица Египта, а я всего лишь визирь.

Вид у Нефертити сделался больной.

— Но ты же защитишь меня, правда?

Отец промолчал.

— Правда? — прошептала Нефертити.

Она выглядела сейчас такой маленькой и испуганной, что мне захотелось подбежать и обнять ее.

Отец прикрыл глаза.

— Конечно, я буду тебя защищать.

— А моего ребенка? А Аменхотепа?

— Этого я обещать не могу. Ты должна сдержать его. Найди способ. Иначе моей защиты не хватит.

Мы жили, словно коты: обнюхивали еду, прежде чем приступить к трапезе, хотя ее перед этим пробовали слуги, и по ночам держали ушки на макушке, прислушиваясь, не появился ли кто чужой. Ипу начала беспокоиться о моем здоровье:

— Ты всю ночь ворочаешься. Это не идет тебе на пользу, госпожа.

— До меня дошли тревожные вести, Ипу.

Ипу перестала складывать постельное белье и посмотрела на меня.

— Плохие новости?

— Да, — созналась я, подсунув руки под себя. — Ты мне скажешь, если по дворцу пойдут разговоры?

Ямочки исчезли со щек Ипу.

— Какие именно разговоры, госпожа?

— Об убийстве.

Ипу отпрянула.

— Это не так уж поразительно, — прошептала я. — Аменхотеп обзавелся врагами. Но ты ведь скажешь мне, если что-нибудь услышишь, правда?

— Конечно, — заверила меня Ипу, и я поняла по ее лицу, что она говорит серьезно.

В тот день Нефертити перед поездкой к месту строительства храма отвела меня в сторонку.

— Кажется, я что-то слышала прошлой ночью, — призналась она.

Я застыла.

— Ты рассказала отцу?

— Нет. Я толком не уверена, что именно слышала. Это было снаружи, за окном.

Меня пробрал озноб, такой сильный, что я вздрогнула.

— А царю ты сказала?

Нефертити покачала головой, положив руку на живот.

— Нет, но я хочу, чтобы сегодня ночью ты спала со мной.

Тут мне вспомнилось, что как раз сегодня Аменхотеп должен был отправиться к Кийе, и я, разгадав замысел сестры, отстранилась.

— Что? — с неистовством воскликнула Нефертити. — Ты думаешь, что я лгу?

Несколько мгновений я в задумчивости смотрела на нее.

— Пожалуйста, — твердо произнесла она, и в глазах ее, похоже, виднелся настоящий страх. — Не только ради меня. Ради ребенка.

Ребенку в ее чреве было шесть месяцев.

Тем вечером она подошла к большой кровати, которую делила с Аменхотепом, и я заколебалась.

— Ложись.

— Но это кровать царя.

Нефертити сощурилась:

— Не сегодня. Сегодня он оставил меня одну.

Но я все равно отказалась ложиться на нее.

— Перестань терять время и ложись, — прикрикнула Нефертити.

Беременность сделала ее раздражительной.

— Нет. Пойдем ко мне в кровать, — ответила я.

Нефертити метнула на меня сердитый взгляд и положила руку на живот.

— Я беременна!

— Там будет безопаснее, — бросила я.

Нефертити заколебалась, и я поняла, что переубедила ее. Она сбросила покрывало и протянула мне руку. Я поддержала ее и помогла пройти через покои. Добравшись до моей комнаты, Нефертити осторожно опустилась на подушки и пожаловалась:

— Твоя кровать не такая удобная.

— Да, но зато куда более безопасная.

Я улыбнулась, довольная своей победой, и Нефертити ничего не сказала. Я подложила подушку ей под спину.

— Ты вправду думаешь, что кто-нибудь попытается убить меня? — прошептала она.

Я рассмеялась, но смех был неискренним:

— Нет, если дли этого потребуется пройти мимо двенадцати нубийцев, которые сейчас стоят под дверью.

Я пыталась говорить весело, чтобы унять ее страхи, но Нефертити была в мрачном расположении духа и никак не успокаивалась.

— Но почему кому-то может понадобиться убивать меня? — спросила она.

От мыслей об этом я вздрогнула.

— Потому что ты замужем за фараоном и носишь его ребенка. Это самый лучший способ добраться до Аменхотепа — через тебя.

— Но ведь народ меня любит!

— Народ, — отозвалась я. — Но не жрецы. Не люди, чьи жизни посвящены Амону и чьи храмы вы собираетесь уничтожить…

— Это идея Аменхотепа! — отрезала Нефертити.

Тут в коридоре послышались шаги, и мы с ней застыли. Но человек, видимо, решил отступить, потому что шаги тут же стали удаляться. Я выдохнула.

— Я больше так не могу! — воскликнула Нефертити. — Я всего боюсь!

— Ты сама заварила эту кашу, — сурово отозвалась я.

Но я по-прежнему держала ее за руку, и той ночью мы спали, не гася ламп. Поутру мы проснулись на рассвете, свернувшись друг вокруг дружки, словно кошки.

14

Шему. Сезон урожая

Дитя Нефертити должно было появиться на свет в пахоне. Нефертити отказалась рожать наследника египетского трона в том же самом павильоне, в котором рожала Кийя, поэтому Аменхотеп приказал рабочим, трудящимся на строительстве храма, возвести у пруда с лотосами родильный павильон.

— В нем должны быть окна, глядящие на все четыре стороны света. — Моя сестра раскинула руки, дабы рабочие поняли, что ей видится — помещение, полное воздуха и света. — Окна от потолка до пола, — распорядилась она.

Солдаты послушно поклонились, и скульпторы принялись трудиться, вырезая листву на столбиках кровати и рисуя рыб на зелено-голубых плитах пола.

Когда Нефертити не руководила возведением своего павильона, она ездила вместе с Аменхотепом посмотреть, как там продвигается строительство храма — а теперь, когда часть рабочих занялась другим, оно замедлилось.

— Мутни, найди свой плащ! — крикнула мне сестра. — Мутни, мы едем в храм!

В храме я увидела военачальника Нахтмина. Он отдавал распоряжения строителям. Что он делает в Мемфисе? Он же был твердо намерен оставаться в Фивах! Когда мы проезжали мимо, Нахтмин улыбнулся, и я отвела взгляд, чтобы Нефертити не подумала, будто между нами что-то есть. Но Ипу, ехавшая в одной колеснице со мной, тихонько прошептала:

— Фараон сделал солдатам предложение, от которого не отказываются. Двадцать дебенов серебра в месяц за работу на стройке в Мемфисе.

Я обернулась к ней, потрясенная:

— Военачальник Нахтмин явился сюда ради серебра?

Ипу посмотрела на военачальника и улыбнулась, заиграв ямочками на щеках.

— Или по иной причине.

Однажды утром сестра слишком плохо себя чувствовала, чтобы ехать в колеснице, и она захотела, чтобы вместо нее поехала я.

— Я не хочу, чтобы Аменхотеп отправился туда с Кийей! — со злобой произнесла она. — Я прямо вижу, как она едет по строительной площадке и сочиняет стихи в честь сверкающих новых зданий! А с него еще станется ради нее написать это на стене храма!

Я бы засмеялась при этих словах, но просьба Нефертити меня напугала.

— Ты хочешь, чтобы я поехала на стройку? Одна?

— Конечно не одна. Ты возьмешь с собой Ипу.

— Но что я буду там делать?

Нефертити положила руку на живот; моя неосведомленность утомила ее.

— То же самое, что всегда делаю я, — огрызнулась она. — Будешь присутствовать в храме, чтобы строители не ленились. Будешь смотреть, чтобы рабочие не воровали золото, алебастр или известняк.

— А если они все-таки будут воровать?

— Не будут, — невозмутимо произнесла Нефертити. — У тебя на глазах — не посмеют.

Пока главный конюший готовил мою колесницу к выезду, Ипу поинтересовалась:

— А где фараон? Он разве не едет?

— Моей сестре нездоровится, и она хочет, чтобы фараон был рядом с ней.

— Так мы едем одни? Без охраны?

— Совершенно одни.

Когда колесница была готова, мы покинули дворец и поехали туда, где строился храм. Солдаты ломали каменные глыбы и обтесывали их. Алебастр, похоже, никто не воровал, но несколько человек весело помахали Ипу, когда мы проезжали мимо. Я приподняла брови. Ипу улыбнулась:

— У меня есть друзья в странных местах, госпожа. А поскольку вы не можете заводить друзей среди солдат, я завожу их для вас.

Я проследила за ее взглядом и увидела, что какой-то человек встал на пути у нашей колесницы, раскинув руки. Лошади остановились, словно подчинившись некоему приказу, и Нахтмин улыбнулся нам.

— Военачальник, — официальным тоном произнесла я и поклонилась.

— Госпожа моя Мутноджмет, — отозвался он.

Ипу ухмыльнулась.

— И как продвигается работа в храме? — спросила я.

Мне же нужно было делать вид, будто я надзираю за его людьми. Рабочие с ворчанием устанавливали на место тяжелую каменную колонну.

На губах военачальника заиграла едва заметная улыбка.

— Как видишь, люди трудятся изо всех сил ради великих устремлений его величества. Но разве ты не хочешь спросить, почему я здесь?

От работы на солнце кожа военачальника приобрела оттенок темной бронзы, сделавшись темнее, чем его длинные волосы и светлые глаза.

— Я уже знала, что ты здесь, — ответила я. — Фараон сделал солдатам предложение, перед которым невозможно устоять. Двадцать дебенов серебра в месяц.

Военачальник Нахтмин сощурился под безжалостным солнцем.

— Так вот что ты думаешь? Что я продался за горсть серебра?

Я взглянула на него в упор.

— А почему же еще ты мог приехать?

Нахтмин отступил на шаг, и вид у него сделался задумчивым.

— В юности я скопил деньги, полученные в войске, и купил ферму в Фивах. А когда мой отец умер, я унаследовал его владение. Так что нет, я явился сюда не ради пригоршни дебенов.

Я почувствовала, что чем-то обидела его. Военачальник не отводил взгляда, и мне пришлось спросить:

— Тогда почему ты приехал?

Нахтмин посмотрел на Ипу.

— Возможно, ты, госпожа, сможешь это объяснить. А я должен вернуться к моим солдатам, пока они не начали воровать известняк. — Он улыбнулся. — Или алебастр.

Я посмотрела ему вслед и повернулась к Ипу:

— Почему ему нравится играть со мной?

— Потому что он тобой интересуется. И не уверен, что ты интересуешься им.

Я онемела.

— Только смотри, чтобы твоя сестра не застукала тебя в таком виде, — предостерегла меня Ипу. — А то во дворце поднимется буча похуже той, которая была при рождении царевича.

Храм Атона закончили строить своевременно, к тому моменту, как Нефертити пришла пора рожать. Она сильно отяжелела и теперь сидела в особом павильоне, украшенном изображениями Хатор и Беса, подложив под ноги пуховые подушки, а в передней сидели арфисты и играли для нее. Во всех углах стояли слуги с опахалами. Моя сестра правила со своего ложа и рявкала на всех, кто оказывался рядом, даже на нашего отца.

— Почему никто не сказал мне, что Кийя отправилась с ним посмотреть на храм? Она что, теперь заняла мое место? — Нефертити негодующе повысила голос. — Так, что ли?

— Мутноджмет, закрой дверь, — велел отец. Он посмотрел на лежащую Нефертити. — Тебе придется несколько дней просто потерпеть. Ты ничего не можешь поделать.

— Я — царица Египта!

Нефертити попыталась сесть, и служанки тут же кинулись к ней.

— Пошлите за Аменхотепом! — приказала она.

Девушки посмотрели на отца.

— Я сказала — пошлите за фараоном! — пронзительно взвизгнула Нефертити.

Отец повернулся к ближайшей служанке и кивнул. Девушка поспешно умчалась.

— Ты бы лучше побеспокоилась о состоянии дел в твоем царстве, — сказал отец. — Ты хоть потрудилась выяснить, что происходит в Фивах?

Нефертити пожала плечами:

— А зачем?

Лицо отца потемнело.

— Да затем, что Старший болен.

Служанки изо всех сил старались не смотреть друг на друга, но ясно было, что вечером они посплетничают всласть. Нефертити приподнялась на подушках.

— Насколько болен?

— Если верить новостям, Анубис может вскоре забрать его.

Нефертити попыталась сесть.

— Почему я об этом не слышала?

— Потому что ты не слушаешь ни о чем, если это не касается храма Атона, — упрекнул ее отец. — Когда Аменхотеп в последний раз наведывался в Зал приемов? Или писал чужеземным князьям? Каждый день я сижу у подножия трона Гора и распоряжаюсь, словно царь.

— А разве ты не этого хотел? Чтобы египетское царство лежало перед тобой?

— Только не тогда, когда твой муж целыми днями играет в фараона и посылает своим союзникам позолоченные статуэтки вместо настоящего золота. А мне приходится все поправлять за ним. Мне приходится объяснять правителю Квилту, почему войско не готово выступить на его защиту в то время, как хетты нападают на его царство.

— Есть войско в Фивах. Пускай он посылает за ними к Старшему.

Отец в гневе встал.

— Сколько осталось времени до того, как Аменхотеп начнет и этих солдат использовать на стройке? Что будет следующей затеей? Дворец? Город?

Я быстро взглянула на Нефертити.

— В Египте зреют раздоры, — предупредил отец. — Жрецы Амона готовят мятеж.

— Они никогда не взбунтуются!

Нефертити выпятила подбородок — семнадцатилетняя царица.

— А почему бы и нет? — с вызовом бросил отец. — Если Хоремхеб будет на их стороне?

— Тогда Хоремхеб станет предателем, и Аменхотеп его убьет.

— А если войско поддержит его? Что тогда?

Нефертити отшатнулась, схватившись за живот, словно пыталась защитить своего ребенка от подобных вестей. Затем дверь распахнулась, и на пороге появился Аменхотеп.

— О прекраснейшая из цариц Египта! — воскликнул он.

— Единственная царица Египта! — отрезала Нефертити. — Где ты был?

— В храме. — Аменхотеп улыбнулся. — Алтарь уже готов.

— И ты освятил его вместе с Кийей? — прошипела Нефертити.

Аменхотеп застыл.

— Так что, это правда? — выкрикнула Нефертити. — Раз я теперь царская корова, готовая вот-вот родить царевича, я уже никого не интересую?

Аменхотеп, заколебавшись, оглядел покои, потом быстро шагнул к жене и взял ее за руки.

— Нефертити…

— Это мое изображение смотрит на египтян! Это я надзираю над этим царством — не Кийя!

Аменхотеп поспешно опустился на колени.

— Прости.

— Ты больше не пойдешь с ней туда. Скажи, что ты больше не пойдешь с ней.

— Я обещаю…

— Обещания недостаточно. Поклянись. Поклянись Атоном.

Фараон увидел, как серьезно ее лицо, и произнес:

— Клянусь Атоном.

Мы с отцом переглянулись, а сестра подняла супруга с пола.

— Ты знаешь, что твой отец болен? — спросила она, устраиваясь на подушках и превосходно притворяясь: когда она была довольна, то все делалось, как желал Аменхотеп.

Аменхотеп тут же встал.

— Старший болен?

Он взглянул на отца.

— Это правда?

Отец поклонился.

— Да, ваше величество. Так сообщили из Фив.

Аменхотеп быстро оглядел покои и словно лишь сейчас заметил служанок.

— Вон отсюда!

Ипу и Мерит быстро выгнали остальных женщин. Аменхотеп повернулся к отцу:

— Скоро он умрет?

Отец напрягся.

— Фараон Египта может прожить еще год.

— Ты сказал, что он болен. Что пришли такие вести.

— Боги могут сохранить его.

— Боги его покинули! — выкрикнул Аменхотеп. — Они заботятся обо мне, а не о дряхлом старике!

Аменхотеп в два шага перемахнул комнату, распахнул дверь и велел стражникам:

— Отыщите архитектора Майю!

Затем он повернулся к отцу:

— Возвращайся в Зал приемов и напиши правителям всех народов. Предупреди их, что через сезон я стану фараоном Верхнего Египта.

Судя по красным пятнам на скулах, отцу стоило немалого труда удержать себя в руках.

— Он может не умереть к этому времени, ваше величество.

Аменхотеп подступил к отцу настолько близко, что на мгновение мне почудилось, будто он его сейчас поцелует. Но вместо этого он прошептал отцу на ухо:

— Ты ошибаешься. Царствование Старшего окончено.

Он шагнул к двери и приказал стражникам:

— Разыщите Панахеси!

И снова повернулся к отцу.

— Верховный жрец Атона совершит поездку в Фивы, — провозгласил он. — А теперь иди и напиши всем иноземным правителям.

Фараон указал на дверь, и мы с отцом вышли в коридор. Аменхотеп захлопнул за нами дверь. И тут же за дверью зазвучали приглушенные голоса, высокие и возбужденные. Отец, сердито шлепая сандалиями, направился в Пер-Меджат, я за ним.

— Что он делает?

— Готовится.

Отец явно был вне себя от гнева.

— К чему готовится?

— Чтобы ускорить путешествие Старшего в загробный мир.

Я ахнула.

— Тогда почему ты позволил Нефертити рассказать ему об этом?

Отец даже не притормозил.

— Потому что иначе ему рассказал бы кто-нибудь другой.

— Царица рожает!

Служанка отыскала меня в дворцовом саду и, задыхаясь, вывалила на меня эту весть. Я тут же поспешила к родильному павильону Нефертити и протолкалась через собравшуюся толпу. Посланцы и придворные дамы толпились вокруг павильона, укрывшись под тентами, и сплетничали о том, что будет, если Нефертити родит сына. Отошлют ли Небнефера жить в другой дворец? А если родится девочка? Как скоро царица забеременеет снова? Я вошла в павильон, захлопнув дверь и оставив все сплетни позади.

— Где ты была? — крикнула Нефертити.

— В саду. Я не знала, что уже началось.

Мать посмотрела на меня так, словно мне полагалось об этом знать.

— Принеси мне сока, — простонала Нефертити. — Быстро!

Я кинулась к ближайшей служанке и объяснила ей, где найти сок. Потом я снова повернулась к сестре:

— А где повитухи?

Нефертити скрипнула зубами.

— Готовят родильное кресло.

Тут появились две повитухи.

— Готово, ваше величество.

На кресле были нарисованы три богини — покровительницы родов: Хатор, Некбет и Таварет обнимали эбеновый трон. Тело Нефертити стремилось выпустить тяжелую ношу из чрева. Она тяжело дышала.

Повитухи помогли сестре удобно устроиться на мягком сиденье с отверстием посередине; через это отверстие ребенок являлся в мир. Мать подложила подушку ей под спину, а Нефертити вцепилась в мою руку и завопила так громко, что и Анубис проснулся бы. Болтовня под стенами павильона тут же стихла, и теперь слышны были лишь крики Нефертити. Мать обратилась вместо повитух ко мне:

— Мы можем чем-нибудь помочь ей?

— Нет, — честно ответила я, и повитухи закивали.

Та, которая была постарше, встряхнула копной седеющих кудрей:

— Мы уже дали ей кепер-вер.

Она дала сестре смесь из растения кепер-вер, меда и молока, чтобы ускорить роды. Теперь же пожилая повитуха лишь развела руками:

— Больше мы ничего не можем сделать.

Нефертити застонала. Лицо ее исказилось, а по шее стекали ручейки пота, и волосы липли к мокрому лицу. Я приказала одной из повитух убрать их с лица. Ипу и Мерит принесли блюдо с горячей водой и поставили под родильное кресло, между ног сестры, чтобы пар способствовал быстрым родам. Затем Нефертити запрокинула голову и вцепилась в кресло.

— Он движется! — воскликнула мать. — Царевич Египта!

— Тужься сильнее! — подбодрила Нефертити пожилая повитуха.

Мерит приложила к голове Нефертити прохладную ткань, а повитуха тут же встала за креслом и взялась за появившуюся головку ребенка. Сестра выгнулась с криком боли, потом ее маленькое тело содрогнулось, и ребенок вышел вместе с водами.

— Царевна! — воскликнула повитуха, оглядывая ребенка и проверяя, нет ли каких изъянов. — Здоровенькая царевна!

Нефертити оторвала голову от кресла.

— Царевна?! — взвизгнула она.

— Да!

Повитуха показала ей маленький сверток. Мы с матерью переглянулись.

— Кто-нибудь, сообщите визирю Эйе, — радостно произнесла мать. — И пошлите весть царю.

Ипу выскочила из павильона — сообщить дворцу, что царица жива. Вскоре должны были прозвонить колокола — дважды, в честь царевны Египта. Повитухи переложили Нефертити обратно на кровать и вставили в лоно свернутую ткань, чтобы остановить кровотечение.

— Царевна… — повторила Нефертити.

Она была так уверена, что родится царевич! Так уверена!

— Но она здорова, — ответила я. — И она твоя. Твое собственное маленькое связующее звено с вечностью.

— Но, Мутни… — Взгляд Нефертити сделался отчужденным. — Это девочка.

Подошедшая повитуха вручила сестре первую царевну Египта. Нефертити примостила ребенка на руках. У матери увлажнились глаза. Она стала бабушкой.

— Она похожа на тебя, — сказала мать Нефертити. — Те же губы и нос.

— И густые волосы, — добавила я.

Мать погладила мягкую пушистую головку. Малышка пронзительно завопила, и седая повитуха тут же кинулась к ребенку.

— Ее нужно покормить, — объявила она. — Где кормилица?

В родильный павильон впустили высокую полную женщину. Повитуха искоса взглянула на ее круглое лицо. Кормилица была ненамного старше Нефертити — лет семнадцать-восемнадцать, и выглядела она здоровой и сильной.

— Это тебя выбрал визирь Эйе?

— Да, — ответила девушка.

По ее разбухшим грудям ясно было, что она тоже недавно стала матерью.

— Тогда садись рядом с царицей, — велела повитуха.

Кормилице поставили кресло, и она обнажила одну грудь. Мы все принялись смотреть, как маленькая царевна жадно сосет молоко, а Нефертити изучала собственное миниатюрное подобие, устроившееся на руках у кормилицы.

Повитуха улыбнулась:

— Малышка такая же красивая, как вы, ваше величество. Фараон будет доволен.

— Но это не сын.

Нефертити посмотрела на царевну, которую произвела на свет. На царевну, которой полагалось быть царевичем.

— Как ты ее назовешь? — спросила я.

— Меритатон, — тут же отозвалась Нефертити.

Мать вздрогнула.

— Возлюбленная Атоном?

— Да. — Нефертити выпрямилась, и вид у нее сделался решительный. — Это напомнит Аменхотепу о том, что на самом деле важно.

Мать нахмурилась, а Нефертити пылко произнесла:

— О родственных чувствах.

Вдали зазвонили колокола: дважды, чтобы Мемфис узнал о рождении царевны. Нефертити схватилась за край покрывала:

— Что это?

— Колокола… — начала было мать, но Нефертити перебила ее:

— Почему они прозвонили только два раза?

— Потому что три раза звонят, когда рождается царевич, — сказала я, и Нефертити разъярилась:

— Почему? Потому что дочь менее важна, чем царевич? В честь Небнефера звонили трижды, и в честь царевны Меритатон тоже будут звонить три раза!

Мы с матерью переглянулись, а царевна Меритатон завопила.

Молчание нарушила Мерит:

— Может быть, вас проводить в купальню, ваше величество?

— Нет! Прикажите кто-нибудь, чтобы звонить перестали! — распорядилась Нефертити. — И приведите Аменхотепа!

— Сначала прими ванну, а потом уже увидишься с фараоном и все ему скажешь, — попыталась переубедить ее мать.

— Нефертити, в таком состоянии тебе ни с кем нельзя видеться, — взмолилась я.

Ее платье было в пятнах, и, хотя повитухи вытерли ей ноги и причесали волосы, сейчас она не была царицей Египта. Она была женщиной, только что произведшей на свет ребенка, и от нее воняло кровью.

— Вымойся быстренько, а потом мы позовем фараона и все ему скажем.

Нефертити послушалась. Служанки завернули ее в чистое покрывало и увели. В павильоне воцарилась тишина.

— Она родила чудесное дитя, — сказала в конце концов мать.

Кормилица продолжала кормить ребенка, а повитуха убрала родильное кресло. До появления царевича пройдет не меньше года. А может, и больше.

— Как ты думаешь, он ее послушается? — спросила я.

Мать поджала губы.

— Так никогда не делалось.

— Но и царица никогда не жила в покоях фараона.

Когда Нефертити вернулась, вымытая и одетая в белое, мать кивнула.

— Так гораздо лучше, — сказала она.

Но Нефертити не склонна была слушать лесть.

— Приведите Аменхотепа.

Мерит отворила дверь родильного павильона и позвала фараона. Он тут же вошел, и Нефертити немедленно набросилась на него.

— Я хочу, чтобы в колокола прозвонили трижды! — приказала она.

Аменхотеп кинулся к жене и погладил ее по щеке.

— С тобой все в порядке? Ты…

— Пусть сегодня колокола звонят трижды!

— Но ведь… — Фараон посмотрел на спящую Меритатон. — Посмотри, какая она красивая…

— Я говорю о колоколах! — выкрикнула Нефертити, разбудив царевну, и Аменхотеп заколебался.

— Но ведь трижды звонят только…

— Что, наша царевна менее важна, чем царевич?

Аменхотеп посмотрел на личико дочери, и по щекам его потекли слезы. Малышка унаследовала его темные глаза и вьющиеся волосы. Затем он перевел взгляд на Нефертити. На лице царицы застыла упрямая убежденность, и Аменхотеп повернулся к Мерит:

— Передай, чтобы в колокола звонили трижды. В честь рождения царевны…

Он вопросительно взглянул на Нефертити.

— Царевны Меритатон, — ответила Нефертити, и Аменхотеп уселся рядом с ней.

— Меритатон, — повторил он, глядя на дочку. — Возлюбленная Атоном.

Нефертити гордо вскинула голову.

— Да. В честь великого бога Египта.

— Царевна.

Аменхотеп забрал хнычущую малышку у кормилицы и прижал к груди.

Появился отец и бросил проницательный взгляд на мать.

— Девочка, — негромко произнес он.

— И все же — наследница, — шепотом отозвалась мать.

Отец задержался настолько, чтобы подержать внучку, первую царевну Египта, на руках, а потом ушел, дабы написать послание царям иных земель.

Я разглядывала лежащую в кровати Нефертити. Она выглядела осунувшейся и бледной, но радовалась напоказ, для Аменхотепа, — в то время, когда ей следовало поспать.

— Как по-твоему, она хорошо выглядит? — спросила я у матери.

— Конечно нет. Она же только что родила.

Затем рядом с постелью возникла Мерит, вооруженная своей огромной шкатулкой из слоновой кости, заполненной косметикой. Сестра послушно села, хотя я на ее месте велела бы всем убраться прочь из моей комнаты. Я посмотрела на царевну Меритатон, которую сестра прижимала к груди, и ощутила укол чего-то очень похожего на зависть. У Нефертити был муж, семья и царство. Мне же пятнадцать — и что у меня есть?

Пир в честь рождения царевны был устроен в конце пахона. Золотые и серебряные сосуды искусной работы, присланные в дар от чужеземных царств, расставили на столе, что тянулся от одного конца Большого зала до другого. Там же стояли золотые изваяния и сундуки из черного дерева. Царь Миттани прислал свору гончих, а знатные семейства Фив преподнесли браслеты из серебра и слоновой кости.

В покоях Аменхотепа Нефертити собиралась на пир и приставала ко мне с вопросом, какое платье ей надеть, с большим вырезом или под горло.

Я посмотрела на ее подкрашенные хной груди, большие и привлекательные. Живот у нее был таким маленьким, что просто в голове не укладывалось, что она родила всего четырнадцать дней назад.

— С вырезом, — ответила я.

Я зачарованно смотрела, как платье облегает тело Нефертити и как она вдевает в уши золотые серьги. Нет, подумала я, мне никогда не быть такой красивой. Потом мы посмотрели на себя в зеркало: Кошка и Красавица.

Ни один мужчина из присутствовавших в Большом зале не мог оторвать глаз от царицы.

— Она великолепна, — сказала Ипу, когда моя сестра скользнула между колоннами и поднялась на помост.

Роды убрали впадинки с ее щек и придали лицу более яркий цвет. Сотни свечей, мерцая, освещали ей путь, а когда Нефертити уселась на трон, все на миг смолкли.

Похоже было, будто праздновать рождение Меритатон пришли все придворные до единого. Я вышла из зала наружу, туда, где стояли отец с матерью, наслаждаясь моментом покоя, пока не подали еду и не подошло время садиться за стол. Внутренний двор был забит людьми, разодетыми в лучший лен и золото; кто-то входил в Большой зал, кто-то выходил оттуда с чашей вина в руке. Отсутствовал только Панахеси.

— А как получилось, что здесь собралось столько народу? — спросила я.

На празднество прибыла даже знать из Фив; они двинулись в путь месяц назад, получив известие о близящемся рождении Меритатон.

— Они прибыли засвидетельствовать почтение новому фараону, — ответил отец.

Я не поняла, о чем он, и отец пояснил:

— Старший умирает.

Я уставилась на него.

— Но предполагалось же, что он проживет еще сезон! Ты мне говорил… — Я осеклась и поняла, что имеет в виду отец. Я придвинулась к нему и перешла на шепот. — Его что, отравили?

Отец не ответил.

— Его что, отравили? — не унималась я, но лицо отца было непроницаемо. Я отступила. — Так значит, Панахеси там?

Родители переглянулись, и отец встал.

— Что бы ни произошло в Фивах, но Старший не протянет и месяца.

В Большом зале прозвонил колокол, созывая гостей к трапезе. Отец взял мать за руку и исчез в толпе, а я осталась стоять с раскрытым ртом.

— Судя по твоему виду, не то на нас напали, не то ты только что съела что-то ну очень кислое.

Я повернулась, и военачальник Нахтмин протянул мне чашу с вином.

— Спасибо, военачальник. И я тоже рада тебя видеть.

Он рассмеялся и взмахнул рукой в сторону Большого зала:

— Пойдем?

Мы вместе вошли в сводчатые двери Большого зала, украшенного великолепной колоннадой и заполненного сотнями гостей. Нахтмин должен был сидеть за столом с верхушкой войска, я — с царской семьей. Но прежде чем мы дошли до помоста, я остановила его:

— Военачальник, скажи… ты не слышал ничего о Старшем?

Нахтмин задумчиво посмотрел на меня, потом отвел от столов в уголок, где мы могли поговорить более спокойно.

— А почему ты спрашиваешь?

Я заколебалась.

— Я… я просто подумала, что ты можешь что-то знать.

Нахтмин взглянул на меня с подозрением.

— Возможно, он очень скоро перейдет под власть Осириса.

— Но ему же всего сорок лет! Он мог прожить еще лет десять… — прошептала я. — Это не яд?

И я пристально посмотрела на него, стараясь понять, честен ли его ответ.

Нахтмин мрачно кивнул:

— Так поговаривают. И если разговоры идут даже в царской семье…

— Вовсе нет, — быстро произнесла я.

Нахтмин посмотрел на меня изучающе.

— Но если… если фараон умрет…

— То что?

— Вот именно — что тогда?

— Тогда твоя сестра станет царицей всего Египта, а вдовствующая царица склонится перед своей невесткой. И кто знает, — заговорщически добавил Нахтмин, — она может даже сама стать фараоном.

— Фараоном?! — переспросила я, не веря своим ушам.

— Это что, настолько удивительно?

— Нет, это просто глупо. Женщин, которые правили Египтом, можно пересчитать по пальцам.

— А почему бы ей не войти в их число?

Мы дружно посмотрели сквозь лес колонн на мою сестру; ее блестящие волосы удерживал массивный золотой обруч, и глаза ее выглядели даже больше обычного. Со своего трона ей виден был весь зал, но смотрела она на Аменхотепа.

— Он доверяет ей во всем, — добавил Нахтмин. — Они даже живут в одних покоях.

— Кто тебе сказал?

— Я военачальник. Это мое дело — знать. Даже будь я слугой в каком-нибудь малом дворце, я и то знал бы такую мелочь.

— Но она не может стать фараоном, не став прежде вдовой.

Я посмотрела на Нахтмина. Он спорить не стал, как будто не удивился бы, если бы Аменхотеп умер. Меня пробрал озноб, хотя вечер был теплый. Гости расселись по местам, и под сводами Большого зала звенел смех. Празднество в честь рождения царевны должно было длиться всю ночь, но мне могло больше и не представиться случая поговорить с Нахтмином. Я заколебалась.

— Я думала, ты останешься в Фивах и будешь вести там более тихую жизнь.

— О, жизнь в Фивах вовсе не тихая. Рядом с дворцом тихой жизни не бывает. Но я надеюсь когда-нибудь найти кого-нибудь, кто разделил бы со мной

тихую жизнь. Вдалеке от Фив, Мемфиса и вообще любого города, через который проходит царская дорога.

Мы вместе посмотрели в зал, и я кивнула. Я понимала его желание.

— Но теперь, когда храм построен, солдаты хотят знать, что будет дальше. Фараон боится войска. Он не пошлет нас на войну, хотя хетты каждый сезон вторгаются в наши земли, а Египет не дает им отпора. С Панахеси, служащим Атону, и Аменхотепом, строящим храмы, на трон Египта взойдет твой отец. Возможно, не в прямом смысле слова, но во всех прочих смыслах фараон — он, мив-шер. Ныне настало время решать, чего ты хочешь от жизни. Имени, высеченного на камне ради вечности, — или счастья.

— А откуда ты знаешь, что я несчастлива здесь?

— Да оттуда, что ты стоишь в углу и разговариваешь со мной, в то время как твоя сестра восседает на троне Гора, а твой отец улаживает все ее трудности. Будь ты довольна жизнью, ты была бы сейчас там.

Он указал на стол для царской семьи, во главе которого восседали мои мать с отцом, а окружали их лысые мужчины в одеждах из тонкого льна.

— Так куда же это привело тебя, котенок?

— В служанки Нефертити, — отрезала я.

— Ты всегда можешь это изменить. — Нахтмин посмотрел на меня с интересом и добавил многозначительно: — Выйдя за кого-нибудь замуж.

— Мутни, ты не найдешь мое платье?

Я оторвала взгляд от доски для игры в сенет, но осталась сидеть.

— А где Мерит? Разве она не может принести тебе платье?

Нефертити посмотрела на меня огромными накрашенными глазами; она сидела рядом с кормилицей, держащей у груди Меритатон, и гладила царевну по пушистой головке.

— Я не могу оставить Меритатон. Что тебе, трудно его принести из соседней комнаты?

— Мутни, сходи, — сказала мать. — Она занята.

— Она всегда занята!

Мать бросила на меня такой взгляд, что я сочла за лучшее подчиниться и сходила за платьем. Я остановилась около Меритатон, вглядываясь в личико

малышки. У нее был тот же цвет кожи, что и у ее матери, — оттенка песка, а вот глаза были желтовато-коричневые, как у Аменхотепа. Невозможно было сказать, будет ли у нее материнский подбородок или отцовский рост. Но носик был изящный и длинный, как у Нефертити.

— Она похожа на тебя, — сказала я, и сестра улыбнулась.

Мать напряглась.

— Вы слышите? — спросила она, отрывая взгляд от доски для сенета.

Все застыли, даже кормилица с Меритатон на руках. Я поняла, о чем говорит мать: издалека донеслись причитания женщин и звон храмовых колоколов.

Нефертити встала.

— Что случилось?

Тут дверь распахнулась, и появился Аменхотеп с улыбкой до ушей. Мы все поняли. Мать прикрыла рот ладонью.

— Он ушел к Осирису, — прошептала Нефертити.

Аменхотеп заключил ее в объятия.

— Старший мертв. Я — фараон всего Египта!

В комнату вошел отец, за ним по пятам — Панахеси. Охваченная радостью Нефертити даже не обратила внимания на появление мужчин в своих родильных покоях. Отец поклонился:

— Готовиться ли нам к поездке в Фивы, ваше величество?

— Никакой поездки в Фивы не будет! — провозгласил Аменхотеп. — Мы немедленно начинаем строительство города Амарна!

В комнате воцарилась тишина.

— Вы переносите столицу из Фив? — спросил отец.

— Во славу Атона, — торжественно заявил Аменхотеп.

Отец с гневом взглянул на Нефертити. Та отвела взгляд.

15

Фивы. 1349 год до н. э.

Пятнадцатое moma

Аменхотеп расхаживал взад-вперед.

— Моя мать в Зале приемов. На ней корона царицы Египта. Эта корона теперь твоя. Хочешь, я ее заберу?

Мы сидели кружком в самых богатых покоях Мальгатты: мать, отец, Ипу и я. Мы приплыли в Фивы на похороны фараона, и теперь покои Старшего принадлежали Аменхотепу. Теперь мы сидели и смотрели, как Мерит подкрашивает Нефертити глаза. Отныне сестра была выше нас. Могущественнее, чем Тийя. Даже могущественнее, чем отец. Пока Старший был жив, всегда оставалась возможность при неприятностях обратиться за помощью к нему. Теперь же у нас была только Нефертити.

— Пускай оставит себе, — повелела сестра. — Я буду носить корону, какой не было еще ни у одной из цариц Египта. Корону, которую создам сама.

Она взглянула на Тутмоса, следующего за нами повсюду.

Но Аменхотепа ее ответ не устроил.

— Корону надо отобрать, — с жестокой настойчивостью заявил он. — Тийя может быть опасна для нас.

Отец посмотрел на Нефертити. Та немедленно встала.

— В этом нет необходимости.

— Она — жена моего отца! — с угрозой отозвался Аменхотеп.

— И сестра моего отца. Он будет присматривать за ней — ради тебя.

Аменхотеп изучающе взглянул на отца, потом пожал плечами, как будто ему хотелось побыстрее прикрыть эту тему.

— Я хочу уехать из этого города, как только мы найдем место для строительства.

— Конечно уедем, — пообещала Нефертити и погладила мужа по щеке. — Но нам нужно навести порядок.

— Да, — согласился Аменхотеп. — Необходимо избавиться от жрецов Амона, пока они не подослали убийц…

— Ваше величество! — перебил его отец.

— Я не позволю им лишать меня сна! — разбушевался Аменхотеп. — Они мне снятся ночи напролет! Они проникли даже в мои сны! Но я отправлю жрецов в каменоломни!

Я ахнула, и даже Нефертити застыла, услышав эти слова. Ведь речь шла о людях, которые в жизни своей не занимались тяжелым трудом, о представителях Амона, проводивших жизнь в молитвах.

— Может, нам просто выслать их? — предложила Нефертити.

— Чтобы они плели заговоры где-то в другом месте? — возмутился Аменхотеп. — Нет! Я отправлю их всех в каменоломни.

— Но они же умрут! — вырвалось у меня.

Аменхотеп бросил на меня мрачный взгляд.

— Вот и отлично.

— А как насчет тех, которые склонятся перед Атоном? Их можно пощадить, — попросила Нефертити.

Аменхотеп заколебался.

— Мы предоставим им шанс. Но если кто откажется, того закуют — и в каменоломни!

Он вышел, велев стражникам, чтобы они шли в семи шагах за ним.

— Старший еще и месяца не пролежал в своей гробнице, а ты уже планируешь разрушение Фив? — с яростью спросил отец. — Люди увидят, что это против законов Маат. Они никогда этого не забудут.

— Тогда мы сделаем так, чтобы им было о чем помнить, кроме этого, — клятвенно пообещала Нефертити. Глаза ее были накрашены, а на шее висел золотой анк, символ жизни. — Принесите мою корону.

Тутмос удалился. Затем Нефертити сняла парик, и все дружно вскрикнули.

— Что ты сделала?! — воскликнула мать.

Нефертити побрилась наголо. Прекрасные черные пряди, обрамлявшие ее лицо, исчезли.

— Побрилась, чтобы носить корону.

Мать схватилась за сердце.

— Да что же это за корона?

— Корона, которая для всех будет связана с Египтом, — ответила Нефертити.

А я поняла, что даже без волос Нефертити все равно красива. Она была грозной, могущественной и великолепной. Нефертити посмотрела в зеркало. Тут у нее за спиной возник Тутмос. Он поднял корону с плоским верхом — так, чтобы все ее увидели, — а потом возложил ее на голову Нефертити. Никто другой не мог бы носить эту корону. Корона была создана для нее: высокая, изящная, с изображением змеи, готовой плюнуть ядом в глаза своим врагам. Нефертити повернулась, и, если бы я была простой крестьянкой, я бы подумала, что вижу богиню.

Зал приемов был забит под завязку. Писцы, торговцы, придворные, дипломаты, визири и жрецы стояли, плотно набившись в великолепный зал с его мозаиками и высокими окнами. Мемфисский Зал приемов не годился фиванскому и в подметки. Когда мы вошли в него, то лишь благоговейно ахнули. Нефертити стремительно взошла на помост, и царица Тийя, сидевшая на второй ступеньке этого помоста, перестала быть правящей царицей Египта. Отныне она была вдовствующей царицей. Пока я заняла свое место на третьей ступеньке, рядом с отцом, я успела услышать немало недоуменных шепотков: никто не знал, что означает корона Нефертити. Кто теперь Нефертити — царица? Царь-царица? Соправительница? К кому теперь обращаться с прошениями? Визири смотрели то на Аменхотепа, то на Нефертити, то на моего отца. Мы были самой могущественной семьей в Египте. Во всем мире.

Военачальник Нахтмин, при полном параде, стоял рядом с Хоремхебом. Они взирали на нубийских стражников за троном критически. Я знала, что они думают: Аменхотеп настолько не доверяет собственному войску, что нанимает для защиты чужеземцев. И еще я знала то, чего не знали даже они. Что сейчас Аменхотеп объявит о строительстве Амарны, новой столицы. Войны с хеттами, вторгающимися на наши земли, не будет. Вместо этого войско будет строить город в честь Атона.

Панахеси встал со своего кресла и провозгласил:

— Фараон Египта объявляет, что Атона следует чествовать превыше всех богов Египта!

Жрецы зароптали.

Панахеси повысил голос, чтобы перекричать их:

— Атону будут возведены храмы во всех городах. Жрецы Амона склонятся перед Атоном — либо их изгонят из Фив и отправят в каменоломни.

Раздались гневные крики.

— В каменоломни Вади Хаммамат, — продолжал Панахеси.

Ропот усилился, и Аменхотеп поднялся с трона.

— Отныне, — его голос эхом разнесся по залу, — я буду известен как фараон Эхнатон. «Угодный Атону». И фараон, угодный Атону, не будет править из Фив. Я возведу для Атона новый город, больше и величественнее Фив, и зваться он будет Амарна.

Вот теперь в Зале приемов воцарился хаос. Все были потрясены и тем, что Аменхотеп меняет имя, и тем, что будет строиться новая столица, дабы занять место величайшего из городов Востока. Эхнатон посмотрел на Панахеси. Тот потребовал тишины. Но толпа неистовствовала. Жрецы кричали, визири пытались успокоить жрецов, а торговцы, снабжавшие храмы Амона дорогими травами и золотом, заключали сделки с новыми жрецами Атона. Я посмотрела на мать — она была бела как мел.

— Стража! — крикнул новопоименованный Эхнатон. — Стража!

В толпу вломились две дюжины вооруженных нубийцев. Эхнатон встал и взял Нефертити за руку. Он повернулся к военачальникам и крикнул, перекрывая шум:

— Вы очистите все храмы и переплавите статуи Амона, Исиды и Хатор в золото! Вы дадите жрецам и жрицам единственную возможность склониться перед Атоном!

Эхнатон посмотрел на Нефертити. Та кивнула.

— Если они откажутся, закуйте их в цепи и отправьте в Хаммамат!

При слове «цепи» в зале воцарилась тишина. Люди лишь сейчас осознали, что у всех окон и выходов стоят стражники — на случай возникновения беспорядков. Эхнатон не просто желал возвысить Атона над Амоном: он желал снести статуи всех богов и богинь, оберегавших Египет на протяжении двух тысячелетий.

Какой-то визирь поднялся со своего кресла у подножия трона Гора.

— Но жрецы Амона — это знать страны! Они — основание, на котором покоится Египет! — воскликнул он.

По залу прокатился согласный гомон.

— Жрецам Амона, — медленно произнес Эхнатон, — будет предоставлен шанс — но лишь один. Они могут сделаться жрецами Атона либо отдать жизнь за бога, который больше не правит Египтом. Разве фараон — не уста богов?

Старик-визирь уставился на него, утратив дар речи.

— Разве фараон — не уста богов?! — повторил Эхнатон, сорвавшись на крик.

Старик опустился на колено.

— Конечно, ваше величество.

— Тогда кому лучше ведома воля богов, мне или жрецам? Мы построим во славу Атона город, равного которому не бывало!

Царица Тийя прикрыла глаза. Военачальник Хоремхеб выступил вперед:

— Хетты завладели Катной, а правитель Кадеша уже трижды просил нас о помощи. На его письма не ответил никто, кроме визиря Эйе, а тот ничего не может сделать без разрешения фараона! — Военачальник гневно взглянул на Эхнатона. — Если мы и на этот раз не пошлем туда людей, ваше величество, мы потеряем земли, за которые Старший заплатил жизнями трех тысяч египетских солдат!

Аменхотеп побагровел. Он оглядел зал, выискивая, кто согласен с Хоремхебом.

— Так ты говоришь, что хочешь сражаться с хеттами? — спросил фараон.

Военачальник расслышал угрозу в голосе царя.

— Я хочу защитить Египет от вторжения и сберечь земли, за приобретение которых сражался мой отец и я сам.

— Кто согласен с военачальником Хоремхебом? — выкрикнул Эхнатон.

Ни один человек в зале не шелохнулся.

— Кто? — вскричал фараон.

Пятеро колесничих выступили из рядов и огляделись. Эхнатон широко улыбнулся.

— Отлично! Вот твоя армия, военачальник!

Все в зале застыли, не понимая, что за игру затеял Эхнатон. Фараон повернулся к моему отцу.

— Отправь их в Кадеш, ибо это и есть войско, которое спасет Египет от хеттов! Кто еще желает поучаствовать в этой войне? — зловещим тоном поинтересовался фараон.

Я затаила дыхание, ожидая, вызовется ли участвовать Нахтмин.

Эхнатон ухмыльнулся:

— Значит, пять воинов. Восхвалим же героев, которые защитят Кадеш от набега хеттов!

Он издевательски захлопал в ладоши, а когда никто его не поддержал, стал хлопать громче, и в зале послышались робкие хлопки.

— Вы — герои! — Эхнатон повернулся к стражникам-нубийцам. — Уведите их — и отправьте в Кадеш!

Придворные в ошеломленном молчании смотрели, как уводили военачальника Хоремхеба и его пятерых воинов. Никто не сдвинулся с места. Кажется, никто и вздохнуть не смел.

Панахеси расправил плащ.

— А теперь фараон будет принимать прошения.

Панахеси отправился к величайшим святыням с войском нубийцев, и величайшие храмы Фив лишились своих статуй. Изваяния Исиды разбили или сожгли. Хатор сбросили с ее постамента над рекой, а Амона изуродовали. Люди в страхе попрятались по домам, а жрицы Исиды рыдали на улицах. Новое войско Эхнатона, состоявшее из наемников-нубийцев, посрывало одеяния с жрецов Амона и вручило им новые одежды, украшенные изображением солнца. Тех, кто отказался их принять, отправили на верную смерть.

И прежде чем Старший успел закоченеть в своей гробнице, Эхнатон с Нефертити преклонили колени перед алтарем, что некогда принадлежал Амону, и Панахеси провозгласил их фараоном и царицей всего Египта. Во время церемонии я сидела в первом ряду, вся увешанная золотом и лазуритом, а когда хор мальчиков сладкоголосо запел хвалу Атону, по всем Фивам войско фараона уродовало изваяния наших величайших богов.

Той ночью Нефертити созвала нас на встречу. Мы сидели кружком вокруг моей кровати и тихо переговаривались. В Фивах мне дали новую комнату, а прежнюю, рядом с покоями фараона, заняла царевна Меритатон. Когда я впустила в комнату отца, то думала, что он будет вне себя от гнева, но им владело убийственное спокойствие.

— Скажи что-нибудь, — приказала Нефертити.

— Что ты хочешь от меня услышать? — негромко произнес отец. — Это ты созвала нас.

— Да, потому что мне нужен твой совет.

— Зачем? Ты все равно им не воспользуешься.

— А что, по-твоему, я должна была сделать? — возмутилась Нефертити.

— Спасти Амона! — отрезал отец. — Спасти хоть что-нибудь! Что, по-твоему, останется от Египта после его затей?

— Ты думаешь, я этого не понимаю? — Голос Нефертити дрогнул. — Он намерен строить город — и хочет строить его в пустыне.

— В пустыне?

— Да, между Мемфисом и Фивами.

— Но там нельзя строить. Это бесплодные…

— Именно это я ему и сказала! Но Панахеси убедил его, будто такова воля Атона! — Нефертити истерически повысила голос. — Ты сделал его верховным жрецом Атона, и теперь Эхнатон считает Панахеси устами этого бога!

— Лучше пусть будет устами бога, чем казначеем. В конечном итоге, не Эхнатону решать, кто будет следующим фараоном Египта. Если твоего мужа заберет смерть, решать будут люди и их советники. Возможно, Панахеси контролирует храмы — но я контролирую золото, а золото завоюет больше сердец, чем бог, которого никто не видел.

— Но Эхнатон хочет выбрать место к концу атира. И хочет взять с собой Кийю!

Отец посмотрел на Нефертити. Так вот в чем была проблема. Не в том, что город может оказаться посреди пустыни, а в том, что Эхнатон берет с собой Кийю, чтобы та помогла выбрать место для строительства.

Паника, охватившая Нефертити, усилилась.

— Что мне делать?

— Пускай едет.

— Пускай едет выбирать место для нашего города вместе с Кийей?!

— Ты все равно ничего не можешь с этим сделать.

— Я — царица Египта! — напомнила Нефертити.

— Да, и одна из двух сотен женщин, которые достались Эхнатону по наследству из отцовского гарема.

— Эхнатон не станет иметь с ними никакого дела. Это — женщины его отца.

— Неужели все, к чему прикоснулся его отец, теперь запятнано? Включая этот город?

Нефертити ничего на это не ответила.

— Где он собирается взять рабочих для строительства Амарны? — спросил ее отец.

— Использует войско.

— А как мы будем защищать наши владения, когда туда вторгнутся хетты?

— Хетты! Хетты! Да кого волнуют эти ваши хетты? Пускай забирают Родос, Лакису или Вавилон. Что нам от них нужно?

— Товары, — перебила я, и все посмотрели на меня. — Мы получаем с Родоса керамику, из Нубии — караваны с золотом, и каждый год на вавилонских кораблях нам доставляют тысячу корзин со стеклянными изделиями.

Нефертити прищурилась.

— Откуда ты это знаешь?

— Слушаю, что говорят.

Нефертити встала и обратилась к отцу:

— Отправь послания от имени Эхнатона и пригрози хеттам войной.

— А если они по-прежнему будут грабить наши земли? — поинтересовался он.

— Тогда мы обложим храмы налогом и дадим золото, чтобы собрать войско! — парировала Нефертити. — Эхнатон уже поклялся, что наше войско построит Амарну. Он думает, что благодаря этому наши имена войдут в вечность. Я никак не могу этому помешать.

— А ты? — проницательно поинтересовался отец. — Ты тоже думаешь, что благодаря этому ваши имена войдут в вечность?

Нефертити остановилась у жаровни. Следы гневной вспышки изгладились с ее лица.

— Возможно.

— Эхнатон встречался с Майей? — спросил отец.

— Майя сказал, что это займет шесть лет. Сперва они построят главную дорогу и дворец. Эхнатон хочет переехать уже в тиби.

— Так скоро? — не удержался отец.

— Да. Мы поставим там шатры и сможем наблюдать за стройкой от начала и до конца.

Мы потрясенно уставились на нее.

— Ты собираешься жить в шатре? — до грубости откровенно спросила я. — Ты, с твоей любовью к дворцовой роскоши?

— А старики? — спросил ее отец. — Что будут делать они, когда настанет сезон половодья, а с ним холода?

— Они могут остаться здесь и приехать, когда дворец будет готов.

— Отлично. Значит, я останусь.

Нефертити посмотрела на него с изумлением.

— Ты должен ехать! Ты — казначей!

— А там будет сокровищница? Достаточно надежное укрытие, в котором можно будет хранить золото?

Его слова возмутили Нефертити.

— Эхнатону не понравится, что ты остаешься при сокровищнице, — предупредила она. — Причем не только ты, но еще и его мать.

Отец встал.

— Значит, ему придется как-то с этим примириться, — сказал он и стремительно вышел из покоев.

16

Перет. Сезон роста

Царские баржи подготовили для плавания на юг. Панахеси и Кийя должны были плыть на собственном судне, которому дали имя «Ослепительный Атон». Я стояла на пристани и расспрашивала сестру, как Эхнатон узнает, какое именно место подходит для возведения города.

— Очевидно, оно должно быть неподалеку от Нила, — огрызнулась Нефертити. — Между Мемфисом и Фивами, в таком месте, где не строил еще ни один фараон.

Она злилась на меня за то, что я отказалась ехать с ней, а отец не стал меня заставлять.

Когда баржи подняли паруса, на ветру зареяли вымпелы с изображением Атона. Сотни солдат и рабочих отправлялись в путь. Они должны были остаться в пустыне, чтобы начать строить Амарну. Я помахала Нефертити с пристани, но она лишь сердито посмотрела на меня, а махать не стала. Когда баржи скрылись из виду, я отправилась в сад, поискать семян. В новом городе тоже нужно будет посадить сады…

Какой-то дворцовый слуга наблюдал за мной из тени сикомора, потом подошел ко мне.

— Госпожа, может, тебе помочь? — Схенти пожилого слуги было в земле, и под ногти тоже набилась земля. Настоящий садовник. — Ты — сестра главной жены царя, — сказал он. — Та самая, к которой женщины ходят за лекарствами.

Я посмотрела на него с удивлением:

— Откуда ты…

— Я видел травы, которые растут у тебя в горшочках, — признался он. — Все они — лекарственные.

Я кивнула:

— Да. Иногда кто-нибудь из женщин приходит ко мне за помощью.

Садовник улыбнулся, как будто знал, что случается это вовсе не иногда, что временами по шесть-семь женщин в день заглядывают ко мне за травами, которые Ипу добывает для меня на рынках. Мои горшки были не настолько велики, чтобы вместить все растения, которые мне хотелось бы выращивать, но остальное Ипу отыскивала у хлопотливых торговцев на пристани. Я посмотрела на царский сад и вздохнула. В бескрайней пустыне между Мемфисом и Фивами зелени не будет. И кто знает, когда там появится рынок, на котором можно будет купить листья малины или акации? Я посмотрела на золотарник и моринга. В Амарне не будет ничего, кроме травы и кустов тамариска.

— Можно, я возьму с собой несколько черенков?

— Для нового города Амарны, госпожа?

Я отступила на шаг и посмотрела на старого слугу повнимательнее.

— Ты многое слышишь в своем саду.

Старик пожал плечами.

— Военачальник любит иногда заходить сюда, и мы с ним беседуем.

— Военачальник Нахтмин? — быстро переспросила я.

— Да. Он заходит из казарм, госпожа. — Садовник посмотрел на юг. Я проследила за его взглядом и увидела в той стороне ряд приземистых зданий. — Он любит посидеть здесь под акациями.

— Почему? Что он здесь делает?

— Иногда мне кажется, что он чего-то ждет, госпожа. — Старый слуга внимательно взглянул на меня, словно что-то знал, но не хотел говорить. — Но в последнее время он бывает редко. В последнее время военачальник очень занят.

«Занят сокрушением храмов Амона», — подумала я. Действительно ли садовник имел в виду именно это? Я посмотрела на него повнимательнее, но долгая практика сделала его лицо непроницаемым.

— Как тебя зовут? — спросила я старика.

— Амос.

— А ты знаешь, где сейчас военачальник?

Амос широко улыбнулся.

— Думаю, госпожа, военачальник сейчас со своими солдатами. Они стоят у дворца и поддерживают порядок среди явившихся просителей.

— Но ведь фараон уехал.

— Просители пришли к великому визирю Эйе. Не желает ли госпожа, чтобы я отвел ее к военачальнику?

Я задумалась на мгновение, представив, как взбесилась бы Нефертити, узнав, что я собралась увидеться с Нахтмином.

— Да, отведи меня к нему.

— А черенки? — спросил садовник.

— Можешь оставить их Ипу, моей личной служанке.

Садовник собрал свои инструменты и зашагал к воротам Мальгатты. Мы подошли к большой арке в конце сада, а то, что обнаружилось за ней, больше всего напоминало птичий рынок в Ахмиме. Просить милости нового фараона пришли самые разные люди. Тут были женщины с детьми, старики с ослами, мальчишка, играющий с сестрой в салочки среди утомленной жарким солнцем толпы.

Я даже попятилась от удивления.

— Тут всегда так?

Садовник стряхнул грязь со схенти.

— Скорее да. Конечно, — добавил он, — теперь, когда Старший скончался, просителей стало больше.

Мы пересекли забитый людьми внутренний двор и увидели, что люди стоят и дальше, насколько хватает взгляда. Там были и богатые женщины с мелодично позванивающими золотыми браслетами на руках, и бедные женщины в отрепьях, сердито одергивающие детей, которые носились вокруг них. Амос провел нас в тенистый угол под дворцовой крышей, где не умеющие себя вести сыновья знатных женщин боролись в грязи. На нас они не обратили никакого внимания. Один мальчишка даже закатился мне на ноги, испачкав сандалии пылью.

— Ох, госпожа, ваш наряд! — воскликнул Амос.

Я рассмеялась:

— Ничего страшного.

Садовник посмотрел на меня с удивлением. Но поскольку я не тряслась над своей внешностью, как Нефертити, я просто отряхнула платье и оглядела двор.

— А почему у богатых своя очередь, а у бедных — своя?

— Бедные хотят простых вещей, — объяснил Амос. — Новый колодец, дамбу получше. А богатые хотят сохранить свои должности при дворе.

— К несчастью, большинство из них фараон отвергнет, — произнес кто-то мне на ухо.

Я обернулась. Позади стоял военачальник Нахтмин.

— А почему он их отвергнет? — с искренним интересом спросила я.

— Потому что все эти люди прежде работали на его отца.

— А он терпеть не может все, что когда-то принадлежало отцу, — закончила мысль я. — Даже отцовскую столицу.

— Амарна. — Нахтмин внимательно посмотрел на меня. — Визири говорят, он желает, чтобы дворец был построен за год…

— Да. — Я прикусила губу, чтобы не сказать еще что-нибудь о честолюбивых замыслах моих родичей, потом шагнула к военачальнику. — А какие вести из храмов? — тихо спросила я.

— Храмы Амона по всему Египту закрыты.

Я попыталась представить себе это: храмы, стоящие со времен Хатшепсут, закрыты, и двери их заколочены, и священные источники оставлены высыхать… Что станется со всеми статуями Амона и с жрецами, поклонявшимися им? Откуда бог узнает, что мы по-прежнему хотим быть под его рукой? Я закрыла глаза и мысленно вознесла молитву богу, оберегавшему нас вот уже два тысячелетия.

— А храмы Исиды? А Хатор? — спросила я военачальника.

— Разрушены.

Я в ужасе прикрыла рот ладонью.

— Многих ли убили?

— Я — никого, — твердо произнес он.

Тут к нам подошел какой-то солдат.

— Военачальник, — позвал он. Когда он увидел меня, в глазах его вспыхнуло удивление. Он поспешно поклонился: — Госпожа Мутноджмет, твой отец сейчас в Зале приемов. Если ты ищешь его…

— Я его не ищу.

Солдат с любопытством взглянул на Нахтмина.

— Что тебе нужно? — спросил его Нахтмин.

— Там какая-то женщина утверждает, что она — родственница Старшего, но на ней нет ни золота, ни серебра, и она никак не может подтвердить свои слова. Я поставил ее в очередь вместе со всеми остальными, но она говорит, что…

— Поставь ее со знатью. Если она лжет, то поплатится за это, потому что ей откажут в прошении. Только предупреди ее об этом, прежде чем переставлять.

Солдат поклонился:

— Благодарю, военачальник. Госпожа…

Он ушел, и я заметила, что и садовник Амос тоже куда-то исчез.

— Может, мне отвести тебя обратно во дворец? — спросил Нахтмин. — Жаркий, грязный двор, забитый просителями, — не место для сестры главной жены царя.

Я приподняла брови.

— Где же тогда мое место?

Нахтмин взял меня за руку, и мы вместе вошли под тенистую сень сада.

— Рядом со мной. — Он остановился под акацией. — Ты устала быть служанкой твоей сестры. Иначе ты сейчас была бы с ней. Выбирала бы место для Амарны.

— Между нами ничего не может быть, военачальник…

— Нахтмин, — поправил меня он и взял меня за руки, и я не стала возражать.

— Мы скоро отправимся в пустыню, — предупредила я. — Мы будем жить там в шатрах.

Нахтмин привлек меня к себе.

— Я живу в шатрах и казармах с двенадцати лет.

— Но там не будет той свободы, которой мы располагаем здесь.

— Что? — Нахтмин рассмеялся. — Ты что, подумала, что я предлагаю тебе тайные свидания?

— А что же?

— Я хочу жениться на тебе, — просто сказал он.

Я зажмурилась, наслаждаясь ощущением прикосновения его теплой кожи.

— Она никогда меня не отпустит, — предупредила я его.

— Я — один из самых высокопоставленных военачальников в войске фараона. Мои предки были визирями, а до того среди них было много писцов. Я не простой наемник. Каждый фараон выдавал своих сестер и дочерей за военачальников, чтобы защитить царскую семью.

— Только не этот фараон, — сказала я, вспомнив о том, как Эхнатон боится войска. — Эта царская семья не похожа на другие.

— Тогда ты им не принадлежишь.

Его губы коснулись моих, и сотни просителей у нас за спиной исчезли.

Мы оставались в саду, пока солнце почти не спряталось за горизонт, а небо загорелось пурпурным и красным. Когда я наконец-то вернулась в свои покои, Ипу была уже сама не своя от беспокойства.

— Я чуть не отправила стражников искать тебя, госпожа!

Я улыбнулась и бросила льняной плащ на кровать.

— Вовсе незачем было это делать.

Наши взгляды встретились.

— Госпожа! Неужто ты была с военачальником?

Я едва сдержалась, чтобы не хихикнуть.

— Да.

А потом воодушевление покинуло меня: я осознала, что это значит.

— А как же фараон? — прошептала Ипу.

— Нефертити его уговорит, — сказала я.

Ипу отыскала в одной из корзин чистое домашнее платье и накинула на меня. Во взгляде ее читалось беспокойство.

— Мне уже пятнадцать лет!

Ипу продолжала смотреть на меня. Она присела на краешек кресла из черного дерева и золота и сложила руки на груди.

— Думаю, госпожа, это добром не кончится.

Я вспомнила объятие сильных рук Нахтмина и почувствовала, что бледнею.

— Я не могу вечно оставаться ее служанкой! — воскликнула я. — У нее есть муж и семья и сотни обожающих ее слуг! У нее бесчисленное множество знатных дам, которые только и ждут ее появления, чтобы помчаться следом и приняться подражать ее нарядам, ее прическам, ее серьгам. Чего ей нужно от меня?

— Она всегда будет нуждаться в тебе.

— Но я этого не хочу! Мне это не нужно!

Я раскинула руки, указывая на тяжелые тканые гобелены и ярко горящие лампы из слоновой кости.

— Нет. — Я покачала головой. — Ей придется это принять. Придется смириться.

На лице Ипу появилось напряженное выражение.

— Осторожнее. Подумай о положении военачальника.

— Мы подождем, пока переезд не завершится. А потом я ей скажу.

— А если его выгонят из войска?

Если его выгонят, то я буду знать, какое место я занимаю в нашей семье.

Когда Нефертити вернулась в Фивы, она была вне себя от ярости. Она расхаживала по моей комнате, пиная выпавший из жаровни уголек и наслаждаясь темной полосой, которую он оставлял на полу. Сегодня у Эхнатона был очередной день посещения Кийи, и он, против обыкновения, задержался там надолго.

— Он хочет построить ей дворец! — бушевала она.

— Значит, тебе придется позволить ему это, — отозвался отец.

Проницательный взгляд его голубых глаз действовал на сестру успокаивающе.

— Дворец! — Нефертити обернулась. — Целый дворец!

— Пускай строит ей дворец, — сказал отец. — Кто сказал, что дворец непременно должен быть в городе?

Глаза Нефертити расширились.

— Он может находиться на севере. И даже вообще за пределами города.

— Но под защитой стен, — уточнил отец.

— Ладно. Но территория внутри стен будет большой, — предупредила Нефертити. Она рухнула в кресло и стала смотреть на пляшущие в жаровне огоньки пламени. — Войско отправляется в Амарну, — мимоходом бросила она.

У меня перехватило дыхание.

— Что? Когда они отправляются?

Вероятно, я произнесла это слишком поспешно, поскольку Нефертити посмотрела на меня с подозрением.

— Завтра, — ответила она. — Как только слуги упакуют вещи, мы отправимся следом. Я не доверяю Панахеси. Я хочу проследить, чтобы каждая монета из сокровищницы пошла на строительство, а не ему в карман.

— Тогда мы с Тийей останемся в Фивах, — сказал отец. — Мы можем принимать просителей…

— Откажи просителям в приеме! Ты мне нужен там!

— Это невозможно. Тебе нужен народ, достаточно богатый, чтобы построить новый город, или народ, находящийся на грани голодной смерти?

Нефертити встала. Она носила свою корону постоянно — даже при нас, своих родственниках.

— Египет никогда не окажется на грани голодной смерти. Пускай просители подождут. А чужеземные послы могут найти нас и в Амарне, если уж им так надо.

Отец покачал головой, и Нефертити без всякого изящества опустилась обратно в кресло.

— Тогда кто же будет со мной? — заныла она.

— У тебя будут твои слуги. И Мутноджмет.

Нефертити посмотрела на меня.

— Ты видела чертежи особняков? У тебя тоже будет свой, — сказала она. — Конечно, большую часть времени ты будешь во дворце. Мне нужна помощь. Особенно сейчас. — Она с нежностью посмотрела на свой живот. — Теперь это будет сын.

Мы с отцом подхватились с кресел.

— Ты беременна? — воскликнула я.

Нефертити гордо вскинула голову.

— Уже два месяца. Матери я уже сказала. Даже Эхнатон знает. — Она сощурилась. — Пускай он ходит к Кийе хоть каждую ночь, но это я ношу его сына! Два ребенка! А Кийя дала ему всего одного!

Я посмотрела на отца. Тот ничего не стал говорить про Кийю, хотя слуги шептались о том, что это очень странно: с тех пор как наша семья приехала ко двору, Кийя больше не беременеет. Но на лице отца читалась лишь искренняя радость.

Доски для игры в сенет и тяжелые троны, кедровые столы, дюжины кресел и лампы — всё погрузили на суда, и баржи поплыли на север, к городу, который даже еще не был городом. Я стояла и смотрела, как из Мальгатты уносят самые прославленные сокровища, и пыталась представить, что сейчас чувствует моя тетя, глядя, как комнаты, которые обставляли они с мужем, опустошают по прихоти молодого фараона. Тетя с отцом сейчас стояли на балконе в Пер-Меджате, и оба они смотрели на весь этот хаос молча. От пристального взгляда Тийи мне делалось не по себе.

— Так вы не поедете на север, ваше величество?

— Нет. Я не собираюсь спать в шатре, ожидая, пока там построят дворец из песка. Твой отец может ехать.

Ее слова удивили меня.

— Так, значит, ты едешь с нами? — спросила я у отца.

— Только чтобы посмотреть, что там уже сделано, — ответил он.

— Но ведь прошел всего месяц!

— И там уже трудятся тысячи рабочих. Они должны были к этому моменту построить дороги и дома.

— Когда в твоем распоряжении целое войско, — резко произнесла тетя, — просто удивительно, сколько всего можно сделать.

— А как же хетты? — со страхом спросила я.

Тийя сердито взглянула на отца:

— Нам остается лишь надеяться, что наша новая царица научит моего сына мудрости в том, что касается защиты наших земель.

По ее тону было ясно, что сама она нисколько на это не надеется.

«Нефертити не делает того, чего от нее ожидали, — подумала я. — Вместо того чтобы рисковать своим положением главной жены и пытаться повлиять на фараона, она защищает свои позиции, потакая ему во всем». Мы посмотрели вниз, на Эхнатона, отдающего указания своим стражникам-нубийцам, и тетя тяжело вздохнула. Интересно, сильно ли она жалеет, что во время визита к нам, в Ахмим, выбрала на роль главной жены Нефертити? Она ведь могла выбрать любую из девушек во дворце. Даже ту же Кийю. Отец повернулся ко мне.

— Иди, Мутноджмет, — велел он. — Иди собирайся.

Я вернулась к себе в комнату и, усевшись на кровать, посмотрела на подоконник, где прежде стояли мои горшочки с травами. Они уже столько поездили со мной… Сперва — в Фивы, потом в Мемфис, потом обратно в Фивы, а вскоре поедут в Амарну, город в пустыне.

Место, которое Эхнатон выбрал для своей столицы, было окружено холмами. На севере высились крутые скалы, а на юге — дюны цвета меди. Западный край нового города выходил к Нилу: сюда можно было доставлять товары из Мемфиса и Фив. Посреди бескрайних песков предстояло проложить дорогу, такую, чтобы по ней могли проехать в ряд три колесницы. Нефертити сказала, что это будет царская дорога и что она будет проходить через середину города. Такой дороги еще не бывало, как не бывало и города, подобного этому. Амарна будет драгоценностью восточного берега Нила, и благодаря ей имена нашей семьи будут записаны на скрижалях вечности.

— Когда грядущие поколения будут говорить об Амарне, — торжественно провозгласила она, — они будут говорить о Нефертити и Эхнатоне Строителе.

Поселок рабочих находился на востоке. Как и предсказывал отец, уже были возведены сотни домиков для рабочих, а на краю города появились казармы для солдат. На юге вокруг заложенного фундамента дворца строились особняки знати, а посреди всего этого находился наполовину построенный храм Атона, окруженный пальмами и дубами-великанами. К воротам храма вела дорога, вдоль которой с обеих сторон выстроились сфинксы. Сестра каждое утро проезжала по этой дороге, направляясь в храм, поклониться Атону. У меня в голове не умещалось, как можно было столько успеть — даже с помощью войска.

— Как им удалось сделать так много за столь малый срок?

— Посмотри на постройки внимательнее, — коротко бросил отец.

Я тайком присмотрелась.

— Дешевка?

— Кирпич-сырец и блоки из песчаника. А вместо того чтобы тратить время на барельефы, изображения просто высекаются в камне.

Я повернулась к отцу, прижав край одежды, чтобы ее не трепало ветром.

— И ты это позволил?!

— Кто может что-то позволять или не позволять Эхнатону? Это его город.

Мы снова посмотрели на постройки, и я задумчиво произнесла:

— Нет, теперь это наш город, нас всех. В людской памяти наши имена будут связаны с ним.

Отец не ответил. Сегодня он должен был отплыть обратно в Фивы и вернуться только тогда, когда дворец будет готов. Кто знает, сколько на это уйдет времени. Пять месяцев? Год?

Процессия визирей, за которыми следовала знать и тысяча придворных слуг, свернула к обнесенному стенами Городу Шатров. Шатры солдат стояли снаружи, окружая стены в три ряда. Когда мы въехали в ворота, я подумала о Нахтмине. Где он сейчас? Наша колесница остановилась перед Большим шатром, в котором двору Амарны предстояло обедать.

— Ну, так что ты думаешь? — спросила наконец Нефертити.

— Стремления твоего мужа велики, — ответил отец.

И только я знала, что он имеет в виду на самом деле: что это — построенный на скорую руку город-дешевка, жалкое подобие Фив.

Двое солдат раздвинули занавес, закрывающий вход в Большой шатер. На мощеном полу, поверх ковров стояли недавно отполированные столы. На стенах висели гобелены. У самого длинного стола стоял Эхнатон и сам наливал себе вино. Он поднял чашу, и вид у него был самоуверенный и самодовольный.

— И как великому визирю понравился новый город?

Отец был безупречным придворным.

— Здесь очень широкие дороги, — ответил он.

— Да, по ним могут проехать три колесницы в ряд, — похвастался фараон, усаживаясь. — Майя говорит, что, если поднажать, дворец будет готов к началу месори.

Отец заколебался.

— Но вы получите недостроенные здания плохого качества.

— Какая разница, — прошипел Эхнатон, — если храм и дворец наконец-то будут построены? Рабочие могут перестроить свои жилища попозже. Я хочу видеть этот город построенным при моей жизни.

— Ваше величество, вам же всего девятнадцать… — заметил отец.

Эхнатон грохнул кулаком по столу.

— И за мной ежечасно охотятся! Ты что, вправду думаешь, что я в безопасности среди солдат? Ты думаешь, военачальник Нахтмин не попытается восстановить мое войско против меня, дай ему хоть малейшую возможность? А еще жрецы Амона! — продолжал Эхнатон. — Скольким из них удалось ускользнуть из каменоломен, чтобы попытаться убить меня во сне? В моем собственном шатре! В коридорах моего же собственного дворца!

Нефертити нервно рассмеялась:

— Эхнатон, ну что за глупость? У тебя же лучшие в Египте стражи.

— Потому что они — нубийцы! Единственные, кто верен мне, — чужеземцы!

Глаза Эхнатона метали молнии. Я посмотрела на отца. Маска безукоризненного придворного спала, и я поняла, о чем он думает. Фараон Египта сходит с ума.

— Кому я могу доверять? — гневно вопросил Эхнатон. — Моей жене. Моей дочери. Верховному жрецу Атона и тебе. Кому еще?

Отец бестрепетно встретил его взгляд.

— Множество людей в войске ждут, что вы поведете их. Они доверяют вам и верят, что вы усмирите хеттов. Они сделают все, что вы попросите.

— А я прошу их построить величайший город Египта! Нефертити сказала мне, что ты возвращаешься в Фивы. Когда?

— Сегодня вечером. Пока дворец не достроен, ваше величество, так будет разумнее.

Эхнатон поставил чашу с вином на стол.

— Разве моя мать не в Фивах?

Нефертити выразительно посмотрела на отца.

— Мне не нравится, что вы двое будете там, — признал Эхнатон. — В бывшей столице Египта. Без меня.

Нефертити поспешно обошла стол.

— Эхнатон, так будет лучше. Неужто ты хочешь принимать иноземных послов в этих шатрах? Что они подумают? Если они приедут в Амарну, пока она не будет достроена, представляешь, что они напишут своим царям?

Эхнатон посмотрел на жену, потом перевел взгляд на своего доверенного визиря.

— Вы правы, — медленно произнес он. — Ни один иноземный гость не должен видеть Амарну, пока она не достроена. — Он снова взглянул отцу в глаза. — Но Мутни ты с собой не увезешь.

Отец непринужденно улыбнулся.

— Нет, — ответил он. — Мутни остается здесь.

Эхнатон боялся, что отец заберет меня в Фивы в качестве своей наследницы, а потом коронуется и будет править вместе с Тийей. «Значит, я буду заложницей», — подумалось мне. Нефертити покраснела от мысли о том, что отец мог бы когда-нибудь предпочесть меня ей. Она проскользнула мимо Эхнатона, ухватила отца за руку и сказала:

— Пойдем. Я тебя провожу.

Эхнатон встал, намереваясь присоединиться к нам, и снова сел, повинуясь взгляду Нефертити.

Мы остановились на пристани, и глаза мои были полны слез. Отец уезжал — возможно, на долгие месяцы, — и вдруг я поймала себя на том, что не меньше Эхнатона желаю, чтобы дворец достроили поскорее.

— Не грусти, котенок. — Отец поцеловал меня в лоб. — Ты будешь с матерью и сестрой.

— А ты вернешься сразу же, как дворец будет готов? — сдавленно спросила мать.

Отец погладил ее по щеке и убрал прядь волос с ее лица.

— Обещаю. Я еду только ради дела. Если бы не…

Нефертити выступила вперед, вклинившись в их беседу:

— Счастливой дороги, отец.

Отец бросил прощальный взгляд на мать, повернулся к Нефертити и обнял ее.

— Когда я вернусь, твой срок почти подойдет, — сказал он.

Нефертити положила руку на живот.

— Наследник египетского трона! — с гордостью произнесла она.

Мы стояли и смотрели, как корабль поднимает паруса. Когда баржа скрылась из виду, ко мне подошел Эхнатон.

— Он — верный визирь.

Фараон обнял меня за плечи. Я напряглась.

— Ведь правда, Мутноджмет?

Я кивнула.

— Я на это надеюсь, — прошептал Эхнатон. — Потому что если он сделает хоть шаг к короне, заплатит за это не моя жена.

— Госпожа! — воскликнула Ипу. — Госпожа, сядь! Ты вся дрожишь!

Я уселась на кровать и зажала ладони между коленями.

— Пожалуйста, сделай мне чай.

Ипу развела огонь в жаровне. Она вскипятила воду и перелила ее в чашу с подготовленными листьями.

— У тебя такой вид, словно ты больна, — негромко произнесла она, протягивая мне чай и предлагая поделиться наболевшим.

Я осушила чашу.

— Ничего страшного, — сказала я.

Это просто пустая угроза. Отец — не предатель.

— К нам сегодня никто не заходил?

— Например, военачальник?

Я быстро взглянула в сторону двери. Ипу понизила голос:

— Нет. Извини. Скорее всего, он не может пробраться в царский лагерь — здесь слишком много стражи.

Перед входом в шатер появилась чья-то тень. Чья-то рука откинула полог, и в проеме появилась Мерит.

— Госпожа, царица желает видеть тебя, — сказала она. — У маленькой царевны болит ухо, а царице нездоровится. Фараон послал за лекарем, но царица заявила, что не желает видеть никого, кроме тебя.

— Скажи ей, что я сейчас приду, — тут же отозвалась я.

Мерит исчезла, а я принялась рыться в своих шкатулках. Для Меритатон я взяла мяту. Но что же прихватить для Нефертити?

— Не знаю я, отчего ей вдруг нездоровится, — пробурчала я.

Она же всего на втором месяце. Меритатон она проносила пять месяцев, прежде чем ей стало нездоровиться.

— Возможно, это сын, — сказала Ипу.

Я кивнула. Да. Возможно, это знак. Я взяла пажитник и сложила травы в отдельные мешочки.

Нубийские стражники расступились и впустили меня в царский шатер, где спала царственная чета. Нефертити лежала в постели, а Эхнатон стоял рядом и поддерживал ее, пока ее рвало в таз. Это была странно трогательная сцена: человек, которому ничего не стоило послать других людей на смерть, заботливо придерживал страдающую дурнотой жену.

— Мутни, травы! — простонала Нефертити.

Эхнатон посмотрел, как я достаю травы.

— Что это?

— Пажитник, ваше величество.

Он дважды щелкнул пальцами, не отрывая взгляда от моего лица, и в шатер вошли два стражника.

— Проверьте это.

Ахнув, я посмотрела на Нефертити. Та отрезала:

— Она — моя сестра! Она не будет меня травить!

— Она — претендент на корону.

— Она — моя сестра, и я ей доверяю! — не терпящим возражений тоном произнесла Нефертити. — А когда она уйдет отсюда, она пойдет в шатер кормилицы, к Меритатон!

Стражники отступили. Эхнатон молча следил, как я вскипятила воду и заварила травы. Я поднесла отвар сестре, и она все выпила. Эхнатон смотрел на нас с другого конца шатра.

— И нечего за нами следить! — огрызнулась Нефертити. — Пойди найди Майю и посмотри чертежи особняка.

Эхнатон посмотрел на меня с глубокой ненавистью и, откинув полог шатра, вышел.

— Не стоило тебе кричать на него при мне, — сказала я. — Он будет думать, что это из-за меня ты сердишься на него.

— Меня бесит его одержимость подосланными убийцами! Он подозревает всех!

— Даже твою родную сестру?

Нефертити услышала порицание в моем голосе и, защищаясь, произнесла:

— Он — фараон Египта. Никто не сталкивается с такими опасностями, как он, и никому не даны такие величественные мечты.

Я приподняла брови:

— И такие дорогостоящие?

— Что такое дороговизна? Мы строим город, который простоит вечность. Дольше, чем мы с тобой можем подумать.

— Вы строите город из дешевых материалов, — возразила я. — Быстрый и дешевый.

— Это отец так говорит? — возмутилась Нефертити. — Он что, считает этот город дешевкой?

— Да. А вдруг на нас нападут? Где мы возьмем золото, чтобы защищаться?

Нефертити села.

— Я не желаю об этом слышать! Я ношу в своем чреве будущее Египта, а ты ведешь себя так, словно оно обречено! Ты просто завидуешь! Тебе завидно, что у меня есть чудесная дочка, а скоро будет еще и сын, а тебе почти шестнадцать, а отец даже еще не решил, за кого ты выйдешь замуж!

Я отступила на шаг, жестоко уязвленная.

— Он не решил, за кого я выйду, из-за тебя! Он хочет, чтобы я была при тебе, выполняла все твои капризы, давала тебе советы. Будь у меня муж, это было бы невозможно! Разве не так?

Мы сердито уставились друг на друга.

— Я могу идти? — спросила я.

— Иди к Меритатон. Потом пообедаешь с нами, — ответила Нефертити.

Это не был вопрос. Это был приказ.

— Госпожа, что ты ищешь?

— Мой плащ. Я выйду.

— Но ведь уже почти ночь! Нельзя сейчас никуда идти! Это же опасно! — воскликнула Ипу.

— У моей сестры множество стражников. Я возьму одного.

Я взяла свою корзинку для сбора трав. Ипу двинулась за мной.

— Может, лучше я пойду?

— Только если тебе хочется пройтись.

Я не стала оглядываться, но слышала позади ее шаги. Ипу нагнала меня у ворот.

— Тебе нельзя идти в лагерь к солдатам…

— Я — сестра главной жены царя! — парировала я. — Я могу делать все, что захочу.

— Госпожа, — с отчаянием произнесла Ипу. — Госпожа! — Она протянула руку, силясь остановить меня. — Пожалуйста, давай лучше я схожу. Давай я передам ему послание.

За стенами, в солдатском лагере горели костры. У одного из них сидел Нахтмин. Я остановилась и задумалась, что же я хочу ему передать.

— Скажи ему… — Я прикусила губу. — Скажи, что я согласна.

— Что ты согласна? — осторожно переспросила Ипу.

— Скажи, что я согласна. Пусть он приходит сегодня ночью.

Глаза у Ипу сделались словно блюдца.

— К тебе в шатер?!

— Да. Он может сказать, что идет к фараону.

Ипу посмотрела на ближайшего солдата.

— Но разве они не узнают?

— Может, и узнают. Но стражники на воротах — его люди, и они презирают Эхнатона. Когда он будет проходить, они будут смотреть в другую сторону. Это я обещаю.

Должно быть, той ночью Амон оберегал меня, потому что музыка, сопровождающая наши трапезы, на этот раз долго не тянулась. Нефертити смеялась, рассказывала о жизни в Мемфисе, о том, какой будет достроенная Амарна, и не обращала на меня внимания. Тем не менее я вернулась с ней в царский шатер. Когда мы вышли, она задрожала от ночного холода. У дверей царского шатра четверо стражников отступили, а двое подняли полог.

— Пойдем, потрешь мне спину, — попросила Нефертити.

Я сняла с нее плащ и принялась растирать ей плечи. Они были слишком напряженными, даже для беременной.

— Жалко, что здесь нет отца, — пожаловалась Нефертити. — Он понимает, насколько все это трудно. Как трудно планировать и строить. Он меня понимает.

— А я — нет?

— Ты не знаешь, что это такое — быть царицей.

— А отец знает?

— Отец правит этим царством. Он — фараон Египта, пускай и без цепа и посоха.

— А я — всего лишь служанка своей сестры, — резко бросила я.

Нефертити напряглась.

— Чего ты так злишься?

— Да потому что мне почти шестнадцать, а никто не планирует мое будущее! — Я перестала втирать масло ей в спину. — Твое будущее

распланировано. Ты — царица. Когда-нибудь ты станешь матерью царя. А кем буду я?

— Сестрой главной жены царя!

— Но кого мне любить?

Опешившая Нефертити села.

— Меня.

Я разозлилась:

— А как же семья?

— Я — твоя семья!

Она улеглась обратно, ожидая, что я буду растирать спину.

— Подогрей масло. Оно холодное.

Я прикрыла глаза и сделала, как мне было велено. Я не собиралась жаловаться — во всяком случае, тогда, когда это лишь еще больше задержало бы меня в царском шатре. Я подождала, пока Нефертити уснет, а потом вымыла руки и прокралась наружу, в холодную ночь фаменота. В нашем шатре меня ждала Ипу. Завидев меня, она тут же встала.

— Ты уверена? — шепотом спросила она. — Ты все еще хочешь, чтобы он пришел?

Никогда еще я не была настолько уверена.

— Да.

Ипу возбужденно взмахнула руками.

— Тогда я заплету тебе волосы, госпожа.

Я уселась на пуховую подушку, но у меня не было сил сидеть спокойно. Я уже рассказала Ипу, что сказал военачальник. Теперь я стала рассказывать ей, что желаю вести тихую, спокойную жизнь.

— Вдали от всех дворцов, в таком месте, где я смогу ухаживать за своим садиком и…

Тут послышался хруст гравия, и мы дружно обернулись. Ипу выпустила мои волосы из рук.

— Он здесь!

Я схватилась за зеркало.

— Как я выгляжу?

Ипу посмотрела на меня.

— Как молодая женщина, готовая встретить возлюбленного, — ответила она с легким испугом. — Если бы твой отец…

— Тсс! — шикнула я на нее. — Не сейчас!

Я бросила зеркало.

— Открой!

Ипу прошла к двери, и из-за полога донесся приглушенный голос военачальника:

— Ты уверена, что она посылала за мной?

— Конечно. Она ждет тебя внутри.

В дверном проеме появился Нахтмин. Затем Ипу исчезла, как я ей и велела, и я затаила дыхание. Военачальник подошел ко мне и поклонился.

— Госпожа…

Я вдруг сильно занервничала.

— Нахтмин.

— Ты посылала за мной?

— Я подумала над твоим предложением, — ответила я.

Нахтмин приподнял бровь.

— И что же решила моя госпожа? — спросил он.

— Я решила, что с меня довольно роли служанки при Нефертити.

Нахтмин посмотрел на меня. В отсветах пламени его волосы походили на медь.

— Ты сказала об этом отцу?

У меня вспыхнули щеки.

— Нет еще.

Нахтмин подумал о Нефертити.

— Я подозреваю, что царица разгневается.

— Не говоря уже об Эхнатоне, — добавила я.

Я посмотрела в лицо Нахтмину, а он обнял меня и улыбнулся.

— А вдруг нас изгонят? — спросила я.

— Значит, мы вернемся в Фивы. Я продам землю, которую получил от отца в наследство, и мы купим небольшую ферму. Она будет наша, только наша, мив-шер, и мы будем спокойно жить вдали от двора и всех его хитросплетений.

— Но ты больше не будешь военачальником, — предупредила я.

— А ты больше не будешь сестрой главной жены царя.

Мы умолкли, держась за руки.

— Я не против.

Я поняла, что не могу оторвать взгляда от Нахтмина. Он остался у меня до зари. И так повторялось весь фаменот и фармути. Стражники смотрели в другую сторону и улыбались, когда Нахтмин шел ко мне в шатер. Иногда, когда он приходил, мы с ним сидели у жаровни и беседовали, и как-то раз я спросила его, что его люди думают об Эхнатоне.

— Они остаются здесь, потому что им очень хорошо платят, — сказал Нахтмин. — Это единственное, что удерживает их от мятежа. Они хотят сражаться. Но пока золото будет течь к ним в руки, они будут заниматься строительством.

— А Хоремхеб?

Нахтмин тяжело вздохнул.

— Думаю, Хоремхеб далеко на севере.

— Убит?

— Или воюет. Так или иначе, — Нахтмин уставился на огонь в маленькой жаровне, — его здесь нет, и фараон добился того, чего хотел.

Я немного помолчала.

— А что они говорят о моей сестре?

Нахтмин взглянул на меня искоса, оценивая, действительно ли я хочу это знать.

— Они подпали под ее чары, как и фараон.

— Потому что она красивая?

Нахтмин внимательно посмотрел на меня.

— И интересная. Она приходит в поселки строителей и разбрасывает на улицах золотые и серебряные дебены. Но лучше бы она бросала им хлеб — здесь трудно что-то купить, даже за все золото Египта.

— Здесь не хватает еды? — спросила я и, не получив ответа, растерянно пробормотала: — Я и не знала.

В царском лагере всего было много: мяса, фруктов, хлеба, вина.

— Пока население Фив не двинется на север, здесь постоянно будет не хватать всего. Тут мало пекарей, а даже если бы их было больше, селить их некуда.

У входа в шатер возникла чья-то тень, и Нахтмин встал и потянулся за мечом.

— Госпожа!

Это оказалась всего лишь Ипу. Она откинула полог и, посмотрев на Нахтмина, покраснела, хотя он был полностью одет.

— Госпожа, царица зовет вас. Она хочет свой чай.

Я посмотрела на Нахтмина.

— Она не хочет чаю. Она хочет просто похвастаться, что они уже почти достроили дворец.

— Она может стать нам союзником, — рассудительно произнес Нахтмин. — Иди. Увидимся завтра.

Он встал, и у меня на глаза навернулись слезы. Нахтмин мягко произнес:

— Это не навсегда, мив-шер. Ты сама сказала, что дворец почти достроен. Значит, через несколько дней твой отец будет здесь и мы пойдем к нему.

Нефертити должна была родить не раньше тота, но она расхаживала по лагерю с таким видом, словно дитя должно было появиться на свет со дня на день. Никто не должен был подходить к ней ближе чем на три шага, и там,

где она проходила, все работы прекращались, чтобы стук молотков не потревожил нерожденного ребенка. Нефертити была уверена, что это будет царевич, и Эхнатон старался угодить ей во всем, заказывая шерсть из Шумера и самый мягкий лен от фиванских ткачих. Затем Нефертити испробовала свои силы, потребовав, чтобы Эхнатон перестал навещать стоящий по другую сторону дороги шатер Кийи — на том основании, что ее волнение может повредить ребенку.

— Такое возможно?

Эхнатон подошел ко мне у источника. Хотя у нас было достаточно слуг, чтобы ходить за водой, мне нравился запах сырой земли. Я поставила ведро на землю и прикрыла глаза от солнца.

— Что возможно, ваше величество?

Фараон посмотрел на устраиваемый посреди лагеря пруд для лотосов.

— Может ли она потерять ребенка, если я буду причинять ей беспокойство?

— Если она разволнуется достаточно сильно, ваше величество, может произойти все, что угодно.

Эхнатон заколебался.

— Достаточно сильно — это насколько?

«Он скучает по Кийе, — подумала я. — Она слушает его стихи и влечет его в свой тихий мир, в то время как Нефертити никогда не умолкает».

— Думаю, это зависит от того, насколько она хрупка.

Мы посмотрели на Нефертити — она шла через лагерь в сопровождении семи стражников, — на ее маленькое сильное тело.

Она подошла к нам, и Эхнатон улыбнулся, как будто не вел сейчас речь о визитах к Кийе.

— Моя царица… — Он нежно поцеловал ей руку. — У меня новости.

Глаза Нефертити заблестели.

— И какие же?

— Сегодня утром Майя прислал весть.

Нефертити тихо ахнула.

— Город завершен? — предположила она.

Эхнатон кивнул.

— Майя поклялся, что в течение ближайших дней стены будут раскрашены и мы оставим шатры.

У Нефертити вырвалось негромкое восклицание, но я тут же подумала о Нахтмине. Как нам встречаться после переезда? Он будет жить в казарме со своими людьми, а я окажусь заперта во дворце.

— Может, пойдем посмотрим? — нетерпеливо спросил Эхнатон. — Может, уже пора показать наш город людям?

— Мы возьмем всех, — решила Нефертити. — Всех визирей, всех знатных дам, всех детей — всех, кто только есть в Амарне.

Она повернулась ко мне.

— Нет ли вестей от отца?

— Нет, никаких, — отозвалась я.

Нефертити прищурилась:

— Он не писал тебе втайне?

Я изумленно уставилась на нее.

— Конечно нет.

— Хорошо. Я желаю сама сообщить ему, что Амарна готова. Когда он увидит этот дворец, — на лице ее отразилось ликование, — он поймет, что Эхнатон был прав. Мы построили величайший город Египта.

В полдень всем объявили, что ворота откроются и Амарна наконец-то предстанет перед людьми. Лагерь охватило явственно ощущаемое возбуждение. Согласно приказу фараона, до этого внутрь пускали только строителей и знать. Теперь же дворец будет открыт всем взорам, наряду с сотнями особняков, рассыпавшихся по холмам за дворцом. Когда ворота Амарны распахнулись, ехавшая в одной колеснице со мной Ипу ахнула.

Великолепный храм, с его роскошной пристанью и теснящимися к нему селениями, был достроен. Для знати возвели сотни белых особняков, и они прятались в складках холмов, словно жемчужины. Повсюду шла стройка, повсюду трудились рабочие, но сам город блистал, белый и сияющий.

Сперва процессия направилась к храму Атона. Во внутреннем дворе с колоннадой жрецы приносили жертвы солнцу. Все склонились перед фараоном и моей сестрой, а жрецы разогнали дым, чтобы мы посмотрели, как

прекрасно сделан двор. Вдоль стен росли деревья моринги и граната, но лучше всего были сафлоры, радостно желтевшие в меркнущем свете. Освещение явно играло важную роль в проектировании этого двора. Эхнатон с гордостью объявил, что это именно он приказал Майе сделать внутри верхний ряд окон.

— А как это? — шепотом поинтересовалась я.

Нефертити лукаво улыбнулась:

— Пойдем посмотрим.

Мы прошли через двор во внутреннее святилище. С потолка, проходя сквозь высокие окна, струился вечерний свет. Я никогда не видела ничего подобного.

— Он — гений, — изумленно произнесла Ипу.

Я поджала губы, но возразить на это было нечего. Так не строил никто и никогда.

Визири и знать бродили по храму, разглядывали гобелены и мозаику, а прочая часть процессии тем временем ждала во дворе.

Нефертити торжествовала.

— Как ты думаешь, что скажет отец? — спросила она.

«Что еще ни один храм не обходился так дорого».

Но вслух я произнесла иное:

— Что он великолепен.

Нефертити улыбнулась. Я сказала то, что она хотела услышать. Но я никогда не скажу ей, что этот храм стоил золота Амона или безопасности Египта и зависящих от него государств. К нам подошел Эхнатон.

— Майя получит богатое вознаграждение, — объявил он. Эхнатон оглядел колонны с каннелюрами и широкие лестницы, ведущие на балконы, где купались в свете святилища поменьше. С реки плыл теплый воздух и растекался по двору. — Когда послы вернутся в Ассирию и на Родос, они будут знать, что за фараон ныне правит Египтом.

— А когда они увидят этот мост, — Нефертити отворила тяжелую деревянную дверь, — они будут знать, что за провидец замыслил все это.

Дверь распахнулась, и за ней стал виден мост, изгибающийся над Царской дорогой: он соединял храм с дворцом. Он был выше любого моста, который мне доводилось видеть, шире и замысловатее. Когда мы вышли на этот мост, у меня возникло ощущение, будто я иду в будущее, будто вижу жизнь своих внуков и их мир — такой, каким он будет уже после моего ухода.

При постройке дворца с расходами не считались. Окна поднимались от потолка до пола, а в солнечных уголках мелодично журчали благоухающие фонтаны. Здесь были кресла из черного дерева и слоновой кости, кровати, инкрустированные драгоценными камнями. Мне показали предназначенную для меня комнату и покои, которые предстояло занять моим родителям, с полом из голубых глазурованных плит и с мозаикой, изображающей сцены охоты.

— Мы назвали его Приречным дворцом, — сказала Нефертити, водя меня по дворцу и показывая каждый уголок и каждую нишу. — А дворец Кийи будет на севере.

— За стенами? — осторожно поинтересовалась я.

Нефертити улыбнулась.

— Нет, но далеко отсюда.

Мы прошли через водяной сад с его алебастровым фонтаном, и я поразилась сделанному. Я и представить не могла ни как им удалось построить все это так быстро, ни сколько золота на это пошло. Нефертити все шагала вперед, указывая на статуи, на которые мне следовало обратить внимание, и на ярко раскрашенные стены, откуда на нас смотрели ее изображения. Придворные с ликованием следовали за нами, перешептываясь и обмениваясь восклицаниями.

— А вот здесь будет царская мастерская, — сказала сестра. — Тутмос изваяет нашу жизнь во всех подробностях.

— Через тысячу лет люди будут знать, что мы ели и где мы пили, — торжественно заявил Эхнатон. — Они увидят даже царскую одевальню.

Он толчком распахнул дверь в комнату с красными подушками и коробками для париков. Горшочки с сурьмой, медные зеркала, серебряные гребни и флаконы для благовоний стояли на кедровых столиках и ждали, пока ими воспользуются.

— Мы предложим им заглянуть в наш дворец, и им будет казаться, будто они знают властителей Египта всю жизнь.

Я оглядела роскошное помещение и подумала: а знаю ли их я? Нефертити разорила Египет ради города в пустыне. Да, город был новым, и от его вида перехватывало дыхание, — но солдаты проливали пот, чтобы возвести эти стены, создать росписи и воздвигнуть громадные изваяния Эхнатона и Нефертити, чтобы люди знали, что за ними всегда наблюдают.

— Когда Тутмос закончит свою работу, — поклялась Нефертити, — Египет будет знать меня лучше, чем любую другую царицу. Даже через пятьсот лет я буду живой для египтян, Мутноджмет. Я буду жить на этих стенах, в этом дворце, в храмах. Я стану бессмертной не только в загробном мире, но и здесь, в Египте. Я могу построить гробницу, куда мои дети и дети моих детей будут приходить, чтобы вспомнить меня. Но когда они скончаются, что будет тогда? А вот это, — Нефертити подняла голову и коснулась ярко раскрашенной стены, — будет жить вечно.

Мы прошли в Зал приемов, и я заметила, что в мозаике нет изображений связанных нубийцев. Вместо этого было изображено солнце, посылающее свои лучи Нефертити и Эхнатону, целующее и благословляющее их. Эхнатон поднялся на помост и раскинул руки.

— Когда фиванцы придут сюда, — возвестил он, — каждая семья получит дом. Люди запомнят нас как государей, сделавших их богатыми, и благословят Амарну!

— Госпожа, ты не заболела?

Я схватилась за живот, а Ипу помчалась за широкой чашей. Меня вырвало. Я застонала и прислонилась щекой к хорошо выделанной коже мягкого табурета. Ипу подбоченилась:

— Что ты ела?

— Со момента осмотра дворца — ничего. Козий сыр и орехи.

Ипу нахмурилась.

— А как твои груди?

Она оттянула ворот моего платья.

— Они не стали темнее, — она надавила на грудь пальцем, — и чувствительнее?

У меня расширились глаза, и внезапно меня затопил страх. Это были те же самые признаки, что и у Нефертити. Этого не могло быть! Ведь я же помогала стольким женщинам в этом самом лагере! Ипу покачала головой и прошептала:

— Когда у тебя последний раз шла кровь?

— Не знаю. Не помню.

— А как насчет акации?

— Я ее принимала.

— Постоянно?

— Не знаю. Кажется, да. Но это все-таки произошло.

Ипу ахнула:

— Твой отец будет в ярости.

У меня задрожали губы, и я обхватила голову руками. В глубине души я знала, что это правда. Мои месячные не пришли.

— А ведь я — единственная дочь у своей матери, — объяснила я. — Ей будет так плохо, так одиноко, если я…

Я заплакала, и Ипу обняла меня и принялась гладить по голове.

— Может, все еще не так плохо, — утешала она меня. — Уж ты-то знаешь, что есть способы избавиться от этого.

Я вскинула голову:

— Нет! — и схватилась за живот. Убить ребенка Нахтмина? — Ни за что!

— Но как же быть? Если ты оставишь этого ребенка, твой отец никогда не сможет устроить твой брак!

— Вот и хорошо! — яростно бросила я. — Значит, единственный мужчина, который захочет меня взять, — это Нахтмин!

Но в голосе Ипу зазвучало отчаяние:

— А как же фараон?

— Я достаточно сделала для Нефертити. Теперь ее очередь. Пускай она уговорит его.

Взгляд у Ипу сделался скептический: похоже, она в это не верила.

— Ей придется, — сказала я.

Весь оставшийся день я расхаживала по шатру. Две женщины пришли ко мне за акацией и медом, и у меня все внутри переворачивалось, когда я вручала

им смесь, думая о том, как беспечна я оказалась. Затем появилась Мерит: царица спрашивала обо мне.

— Она хочет знать, придешь ли ты на ужин.

— Нет, — ответила я. Я терзалась сожалениями, и мне совершенно не хотелось видеть сестру. — Скажи ей, что мне нездоровится.

Мерит исчезла, а несколько минут спустя в шатер, откинув полог и даже не предупредив о своем приближении, вошла Нефертити.

— Тебе в последнее время постоянно нездоровится.

Она уселась в кресло и изучающе уставилась на меня. Я разбирала свои травы, а когда дошла до акации, у меня задрожали руки.

— Особенно по вечерам, — с подозрением добавила Нефертити.

— Последние несколько дней я плохо себя чувствую, — ответила я, не солгав.

Нефертити присмотрелась ко мне повнимательнее.

— Надеюсь, ты не связалась с тем военачальником.

Должно быть, я побледнела, потому что она отрезала:

— Наша семья не может доверять никому в войске.

— Это ты так считаешь.

Нефертити снова посмотрела на меня.

— Он не приходил к тебе? — решительно спросила она.

Я опустила взгляд.

— Так он что, приходил к тебе? — взвизгнула она. — Здесь, в лагере?!

— Тебе какое дело? — Я с грохотом захлопнула ящик. — У тебя есть муж, семья, ребенок…

— Два ребенка!

— А что есть у меня?

Нефертити отдернулась, как будто я отвесила ей пощечину.

— У тебя есть я!

Я оглядела мой одинокий шатер, как будто она могла что-то понять.

— И все?

— Я — царица Египта. — Нефертити стремительно поднялась. — А ты — сестра главной жены царя! Это твое предназначение — служить!

— Кто так сказал?

— Это Маат! — выкрикнула Нефертити.

— А разрушать храмы Амона — это тоже Маат?

— Не смей так говорить! — прошипела Нефертити.

— Почему? Потому что ты боишься, что боги разгневаются?

— Атон величественнее всех богов! И тебе лучше бы понять это! Через месяц храм Атона будет достроен, и люди начнут почитать Атона, как прежде почитали Амона…

— А кто будет собирать деньги, которые они будут приносить как подношения?

— Отец, — ответила Нефертити.

— А кому он будет их отдавать?

Лицо Нефертити потемнело.

— Мы построили этот город, чтобы прославить наше царствование. Это наше право.

— Но люди не хотят переезжать в Амарну. У них дома в Фивах.

— В Фивах у них лачуги! А здесь мы сделали то, чего не делал еще ни один фараон! Каждая семья, переехавшая в Амарну, получит дом…

Я расхохоталась.

— А ты видела эти дома?

Нефертити замолчала.

— Ты их видела? Ты посещала свой дворец, но ты не видела дома рабочих! Они из кирпича-сырца! Придет половодье — и они рухнут!

— Откуда ты знаешь?

Я не ответила. Я не могла сказать ей, что так сказал отец и что то же самое повторил Нахтмин, когда мы лежали с ним в одной постели.

— Ничего ты не знаешь! — торжествующе заявила Нефертити. — Вставай, идем есть.

Это было не просьбой, а приказом.

Прежде чем выйти, Нефертити бросила через плечо:

— И чтобы об этом военачальнике больше и речи не было. Ты будешь оставаться одна и прислуживать мне, пока отец или я не подберем тебе мужа.

Я прикусила язык, чтобы не наговорить гадостей.

— А когда ты последний раз навещала царевну? — сердито спросила Нефертити.

— Вчера.

— Ты — ее тетя! — заявила Нефертити. — Неужели не ясно, что она хочет видеть тебя чаще?

«Ты хочешь сказать, что это ты желаешь видеть меня чаще?»

Нефертити удалилась, а я села и посмотрела на свой плоский живот.

— Ох, малыш, что же скажет твой отец, когда узнает о тебе? И как Нефертити убедит фараона, что ты ничем не угрожаешь его царствованию?

Ужин в царском шатре тянулся нескончаемо, а я была не в том настроении, чтобы слушать болтовню Тутмоса о хне, прическах и немодных бородах послов Угарита. Я думала лишь об одном: всего несколько дней — и Нахтмин больше не сможет приходить ко мне в шатер. Ему придется прокрадываться во дворец, и если это вообще будет возможно, то кто знает, как быстро его поймают?

Я посмотрела через стол на Нефертити. Ее ребенок будет царевичем. А мой, если отец или царь не дадут согласия, останется и без отца, и без наследства. Он будет незаконнорожденным. Я посмотрела, как слуги наперебой стараются угодить Нефертити, а когда Эхнатон обнял ее за плечи и, глядя на ее живот, прошептал: «Мой маленький фараон», меня охватила тоска.

Я встала и, извинившись, собралась уйти.

— Что, уже? — рявкнула на меня Нефертити. — Так рано? А вдруг у меня будут боли? Вдруг…

Она увидела мое лицо и сменила тактику:

— Ну останься! Поиграем в сенет.

— Нет.

— Ну хоть одну партию! — заныла сестра.

Все придворные обернулись ко мне.

Я задержалась в шатре Нефертити ровно настолько, чтобы сыграть одну партию. Выиграла Нефертити, и не потому, что я ей уступила.

— Ну ты бы постаралась! — пожаловалась она. — Неинтересно же выигрывать все время.

— Я стараюсь, — ровным тоном произнесла я.

Нефертити рассмеялась, встала и потянулась.

— Только отец может играть со мной на равных, — сказала она и подошла к жаровне. На стене шатра появилась ее тень. — Он скоро приедет, — беспечно добавила она.

— Ты получила известия?

Нефертити уловила нетерпение в моем голосе и пожала плечами:

— Он будет через шесть дней. Конечно, он увидит, как мы переедем во дворец…

Но я не слушала ее. Через шесть дней я смогу сказать отцу про его внука.

— Ребенок! Котеночек, наш ребенок!

Нахтмин был сам не свой от радости. Он обнял меня и крепко прижал к груди, но не настолько сильно, чтобы придавить ребенка.

— Ты сказала царице? — спросил он, а когда увидел, как я побледнела, нахмурился. — Разве она не обрадовалась за тебя?

— Чему — что я беременна одновременно с ней и буду отвлекать от нее внимание нашего отца? — Я покачала головой. — Ты не знаешь Нефертити.

— Но ей придется это принять. Мы поженимся, а если фараон не перестанет сердиться, мы уедем из города и купим ферму в холмах.

Я с сомнением посмотрела на него.

— Не волнуйся, мив-шер. — Он прижал меня к себе. — Это же ребенок. Кто может обижаться на ребенка?

На следующее утро я пошла к Нефертити. Она, конечно, рассердится, но если я скажу отцу прежде, чем ей, она и вовсе взбесится. Нефертити находилась в царском шатре. Утренний свет проникал сквозь стены и освещал творящийся в шатре хаос: слуги перетаскивали корзины, мужчины упаковывали тяжелые сундуки, а женщины собирали охапками косметику и льняное белье.

— Мне нужно поговорить с тобой, — сказала я.

— Не туда! — крикнула Нефертити. Все в шатре застыли. Она сердито указала на служанку с бельем в руках. — Сюда вот!

— Где Эхнатон? — спросила я.

— Уже во дворце. Мы вечером переезжаем. Смотри, чтобы у тебя все было готово, — сказала она.

Я поняла, что откладывать дальше нельзя. Как только мы переедем, Нахтмин не сможет приходить ко мне в шатер. Дворец будут охранять. Там будут ворота, а в них — нубийцы Эхнатона, а они терпеть не могут солдат.

— Нефертити.

— Что? — Сестра не отрывала взгляда от суматохи. Ну чего еще?

Я огляделась, проверяя, кто нас слышит, но слуги так шумели, что все равно ничего не расслышали бы, так что я сообщила:

— Я беременна.

Мгновение Нефертити стояла неподвижно, так что я подумала, что она меня не расслышала. Потом она схватила меня за руку, так что ногти впились в тело, и больно дернула к себе.

— Что ты сказала?!

Кобра на ее короне сверкнула на меня красными глазами.

— Не от военачальника? — Голос ее сделался угрожающим. — Скажи, что это ребенок не от военачальника!

Я ничего не сказала, и она потащила меня к себе в покои, отделенные от прихожей пологом.

— Отец об этом знает? — с яростью прошептала она.

Я покачала головой:

— Нет. Я пришла сначала к тебе.

Взгляд ее был полон злобы.

— Фараон будет в гневе.

—. Мы не представляем для него угрозы. Мы просто хотим пожениться и жить вместе…

— Ты легла в постель с простым солдатом! — выкрикнула Нефертити. — Ты пустила мужчину к себе на ложе без моего дозволения! Ты решила меня оскорбить?

Она приблизилась с угрожающим видом:

— Ты должна все делать для нашей семьи, а теперь ты подвергла семью угрозе!

— Это всего лишь ребенок. Мой ребенок.

— Который будет угрозой для трона. Ребенок царской крови. Сын военачальника!

Я потрясенно посмотрела на нее:

— Наш дед был военачальником, и он содержал войско в боевой готовности и в повиновении фараону. Только твой муж может видеть в войске угрозу. Военачальники всегда женились на женщинах из окружения царя.

— В Амарне такого не будет! — разбушевалась Нефертити. — Эхнатон никогда этого не допустит!

— Нефертити, пожалуйста, переубеди его. Этот ребенок ничем ему не грозит…

Нефертити резко взмахнула рукой.

— Нет. Ты забеременела — ты и избавишься от плода. Уж кто-кто, а ты знаешь, как это сделать.

Я в ужасе схватилась за живот.

— Ты собираешься так поступить со мной? — прошептала я.

— Ты сама навлекла на себя эти неприятности, хоть и знала, что делаешь. Надо мне было держать тебя поближе к себе!

Я выпрямилась во весь рост.

— У тебя есть муж и дочь, и скоро будет второй ребенок, а ты отказываешь мне в одном? В одном-единственном ребенке?

— Я ни в чем тебе не отказываю! — Нефертити окончательно взбеленилась, и теперь из-за полога, где слуги паковали вещи, доносился лишь еле слышный шум. — Я вышла за Эхнатона, чтобы дать тебе все, а ты втоптала все в грязь ради какого-то простолюдина! Второй такой себялюбивой сестры не найти во всем Египте!

— Это почему же? Потому что я посмела полюбить кого-то, кроме тебя?

В этих словах было слишком много правды. Нефертити кинулась к пологу, но прежде, чем выйти, бросила через плечо:

— Чтобы сегодня вечером ты была на пиру во дворце!

Я подавила гордость.

— Ты скажешь мужу, что мы хотим пожениться?

Она остановилась. Я повторила снова:

— Ты скажешь ему?

— Возможно, сегодня вечером ты получишь ответ, — бросила Нефертити.

Полог упал за ней, и я осталась одна во внутренних царских покоях.

Я вернулась к себе в шатер. У меня ныло под ложечкой. Я размышляла: может, мне стоит отыскать на стройке Нахтмина и предупредить его?

— О чем, госпожа? — рассудительно поинтересовалась Ипу. — И как ты это сделаешь?

Она взяла меня за руки.

— Подожди решения царицы. Она попросит за тебя. Ты — ее сестра, и ты хорошо служила ей.

Ипу вручила мне наряд для вечернего празднества.

— Давай собираться, — подбодрила меня она. — А потом я прослежу, чтобы твои вещи перенесли во дворец.

— Я хочу сперва повидаться с матерью. Сходи за ней.

Ипу на миг застыла, размышляя над моим намерением, потом тихо кивнула и вышла.

Я надела длинное платье и золотой пояс, потом застегнула на шее ожерелье из бус, повторяя про себя, что я скажу матери. Ее единственная дочь. Единственный ребенок, которого Таварет сочла уместным ниспослать ей. Я посмотрела на себя в зеркало. Оттуда на меня взглянула молодая девушка с темными волосами и большими зелеными глазами. Кто она, эта девушка, позволившая себе понести ребенка от военачальника? Я медленно выдохнула и увидела, что у меня дрожат руки.

— Мутноджмет! — Мать неодобрительно оглядела мой шатер. — Мутноджмет, почему ты не собираешься? Мы переезжаем сегодня вечером.

— Ипу сказала, что она все сделает, пока меня не будет.

Я подошла к обитой кожей скамье, чтобы мать могла сесть рядом со мной.

— Но сперва присядь, пожалуйста, сюда. — Я заколебалась. — Потому что… потому что я должна тебе кое-что сказать прямо сейчас.

Мать все поняла, прежде чем я сказала хоть слово. Взгляд ее метнулся к моему животу, и она прикрыла рот ладонью:

— Ты беременна!

Я кивнула, и глаза мои наполнились слезами.

— Да, мават.

Мать застыла недвижно — как перед этим Нефертити, — и я было подумала, что она собирается меня ударить, впервые в жизни.

— Ты спала с этим военачальником, — ровным тоном произнесла она.

Я поняла, что сейчас заплачу.

— Мы хотим пожениться, — сказала я, но мать меня не слушала.

— Каждый вечер я видела, как он входит в лагерь, и думала, что это Эхнатон вызывает его. Мне следовало бы догадаться. Когда это фараона интересовало войско? — Мать внимательно взглянула мне в лицо. — Так значит, стражники отворачивались ради тебя?

Я покраснела от стыда.

— Это случилось бы и без них. Мы любим друг друга…

— Любите? Это простолюдины женятся по любви! И так же быстро разводятся! Ты — сестра главной жены царя! Мы выдали бы тебя замуж за царевича! За царевича, Мутноджмет! Ты могла бы быть царевной Египта!

— Но я не хочу быть царевной! — Слезы хлынули у меня из глаз. — Это мечта Нефертити, а вовсе не моя. Я беременна, мават. Я ношу твоего внука, а человек, которого я люблю, хочет жениться на мне и на руках внести в свой дом.

Я посмотрела на мать.

— Разве ты ни капли не рада этому?

Она сжала губы, но потом ее решимость рухнула, и мать обняла меня.

— Ах, Мутноджмет, маленькая моя Мутноджмет! Моя малышка — мать… — Она заплакала. — Но что же это будет за ребенок?

— Любимый ребенок.

— Он будет внушать страх фараону и вызывать гнев у твоей сестры. Нефертити никогда не примет его.

— Ей придется, — твердо сказала я, отстраняясь. — Я — женщина. Я имею право выбрать себе мужа. Если это все еще Египет…

— Но это — Египет Эхнатона. Возможно, если бы ты жила в Ахмиме… — Мать развела руками. — Но это — город царя. Здесь выбирает он.

— И Нефертити, — подчеркнула я. — К тому времени, как отец приедет, особняки уже будут достроены. Нефертити может убедить Эхнатона позволить нам жить там.

— Она будет гневаться.

— Значит, ей придется с этим смириться.

Мать взяла меня за руку.

— Твой отец будет потрясен, когда вернется. Две дочери, и обе беременны.

— Он будет счастлив. Обе его дочери способны давать жизнь.

Мать улыбнулась, но в улыбке ее сквозила горечь.

— Он был бы более счастлив, если бы ты вышла замуж за царевича.

Тем вечером празднество шло по всему новому городу Амарне. Отовсюду слышался смех, и я, помогая матери забраться в колесницу, подумала:

«Нефертити сделала это нарочно. Она сказала, что даст мне ответ сегодня вечером, в надежде, что я до нее не доберусь через эти толпы».

Дворики у дворца кишели слугами, носившими блюда с орехами в меду, инжиром и гранатами. Тысячи солдат пили на улицах, позабыв обо всем, и распевали песни о войне и занятиях любовью. Когда мы вошли во дворец, я принялась искать Нахтмина, выглядывая в толпе его широкие плечи и светлые волосы.

— Его здесь нет, — сказала мать. — Он должен быть со Своими людьми.

Я покраснела, поняв, что все мои мысли так явственно написаны у меня на лице. Слуга провел нас в Большой зал. Там стояло множество столов, а за ними сидели пирующие визири и флиртующие дочери богачей; все они, подражая моей сестре, дружно вырядились в тончайший лен и накрасили хной ладони, ступни и груди. Но оба трона Гора на помосте были пусты.

— А где царица? — опешив, спросила я.

— На улицах, госпожа! — крикнул в ответ пробегающий мимо слуга. — Они бросают золото! — Он заулыбался. — Всем!

Мать взяла меня за руку:

— Идем.

Я прошла следом за ней к столу для почетных гостей, стоящему прямо у помоста. Там восседали Панахеси с Кийей. Там же были и скульптор Тутмос, и зодчий Майя. Интересно, когда это они успели сделаться членами семьи? Какой-то старик с пальцами, унизанными золотыми кольцами, окликнул мать с другого конца зала, и она изменила направление, чтобы подойти к нему. Слуга отодвинул для меня кресло с подлокотниками. Дамы Кийи уставились на меня из-под париков с безмолвной угрозой. Когда я уселась, Кийя весело заявила:

— Ах, госпожа Мутноджмет, как приятно тебя видеть! Я думала, ты пропустишь празднество!

— С чего бы это вдруг? — спросила я.

— Мы думали, ты плохо себя чувствуешь.

Кровь отхлынула от моего лица, а визири обменялись вопросительными взглядами.

— Ой, ну зачем же скромничать! Ты должна поделиться хорошей новостью со всеми.

И Кийя объявила на весь стол:

— Госпожа Мутноджмет беременна от военачальника!

Время словно бы остановилось. Две дюжины лиц повернулись ко мне, а у скульптора Тутмоса глаза сделались огромными, словно блюдца.

— Это правда? — спросил он.

Я улыбнулась и вскинула голову.

— Да.

Какое-то мгновение визири потрясенно молчали, а потом принялись лихорадочно перешептываться.

Кийя, сидящая напротив меня, самодовольно улыбнулась.

— Сестры беременны одновременно! Интересно, — она подалась вперед, — а что сказал фараон?

Я не ответила.

— Он что, не знает? — ахнула Кийя.

— Я уверен, что фараон будет счастлив, — вмешался Тутмос.

— Счастлив?! — вскричала Кийя, позабыв про внешние приличия. — Она легла в постель с военачальником! С военачальником! — взвизгнула она.

— Я бы сказал, что фараон будет доволен, — сказал Тутмос. — Это прекрасная возможность добиться от военачальника преданности его делу, ведь всем известно, что душою Нахтмин далек от строительства.

— А где же он? — ровным тоном вопросила Кийя.

Тутмос задумался.

— Я полагаю, на севере, где идет борьба с хеттами.

— Что ж, тогда, возможно, он сможет отправиться туда и присоединиться к Хоремхебу.

Дамы Кийи расхохотались, а Тутмос успокаивающе коснулся руки Кийи:

— Ну, будет тебе. Никто не пожелает судьбы Хоремхеба.

Лицо Кийи смягчилось, а скульптор повернулся ко мне.

— Таварет защитит тебя, — тихо произнес он. — Ты помогла стольким женщинам при дворе, что заслужила хоть немного счастья для себя.

Мать вернулась, и тут раздалось пение труб, возвещающих о появлении сестры и Эхнатона. Придворные расступились, и они прошли через зал, улыбаясь всем вокруг. Но когда сестра дошла до меня, то быстро отвела взгляд. В ушах у меня вновь зазвучал голос Кийи: «Сестры беременны одновременно!»

Всю ночь танцовщицы в струящемся льне и нарядах, сплетенных из ярких бус, кружили по Большому залу Амарны. Развлечь Эхнатона пришли метатели огня, но фараон смотрел лишь на мою сестру. Должно быть, Кийя была уязвлена до глубины души, видя, как женщины столпились вокруг Нефертити, когда она сошла с помоста, соблаговолив перебросить парой слов с некоторыми из придворных дам. Когда я подошла к ним, сестра беседовала с супругой Майи.

Я извинилась и взяла Нефертити за руку.

— Что ты делаешь? — вспыхнула Нефертити.

— Я хочу знать, поговорила ли ты с фараоном.

— Я тебя предупреждала! — раздраженно бросила она. — Я тебе говорила не…

— Ты с ним поговорила? — повторила я уже громче.

Мать, сидевшая за столом у помоста, посмотрела на нас. Лицо Нефертити окаменело.

— Да. Нахтмина отправят на север воевать с хеттами вместе с Хоремхебом.

Ударь она меня по лицу, я и то не была бы так потрясена. У меня перехватило дыхание.

— Что?!

Нефертити покраснела.

— Я тебя предупреждала, Мутноджмет. Я говорила не подходить к нему…

Тут появился Эхнатон, и Нефертити умолкла на полуслове. Должно быть, фараон понял, о чем мы разговариваем, потому что подошел ко мне, весело улыбаясь:

— Мутноджмет.

Я повернулась к нему и обвиняюще спросила:

— Ты послал военачальника воевать с хеттами?

Улыбка исчезла с лица Эхнатона.

— Тот, кто играет с огнем, обжигается. Я уверен, что твой отец учил тебя этому, котенок.

Он протянул руку погладить меня по щеке, и я отдернулась. Тогда он наклонился ко мне и прошептал:

— Возможно, в следующий раз ты выберешь более верного любовника. Твой военачальник попросил разрешения уехать.

— Нет!

Я посмотрела на Нефертити:

— И ты ничего не сделала? Ты ничего не сделала, чтобы помешать этому?

— Он сам попросился, — пролепетала сестра.

— Он никогда не стал бы проситься! — в гневе бросила я, обвиняя фараона во лжи, и мне было безразлично, насколько мои слова опасны. — Я беременна! Я ношу его ребенка, а ты допустила, чтобы его отправили на смерть!

Все разговоры в Большом зале стихли.

Я вылетела из зала, хлопнув дверью. Но идти мне было некуда. Я даже не знала, где тут во дворце моя комната. Я заплакала, схватившись за живот. Что мне делать? У меня задрожали коленки, и вдруг мне сделалось так плохо, что я не удержалась на ногах.

— Мутни! — донесся крик матери. Она повернулась к Ипу: они обе пошли следом за мной. — Найди лекаря! Скорее!

Множество голосов, которых я не узнавала, отдавали какие-то распоряжения. Кто-то сказал, что я очень больна и меня надо перенести в храм, чтобы жрицы могли помолиться за меня. Другой голос спросил, какой храм это должен быть, Амона или Атона? Я плыла в темноте и слышала, как кто-то говорит об исцеляющей силе жрецов. Я услышала имя Панахеси и резкий ответ матери. Принесли льняное полотно. Я почувствовала тяжесть между ног. Внутренности свело судорогой. Вода. Лимонная вода и лаванда. Кто-то сказал, что прибыл мой отец. Неужто прошло столько дней? Когда я приходила в себя, постоянно было темно, а рядом со мной неизменно сидела

Ипу. Когда я стонала, то чувствовала прохладное прикосновение материнских рук ко лбу. Я часто звала мать. Я явственно это помнила. Но я ни разу не позвала сестру. Позднее я узнала, что провела несколько дней, то приходя в себя, то впадая в забытье. Первое, что я помню ясно, это запах лотоса.

— Мутноджмет!

Я сощурилась — утренний свет бил мне в глаза.

— Нахтмин?

— Нет, Мутноджмет.

Это был мой отец. Я рывком приподнялась на локтях и огляделась. Тростниковые занавески на окнах были подвязаны, давая дорогу утреннему солнцу, а плитки пола блестели красным и синим. Все было великолепным: обтянутые кожей табуреты с перекрещивающимися ножками, отделанные драгоценными камнями ларцы и коробки для париков, ониксовые лампы, украшенные бирюзой. Но я была в замешательстве.

— Где Нахтмин?

Мать заколебалась. Она присела на мою кровать, и они с отцом переглянулись.

— Ты была очень больна, — сказала она наконец. — Ты помнишь праздник, милая?

И тут я все вспомнила. Смертный приговор, вынесенный Нахтмину, эгоизм Нефертити, болезнь, настигшая меня посреди дворца. Дыхание мое участилось.

— Что случилось? Чем я болела?

Отец сел рядом и взял меня за руку.

Мать прошептала:

— Мутноджмет, ты потеряла ребенка.

От ужаса я лишилась дара речи. Я потеряла ребенка Нахтмина. Я потеряла единственное, что связывало меня с ним, частичку его, которую мне следовало хранить вечно.

Мать убрала мне волосы с лица.

— Многие женщины теряют своего первого ребенка, — попыталась утешить меня она. — Ты молода. У тебя будут и другие дети. Надо возблагодарить богов, что они пощадили тебя.

Глаза ее наполнились слезами.

— Мы думали, что ты умираешь. Мы думали…

Я покачала головой:

— Нет, этого не будет.

Я села и откинула покрывало.

— Где Нефертити? — решительно спросила я.

— Молится за тебя, — серьезно произнес отец.

— В храме Атона?! — воскликнула я.

— Мутноджмет, она твоя сестра, — напомнил отец.

— Она — завистливая и себялюбивая царица, а не сестра!

Мать отшатнулась, а отец откинулся на спинку кресла.

— Она отослала военачальника прочь! — крикнула я.

— Так решил Эхнатон.

Но я не собиралась позволять отцу защищать ее. Только не на этот раз.

— А она это допустила! — обвиняюще заявила я. — Стоило Нефертити сказать хоть слово, и Эхнатон посмотрел бы на все сквозь пальцы! Мы могли бы срамить Амона на улицах, и если бы Нефертити этого хотела, он бы это допустил! Она — единственная, кого он слушает! Единственная, кто способен его контролировать! Это поняла и твоя сестра, и ты! И она позволила, чтобы Нахтмина услали! Она это позволила! — крикнула я.

Мать успокаивающе положила руку мне на плечо, но я стряхнула ее.

— Он умер? — спросила я.

Отец встал.

— Он умер? — повторила я.

— Он — сильный солдат, Мутноджмет. Страже велено было отвезти его на север, к границе с хеттами, и там отпустить. Он знает, что нужно делать.

Я закрыла глаза, представив, как Нахтмина бросают хеттам, словно кусок мяса собакам. По щекам моим потекли слезы, горячие и горькие, и отец обнял меня за плечи.

— Ты понесла тяжелую потерю, — сдержанно произнес он.

— Он никогда не вернется. А Нефертити ничего не сделала! — Горе затопило меня, и все внутри снова сжалось. — Ничего! — пронзительно вскрикнула я.

Мать прижала меня к себе и принялась покачиваться.

— Она ничего не могла поделать.

Но это было ложью.

Отец подошел к моему прикроватному столику и взял с него изысканный ларец, инкрустированный лазуритом и жемчугом.

— Она приходила сюда каждый день. Она принесла тебе этот ларец для твоих трав.

Я посмотрела на ларец. Он выглядел в точности как вещь, которую выбрала бы сама Нефертити. Замысловатый и дорогой.

— Она думает, что может купить меня за эту коробку?

За дверью послышались шаги, и слуга распахнул дверь.

— Идет царица!

Но я знала, что никогда не прощу ее.

Нефертити стремительно вошла в спальню, но мне в глаза бросилось одно — ее округлившийся живот. Увидев, что я в сознании, Нефертити остановилась и моргнула.

— Мутни?

Она принесла анк из бирюзы — возможно, благословленный в храме Атона.

— Мутни!

Нефертити подбежала и обняла меня, и я почувствовала на щеке ее слезы. Слезы моей сестры, которая никогда не плакала.

Я не шелохнулась, и Нефертити отодвинулась, чтобы посмотреть мне в лицо.

— Мутни, ну скажи что-нибудь! — взмолилась она.

— Я проклинаю тот день, когда боги решили сделать меня твоей сестрой.

У Нефертити задрожали руки.

— Возьми эти слова обратно!

Я молча посмотрела на нее.

— Возьми их обратно! — крикнула Нефертити, но я лишь отвернулась от нее.

Родители переглянулись. Потом отец сдержанно произнес:

— Иди, Нефертити. Дай ей время.

Сестра от изумления разинула рог. Она повернулась к моей матери, но и там не встретила поддержки. Тогда она развернулась и вылетела из комнаты, хлопнув дверью.

Я посмотрела на родителей.

— Я хочу остаться одна.

Мать заколебалась.

— Но ты же еще не выздоровела! — запротестовала она.

— Здесь Ипу. Она позаботится обо мне. А сейчас я хочу остаться одна.

Мать посмотрела на отца, и они вышли. Я повернулась к Ипу. Та стояла надо мной, не понимая, что делать.

— Принеси мне мой ящик с травами, — попросила я. — Только старый. Мне нужна ромашка.

Ипу отыскала ящик, и я подняла тяжелую крышку. И застыла.

— Ипу, кто-нибудь заглядывал сюда? — быстро спросила я.

Ипу нахмурилась:

— Нет, госпожа.

— Ты уверена?

Я перебрала пакетики, но акация и вправду исчезла. Льняного мешочка с семенами акации не было!

— Ипу. — Я попыталась встать. — Ипу, кто мог сюда залезть?

— Ты о чем?

— Акация!

Ипу заглянула в ящик и прикрыла рот ладонью. Потом ее взгляд метнулся к моему животу — она поняла. Я схватила ящик и ринулась из покоев. Мои спутанные длинные волосы упали на плечи, льняная рубаха была не подпоясана.

— Где Нефертити? — крикнула я.

Некоторые слуги попятились. Кто-то прошептал:

— В Большом зале, госпожа, ужинает с визирями.

Я ухватила ящик покрепче. Я была настолько взбешена, что когда я распахнула двери в зал, напугав стражников, то даже не видела лиц сидящих там людей.

— Нефертити!

Гомон в зале стих. Музыканты у помоста перестали играть, а у Тутмоса от изумления приоткрылся рот. Дамы Нефертити ахнули.

Я подняла ящик так, чтобы видно было всем.

— Кто украл у меня акацию?

Я двинулась к помосту, не отрывая взгляда от сестры. У Панахеси что-то заклокотало в горле. Отец встал.

— Кто-то украл у меня семена акации и отравил меня, чтобы убить моего ребенка! Это ты сделала?

Нефертити побелела. Она взглянула на Эхнатона круглыми от ужаса глазами, и я переключила внимание на фараона.

— Это ты? — взвизгнула я. — Это ты убил мое дитя?!

Эхнатон заерзал.

Отец взял меня за руку:

— Мутноджмет.

— Я хочу знать, кто сделал это со мной!

Мой голос эхом разнесся по залу, и даже Кийя с ее дамами притихли. Если такое могло случиться со мной, то могло и с ними. Кто был их врагами? Кто был моими?

— Пойдем, — попросил отец.

Я позволила вывести себя из зала, но у двери я остановилась и обернулась.

— Я никогда этого не прощу! — поклялась я, и Нефертити поняла, что это означает для нее. — Я не прощу этого, пока солнце будет сиять над Амарной!

Сестра откинулась на спинку кресла, и вид у нее был такой, будто кто-то украл у нее царство.

17

Амарна

28 пайни

— Боюсь, она так и будет до конца жизни ухаживать за своим садиком с травами. Без мужа, без детей… — донеслись до меня в саду слова моей служанки.

Три месяца назад, в тот день, когда я обнаружила, что кто-то отравил меня, чтобы убить ребенка Нахтмина, я сама отыскала этот особняк, новый, пустой, стоящий на золотистом склоне над городом. Никакая семья еще не заняла его, потому я въехала сюда и объявила дом своим. Никто не посмел оспорить мой выбор.

Три месяца ушло на высадку растений, но теперь я могла, наклонившись, коснуться листьев молодого сикомора, теплых и мягких. Голос служанки приблизился.

— Она за домом, там же, где и всегда, — произнесла Ипу. В голосе ее прозвучало беспокойство. — Ухаживает за своими травами, чтобы потом продать их женщинам.

Ее присутствие за спиной ощущалось словно каменная колонна. Мне не нужно было оборачиваться, чтобы понять, кто это. Кроме того, я услышала запах ее благовоний — лилию и кардамон.

— Мутноджмет!

Я повернулась и прикрыла глаза ладонью от солнца. С тех пор как я покинула дворец, я больше не носила парик. Мои длинные волосы

растрепались. Ипу говорила, что на солнце мои глаза напоминают изумруды, твердые и неподатливые.

Я низко поклонилась:

— Ваше величество.

Царица Тийя удивленно моргнула.

— Ты изменилась.

Я подождала, пока она не уточнит, что именно изменилось.

— Ты стала выше и, пожалуй, смуглее.

— Да. Я провожу много времени на солнце, здесь, у себя.

Я поставила лопату. Пока мы шли к дому, Тийя оглядела сад.

— Очень впечатляющий сад.

Это она заметила финиковые пальмы и цветущую глицинию.

Я улыбнулась:

— Спасибо.

Мы вошли на веранду, и тетя села. Я изменилась, а вот она осталась все той же: маленькой, проницательной, с поджатыми губами и расчетливым взглядом. Я уселась напротив тети на небольшую пуховую подушку. Тийя приехала в Амарну с моим отцом, оставив по его просьбе Фивы, и теперь каждое утро работала с ним в Пер-Меджат, занимаясь изучением свитков, написанием писем и обсуждением условий договоров.

Ипу принесла горячий чай. Царица взяла чашу.

— Я пришла не затем, чтобы уговаривать тебя вернуться, — сказала она.

— Я знаю. Для этого ты слишком разумна. Ты понимаешь, что я покончила с дворцом. С Нефертити, с ее статуями и ее бесконечными интригами.

Царица Тийя слабо улыбнулась.

— Мне уже приходила в голову мысль, что я выбрала не ту сестру.

Я поразилась: неужто кто-то мог предпочесть меня Нефертити? Потом я решительно покачала головой:

— Нет. Я никогда не хотела бы быть царицей.

— Вот именно поэтому из тебя получилась бы хорошая царица. — Тийя поставила чашку. — Но скажи мне, Мутноджмет, что ты предложила бы старой женщине, у которой болят суставы?

Я вопросительно взглянула на нее.

— Ты пришла ко мне за травами?

— Как я уже сказала, я пришла не за тем, чтобы уговаривать тебя вернуться во дворец. Ты верно говоришь — для этого я слишком разумна. Да и кроме того, зачем тебе покидать этот особняк? — Тийя взглянула на вьющиеся лозы и высокие раскрашенные колонны. — Это тихий приют, вдали от города и дурацкой политики моего сына.

Она наклонила голову. Ее драгоценное ожерелье из золота и лазурита мелодично зазвенело. Потом она с доверительным видом подалась вперед.

— Ну так скажи, Мутноджмет, чем бы мне воспользоваться?

— Но придворные лекари…

— Сильно уступают тебе в знании трав.

Тийя посмотрела на мой ухоженный сад, на растущие ровными рядами сенну и хризантемы, на их освещенную солнцем ярко-зеленую и желтую листву. Там был можжевельник — от головной боли, и полынь — от кашля. Для женщин, которые отчаянно в этом нуждались, я все-таки посадила акацию. Даже помня, что это мои же травы убили моего ребенка, я не могла им отказать.

— Женщины говорят, что ты стала настоящей целительницей. Они называют тебя Секем-Мив, Могущественная Кошка, — сказала она.

Я тут же вспомнила Нахтмина, и взгляд мой затуманился. Тетя критически посмотрела на меня, потом дотянулась и погладила по руке.

— Пойдем. Покажешь мне травы.

Сад был пестрым от игры теплых солнечных лучей и тени. Скоро станет жарко, и роса высохнет. Я вдохнула пьянящий запах земли, наклонилась и сорвала зеленую ягоду с куста можжевельника.

— Неплохо бы попить можжевельник. — Я вручила ягоду тете. — Я могу сделать тебе чай, но его нужно будет пить дважды в день.

Тийя раздавила ягоду и понюхала пальцы.

— Она пахнет, как письма из Миттани! — удивилась она.

Я посмотрела на нее. Ей уже сорок лет, а она все еще заключает союзы с другими народами и втайне договаривается с моим отцом, как лучше править царством.

— Почему ты до сих пор занимаешься этим? — спросила я, и Тийя мгновенно поняла, что я имею в виду.

— Ради Египта. — Солнце отражалось в ее золотисто-каштановых глазах и на золотых браслетах. — Я когда-то была духовным и физическим главою этой страны. И что изменилось? Что на престоле теперь сидит мой глупый сын? Конечно, если бы фараоном стал Тутмос…

Тийя вздохнула, а я тихо спросила:

— Каким он был?

Тетя посмотрела на свои кольца.

— Умным. Терпеливым. Страстным охотником. — Она покачала головой, охваченная сожалением, понятным до конца только ей одной. — Тутмос был солдатом и жрецом Амона.

— А Эхнатон терпеть не может ни того ни другого.

— Когда твоя сестра вышла за него замуж, я опасалась, что она слишком слабая. — У тети вырвался отрывистый смешок. — Кто бы мог подумать, что Нефертити, маленькая Нефертити окажется такой…

Она умолкла, пытаясь подобрать подходящее слово. Взгляд ее упал на лежащий внизу город — белую жемчужину на фоне песка.

— Страстной, — подсказала я.

Тетя с сожалением кивнула:

— Этого я не предполагала.

— И я тоже.

У меня задрожали губы, и тетя, заметив мои слезы, взяла меня за руку.

— Ипу думает, что ты одинока.

— У меня есть мои травы. А по утрам ко мне приходит мать, приносит мне хлеб. Кунжутные лепешки и хороший шедех из дворца.

Царица медленно кивнула.

— А твой отец?

— Он тоже приходит, и мы с ним обсуждаем новости.

Тийя приподняла брови:

— И что он тебе рассказывал в последнее время?

— Что Катна умоляет о помощи в защите от хеттов, — сказала я.

Лицо Тийи посуровело.

— Катна вот уже сто лет зависит от нас. Если мы потеряем ее, то прямо скажем хеттам, что сражаться мы не хотим. Это уже второе из наших зависимых государств просит о помощи. Я пишу успокаивающие письма, а мой сын у меня за спиной требует прислать побольше цветного стекла. Им нужны солдаты, — Тийя повысила голос, — а он требует стекло! Что мы будем делать, когда все наши союзники падут и между нами и хеттами не останется никого?

— Тогда они вторгнутся в Египет.

Тийя прикрыла глаза.

— По крайней мере, у нас есть войско в Кадеше.

Я пришла в ужас:

— Но там же всего сто человек!

— Да, но хетты-то этого не знают. А я не стала бы недооценивать силу Хоремхеба или Нахтмина.

Я не позволяла себе думать, что Нахтмин может вернуться. Я сидела в саду под навесом и думала: «Чтобы он мог вернуться, им нужно будет одержать в Кадеше победу, а этого не случится никогда». Я бросила себе в утренний чай ромашку. Даже сейчас, через несколько месяцев, я плохо спала, а стоило мне подумать о Нахтмине, как у меня начинали дрожать руки.

— Госпожа! — на веранде появилась Ипу. — Тебе доставили подарок из дворца.

— Ну так отошли его обратно, как и все остальные.

Пусть не думает, что меня можно купить. Мы больше не дети. Это в детстве она могла сломать мою любимую игрушку, а потом отдать взамен свою. Нефертити по-прежнему думала, что ничего особенного не произошло, что Нахтмин — просто один из мужчин и что будут еще другие. Но я не такая, как она. Я не смогла бы сегодня целовать Ранофера, а завтра бросить его.

Но Ипу продолжала стоять и смотреть на меня.

— Возможно, этот подарок ты захочешь оставить.

Я нахмурилась, но все-таки поставила чай и прошла в дом. На столе стояла корзинка.

— Великий Осирис, что там?! — вырвалось у меня. — Оно шевелится!

Ипу улыбнулась.

— А ты посмотри.

По настоянию Ипу я подняла крышку корзины. Внутри сидела сжавшаяся, крохотная, перепуганная пятнистая кошечка, из той породы, какую могли позволить себе лишь самые знатные семейства Египта.

— Мив?!

Кошечка посмотрела на меня и жалобно замяукала, и я, позабыв обо всех своих намерениях, подхватила ее на руки. Она была такая маленькая, что помещалась у меня на ладони. А когда я прижала ее к груди, она замурлыкала.

— Вот видишь! — произнесла гордая собою Ипу.

Я опустила кошечку.

— Мы ее не оставим.

— Это он. А почему нет?

— Потому что это — подарок от моей сестры, а она думает, что котенок может заменить ребенка.

Ипу вскинула руки:

— Но ты одинока.

— Я не одинока. Ко мне целый день идут пациенты. И приходят родители.

Я посадила котенка обратно в корзину и осторожно закрыла крышку. Котенок тут же замяукал, и Ипу холодно посмотрела на меня.

— И нечего на меня так смотреть. Я его не убиваю. Просто отсылаю обратно.

Ипу безмолвствовала. Слышно было лишь жалобное мяуканье котенка.

Я возвела глаза к небу.

— Ну ладно. Но заботиться о нем будешь ты.

Когда ко мне пришли отец с матерью, их служанка принесла корзину с ненужными мне предметами роскоши из дворца. Отец нахмурился, увидев Ипу: она сидела, пригнувшись, у дивана, болтала веревочкой и тихо напевала.

— Что она делает? — спросил отец.

Служанка поставила корзину на стол, и мы все обернулись посмотреть Тут мелькнула серая лапка, послышался испуганный возглас, и веревочка исчезла.

— Это гадкое животное не выходит! — воскликнула Ипу.

— Что там такое? — Мать присмотрелась повнимательнее.

— Нефертити прислала мне котенка, — ровным тоном произнесла я. Отец внимательно посмотрел на меня. — Я оставила его только по настоянию Ипу.

Котенок стремительно пронесся через комнату и выскочил в коридор.

Мать улыбнулась.

— Как ты ее назвала?

— Это кот. Его зовут Бастет.

— Как покровительницу кошек, — одобрительно произнесла мать.

Отец посмотрел на меня с удивлением.

— Это была идея Ипу.

Мать принялась доставать из корзины белье из тонкого льна, а мы с отцом вышли в сад.

— Я слышал, тебя вчера навещала моя сестра.

— Она думает, что у нас есть шанс добиться успеха в Кадеше, — сказала я, ожидая, что же он ответит.

Отец положил руку мне на плечо.

— Такое возможно, Мутноджмет. Но я не стал бы этого ждать. Он ушел. Всем нам случалось терять любимых, ушедших к Осирису.

Я попыталась сдержать слезы.

— Но ведь не так же!

— Нефертити не знала, — сказал отец. — Она сейчас сама не своя. Ребенок должен родиться в конце тота, а лекари говорят, что, если она не начнет отдыхать и нормально есть, она его потеряет.

«Вот и хорошо. Пускай потеряет, — подумала я. — Пускай узнает, каково это — очнуться и понять, что тебя лишили самого дорогого». Но меня тут же затопило ощущение вины.

— Надеюсь, она обретет покой. — Я опустила голову. — Но даже если она не знала про травы, она допустила, чтобы Нахтмина сослали.

Некоторое время отец молчал, потом предупредил:

— Она захочет, чтобы ты присутствовала при родах.

Я прикусила язык. Отец понимал иронию ситуации.

— Посмотрим, когда подойдет время, — прошептала я.

Царица Тийя навестила меня во второй раз. Она поднялась по ступеням, ведущим к особняку, а за ней следовали семь дам, и каждая несла большую плетеную корзину.

— Ипу, найди Бастета! — крикнула я. — Не хватало еще, чтобы он тут бегал и хватал царицу за ноги!

Это была его новая игра: Бастет прятался за чем-нибудь, а потом выскакивал из укрытия и кусал за щиколотку того, кто проходил мимо.

— Бастет! — завопила Ипу. — Бастет, иди сюда!

Дамы царицы подошли ближе.

— Бастет! — решительно позвала я, и маленький комок меха выскочил из укрытия и двинулся ко мне, словно требовал объяснить, что это вдруг мне от него понадобилось.

— Ипу, отнеси его в заднюю комнату! — распорядилась я.

Котенок посмотрел на Ипу и жалобно мяукнул.

— Почему к тебе он идет, а ко мне — нет?

Я посмотрела на маленького гордого котенка. Хотя кормила его Ипу, но сидел он под моим креслом и забирался ко мне на колени, когда я садилась у жаровни. «Ах ты, высокомерный мив», — подумала я.

Послышался гулкий стук в дверь, и Ипу кинулась открывать. За дверью обнаружилась моя тетя и двое слуг, держащих над ней зонтик от солнца, сделанный из павлиньих перьев.

Я поклонилась:

— Царица Тийя, я рада тебя видеть.

Тетя протянула руку, и я ввела ее в дом. На руке у нее было несколько потрясающих великолепием колец: большие куски лазурита, оправленные в золото. Тийя устроилась на пуховой подушке на веранде, посмотрела на порванный гобелен на стене и коснулась болтающихся ниток.

— Котенок Нефертити?

Заметив мое удивление, тетя улыбнулась:

— Когда ты не стала возвращать его обратно, по дворцу поползли разговоры.

Во мне тут же вспыхнул гнев.

— Разговоры?

— Некоторые предположили, что все может быть прощено.

Она внимательно посмотрела на меня. Лицо мое потемнело от гнева.

— А эти некоторые не предположили, что за подарок не купишь ребенка? Не вернешь жизнь мужчине?

— Да кто решился бы сказать такое твоей сестре? Никто не смеет бросить вызов Нефертити. Ни я, ни даже твой отец.

— Так значит, она делает все, что захочет?

— Как и всякая царица. Только у нее — безудержная страсть к строительству.

Я ахнула:

— Неужто они снова что-то строят?!

— Конечно. И будут строить до тех пор, пока войско не найдет вождя, который поднял бы его на мятеж.

— Но у кого может быть столько сил, чтобы восстать против фараона?

Ипу принесла чай с мятой. Тетя поднесла чашку к губам и кратко произнесла:

— У Хоремхеба.

— Поэтому Хоремхеба и сослали в Кадеш?

Тетя кивнула:

— Он был слишком популярен. Как и Нахтмин. Мой сын видит опасность в том, в чем ему следовало бы видеть преимущество. Он слишком глуп, чтобы понять, что, будь Нахтмин в твоей постели, он никогда бы не стал устраивать мятеж.

— Нахтмин и так никогда не стал бы устраивать мятеж, — быстро произнесла я. — Хоть со мной, хоть без меня.

Тетя приподняла брови.

— Он хотел жить спокойной, мирной жизнью.

— А он тебе не говорил, что в Фивах, когда Эхнатон собирался надеть корону своего брата, к нему пришли солдаты и попросили возглавить восстание? И что он согласился?

Я опустила чашку.

— Нахтмин?

— Некоторые визири и солдаты убедили его, что восстание — единственный способ восстановить Маат после убийства царевича Тутмоса.

Я потрясенно уставилась на тетю, пытаясь понять, действительно ли она сказала именно то, что мне показалось? Что Тутмоса убило не падение с колесницы, а рука брата? Тийя поняла мой незаданный вопрос и напряглась.

— Я, как и все, лишь слышала сплетни слуг.

— Но его падение с колесницы…

— Могло убить его в любом случае. А возможно, он и поправился бы. Это теперь известно лишь Осирису и моему оставшемуся в живых сыну.

Я содрогнулась.

— Но ведь восстания не было.

— Потому что прибыла Нефертити, и двор поверил, что она станет для Египта спасением от моего сына.

Я уселась.

— Почему ты говоришь мне все это?

Тетя поставила чашку с чаем.

— Потому что когда-нибудь ты вернешься во дворец, и от тебя зависит, вернешься ли ты с открытыми глазами или тебя внесут с закрытыми.

Двадцать дней спустя Тийя сидела на табурете из слоновой кости, стоящем между грядок моего сада, и расспрашивала меня о растениях. Ей хотелось знать, для чего еще можно использовать лакрицу, кроме как для подслащивания чая. Я объяснила, что, если пользоваться лакрицей вместо меда, она предотвратит порчу зубов, и то же самое будет, если есть лук вместо чеснока. Тут к нам между рядами перистых трав подошел отец. Я даже не услышала, как Ипу приветствовала его у дверей.

Отец посмотрел сперва на меня, потом на тетю.

— Чем вы занимаетесь?

Тетя встала.

— Моя племянница демонстрирует мне волшебство трав. Твоя дочь — очень умная девушка. — Она приставила ладонь козырьком ко лбу, прикрывая глаза от солнца. Я не поняла, что же промелькнуло во взгляде отца: гордость или неудовольствие. — А что привело сюда тебя?

— Я искал тебя.

Голос отца был мрачен, но тетя пережила множество прискорбных событий и сейчас даже не шелохнулась.

— Во дворце неприятности? — поинтересовалась она.

— Эхнатон хочет быть похороненным на востоке.

Тетя внимательно взглянула на него.

— Но фараонов никогда не хоронили на востоке.

— Он хочет быть похороненным там, где встает солнце, за холмами, и хочет, чтобы все придворные в Амарне бросили гробницы, которые они уже построили на западе.

Голос тети сделался низким и глухим от гнева.

— Бросить гробницы, которые мы уже построили в Фивах? Перенести гробницы от ног заходящего солнца, где они находились всегда, чтобы нас похоронили на востоке?! Не бывать этому!

Никогда еще я не видела Тийю такой разгневанной.

Отец развел руками.

— Мы не можем ему помешать. Но мы можем построить вторую гробницу и сохранить те, которые мы построили в Долине царей…

— Конечно, мы их сохраним! Я не допущу, чтобы меня похоронили в Амарне! — решительно заявила Тийя.

— И я, — отозвался отец, и голос его тоже был низким и глухим.

Они повернулись ко мне.

— Ты будешь отвечать за это, — распорядилась Тийя. — Если мы умрем, позаботься, чтобы нас похоронили в Фивах.

— Но как?

Как я сумею устроить это вопреки желаниям Эхнатона?

— Тебе придется пустить в ход хитрость, — быстро произнес отец.

Я поняла, что он говорит совершенно серьезно, и мне стало страшно.

— Но я не хитрая, — заволновалась я. — Это дело для Нефертити. Это она может с ним справиться.

— Но не станет. Твоя сестра строит гробницу вместе с Эхнатоном. Они бросили наших предков ради погребения на востоке. — Отец серьезно посмотрел на меня. — О наших похоронах должна позаботиться именно ты.

От страха я повысила голос:

— Но как?

— Взятки, — отозвалась тетя. — Бальзамировщики мертвых покупаются не хуже всех прочих.

Увидев, что я не понимаю, она посмотрела на меня как на полную невежду.

— Ты разве никогда не слыхала о женщинах, которые отдают своих детей бесплодным женам из знатных домов? Они говорят мужьям, что ребенок умер, а бальзамировщики берут обезьяну и пеленают ее, как ребенка.

Я в ужасе отпрянула, а Тийя пожала плечами, словно вела речь о чем-то общеизвестном.

— Да-да, они там в Городе Мертвых способны творить чудеса. Но за определенную сумму.

— Если до этого дойдет, — велел отец, — ты подкупишь бальзамировщиков, чтобы в Амарне похоронили поддельное тело.

У меня задрожали руки.

— И отвезу тебя в Фивы?

Все это казалось нереальным. Этого не могло быть. Мой отец и царица Тийя никогда не умрут. Но отец похлопал меня по плечу, словно ребенка:

— Когда придет время…

— Если придет! — подчеркнула я.

— Если время придет. — Отец улыбнулся с нежностью. — Тогда ты будешь знать, что делать.

Он посмотрел на Тийю:

— Встретимся здесь завтра?

— У меня в саду?! — воскликнула я.

— Мутноджмет, двор Амарны кишит соглядатаями, — отозвался отец. — Если мы хотим поговорить, нам придется приходить сюда. Эхнатон не доверяет никому, а женщины Панахеси шныряют повсюду, все вынюхивают и докладывают ему. Даже некоторые из дам Нефертити.

Я подумала о Нефертити, как она там сидит во дворце одна, в окружении притворных друзей и соглядатаев. Но я отказалась испытывать жалость к ней. «Постелила постель — пускай ложится».

Меня вызвали во дворец в конце эпифи. Из дворца прибыл гонец с письмом, запечатанным тяжелой печатью моего отца, и настойчиво сунул его мне.

— Госпожа, у царицы уже начались схватки.

Я вскрыла письмо и убедилась, что это правда. Нефертити рожала. Я сжала губы и свернула письмо, не в силах глядеть на эту весть. Вестник продолжал ждать меня.

— Чего тебе надо?! — рявкнула я.

Юноша не дрогнул.

— Я хочу знать, идешь ли ты, госпожа. Царица звала тебя.

Она меня звала! Она меня звала, зная, что она рожает своего второго ребенка, а мой первый — мертв! Я сжала кулак, смяв папирус. Гонец смотрел на меня расширившимися глазами.

— Колесница ждет, — умоляюще произнес юноша.

Я присмотрелась к нему. Ему было лет двенадцать-тринадцать. Если он не сумеет привезти меня, это может стать концом его карьеры. Он смотрел на меня широко распахнутыми глазами, и в них была надежда.

— Подожди, — велела я ему. — Я соберу вещи.

На кухне торчала Ипу.

— У нее есть лекари. Тебе не обязательно идти.

— Я пойду.

— Но почему?

Бастет потерся шелковым тельцем об мою ногу, словно пытаясь успокоить меня.

— Потому, что это Нефертити, и если она умрет, я себе этого никогда не прощу.

Ипу прошла следом за мной в мою комнату. По пятам за ней шел Бастет.

— Хочешь, я поеду с тобой? — предложила она.

— Не надо. Я вернусь к вечеру.

Я взяла свой ящик с травами. Когда я уже собралась уходить, она сжала мою руку:

— Помни: ты идешь туда ради ребенка.

Я сглотнула подкатившую к горлу горечь.

— Который должен был быть моим.

— Она сказала, что ничего не могла поделать.

— Может быть, — отозвалась я. — А может быть, она просто сидела сложа руки и молчала, пока это делалось.

Гонец помог мне подняться в колесницу. Он щелкнул плетью, и гнедые лошади помчались по Царской дороге. На каждом перекрестке стояли изваяния моей сестры. Ее раскрашенные скульптуры воздевали руки над

городом в пустыне, который построили они с мужем. Нефертити была наряжена в пышные одежды Исиды. А на воротах храмов, там, где надлежало находиться изображениям богов, были изображены их с Эхнатоном лица.

— Амон, прости им их заносчивость, — прошептала я.

Для родов был выстроен специальный павильон, как и в Мемфисе. Я узнала в нем руку Нефертити: окна от пола до потолка, стулья с мягкими сиденьями, вазы, в которых пышно разрослись растения — особенно много было лилий ее любимого сорта. В комнате было расставлено множество стульев для придворных дам, и почти все они были заняты.

— Госпожа Мутноджмет! — объявил вестник, и в зале мгновенно стало тихо: разговоры и смех прекратились.

— Мутни!

Нефертити шикнула на своих дам, и дочери визиря, толпящиеся у ее постели, расступились. Глаза их сделались круглыми и завистливыми.

Я подошла к кровати. Нефертити была здорова и красива. Она полулежала на груде подушек, и по ней не видно было, чтобы она испытывала боль. У меня загорелись щеки.

— Я думала, у тебя схватки.

— Все лекари говорят, что они начнутся сегодня или завтра.

Лицо мое потемнело.

— Твой посланец сказал, что дело неотложное.

Нефертити повернулась к своим дамам, изучающим мои волосы, ногти, лицо.

— Оставьте нас! — велела она.

Они упорхнули, словно мотыльки, — девушки, которых я даже не знала. Я посмотрела им вслед.

— Да, дело неотложное. Ты мне нужна.

— У тебя десятки женщин, которые составляют тебе компанию. Зачем тебе нужна я?

— Да затем, что ты моя сестра! — отрезала Нефертити. — Нам полагается быть рядом. Заботиться друг о друге.

Я недобро рассмеялась.

— Я не отнимала у тебя дитя! — воскликнула Нефертити.

— Но ты знаешь, кто это сделал.

Нефертити промолчала.

— Ты знаешь, кто меня отравил. Ты знаешь, кто перепугался, что я рожу ребенка, сына военачальника…

Нефертити заткнула уши.

— Я не хочу больше этого слышать!

Я молча смотрела на нее.

— Мутни! — взмолилась она и уставилась на меня печальными глазами, темными и большими, словно озера, воображая, будто может при помощи своего очарования заполучить все, чего пожелает. — Будь со мной, когда я буду рожать!

— Зачем? Ты выглядишь достаточно счастливой.

— А что мне, ходить, показывая всем видом, как я боюсь умереть, чтобы Эхнатон перепугался и не дал мне других детей? Чтобы придворные дамы побежали к Панахеси и сообщили ему, что царица Египта ослабела? Чтобы Кийя возвысилась, пользуясь моей слабостью? Что еще мне остается, кроме как выглядеть счастливой?

Я поразилась: надо же, Нефертити способна думать о подобных вещах даже накануне родов!

— Останься со мной, Мутни. Ты единственная, кому я могу доверять. Ты способна проверить, что мне дают повитухи.

Я уставилась на нее:

— Ты что, думаешь, что они тебя отравят?

Нефертити посмотрела на меня с утомленным видом.

— Если тебя отравят, лекари это обнаружат, — заметила я.

— После моей смерти! Какой с этого будет толк?

— Панахеси рискнет собственной жизнью, если затеет такое.

— И кто это сможет доказать? Как по-твоему, кому поверит Эхнатон? Что-то лепечущей повитухе или верховному жрецу Атона? А ведь есть еще жрецы Амона, — со страхом произнесла Нефертити, — которые охотно отдадут

жизнь, лишь бы убедиться, что Эхнатон никогда не произведет на свет наследника.

Я представила, как кто-нибудь отравит ее, как отравили меня. Как она корчится от боли и плачет, а Анубис подкрадывается все ближе к ней, и все потому, что я отказалась быть с ней во время родов.

— Я останусь. Но только на время родов.

Нефертити улыбнулась. Я села и ворчливо спросила:

— Ну, имя уже выбрали?

— Сменкхара.

— А если будет девочка?

Нефертити метнула на меня взгляд из-под длинных ресниц.

— Не будет.

— Ну а если вдруг?

Нефертити пожала плечами:

— Тогда Мекетатон.

Хотя Нефертити была невероятно маленькой, Некбет, должно быть, благословила ее лоно, потому что все ее дети, похоже, выходили наружу без всяких трудностей. Повитуха подхватила крохотный комочек, окровавленный и пищащий, и все прочие повитухи, сколько их было в комнате, ринулись вперед, посмотреть на пол ребенка. Нефертити подалась вперед.

— Кто? — выдохнула она.

Повитуха опустила взгляд. Моя мать от радости захлопала в ладоши, но, когда слуги помогли Нефертити улечься обратно, я заметила, что она сильно побледнела. Наши взгляды встретились. «Еще одна царевна». Я перевела дыхание и со злостью подумала: «Вот и хорошо, что не сын!» Подобрав свою корзину, я направилась к двери.

Мать схватила меня за руку:

— Ты должна остаться на благословение!

В комнату стало набиваться все больше народу. Прибыл вестник, а следом за ним Тутмос. Служанки хлопотали вокруг Нефертити, омывая ее и

прилаживая корону. Мать взяла меня под локоть и отвела к окну. Зазвонили колокола, возвещая о рождении новой царевны. Три раза — как и в честь царевича.

—. Подожди хотя бы, пока ей дадут имя, — попросила мать.

Нефертити огляделась и увидела, что мы стоим рядом.

— Неужели моя сестра не подойдет, чтобы пожелать мне долгой жизни и крепкого здоровья?

Все обернулись ко мне. Мать осторожно подтолкнула меня в спину. Если бы отцу дозволено было находиться в родильном павильоне, он сейчас выпятил бы челюсть при виде подобной грубости с моей стороны. Я заколебалась, потом шагнула вперед.

— Пусть Атон улыбается тебе.

Все расступились: Нефертити раскинула руки, собираясь обнять меня. В углу павильона уже сидела кормилица, и маленькая царевна присосалась к ее груди.

— Иди же сюда, Мутни, порадуйся вместе со мной!

Все улыбались. Все ликовали. Родился не мальчик, но дитя было здорово, и Нефертити благополучно разрешилась от бремени. Я протянула корзинку:

— Это тебе.

Нефертити заглянула в корзинку, и глаза ее радостно заблестели. Она посмотрела на меня, потом снова на содержимое корзины:

— Мандрагора?

— В этом сезоне хороших выросло всего несколько штук. В следующем сезоне будет лучше.

Нефертити подняла голову:

— В следующем сезоне? Ты о чем? Ты же возвращаешься!

Я не ответила.

— Ты должна вернуться во дворец! Здесь твоя семья!

— Нет, Нефертити. Моя семья убита. Одного убили в моем чреве, а второго — в Кадеше.

Я развернулась и зашагала прочь, прежде чем она успела возразить.

— Ты будешь на благословении! — крикнула она.

Это не было просьбой.

— Ладно, если тебе так уж хочется.

Я вышла из родильного павильона, и двери захлопнулись за мной.

За стенами дворца праздновали простые жители Амарны. Рождение царского отпрыска означало для них день отдыха, даже для строителей гробницы, работавших в холмах высоко над долиной. Я прошла во внешний двор. Там стояли царские колесничие, чтобы отвозить и привозить сановников.

— Отвези меня в храм Хатор, — попросила я и, прежде чем колесничий успел сказать, что он не знает никаких запрещенных храмов, сунула ему в руку медный дебен.

Колесничий быстро кивнул. Добравшись до места, мы увидели окаймленный колоннами двор, устроенный на склоне холма.

— Госпожа, ты точно уверена, что хочешь остаться здесь? Это запрещено.

— Некоторые женщины по-прежнему ухаживают за святилищем Хатор. Со мной все будет в порядке, — ответила я.

Но царский колесничий был молод и обеспокоен.

— Я могу подождать, — предложил он.

— Не надо. — Я взяла корзину и спустилась. — Незачем. Я могу дойти до дома и пешком.

— Но ты же сестра главной жены царя!

— И подобно многим людям, я наделена двумя ногами.

Колесничий засмеялся и уехал.

На холме, среди выходов камня и резных колонн, царила тишина. Те немногие женщины, что ухаживали за тайным храмом Хатор, должно быть, праздновали сейчас внизу, в деревне, совершая возлияние новому богу Египта, в благодарность за рождение новой царевны.

— Но не все позабыли тебя.

Я преклонила колени перед маленьким изваянием Хатор и положила к ее ногам пучок тимьяна. Хотя храмы Амона были запрещены в Амарне, на окраинах города женщины втайне устроили маленькие храмы наподобие

этого. Да и в домах вроде моего в тайных нишах часто прятались статуэтки Хатор, и к ним возлагались масло и хлеб, чтобы богиня помнила наших предков и нерожденных детей.

Я поклонилась богине:

— Благодарю тебя за то, что ты уберегла Нефертити при родах. Хотя она не принесла тебе ни вина, ни благовоний, я делаю это от ее имени. Защищай ее всегда от смерти. Она благодарна за дар новой жизни, который ты ниспослала ей, и за легкие роды.

Я пристроила тимьян рядом с кувшинчиком масла, принесенным какой-то другой женщиной, и услышала за спиной хруст гравия под ногами. Кто-то произнес:

— Ты когда-нибудь молишься за себя?

Я не стала оборачиваться.

— Нет. Богиня знает, чего я хочу.

— Ты не можешь поступать так вечно, — сказала моя тетя. Горячий ветер трепал подол ее платья. — Когда-то ты должна будешь дать покой ка ребенка. Он не вернется.

— Как и Нахтмин.

Тетя серьезно посмотрела на меня, взяла меня за руку, и мы встали в самой высокой части храма, глядя на пустыню и заросли тростника на берегу Нила. Крестьяне в белых схенти обмолачивали зерно, а бык тащил тяжелую повозку. В небе кружил ястреб, воплощение души, и вдовствующая царица вздохнула:

— Дай им обоим покой.

18

1348 год до н. э.

Шему. Сезон урожая

День за днем деревенские женщины приходили ко мне за травами, а иногда я и сама разносила их. В городе, раскинувшемся за белыми колоннами дворца, я кружила по узким улочкам и частенько оказывалась в доме, где женщина только что родила и надежды на то, что мать выживет, нет. Я склонялась над ее ложем, осматривала чрево и готовила особый чай с маслом крапивы. А женщина сжимала в руках запрещенный амулет с изображением Хатор и

шепотом молилась богине материнства. Увидев этот запрещенный амулет впервые, я удивилась, и тамошняя служанка поспешно объяснила:

— Она защищает Египет уже тысячу лет.

— А Атон? — с любопытством поинтересовалась я.

Служанка напряглась.

— Атон — это солнце. К солнцу не прикоснешься. А Хатор можно подержать в руках и можно ей поклониться.

Итак, они прозвали меня в мои семнадцать лет Секем-Мив, и я стала известна в деревнях вокруг Амарны больше, чем сам фараон.

— Куда ты сегодня, госпожа?

Это был тот колесничий из дворца. Он был не на дежурстве, а я как раз добралась до конца длинной дороги, идущей от моего особняка. Он улыбнулся мне с колесницы, и я попыталась удержаться от воспоминаний от Нахтмине.

— За семенами, — ответила я и зашагала быстрее, не обращая внимания на быстро забившееся сердце.

— У тебя тяжелые корзины. Может, тебя подвезти?

Он придержал коней, а я задумалась. При мне не было стражников. Я отказалась от охраны, когда оставила Нефертити и ее дворец. Но в результате я осталась и без колесничего, а до пристани было далеко. Колесничий заметил мои колебания.

— Садись.

Он протянул руку, и я, приняв ее, взобралась на колесницу. Он поклонился:

— Меня зовут Джедефор.

Он стал появляться каждое утро.

— Ты что, так и будешь поджидать меня тут каждый день? — спросила я.

Джедефор ухмыльнулся.

— Нет, не каждый.

— Не надо так делать! — серьезно попросила я.

— А почему?

Мы двинулись в сторону пристани. Я отправлялась туда раз в несколько дней, поискать новые травы у иноземных торговцев.

— Потому что я — сестра главной жены царя. Фараон меня не любит.

— Зато тебя любит царица.

«Когда ей что-нибудь нужно», — подумала я и крепко сжала губы.

— Если ты ценишь свое место при доме фараона, — строго произнесла я, — тебе не следует появляться на людях вместе со мной. Я не принесу тебе пользы.

— Вот и хорошо, потому что я не стремлюсь получить от тебя пользу. Я просто сопровождаю тебя на рынок и обратно.

Я вспыхнула.

— Знай: человек, которого я люблю, сейчас в Кадеше.

Я впервые заговорила о Нахтмине с кем-то помимо родственников.

Джедефор склонил голову:

— Как я уже сказал, я ничего от тебя не хочу. Только удовольствие сопровождать тебя.

Когда Ипу впервые увидела меня с Джедефором, у нее глаза сделались как блюдца. Она ходила за мной по дому — хуже, чем Бастет, — и пыталась вызвать меня на разговор.

— А где вы с ним познакомились? Он возит тебя каждый день? А жена у него есть?

— Ипу, он — не Нахтмин.

Улыбка Ипу померкла.

— Но он красивый.

— Да, он красивый, добрый солдат. И только.

Ипу понурилась.

— Ты слишком молода, чтобы быть одной, — прошептала она.

— Но моя сестра именно этого и желает, — ответила я.

— Власть хеттов на севере растет. Сегодня утром за помощью прислал правитель Лакиса.

Отец извлек из-за пояса свиток, и Тийя протянула за ним руку.

Мой дом превратился в место встреч. Мне дозволено было слушать, как Тийя с отцом обсуждают, как править Египетским царством. А Эхнатон с Нефертити, в то время как хеттский царь Суппилулиума, подбираясь к Египту, прошел через Палестину, — они в это время заказывали статуи и ездили по улицам, вырядившись, словно боги, и швыряли с колесниц в толпу медные дебены.

Тетя положила свиток на колени.

— Еще одно из египетских владений в опасности.

Я знала, что она думает, что Старший скорее отдал бы свое ка Аммит, чем допустил хеттов во владения Египта.

— Как и Катна. — Она посмотрела на отца. — Но мы не можем послать помощь.

— Нет, — ответил отец и забрал свиток. — Когда-нибудь Эхнатон обнаружит, что золото утекает из сокровищницы и уходит на защиту Кадеша, и…

— Золото из сокровищницы уходит на защиту Кадеша?! — перебила его я.

— И брать оттуда еще и на защиту Лакиса будет опасно, — согласилась тетя, не обращая внимания на мое вмешательство.

Отец кивнул, а я подумала: а что Эхнатон сможет сделать, если когда-либо обнаружит, что самый высокопоставленный из визирей Египта тратит деньги, чтобы защитить самую важную из египетских твердынь, стоящую между нами и хеттами? Отец рисковал, правя Египтом так, как, по его убеждению, того желал бы для самого могущественного в мире царства Старший, — но корона принадлежала Эхнатону, а не моему отцу, и даже не Нефертити. Когда Старший создал свое войско, владения Египта простерлись от Евфрата до Нубии. Теперь же от его царства отрывали по куску, а Эхнатон это позволял. И моя сестра это позволяла. Будь это не Нефертити, а кто-нибудь другой — Кийя или иная женщина из гарема, — Тийя и Эйе нашли бы способ избавиться от нее: убийство, яд, неудачное падение. Но Нефертити приходилась Эйе дочерью. А еще она была племянницей Тийи и моей единственной сестрой, и предполагалось, что мы простим ей все.

Тийя разгладила складки на платье.

— Ну и что же мы будем делать с Кадешем? — спросила она.

— Надеяться, что боги на стороне Хоремхеба и что он одержит победу, — ответил отец. — Если Кадеш падет, за ним падут и другие города, и ничто уже не помешает хеттам двинуться на юг.

Через месяц, когда я отправилась на рынок, Джедефор настоял на том, чтобы пойти по многолюдным торговым рядам у пристани.

— Сестре главной жены царя небезопасно ходить одной, — сказал он.

— В самом деле? — Я лукаво улыбнулась. — А я хожу так каждый день, еще с месори.

Я подумала было, что он пытается подольститься ко мне, но Джедефор серьезно произнес:

— Нет. Сейчас тебе небезопасно ходить одной.

Я посмотрела на шумный рынок с его иноземными товарами, жарящимися на солнце. Все было так же, как и всегда. Если кто и обращал на меня хоть малейшее внимание, так это дети, да и то они таращились на мои сандалии и золотые браслеты. Я засмеялась было, но потом заметила, какое у Джедефора сделалось лицо, и умолкла. Он взял меня за руку и повел через толпу.

— Сегодня фараон сделал глупость, — сообщил он мне.

Я посмотрела на него с подозрением:

— Моя семья в опасности?

Джедефор отвел меня в тень, к шатру двух торговцев керамикой.

— Фараон в ответ на просьбу правителя Лакиса о помощи отправил ему обезьян, наряженных солдатами.

Я уставилась на него. Он что, серьезно?

— Ты шутишь?

— Ничуть, госпожа.

Я покачала головой:

— Нет! Нет. Мой отец никогда бы этого не допустил.

— Боюсь, твой отец даже еще не знает об этом. Но узнает, когда разъяренные лакисанцы двинутся на дворец.

Я огляделась по сторонам и заметила на этот раз, что и вправду, никого из темнокожих лакисанцев не видать у их прилавков. Внезапно жара показалась мне нестерпимой.

— Госпожа!

Джедефор протянул было руку, чтобы поддержать меня, и тут же отдернул.

— Отвези меня домой, — быстро попросила я.

Пока мы ехали через Амарну, я осознала, что улицы кишат строителями, и все они были солдатами. Людьми, которые во времена Старшего защищали наши вассальные государства, не подпуская хеттов к Катне, Лакису и Кадешу. Когда мы подъехали к моему особняку, нам навстречу выбежала Ипу, и у меня чуть сердце не разорвалось от испуга.

— Здесь только что был визирь Эйе! — крикнула она.

Я спрыгнула с колесницы.

— Что он сказал?

— Что сегодня будут беспорядки. Он отправил солдат на рынок искать тебя.

Я посмотрела на Джедефора и почувствовала, как в душе поднимается паника.

— Я их найду, — пообещал Джедефор, потом добавил: — Не волнуйся, госпожа. Они ничего не сделают твоей сестре. Солдаты остановят их в воротах!

Я не бывала во дворце с момента рождения царевны Мекетатон, то есть уже одиннадцать месяцев. И теперь, заслышав стук моих сандалий по дворцовым каменным полам, слуги кидались взглянуть на меня. То-то будет сплетен сегодня на кухнях! Даже дети выглядывали из-за колонн и провожали меня взглядами. Мать крепко держала меня за руку, словно боялась, что я сейчас развернусь и убегу.

— Твоя сестра натворила много глупостей. Но мы все связаны с Нефертити. И в жизни, и в смерти по ее деяниям будут судить о всех нас.

Два стражника-нубийца распахнули дверь в покои моего отца, и я увидела, что Нефертити уже там. Она расхаживала взад-вперед, сжимая в руках скипетр. Когда она заметила меня, стражники поспешно отступили и закрыли за нами дверь. Нефертити обвиняюще посмотрела на отца.

— Спроси у Мутноджмет, что думают люди, — велел он.

Нефертити свирепо посмотрела на меня. Я поразилась тому, как на нее повлияло рождение Мекетатон. Черты ее лица смягчились, но в глазах по-прежнему светилась решимость.

— Ну и что же думают люди? — спросила она.

Я больше не боялась ее неодобрения.

— Они думают, что Атон слишком далек, чтобы его почитать. Им нужны боги, которых можно увидеть, коснуться и ощутить.

— Они не ощущают солнце?

— Они не могут прикоснуться к нему.

— Ни к какому богу нельзя прикоснуться! — возразила Нефертити.

— Так думают не все, — поспешно добавил отец.

— Они боятся хеттов, — продолжила я, велев себе не думать о Нахтмине. — Они слышат новости от торговцев, рассказывающих, что хетты нападают на северные земли, уводят женщин в рабство и убивают мужчин, и думают, скоро ли это начнется и здесь.

— В Египте? — воскликнула Нефертити и повернулась к отцу, посмотреть, согласен ли он с моими словами. — Жители Амарны думают, что хетты вторгнутся в Египет?

Увидев его закаменевшее лицо, Нефертити перевела взгляд на меня.

— Нам нечего бояться хеттов, — самоуверенно заявила она. — Эхнатон подписал с ними договор.

Отец выронил свитки, которые держал в руках, а Нефертити, защищаясь, добавила:

— Я думаю, это мудрое решение.

— Договор с хеттами?! — взревел отец.

— А что такого? Какое нам дело до Лакиса или Кадеша? Почему мы должны платить за их защиту, когда мы можем потратить…

— Да потому, что эти земли оплачены кровью египтян! — Отца трясло от гнева. — Это величайшая из твоих глупостей! Изо всех скверных решений, которые ты позволила принять твоему мужу…

— Это наше общее решение. — Нефертити выпрямилась. В ее черных глазах читались гордость и вызов. — Мы сделали то, что считали правильным для Египта. — Она коснулась руки отца: — Я думала, что уж кто-кто, а ты это поймешь.

Отец посмотрел на меня — как я на это отреагирую.

— Не смотри на Мутноджмет! — взвизгнула Нефертити.

Отец покачал головой:

— Твоя сестра никогда бы не сделала такой глупости и не стала торговаться с хеттами. Отдать им Кадеш! — Отец сверкнул глазами. — Что они захватят после Кадеша? Угарит, Газру, Миттани?

У Нефертити поубавилось самоуверенности.

— Они не посмеют.

— Когда Кадеш падет, отчего бы им не посметь? Царство Миттани будет их — только руку протяни. А когда они разграбят Миттани, изнасилуют тамошних женщин и превратят мужчин в рабов, что помешает им двинуться на юг, на Египет? Когда Миттани падет, — отец повысил голос, и мне подумалось: «Интересно, сколько слуг слышит его сейчас через дверь?», — это же ждет и Египет!

Нефертити подошла к окну и посмотрела на Амарну, город солнца и света. Сколько он простоит? Сколько времени пройдет, прежде чем хетты приблизятся к границам Египта и вознамерятся напасть на могущественнейшее царство мира?

— Укрепляй войско, — предостерег отец.

— Я не могу. Тогда придется остановить строительство Амарны. А это — наш дом. В этих стенах мы достигнем бессмертия.

— Мы окажемся похоронены под этими стенами, если не остановим хеттов!

Нефертити открыла окно и вышла на балкон. Под порывом горячего ветра мягкая ткань платья прижалась к ее телу.

— Мы подписали договор, — решительно произнесла она.

На следующее утро на рынках было спокойно, но я, идя вдоль прилавков, чувствовала напряжение, будто цепкий взгляд крокодила, затаившегося под самой поверхностью воды.

— Повсюду только и разговоров что о договоре с хеттами, — призналась мне Ипу.

«И о животе Нефертити», — с горечью подумала я. После рождения Мекетатон прошло всего одиннадцать месяцев, а Нефертити уже носит третьего ребенка.

Ипу притормозила и оглядела рынок.

— Джедефора нет, — сообщила она.

Я осмотрелась. Обычно Джедефор слонялся у пристани, но сегодня солдаты были сплошь незнакомые. Тут продавец мяса узнал Ипу и закричал с другой стороны площади:

— Доброе утро, госпожа! Не желает ли сестра главной жены царя купить мяса газели?

Мы подошли к забитому товаром прилавку; мальчишки-ученики размахивали пальмовыми листьями, отгоняя мух от мяса.

— Нет, сегодня не хотим. — Ипу улыбнулась и прислонилась к прилавку, приглашая продавца доверительно посплетничать. — Я смотрю, на рынке тихо.

Продавец приподнял густые брови и, вытирая нож, кивнул.

— Ходят слухи, — сказал он. — Слухи о…

Ему помешал поговорить многоголосый детский крик. Вопли детей заполнили улицу. Женщины принялись выбегать из-за прилавков и звать мужей, а продавец мяса от возбуждения уронил нож.

— Что случилось? — воскликнула я.

Но продавец бросил кусок холста, которым вытирал нож, и попытался запереть свой ларек. Потом он заметил ученика и взволнованно распорядился:

— Пригляди за товаром! Я пойду посмотрю!

— На что посмотришь? — воскликнула Ипу.

Но продавец уже исчез. Вокруг нас бушевало людское море. Ипу бросила корзинку и схватила меня за руку, и толпа понесла нас с собой. Я никогда еще не видела такого буйства. Торговцы бросали свои ларьки, оставляя дочерей приглядывать за ними. Женщины обрывали ветки с карликовых

пальм и бежали по улице, выкрикивая хвалы, как будто в Амарну явились сами боги.

— Что случилось? — крикнула я, пытаясь перекричать шум.

Очутившаяся рядом со мной женщина энергично взмахнула рукой, указывая куда-то вперед:

— Идет Хоремхеб со своими людьми! Они разбили хеттов в Кадеше!

Ипу взглянула на меня, а я почувствовала, что глаза у меня становятся размером с блюдца. Ипу ухватила меня за руку и поволокла вперед, проталкиваясь сквозь толпу. И вправду, как и сказала та женщина, по улице ехал в позолоченной колеснице Хоремхеб, облаченный в доспехи.

— Он здесь?! — крикнула я.

Ипу протолкалась наконец наперед, так что мы могли бы коснуться лошадей. А потом мы одновременно увидели его.

— Он здесь, госпожа! — закричала Ипу. — Он здесь!

Процессия двигалась мимо, и я выкрикивала его имя, но вокруг было слишком шумно. Люди восторженно кричали. Их сыновья возвращались домой. Солдаты Египта одержали победу. Они были героями. Потом я подумала об Эхнатоне.

— Ипу! Нам нужно идти! Нужно попасть во дворец!

Но толпа двигалась за процессией. Дети бежали за лошадьми, а женщины бросали цветы к ногам Хоремхеба, и все они шли следом за солдатами по Царской дороге.

— Нам нужно идти! Эхнатон убьет их!

Мы протолкались наружу и у края толпы наткнулись на Джедефора. Он лихорадочно кого-то высматривал.

— Госпожа!

— Джедефор! — Я чуть не расплакалась от облегчения. — Как им это удалось? Как они разбили хеттов?

— Военачальник Нахтмин — великий тактик. А Хоремхеб подготовил войско, и хетты были разбиты. Хоремхеб везет с собой голову хеттского полководца.

Я отступила в потрясении:

— Голову?

Джедефор кивнул:

— Чтобы положить ее к ногам фараона.

Я представила себе, как Хоремхеб с триумфом въезжает во дворец, как врывается в Зал приемов, а по пятам за ним — его солдаты, как он швыряет голову вражеского военачальника к сандалиям Эхнатона. Представила ужас на лице Эхнатона и мрачный взгляд Нефертити, не дрогнувшей и не отвернувшейся. Потом я представила, как Эхнатон взрывается гневом и приказывает предать смерти всех солдат, вернувшихся из Кадеша.

— Джедефор, отведи меня во дворец! — в страхе вскричала я.

Джедефор взял меня за руку и провел нас через столпотворение. Потом я подобрала подол платья, и мы помчались, словно преследуемые воры, по переулкам Амарны, и бежали, пока не добрались до ворот дворца. Их охраняли две дюжины нубийских стражников Эхнатона. Процессия была уже в нескольких кварталах отсюда, а сопутствующий ей шум уже было слышно даже во дворе, где ровными рядами росли подстриженные деревья.

— Откройте ворота! — крикнула я, сунув стражникам под нос кольцо с печатью Нефертити.

Стражники переглянулись, а потом самый высокий ворчливо отдал приказ. Стражники с бурчанием отворили нам.

— Идем! — позвала я Джедефора и Ипу, но высокий нубиец преградил им путь.

— Они останутся здесь.

Я посмотрела на Джедефора. Он кивком указал на Ипу.

— Она вернется в твой особняк, а я подожду здесь, во дворе, — сказал он.

— Я вернусь! — пообещала я.

Но я не знала, с какими новостями вернусь.

Я услышала голос отца даже прежде, чем стражники распахнули передо мной тяжелые двери Зала приемов. Нефертити с царевнами Меритатон и Мекетатон была там. Эхнатон стоял у тронов Гора. На нем был позолоченный доспех, а в руках — копье. Фараон отворил дверь балкона, и зал заполнили крики толпы:

— Хо-рем-хеб! Хо-рем-хеб!

У Эхнатона набухли жилы на шее.

— Арестуйте их! — приказал он. Белый плащ обвился вокруг ног фараона. — Арестуйте их, и пускай ни один из них более не увидит света дня!

Он размашистым шагом вышел на балкон, и глаза его были словно угли. Кажется, он даже не заметил меня, хоть и прошел мимо. Кажется, он никого сейчас не замечал.

— Этим людям нужны герои? — Эхнатон презрительно фыркнул, потом распорядился: — Принесите из сокровищницы сундук золота!

— Ваше величество…

— Быстро!

Отец поклонился и отправился выполнять повеление фараона.

Эхнатон повернулся к моей сестре. Глаза его, холодные, как у гадюки, блестели. Он с такой силой схватил Нефертити за плечо, что я ахнула.

— Когда твой отец вернется, мы пойдем к Окну Появлений. Тогда люди вспомнят, кто их любит. Они вспомнят, кто построил в песках город во славу Атона!

Под окном бушевало людское море. Я заметила Хоремхеба, стоящего на гранитной глыбе. Нубийские стражники окружили его и ждали, что он станет делать дальше. Потом люди разразились радостными криками — у Хоремхеба в руках появилась голова убитого им хеттского военачальника. Я ахнула, а Нефертити прижалась к перилам балкона.

— Он привез голову! — в ужасе прошептала она. — Он привез голову их полководца!

Эхнатон ринулся на балкон. Внизу, во дворе, Хоремхеб высоко вскинул отрубленную голову хетта под приветственные крики толпы. Потом военачальник повернулся и увидел Эхнатона. Он швырнул окровавленный трофей на балкон, и голова подкатилась к белым сандалиям Эхнатона. Эхнатон отшатнулся. Он никогда еще не видел так близко ничего связанного с битвами, а я — ничего связанного с такой ужасной смертью. Кровь забрызгала Эхнатону ноги. Я прикрыла рот ладонью. Панахеси ринулся вперед и оттащил фараона. Тут двери Зала приемов распахнулись. Вернулся мой отец в сопровождении семи человек, шесть из которых тащили сундук с золотом.

Эхнатон схватил Нефертити за руку:

— К Окну Появлений!

Он понесся по дворцу, а весь двор — за ним по пятам. Отец посмотрел на кровь на ногах Эхнатона и велел мне:

— Держись рядом и помалкивай!

Мы быстро прошли по коридорам к мосту, соединяющему дворец с храмом Атона. Здесь располагалось Окно Появлений, выходящее в тот же самый двор, где сейчас находился Хоремхеб со своими людьми. Но, в отличие от балкона в Зале приемов, Окно Появлений было официальным. Когда это окно открывалось, весь Египет останавливался послушать. Мы вошли в эти покои, и Панахеси кинулся открывать окно. Крики внизу мгновенно смолкли. Эхнатон посмотрел на Нефертити, ожидая указаний. Нефертити шагнула вперед и воздела руки.

Тысячи египтян рухнули на колени.

— Народ Египта! — воззвала она. — Сегодня день торжества. Сегодня Атон даровал могущественному фараону победу над хеттами!

Толпа разразилась приветственными криками.

Нефертити продолжала:

— Атон смотрит на фараона с гордостью! Благословение Атона с нами со всеми!

Эхнатон запустил руки в деревянный сундук и принялся швырять в толпу пригоршни колец. Женщины визжали, дети смеялись, мужчины подпрыгивали, ловя кольца. И никто не заметил, как стражники полукругом рассыпались вокруг солдат, оттесняя их в сторону тюрьмы.

Я ринулась вперед, но отец схватил меня.

— Ты ничего не сможешь сделать для Нахтмина, — прошептал он.

Я вырвала руку. Внезапно рядом со мной оказалась Тийя и негромко, но резко произнесла:

— Не будь дурой. Сейчас не время.

— Но что с ним будет?!

— Если хоть одного из этих солдат казнят, народ взбунтуется, — с грубой прямотой предсказала она.

Мы отступили и стали смотреть, как Эхнатон пригоршнями швыряет золото с балкона. Люди толкались, пытаясь дотянуться до сверкающих колец, и в этой давке солдаты были позабыты. Стражники велели им бросить оружие, отойти от толпы и следовать за ними во дворец. Солдаты подчинились — все.

Даже Хоремхеб. Даже Нахтмин.

— Почему они не сопротивляются?! — воскликнула я, прижавшись к Окну Появлений.

— Их сто человек, а нубийцев — пятьсот, — объяснила Тийя.

Отец повернулся ко мне.

— А теперь иди, — быстро распорядился он. — Иди в покои Нефертити и жди ее там.

Мерцающий свет двух дюжин масляных ламп освещал росписи на стенах. Художник изобразил Нефертити и Эхнатона воздевшими руки навстречу Атону, а лучи солнца заканчивались крохотными ладонями, гладящими мою сестру по лицу. Нефертити с Эхнатоном выглядели словно боги, а Атон был чем-то непознаваемым и недостижимым, огненным диском, исчезающим каждый вечер и вновь появляющимся на рассвете. Я оглядела комнату — но нет, здесь не было воздано должное ни одному богу из тех, кто сделал Египет великим. Даже богине Сехмет, даровавшей Египту победу при Кадеше.

Я взяла в руки одну из статуэток, принадлежавших Нефертити, и сзади послышался резкий вдох. Мой взгляд заставил стражников промолчать, но они продолжали следить за мной, недоумевая, что мне понадобилось в покоях фараона. Я посмотрела на миниатюрную статуэтку и поднесла ее поближе к лампе. Когда свет выхватил из темноты кошачье лицо, я ахнула. Никакому богу, кроме Атона, не было места в этих покоях — и, однако же, я держала в руках фигурку богини-кошки, госпожи небес, двойника Амона, великую матерь Мут. Я сжала губы и подумала: «Я была жестока к Нефертити. Я обвинила ее, не зная доподлинно, действительно ли ей было известно о планах Эхнатона».

Двери отворились, и в дверном проеме возник высокий силуэт. Эхнатон? У меня сердце чуть не выпрыгнуло из груди, а стражники согнулись в поклоне:

— Ваше величество!

Но я тут же перевела дух. В вечернем полумраке корона заставляла Нефертити выглядеть выше обычного.

— Мутноджмет?

Сестра увидела меня и нерешительно приблизилась.

Когда она вошла в комнату, я поставила статуэтку на сундук.

— Что с Нахтмином?

Взгляд Нефертити упал на статуэтку из черного дерева. Она указала на богиню Мут:

— Моя замена.

— Замена чего?

Мне не понравилась ее попытка сменить тему.

— Тебя.

Нефертити обернулась к стражникам и рявкнула:

— Прочь!

Они вышли. Когда дверь захлопнулась, сестра повернулась ко мне:

— Я беременна в третий раз, но никто из моих детей не знает свою тетю, и я не уверена, будет ли знать.

На глаза мне навернулись слезы. Она снова была беременна, но я не желала ловиться на это.

— Нефертити, где Нахтмин?

Нефертити взяла статуэтку Мут и поставила обратно на стол.

— Помнишь, когда мы были юными, — сказала она, — мы смеялись и представляли себе, как когда-нибудь будем вместе растить детей, и ты будешь строгой матерью, а я — той, которая все им позволяет? — Ее взгляд обежал комнату, скользнув по росписям и фрескам. — Я скучаю по тем временам.

— Нефертити, где Нахтмин? — повторила я.

Сестра отвела взгляд.

— В тюрьме.

Я взяла ее за руки. Руки были холодные.

— Ты должна вытащить его оттуда. Должна.

Нефертити печально посмотрела на меня.

— Я уже договорилась, что его отпустят. Остальных казнят — пощадят только Нахтмина.

Я потрясенно моргнула.

— Как?!

— Как? — переспросила она. — Я сказала Эхнатону, чтобы его отпустили. Он не отказывает мне ни в чем, Мутноджмет. Ни в чем. Конечно, он продолжает бегать к Кийе. Ну и что? Я ношу его ребенка. Я — царица Египта, а не она.

Нефертити походила сейчас на маленькую девочку, которая громко поет в темноте, чтобы убедить себя, что ей не страшно. Я крепко обняла ее, и так мы и застыли в свете ламп, приникнув друг к другу.

— Я скучаю по тебе, — прошептала Нефертити. — Я хотела быть единственной, кто важен для тебя.

Она отступила и посмотрела на меня.

— Но я никогда не отравила бы твоего ребенка, — прошептала она. — Я никогда…

Я сжала ее руку и посмотрела на маленькую кошачью богиню.

— Я знаю, — сказала я и прижалась к ее плечу.

Нефертити кивнула:

— Иди. Приходи вечером.

— Джедефор, а другой дороги нет?

— На этот холм ведет только одна дорога, госпожа.

На улицах было полно народу. Дорога была забита колесницами, телегами и дюжинами солдат.

— Что они все делают? — спросила я.

— Разговаривают, — отозвался Джедефор. — Они услышали про бегство военачальника Нахтмина.

— Бегство? Но он не бежал. Моя сестра…

Джедефор вскинул затянутую в перчатку руку и понизил голос:

— Люди хотят, чтобы он бежал. И недолго ждать того, чтобы солдаты пришли к нему и попросили повести войско против фараона и занять трон Гора.

— Он никогда этого не сделает, — решительно произнесла я.

Джедефор промолчал. Колесница двинулась к холмам и моему особняку.

— Он никогда этого не сделает, — повторила я.

— Возможно, нет. Но фараон сегодня же ночью пошлет своих людей.

Убийц. Вот почему Нефертити сказала, что ее дети никогда не будут знать свою тетю. Вот почему она выставила меня из своих покоев и велела поторопиться.

— Ты вправду думаешь, что они придут сегодня ночью?

Я придвинулась поближе к Джедефору, чтобы свист ветра не заглушал мои слова.

Джедефор кивнул:

— Я это знаю, госпожа.

Колесница подкатила к особняку, который я превратила в свой дом, и я затаила дыхание. Мы остановились во дворе, который я множество раз видела при солнце, но в угасающем свете дня он вдруг показался темным и угрожающим. Джедефор взял меня за руку, и мы вместе двинулись в передний двор. Но когда он отворил дверь в дом, я отступила. На мою веранду набилось несколько дюжин солдат. И Нахтмин тоже был там. Он повернулся, и все стихли.

— Мутноджмет!

Он обнял меня, а у меня на глаза навернулись слезы. И в комнате, полной чужих людей, мы приникли друг к другу. От Нахтмина пахло жарой, землей и битвой. Я отстранилась и посмотрела ему в лицо. Он загорел, а на щеке появился свежий шрам. Я подумала о мече, нанесшем эту рану, и глаза мои снова наполнились слезами.

— Ребенка нет, — сказала я и расплакалась.

Нахтмин посмотрел на меня и смахнул слезы с ресниц:

— Я знаю.

Эхнатон украл нашего ребенка и посадил Нахтмина в тюрьму. Нахтмин отыскал взглядом Джедефора. Вид у него был угрожающий.

Я запаниковала.

— Что? Что ты собираешься делать?

— Ничего.

— Моя сестра — царица. Ты не станешь бунтовать против нее?

— Конечно нет. И никто не станет, — громко произнес Нахтмин, и солдаты в доспехах принялись неловко переминаться с ноги на ногу. — Боги сочли уместным возвести Эхнатона на трон Гора, и там он и останется.

— До каких пор? — воскликнул один из солдат. — Пока хетты не захватят Египет?

— До тех пор, пока фараон не осознает свои ошибки. — Из дальней части веранды вперед выступил отец. Его белый плащ мел плиты пола. Отец взял меня за руку. — Дочь…

Я огляделась и поняла, что мужчины одеты для битвы.

— Что все эти люди делают здесь, в моем доме?

— Они пришли, чтобы уговорить Нахтмина занять трон Гора, — сказал отец. — Я привел Нахтмина сюда ради его безопасности, а они пришли, разыскивая его. Если они знают, что он здесь, то и фараон это знает. — Отец шагнул ко мне. — Для тебя настало время выбора, Мутноджмет.

Рядом с отцом появилась мать, и у меня вдруг сдавило горло. Я заметила Ипу, стоящую у входа на кухню, и Бастета, созерцающего происходящее с груды подушек. Я повернулась к Нахтмину.

— Мне придется покинуть Амарну, — предупредил он. — И если фараон не пообещает мне безопасность, я никогда сюда не вернусь.

— Но Нефертити добилась, чтобы тебя освободили. Она сможет добиться и этого.

Отец покачал головой:

— Твоя сестра сегодня сделала, что могла. Если ты выберешь брак с Нахтмином, тебе придется уехать из Амарны.

Я посмотрела на Ипу, на Бастета, на мой чудесный ухоженный сад.

— Тийя позаботится обо всем до твоего возвращения, — пообещал отец.

Я представила себе жизнь без родителей, и меня затопил страх.

— Но когда оно наступит?

Глаза отца вспыхнули, словно отполированный лазурит на свету: он представил себе те времена, когда его дочь станет фараоном Египта — во всем, кроме имени. А может, даже и в имени. Окончательное возвышение нашей семьи.

— Когда Нефертити сделается достаточно могущественной, чтобы велеть тебе вернуться, не дожидаясь согласия ее мужа.

— Но, опять же, этого может и не произойти, — предупредил Нахтмин.

Я посмотрела на родителей и Нахтмина. Потом взяла его за руку. Я почувствовала, как расслабились его плечи, и повернулась к матери.

— Ты будешь приезжать к нам? — прошептала я.

Мать быстро кивнула, но все же не совладала со слезами.

— Конечно.

— А Нахтмин будет в безопасности?

— Эхнатон забудет про него, — сказал отец. — Он не станет преследовать его по другим городам, рискуя вызвать гнев Нефертити. Ведь люди следуют именно за ней. И потому Эхнатон никогда не станет делать того, что разгневает ее.

Ипу принялась распихивать одежду и белье по корзинам. Слуги забегали. Солдаты ушли. Мои родители отвели Нахтмина в сторонку и принялись шептаться с ним насчет Фив. Меня переполняли страх и радостное возбуждение. Тийя в саду наблюдала, как мои пожитки грузят на осликов, а потом пришла и протянула мне цветок лотоса.

— Это тебе следовало стать царицей, — сказала она.

— Нет, я бы не смогла сделать то, что сделала Нефертити.

— Подписать договор с хеттами, родить двух девочек подряд и воздвигнуть собственные изваяния на каждом перекрестке?

Тетя повернулась к Нахтмину. На его схенти до сих пор оставались следы битвы, кровь поверженных врагов.

— Тебе выпала счастливая судьба, — сказала Тийя. А мне, кивнув, добавила: — Возможно, из двух сестер счастливее ты. Ты обретешь покой.

Над лежащим внизу городом тучей нависало напряжение. На деревни опустилась вечерняя прохлада. Женщины принялись открывать ставни, а мужчины вышли на Царскую дорогу.

Я выглянула с балкона и перепугалась:

— На улицах полно народу!

— Они услышали, что мой сын собирается казнить Хоремхеба и его людей. Конечно, они вышли на улицы.

— Тогда почему Хоремхеб вернулся? Он должен был понимать, что фараон посадит его в тюрьму.

Тийя посмотрела на Нахтмина и высказала предположение:

— Возможно, он надеялся на мятеж.

— Я не знаю, — признался Нахтмин. Голос его смягчился. — Возможно, его вела гордость. Хоремхеб полон честолюбивых устремлений. Я знаю лишь, что заставило вернуться меня.

У меня запылали щеки. С балкона видны были кишащие народом улицы. Тетя проследила за моим взглядом и приподняла брови:

— Вот оно и началось.

Я посмотрела на нее.

— Ты не боишься?

Тийя вскинула голову движением, которое я сотни раз видела у Нефертити, и мне вдруг стало до боли жаль, что я вынуждена бежать в такую ночь и навсегда оставляю сестру.

— Такова цена власти, Мутноджмет. Возможно, когда-нибудь ты это поймешь.

— Нет. Я никогда не захочу быть царицей.

Когда зашло солнце, мы с Нахтмином сели на лошадей. Джедефор должен был отплыть за нами следом, на барке со слугами.

— Мы приедем, как только сможем, — пообещала мать, стоя на пороге особняка.

Ипу вышла вперед. Глаза у нее покраснели. Она обняла на прощанье домашних: повариху, садовника, мальчика, чистившего пруд с лотосами. А потом подошла к Джедефору — они должны были плыть вместе.

— Тебе не обязательно ехать с нами, — снова повторила я Ипу. — Ты можешь остаться здесь, присматривать за Бастетом.

— Нет, госпожа. Моя жизнь — с тобой.

Нахтмин повесил лук за спину.

— Нам нужно двигаться, — напряженно произнес он. — Сегодня ночью здесь будет опасно.

Отец крепко сжал мою руку.

— А вдруг они нападут на дворец? — спросила я.

— Тогда солдаты их отбросят.

— Но солдаты не на стороне Эхнатона.

— Они на стороне серебра и золота, — сказал отец, и я вдруг поняла, почему он не стал препятствовать моему браку с Нахтмином.

Если Нахтмин будет на нашей стороне, у солдат не станет вождя, вокруг которого они могли бы объединиться. И до тех пор, пока Хоремхеб будет в тюрьме, ничто не будет грозить власти нашей семьи над Египтом.

Мы поехали прочь под покровом темноты и, мчась по улицам, видели начало бунта. Повсюду расхаживали люди с палками и камнями и требовали освободить солдат, преградивших путь царю Суппилулиуме и разбивших хеттов. Чем дольше мы ехали через город, тем громче становились эти крики, а потом послышался и звон оружия. На том склоне, где стоял мой особняк с садом, вспыхнул огонь. Я обернулась в седле и попыталась что-то разглядеть сквозь ночную тьму.

— До дома огонь не доберется, — пообещал Нахтмин и придержал коня.

Мы подъехали к городским воротам.

— Ничего не говори, — велел он.

Он протянул стражникам свиток, который ему дал мой отец. В свете факелов я разглядела печать визиря Эйе, темную, словно засохшая кровь, с выдавленными на ней сфинксом и Оком Гора. Стражники посмотрели на нас и отворили ворота.

И внезапно мы оказались на свободе.

19

Фивы 11 пайни

Наш новый дом стоял на берегу Нила; он примостился на утесе, словно задумчивая цапля. В глубокой ночи здание казалось холодным и пустым, и его владелец очень удивился, когда мы появились у его дверей и сказали, что хотим купить дом на берегу.

— Я строил его для дочери городского головы, — объяснил он, — но она сказала, что дом слишком мал для ее высочества.

Он оценивающе взглянул на мои украшения и тонкий лен моего платья, прикидывая, не будет ли дом слишком маленьким и для меня. Потом он заметил:

— Ночь — странное время для покупки дома.

— Но мы все-таки его возьмем, — отозвался Нахтмин.

Владелец взглянул на нас, приподняв брови.

— А откуда вы узнали, что этот дом продается?

Нахтмин предъявил свиток. Владелец поднес его к лампе. Потом взглянул на нас уже по-иному.

— Дочь визиря? — Он снова посмотрел на свиток. — Так ты и есть сестра главной жены царя?

Я расправила плечи:

— Да.

Он поднял свечу, чтобы получше разглядеть меня.

— У тебя кошачьи глаза.

Нахтмин нахмурился, а владелец дома рассмеялся:

— А вы не в курсе, что мы с Эйе вместе ходили в школу? — Он свернул свиток и вернул его Нахтмину. — Мы оба выросли при дворце в Фивах.

— Я этого не знала, — отозвалась я.

— Уджаи, — добавил он. — Сын Шалама. Ну?

Я лишь простодушно моргнула.

— Что?! Он никогда не рассказывал тебе о наших мальчишеских похождениях? Не рассказывал, как мы подшучивали над слугами Старшего, как бегали голышом в лотосовом саду, как купались в священном водоеме Исиды? — Заметив мой изумленный вид, он сказал: — Понятно. Эйе изменился.

— Честно говоря, я не представляю визиря Эйе бегающим без схенти по лотосовому саду, — признался Нахтмин, внимательно разглядывая пожилого домовладельца.

— Ага. — Уджаи похлопал себя по животу и рассмеялся. — Но тогда мы были моложе, и у меня на животе было меньше волос, а на голове — больше.

Нахтмин улыбнулся:

— Хорошо, что ты — друг нам, Уджаи.

— Я всегда буду другом для дочери Эйе.

У него был такой вид, словно он хочет добавить что-то еще, но вместо этого он повернулся и махнул рукой. Мы вошли следом за ним в коридор. Сидящий там пес насторожился при нашем появлении, но не стронулся с места.

— Думаю, вам следует быть осторожными, — сказал Уджаи. — Вы явились среди ночи, без корзин, без слуг… Это может означать лишь одно: вы вызвали гнев фараона.

Он посмотрел на схенти Нахтмина с вышитым золотым львом.

— Ты из военачальников. Как твое имя?

— Военачальник Нахтмин.

Уджаи остановился и развернулся к нам.

— Тот самый военачальник Нахтмин, который воевал с хеттами в Кадеше?

Нахтмин насмешливо улыбнулся:

— Новости расходятся быстро.

Уджаи шагнул вперед. В голосе его звучало глубочайшее уважение.

— Люди только о тебе и говорят, — сказал он. — Но ты же был в тюрьме!

Я напряглась.

— А моя сестра освободила его.

Лицо Уджаи озарилось пониманием. Теперь он сообразил, что мы делаем здесь среди ночи и почему при нас нет ни нашего багажа, ни даже дневного запаса еды.

— Так значит, это правда, — прошептал он, — что фараон собрался казнить великого военачальника Хоремхеба?

Нахтмин напрягся.

— Да. Я свободен лишь благодаря госпоже Мутноджмет. Хоремхебу же такого счастья не выпало.

— Если только боги не на его стороне, — отозвался Уджаи, взглянув на стенную роспись с изображением Амона. Заметив мой взгляд, он пояснил: — Люди не забыли бога, который дал им жизнь и сделал Египет великим.

Он тактично кашлянул, словно бы думая, что сказал дочери Эйе слишком много.

— Ты думаешь спрятаться здесь от фараона? — спросил Уджаи.

— Никто не может спрятаться от фараона, — ответил Нахтмин. — Мы приехали сюда, чтобы создать семью и мирно жить вдали от двора. Завтра они уже будут знать, где мы теперь. Но фараон не станет высылать за нами своих людей. Он слишком боится мятежа.

«И Нефертити», — подумала я.

Уджаи достал ключ из золотой шкатулки.

— Плата — раз в месяц, первого числа. Или можете заплатить сразу.

— Мы заплатим сразу, — тут же сказал Нахтмин.

Уджаи поклонился:

— Это честь для меня — иметь дело с военачальником, которым гордился бы и Старший.

Мы поднялись по каменной дорожке. Меня знобило от холода, которым тянуло из пустыни. Но рука Нахтмина была теплой, и я не собиралась отпускать ее. Когда мы вошли в пустой дом, Нахтмин разжег огонь в жаровне, и по потолку заплясали тени.

Мне на глаза навернулись слезы. Мы одновременно переступили порог пустого дома, а во всех египетских семьях это означало одно и то же. Я сдержала слезы.

— Теперь мы женаты, — сказала я. — Всего лишь несколько дней назад я думала, что ты умер, — и вот мы вместе, как муж и жена.

Нахтмин прижал меня к себе и погладил по голове.

— Боги защитили нас, Мутноджмет. Нам предназначено судьбою быть вместе. Амон ответил на мои молитвы.

Он поцеловал меня, а мне подумалось: а был ли он с другой женщиной? Он ведь мог выбрать любую женщину в Кадеше. Но я посмотрела ему в глаза, и его настойчивый взгляд убедил меня в ином. Он снял с меня платье, и мы занялись любовью рядом с нашим маленьким костерком, снова и снова. Ближе к утру Нахтмин перевернулся на бок и посмотрел на меня.

— Почему ты плачешь?

— Потому что я счастлива.

Я рассмеялась, но была в этом смехе и печаль, и горечь.

— Ты думала, что я не вернусь? — серьезно спросил он.

Мое платье лежало у жаровни, поэтому Нахтмин укрыл меня полой плаща.

— Мне велели забыть тебя, — прошептала я. Я подумала о той ночи, когда потеряла нашего ребенка, и у меня сжало горло. — А потом этот яд…

Мой муж стиснул зубы. Он явно хотел сказать что-то резкое, но нежность взяла верх.

— У нас будут и другие дети, — пообещал он, положив руку мне на живот. — И никакие хетты, сколько бы их ни было, не смогут удержать меня вдали от тебя.

— Но как ты их победил?

И Нахтмин рассказал мне о той ночи, когда нубийские стражники Эхнатона отвели его на баржу вместе с еще семью солдатами, приговоренными к отправке в Кадеш.

— Фараон, несомненно, считал, что нам конец, но он переоценил силы хеттов. Они рассеяны по всему северу, и их недостаточно, чтобы прорвать хорошо организованную оборону. Они выбрали Кадеш, потому что решили,

что Эхнатон не пришлет своих солдат защищать этот город. Но они ошиблись.

— Да, но он послал их туда исключительно потому, что думал, что посылает их на смерть.

— Но хетты-то этого не знали. И правитель Кадеша тоже этого не знал. Мы спасли Египет от вторжения хеттов, — сказал Нахтмин, — но они попытаются напасть снова.

— И в следующий раз спасти Кадеш будет некому, а когда он падет, они двинутся в Миттани, а оттуда в Египет, и их будет уже не остановить.

— Мы можем сражаться с ними, — с уверенностью произнес Нахтмин, вспоминая тот страх, который внушало врагам египетское войско во времена Старшего. — Сейчас мы можем остановить их.

— Но Эхнатон никогда этого не сделает.

Я представила себе Эхнатона, представила белую кожу его сандалий и безукоризненно чистый плащ, никогда не видавший битвы.

— «Эхнатон Строитель»! — с презрением произнесла я. — Когда хетты двинутся на юг, египетские солдаты будут таскать камни для его вечного города Атона!

Нахтмин помолчал, обдумывая то, что хотел сказать.

— Когда мы вошли в город, солдаты были потрясены, увидев твою сестру на всех храмах, — признался он. — Ее изображения повсюду.

— Она напоминает людям, кто правит Египтом, — сказала я, пытаясь защитить ее.

Нахтмин посмотрел на меня, и взгляд его был настороженным.

— Некоторые говорят, что она поставила себя даже выше Амона.

Я промолчала, и Нахтмин, увидев, что я не собираюсь ничего говорить против нее, вздохнул.

— Так или иначе, я рад, что наши дети будут знать, что это такое: возделывать землю, и ловить рыбу в Ниле, и ходить по улицам без того, чтобы перед ними падали на колени, словно перед богами. Они будут скромными.

— Если у меня будет сын, — осторожно произнесла я, — Нефертити никогда мне этого не простит.

Нахтмин покачал головой:

— С этим теперь покончено.

— С этим никогда не будет покончено. Пока мы с Нефертити живы и пока мы остаемся сестрами, с этим не будет покончено.

Наутро солнце было уже высоко, когда мы свернули наш соломенный тюфяк и огляделись. Снаружи донесся какой-то шум. Я напряглась.

— Солдаты?

У Нахтмина оказался более острый слух.

— Джедефор. И, судя по голосу, Ипу.

Теперь и я расслышала непрекращающуюся болтовню моей служанки. Мы поспешно оделись, и я открыла дверь.

— Ипу!

— Госпожа!

Она поставила корзину.

— Что за место! — воскликнула она. — Оно такое большое! Сад не так хорош, но зато какой тут вид!

Корзина перевернулась, и из нее вышел рассерженный Бастет. Вид у него был обиженный. Завидев меня, он тут же забрался мне на руки.

Я почесала ему шейку:

— Ох, Бастет, неужто путешествие по реке настолько ужасно?

— Уж кому-кому, а ему жаловаться не на что! Джедефор поймал две рыбины и обе отдал ему.

Я повернулась к Джедефору.

Он поклонился:

— Госпожа…

Нахтмин дружески обнял его.

— Я еще не успел поблагодарить тебя, — сказал мой муж. Я посмотрела на Нахтмина. — Я просил Джедефора присмотреть за тобой, пока меня не будет, — пояснил он.

Я прикрыла рот, а Ипу сдавленно хихикнула.

Джедефор пожал плечами:

— Это было нетрудно. Всего-то несколько поездок в деревню.

— Несколько?! Ты приходил каждый день!

Я посмотрела на Нахтмина, и внезапно сердце мое затопила всепобеждающая любовь. Даже после того, как мои же родственники сослали его, он позаботился найти человека, чтобы тот присматривал за мной. Я подошла к Джедефору и взяла его за руки:

— Спасибо.

Джедефор покраснел.

— Да не за что, госпожа.

Он оглядел дом и с восхищением произнес:

— Вы подыскали прекрасное место. — Он провел рукой по гладкой стене и добавил: — Настоящий дом. Не из какого-нибудь кирпича-сырца.

— Да. Настоящий город из известняка и гранита, — отозвалась я.

Мы занесли в дом корзины, доставленные на барже, и остаток дня раскладывали по местам ковры и стирали белье. Соседи глазели на нас, любопытствуя, кто же это въехал в дом, который строили для дочери городского головы.

Ипу возвела глаза к небу:

— Уже третий человек приходит искать потерявшуюся скотину. Неужто сегодня все коровы Фив посбегали из дома?

Я рассмеялась, раскладывая подушки на веранде. Когда Джедефору пришло время уезжать, мы вышли на берег и помахали ему вслед. Я обняла Нахтмина за талию и спросила:

— Как ты думаешь, мы еще когда-нибудь увидимся с ним?

— С Джедефором? — переспросил Нахтмин. — Конечно.

Поколебавшись, я произнесла:

— Нахтмин, ты ведь больше не принадлежишь к войску фараона.

— Но ветра будут дуть, и пески будут перемещаться. Эхнатон не будет царствовать вечно.

Я напряглась в его объятиях.

— Я ничего не говорю против твоей сестры, мив-шер. Просто никто из нас не бессмертен.

— Но моя семья всегда была на троне Египта.

Нахтмин сжал губы.

— Да, и это меня беспокоит.

Мы прошли обратно в дом, и я проследовала за мужем на крытую веранду.

— Что ты имеешь в виду?

— Только то, что если наше царское величество умрет, какое звено тогда будет вести к трону? У Эхнатона нет законных братьев и сестер. — Нахтмин посмотрел на меня. — Остаешься только ты, мив-шер.

«Только я». Я осознала, что так оно и есть, и содрогнулась. Если с Нефертити что-то случится, если Эхнатон умрет, новому фараону потребуется связующее звено, чтобы сделать его притязания на трон законными. А кто из женщин царской семьи будет в брачном возрасте, если что-то случится прямо сейчас? Уж никак не малышки Нефертити. Только я.

— Ты никогда не думала об этом? — спросил Нахтмин.

— Конечно, думала. Но не… — Я заколебалась. — Не всерьез.

— Если Эхнатон умрет, не оставив сына, бразды правления, скорее всего, перейдут к одному из его военачальников, — объяснил Нахтмин. — Потому-то даже сейчас люди могут шептаться о том, что я женился на тебе ради притязаний на египетский трон.

Я внимательно посмотрела на него.

— А это правда?

Нахтмин заключил меня в объятия.

— А ты как думаешь?

Его поцелуи принялись спускаться ниже, и я закрыла глаза.

— Я думаю, что ты женился ради любви.

Я удержала его руки от дальнейшего продвижения, и мы вернулись в наши покои.

Ипу хватило благоразумия нас не беспокоить.

В наш первый месяц в Фивах мы ничем не занимались — просто наслаждались тихой жизнью у воды. Мы слушали крики чаек, разыскивающих пищу на прибрежной полосе песка, и медный звон колокольчиков, которые крестьяне привязывали на шею домашней скотине, пасшейся на берегах Нила. Мы ходили на рынок и покупали вещи для нашего нового дома, наслаждаясь тем, что здесь нас никто не знает. Хотя я носила платья из тонкого льна и золотые украшения, я ничем не отличалась от дочерей жрецов и писарей: у них тоже на запястьях звенели золотые и стеклянные браслеты.

Дважды из Амарны к Нахтмину приезжали люди в солдатской одежде и о чем-то шептались с ним. Каждый раз они низко кланялись ему, хотя Нахтмин больше не был военачальником.

— Это Небут, младший военачальник, — представил мне Нахтмин нашего второго гостя.

Небут прикрыл глаза от солнца и улыбнулся:

— А ты знаешь, госпожа, жители Амарны только и говорят, что о твоем муже.

— Тогда лучше бы они говорили потише, — сказала я ему, — или наши с ним жизни окажутся в опасности.

Военачальник кивнул:

— Конечно, госпожа. Никто из них не забыл, что произошло с Хоремхебом. — Он понизил голос. — Но ходят слухи, что фараон все-таки не казнил его.

Я быстро взглянула на Нахтмина.

— А что же тогда он будет делать?

— Держать их в тюрьме, — ответил муж.

— Да. До тех пор, пока их все не позабудут. Но люди уже месяц собираются у ворот тюрьмы и выкрикивают хвалы Хоремхебу и его солдатам. Стражники фараона бьют их и разгоняют, но толпа собирается снова. Против фараона поднялся его же собственный город. — Небут понизил голос до шепота. — В

вечер моего отъезда фараон провозгласил, что всякий говорящий против него — предатель. Уже дюжину человек убили за это.

Нахтмин покачал головой:

— И теперь люди стоят у ворот молча.

Я представила себе, как бесится Эхнатон, глядя из Окна Появлений на разгневанные толпы, и как Панахеси вьется рядом и нашептывает ему на ухо всякие банальности.

— Ему придется вскорости как-то разбираться с этим, — сказал Нахтмин.

— О, он разберется, — заверила его я. — Фараон объявит празднество в честь Атона. Он разбросает с колесницы кучу золота, и люди обо всем позабудут.

О празднестве в честь Атона было объявлено на следующий день.

У меня упало сердце. Я понимала, что люди вроде Небута наверняка думают, что я такая же, как мои родственники, хитроумная и честолюбивая. Я понимала также, что в залах вечности мое имя будет звучать вместе с именем Нефертити и что, если боги решат стереть ее имя из свитков жизни, они сотрут и мое.

Все жители Фив высыпали на улицы. Мы пошли в город, посмотреть на празднество. У пристани во множестве выступали танцоры и акробаты, а торговцы продавали печеного сома и фазанов. Я смотрела, как люди кланяются высеченному на каменном столбе изображению солнца.

— Интересно, что сейчас думают боги? — озвучил мои мысли Нахтмин, глядя на кланяющихся солнцу женщин.

Празднество продолжалось до глубокой ночи, и до нашего дома, стоящего над Нилом, долетали песни и звон колокольчиков. Мы отправились спать под крики пьяных, и я подумала: «Вот так и заставляют людей позабыть обо всем. Бесплатное вино, бесплатный хлеб, день, свободный от работы, и внезапно оказывается, что имя Хоремхеба погребено в песках».

На следующий день прибыл посланец из Амарны.

— От визиря Эйе, — выжидательно произнес юноша.

Я прочла свиток, а потом отправилась в сад, чтобы прочитать его вслух Нахтмину.

— Новости из Амарны, — сообщила я, развернула свиток и зачитала:

«Надеюсь, Мутноджмет, что это письмо застанет тебя в добром здравии и что ты достаточно мудра, чтобы защитить своего новообретенного мужа от деревенских сплетен и женщин у колодца. Думаю, можно не говорить, как сильно твоя мать скучает о тебе. Но в городе бунт, безмолвный бунт, что выводит фараона из себя, и только царица Нефернеферуатон-Нефертити способна успокоить его».

— Царица Нефернеферуатон-Нефертити? — переспросил Нахтмин.

— «Совершенна красота Атона», — недоверчиво произнесла я.

«Если хетты вторгнутся в наши земли, вы с Нахтмином окажетесь в опасности. Эхнатон не дурак. При первых же признаках реального мятежа он казнит Хоремхеба, а затем пошлет своих людей в Фивы. Не думай, что тебе ничего не грозит, раз вы живете вдали от двора. Если начнутся беспорядки, Уджаи предупредит вас. Бегите тогда в Ахмим. Не пишите нам и никак не связывайтесь с городом фараона, пока волна беспорядков в Амарне не схлынет. Это всего лишь меры предосторожности, котенок, но, хотя сердце твое может принадлежать мужу, твой долг перед семьей останется, даже если Эхнатон падет».

Нахтмин посмотрел на письмо.

— Твой отец не церемонится.

Я уронила свиток на колени.

— Он всего лишь честен с нами.

20

1347 год до н. э.

1 мехира

Мятежа в Амарне так и не произошло, хотя всякий раз, как приходило письмо от отца, мы думали, что обнаружим там весть о начале бунта. Хоремхеба позабыли, и люди терпели тяжелые налоги во славу Атона, как и по всему царству. Они меньше ели, они больше работали, и все новые женщины искали акацию и мед. Чем меньше ртов нужно кормить, тем меньше еды придется покупать. Но, глядя, как в постройках Эхнатона поднимаются колонна за колонной, они втайне собирались, чтобы помолиться Амону. Здесь, в Фивах, мы построили собственный алтарь, спрятав его в беседке из жасмина. Так прошел конец лета и вся осень. Я знала, что сестре моей уже скоро рожать. И однажды, когда я сидела рядом с

Ипу и объясняла ей, как использовать чужеземные травы, прибыло послание, которого я ждала.

Я думала, что увижу на свитке печать отца: два сфинкса, вставшие на дыбы и сжимающие в лапах анк, символ вечной жизни. Но письмо было от матери. Она писала:

«Настал мехир, и твоя сестра призывает тебя в Амарну. Однако же она не может поручиться за безопасность Нахтмина. Хоремхеб все еще в тюрьме, и фараон мечтает о том, чтобы он там и умер. Твой отец сказал ему, что, если он поднимет руку на Хоремхеба, быть гражданской войне. Но все это не будет иметь значения, если Нефертити произведет на свет царевича. Твой отец также просит тебя приехать. Он пришлет за тобой царскую барку».

— Ты должна ехать, — просто произнес Нахтмин. — Она — твоя сестра. Вдруг она умрет родами?

Я содрогнулась. Нефертити сильна и упорна. Она не умрет.

— Но ведь ты не можешь поехать! — возразила я. — Если люди, завидев тебя, взбунтуются, фараон прикажет тебя убить!

— Значит, я останусь здесь и буду ждать твоего возвращения. Возьми Ипу. Со мной все будет в порядке, — пообещал Нахтмин. — И кроме того, нужно же заниматься гробницей.

Да. Теперь мы были женаты, и следовало начать работу над нашей гробницей. Мне вспомнилась гробница Тутмоса, ее сырость и непроглядная темнота, и меня передернуло. Мне не хотелось выбирать место для моей собственной усыпальницы. Пускай уж лучше Нахтмин сам подыщет в холмах за Фивами место для нашего последнего упокоения. Он может выбрать его где-нибудь среди выходов камня, неподалеку от спящих фараонов, в долине, где покоятся мои и его предки. Я посмотрела на мужа, и меня затопила нежность. Он ждал моего ответа, и я кивнула:

— Я поеду.

Я отплыла на царской барже вместе с Ипу, в достаточно ранний час, чтобы избежать любопытных глаз соседей: они непременно пожелали бы узнать, что эта баржа тут делает, кто это на ней плывет и куда он направляется. Мы двинулись вниз по реке, и я подумала о том, сколь многое изменилось за восемь месяцев, с того момента, как я покинула город фараона в песках. Теперь я была замужней женщиной, у меня был свой дом и собственное хозяйство. У меня были овцы и куры, и мне не нужно было больше оставаться в тени Нефертити. Мне не нужно было разыскивать ее платье или готовить для нее сок, чтобы знать, что она любит меня. Мы с ней были

сестрами, и, глядя на великий Нил, я поняла, что этого должно быть достаточно.

Мать с отцом встретили нас в Большом зале. Увидев меня, мать вскрикнула и, сжав меня в объятиях, принялась осыпать поцелуями.

— Мутноджмет!

Отец улыбнулся и поцеловал меня в щеку.

— Ты хорошо выглядишь.

Он повернулся к Ипу:

— И ты тоже.

— Расскажи нам обо всем! — воскликнула мать.

Ей хотелось знать все сразу: как я живу, что из себя представляет мой дом, был ли полноводен Нил в нынешний сезон роста. Пришел Тутмос, прослышавший о моем прибытии, и низко поклонился мне:

— Госпожа, о которой до сих пор говорит Амарна.

Он улыбнулся:

— И Ипу, лучше всех умеющая наводить красоту. Всем не терпится увидеться с тобой.

Ипу хихикнула:

— Что, у них нет другой пищи для сплетен?

— Только Арена фараона.

Я быстро взглянула на отца, и он уныло произнес:

— Это его новый дар народу.

Я застыла посреди Большого зала Амарны.

— Но ведь строителей больше нет!

Отец приподнял брови:

— Поэтому он нанял нубийцев.

— Чужеземцев? Чтобы они работали бок о бок с солдатами?! — Я была потрясена. — Но ведь среди них могут быть лазутчики!

— Конечно могут, — согласился отец. Мы двинулись в Зал приемов. — Но Панахеси убедил Эхнатона, что если он наймет нубийцев, то получит Арену быстро и задешево.

— И ты это допустил? Неужто Тийя не могла попытаться остановить его?

Мать с Тутмосом мрачно переглянулись.

— Тийю изгнали из дворца, — сказал отец. — Она находится в твоем особняке.

— В качестве пленницы? — Мой голос разнесся по коридору, и я заставила себя говорить потише. — Как пленница в городе собственного сына?

Отец кивнул:

— Панахеси убедил Эхнатона, что его мать опасна и что, если дать ей такую возможность, она снова займет трон.

— А Нефертити?

— А что могла поделать Нефертити? — спросил отец.

Мы дошли до Зала приемов. Он повернулся ко мне и предупредил:

— Когда войдешь — не удивляйся.

Стражники отворили дверь и низко поклонились нам, а глашатай объявил придворным о нашем появлении.

На слугах были золотые пекторали и браслеты из золота и лазурита. Женщины, сидящие вокруг Нефертити, словно изваяния, были облачены в одеяния, сплетенные из бус, и ни во что более. Они играли на арфах, сочиняли стихи и смеялись. Почти достроенная Амарна сверкала, словно драгоценный камень. Я была потрясена. Я вошла в зал и почувствовала себя иноземцем в чужом краю.

— Мутни!

Нефертити помогли подняться с трона; она спустилась с помоста и пошла мне навстречу. Я вдохнула знакомый аромат ее волос и вдруг поняла, как сильно соскучилась по сестре.

Сидящий на помосте Эхнатон кашлянул.

— Рад тебя видеть, сестра, — поприветствовал он меня.

— Всегда приятно очутиться в городе фараона, — произнесла я без всякого выражения.

— Потому-то ты так стремительно убежала в Фивы?

Двор притих.

— Нет, ваше величество. — Я улыбнулась самой любезной из своих придворных улыбок. — Я убежала, потому что думала, что мне грозит опасность. Но конечно же, теперь, в объятиях моей сестры, все эти страхи развеялись.

Эхнатон побагровел от гнева, но Нефертити так посмотрела на мужа, что он съежился на троне. Я уже не была той девочкой, которая убегала в Фивы. Я теперь была замужней женщиной.

Молчание, царившее в Зале приемов, тут же сменилось нервным гулом разговоров. Нефертити обняла меня.

— Тебе нечего бояться, — пообещала она. — Здесь мой дом. Наш дом, — поправилась она.

Нефертити взяла меня под руку, и на глазах у всего двора мы двинулись к двустворчатым дверям Зала приемов. Сестра прижалась щекой к моему плечу; я чувствовала взгляд Эхнатона, сверлящий нам спины.

— Я знала, что ты приедешь. Знала, — торжественно произнесла Нефертити.

Придворные двинулись за нами по сверкающему коридору, смеясь и переговариваясь, а отец заговорил с фараоном:

— Ваше величество, пришло известие о появлении хеттов в Миттани.

Но Эхнатон не желал слушать подобные новости.

— Все уже улажено! — огрызнулся он.

Нефертити обернулась, и фараон тут же заставил себя успокоиться и нервно рассмеялся:

— Твой отец думает, что я недооцениваю силу хеттов.

Мы вошли в Большой зал. Нефертити отрезала:

— Мой отец любит тебя. Он пытается защитить нашу корону!

— Тогда почему он думает, что я менее могуществен, чем Суппилулиума? — заныл Эхнатон.

— Потому что Суппилулиума алчен, а ты служишь людям и славе Атона и не стремишься к другой жизни.

Они поднялись на помост, а я заняла свое старое место за царским столом, между отцом и матерью.

— О, блудная овца вернулась, — заметила Кийя и посмотрела на мой живот. — И как, не суягная?

— Нет, как и ты. — Я понизила голос. — Я слышала, фараон теперь посещает твои покои всего дважды в год. Это правда?

Одна из дам Кийи поспешно произнесла:

— Не слушай ее. Пойдем.

И они двинулись прочь поприветствовать гостей.

— Ну так расскажи же нам про Фивы, — весело попросила мать.

— И про Уджаи, — добавил отец.

Я сообщила, что Уджаи стал толще, чем был во времена отцовского детства.

— Нет, он всегда был крупным, — сказал отец. — А теперь он, значит, сделался землевладельцем. — Он одобрительно кивнул. — Уджаи неплохо устроился. А дети есть?

— Трое, — ответила я. — И жена из Миттани. Она готовит окуня с кумином, и Бастет, возвращаясь из их сада, всякий раз чихает.

Мать рассмеялась. Я и забыла, как чудно звучит ее смех.

— А твой дом?

— Он — мой. — Я довольно улыбнулась. — Мой и ничей больше. Мы посадили сад и ждем в пахоне урожая. Ипу обустроила для меня отдельную комнату, в которой я могу работать, а Нахтмин пообещал присмотреть за садом до моего возвращения.

Мать сжала мою руку. Вокруг играла веселая музыка.

— Боги благосклонны к тебе, — сказала она. — Всякий раз, когда я плачу, твой отец напоминает мне, что ты обрела то, чего всегда желала.

— Да, мават. Я жалею лишь об одном — что мы так далеко друг от друга.

Я растерла ступни Нефертити кокосовым маслом, втирая его в ее маленькие шершавые пятки, пока она лежала в ванне.

— Ты что, целыми днями ходишь босиком? — спросила я.

— Когда могу — да, — призналась она, потягиваясь. Большая медная ванна была установлена в царских покоях. От воды пахло лавандой. — Ты не представляешь, каково это — носить ребенка, — пожаловалась Нефертити.

Наши взгляды встретились, и Нефертити поспешно села.

— Я не хотела! — быстро сказала она.

Я снова принялась втирать масло ей в ступню.

— Я пыталась восемь месяцев, — сказала я ей.

Ее взгляд метнулся к моему животу.

— Безрезультатно. Думаю, у меня никогда уже не будет детей.

— Ну откуда ты знаешь?! — с пылом возразила Нефертити. — Это все в руке Атона!

Я сжала зубы, а Нефертити опустила голову на край ванны и вздохнула.

— Может, расскажешь мне про Фивы? Чем ты там занимаешься целыми днями?

Я начала было отвечать, но тут раздались пронзительные детские вопли и тяжелые шаги взрослой женщины, гоняющейся за детьми.

— Меритатон, Мекетатон! — Сестра рассмеялась.

Девочки тут же уцепились за ее мокрые руки, и мой рассказ был позабыт. Нянька, однако, не смеялась, хотя поклонилась при входе в покои фараона.

Младшая девочка плакала, держась за прядь волос на лбу.

— Мери дернула меня за волосы! — с плачем произнесла она.

— Вовсе я и не дергала! Не верь ей!

Я отпустила ногу Нефертити, и дети тут же прекратили препираться и с интересом уставились на меня. Старшая девочка подошла и заглянула мне в лицо с уверенностью, напомнившей мне Нефертити в детстве.

— Ты — наша тетя Мутноджмет? — спросила она.

Я улыбнулась Нефертити:

— Да.

— У тебя зеленые глаза.

Она сощурилась, пытаясь понять, нравится ей это или нет. Потом Мекетатон снова захныкала.

— Что случилось? — спросила я у маленькой царевны и протянула к ней руки, но она уцепилась за мать.

— Мери дернула меня за волосы-ы-ы!

Я посмотрела на Мери.

— Ты же ее не дергала, правда?

Меритатон похлопала ресницами.

— Конечно нет! — Она с обворожительным видом посмотрела на мать. — Ведь тогда мават не разрешит нам ездить.

Я уставилась на Нефертити.

— Ездить на колесницах, — объяснила та.

— В два и три года?! Но Мекетатон еще слишком маленькая…

Мне показалось, что нянька, стоявшая у двери и наблюдавшая за своими подопечными, удовлетворенно кивнула.

— Чепуха! — возразила Нефертити. Служанка помогла ей выбраться из ванны и принесла платье. — Они ездят ничуть не хуже, чем любой мальчишка их возраста. Отчего это моим детям должны в чем-то отказывать только потому, что они — девочки?

Я была поражена.

— Да потому, что это опасно!

Нефертити наклонилась к Меритатон. «Значит, Мери ее любимица», — подумала я.

— Ты боишься, когда ездишь на новой Арене? — спросила она.

Аромат ее лавандового мыла наполнил комнату.

— Нет!

Старшая царевна встряхнула черными кудрями, собранными в хвостик. Она была красивой девочкой.

— Вот видишь? — Нефертити выпрямилась. — Убастет, отведи девочек на уроки.

— Мават, нет! — Меритатон понурилась. — Ну зачем нам уроки?

Нефертити подбоченилась:

— Ты хочешь быть царевной или безграмотной крестьянкой?

Мери хихикнула.

— Крестьянкой! — с озорством отозвалась она.

— Что, правда? — удивилась Нефертити. — И чтобы у тебя не было ни лошадей, ни красок, ни красивых украшений?

Меритатон поплелась к выходу, но на пороге задержалась. Ей хотелось перед уходом обрести какое-нибудь утешение.

— А мы поедем сегодня вечером на Арену? — жалобно попросила она.

— Только если твой отец пожелает.

Нефертити прошла в царскую гардеробную и подняла руки. Служанка кинулась за платьем, но Нефертити сказала:

— Не ты. Мутни.

Я взяла льняное платье и натянула на сестру. Мне было завидно, что оно так хорошо сидит на ней, даже во время беременности.

— Ты позволяешь им ездить на Арене по вечерам? Есть ли хоть что-то, чего ты им не позволяешь?

— В детстве я бы отдала половину Ахмима за такую жизнь, как у моих дочерей.

— В детстве мы знали, что такое скромность и послушание.

Нефертити пожала плечами и уселась перед зеркалом. Волосы у нее отросли. Она вручила мне щетку для волос:

— У тебя это всегда получалось гораздо лучше, чем у Мерит.

Я нахмурилась.

— Ты могла бы написать мне хоть раз за все это время, — сказала я, взяла щетку и осторожно провела по волосам. — Мать писала.

— Это ты решила убежать с солдатом, не я.

Я стиснула щетку, и Нефертити распахнула глаза.

— Мутни, больно!

— Извини.

Она устроилась поудобнее в своем кресле из черного дерева.

— Вечером мы поедем на Арену, — решила она. — Ты же еще не видела лучшего украшения этого города.

— Я думала, что это ты.

Нефертити пропустила мой мрачный юмор мимо ушей.

— Думаю, я должна это завершить, — сказала она. — Должна построить нечто такое, что будет стоять до скончания времен.

Я перестала расчесывать ее.

— Ничто не может стоять вечно, — осторожно сказала я. — Вечного не существует.

Нефертити посмотрела на свое отражение в зеркале и беззастенчиво улыбнулась.

— Почему? Ты думаешь, боги накажут меня за то, что я сделала слишком много?

— Не знаю, — отозвалась я.

В шумной толпе стражников и изукрашенных колесниц мы двинулись к огромной Арене. Я впервые увидела Царскую дорогу в законченном виде: невероятно широкая, она пронизывала город, словно длинная белая лента. Тутмос, сделавшийся не менее важным лицом, чем любой из визирей, ехал в моей колеснице, и я заметила, что он разглядывает меня в вечернем свете.

— Ты более похожа на сестру, чем мне помнилось, — сказал он. — Те же щеки, те же губы… — Художник в нем заколебался. — Но глаза другие. — Он пригляделся повнимательнее. — Они изменились.

— Они стали больше похожи на отцовские. Настороженные и хитрые. — Я посмотрела вперед. — А Нефертити? — спросила я. — Она изменилась с того момента, как ты впервые явился ко двору, еще в Мемфисе?

Мы посмотрели на Нефертити, едущую впереди. Ее корона блестела в неярких лучах заходящего солнца, а длинный серебристый плащ бился на ветру. Тутмос с гордостью произнес:

— Нет, царица осталась точно такой же.

«Все тем же избалованным ребенком», — подумала я. Но люди любили ее. Пока мы ехали к Арене, они толпились на улицах, выкрикивали ее имя и усыпали ее путь цветами лотоса. Чем шире расходилось известие о том, что царица вышла в город, тем неистовее становились приветственные крики. Ее нубийские стражники в блестящих колесницах взяли ее в кольцо, оттесняя кричащих людей.

— Назад! — кричали они. — Назад!

Но египтяне продолжали толпиться вдоль Царской дороги, умоляя мою сестру ходатайствовать перед Атоном, дабы он даровал им счастье.

— Пожалуйста! — восклицали они. — Пожалуйста, ваше величество!

Я посмотрела на Тутмоса:

— Это что, всегда так?

— Всегда, госпожа. Ради нее они пойдут даже в асуанские каменоломни. Они выстраиваются у ворот дворца только ради того, чтобы увидеть, как она будет проходить мимо окна в своих покоях. Каждое изваяние в Амарне — это ее святилище.

— Так она — богиня?

— Для этих людей — да.

— А фараон?

Фараона трудно было разглядеть — так плотно его окружали нубийцы.

Тутмос наклонился поближе ко мне.

— Я бы решил, что он станет ревновать. Но она направляет их любовь на него, и люди восхваляют его за то, что делает она.

Лошади резко свернули ко входу в Арену, и крики толпы остались позади. Я ахнула. Никогда еще мне не приходилось видеть ничего более грандиозного. Тутмос протянул мне руку, помогая сойти с колесницы.

— Взгляни-ка наверх.

Я посмотрела на верхнюю часть открытой Арены. Там были со всем тщанием вырезаны изображения Эхнатона и Нефертити, воздевших руки навстречу лучам Атона.

Я ахнула:

— Это ты все это сделал?

— По указаниям Майи. И всего за семь месяцев.

Статуи из песчаника были раскрашены и позолочены. Их соединенные руки образовывали вершину Арены. Зрелище было великолепное. Эта постройка способна была соперничать с фиванскими храмами. Мы вошли внутрь. Среди безлюдных колоннад царила ночная тишина. Наши голоса нарушили ее, а длинная процессия заполнила Арену.

Нефертити внимательно наблюдала за мной.

— Ну, что скажешь?

— Изумительно, — отозвалась я. — Тутмос воистину одарен.

На стенах Арены были нарисованы портреты всех придворных: они мчались на колесницах, наносили удары хеттам… Но я тщетно искала среди них Кийю и царевича Небнефера. Моя сестра уже вычеркнула их из Амарны. Она знала, что назвать мертвых по имени — это означает снова вернуть их к жизни и что однажды, когда боги вернутся в Египет, они не найдут ни следа существования Кийи.

— А давай покажем ей новых лошадей! — нетерпеливо предложила Мери. — Они ассирийские!

Эхнатон двинулся к конюшне, а Нефертити с удовлетворением наблюдала, как я потрясенно разглядывала здешнее изобилие. Я представила себе, сколько писем пришлось написать отцу, чтобы добыть так много разных пород лошадей.

— Вот та пара — из Ассирии, — указала Нефертити. — Эхнатон купил их для Мери и Мекетатон. И кто знает — возможно, вскоре нам понадобится третий конь, для маленького сына. Правда же, это — величайшая Арена во всем Египте?

— В нее, должно быть, пришлось вложить множество труда.

— Тут работало три тысячи нубийцев, — отозвалась Нефертити.

— Мне кажется, тебе стоило бы опасаться их как лазутчиков, — осторожно произнесла я.

— Нубийцы более верны нам, чем половина египтян, — презрительно фыркнул Эхнатон. — Они верны не только мне, но и славе Атона. В Египте есть всего один бог. — Он посмотрел на Нефертити. — Бог, даровавший нам корону Гора.

«Нам». Власть Нефертити над ним стала безграничной.

Она прислонилась к плечу мужа и положила его руку на свой живот.

Роды были легкими, так же как и первые, и вторые, и мне подумалось: при скольких же еще родах мне придется присутствовать, прежде чем я переступлю порог собственного родильного павильона? Я сказала себе, что уеду сразу же после появления ребенка, но, увидев, как сестра прижимает младенца к груди, я не могла не позавидовать ей.

Третья царевна. Три девочки подряд.

Глашатай объявил имя ребенка. Анхесенпаатон, что означало «Живет она для Атона». И, увидев слезы счастья на глазах Эхнатона, я с горечью подумала: почему он заслужил ребенка, а Нахтмин — нет?

— О чем ты думаешь? — негромко спросила меня мать.

Я посмотрела на Нефертити, окруженную родными. Эхнатон, Меритатон, Мекетатон, и теперь еще и маленькая царевна Анхесенпаатон. Все они носили имена в честь бога солнца, бога, которого не понимал никто, кроме них.

— Полагаю, ты и сама догадываешься, — ответила я, поджав губы.

— Это чувство разрушит тебя.

К нам подошли отец и Тийя и сочувственно обняли меня.

— Разве это не я только что родила? — воскликнула Нефертити. — Что она сидит там и смотрит?

Тийя предостерегающе посмотрела на меня и отправилась взглянуть на новую царевну Египта.

— Великий Осирис! — Тетя взглянула на меня. — У нее волосы Мутноджмет. И точно такой же разрез глаз.

Мать с отцом тут же кинулись к ложу Нефертити взглянуть, правда ли это, но я осталась на месте — я была слишком расстроена, чтобы на что-то смотреть.

— А ведь и правда! — воскликнула мать.

Нефертити с гордостью позвала меня:

— Иди сюда. Она в точности похожа на тебя.

Фараон заскрипел зубами, когда я склонилась над его третьим ребенком и вгляделась в крохотное личико. Я подняла голову и улыбнулась ему:

— Да, точно так же могла бы выглядеть моя дочь. Если бы ее не убили.

— Фараон очень зол на тебя.

На лице Нефертити был написан такой гнев, что стражники застыли на своих местах. Но мне было наплевать.

— Ну и пускай злится!

Нефертити, усевшись, прошипела:

— Никогда не смей так говорить! Никто в Амарне в это не верит!

— Да просто в Амарне нет таких дураков, чтобы говорить тебе правду! Но я не буду лгать! Я возвращаюсь домой!

— В Фивы?! — вскричала Нефертити и попыталась встать с кровати. Я не могла этого допустить — она не оправилась после родов. Нефертити вцепилась в мою руку. — Не уезжай, Мутноджмет, ну пожалуйста, не уезжай! Ты не можешь оставить меня в таком положении!

— В каком еще таком положении? — возмутилась я.

На мгновение мне показалось, что она не ответит. Но Нефертити все же отозвалась:

— Такой уязвимой. Когда я беременна, Эхнатон не ходит к Кийе. А теперь пойдет.

Но я не могла больше этого делать. Быть ее лазутчицей, играть в ее игры, желать того, чего она желает. Я снова развернулась уходить.

— Мутноджмет, ну пожалуйста! — Нефертити попыталась подняться и запуталась ногами в постельном белье. — Я не справлюсь с этим без тебя!

— С чем ты не справишься? — презрительно поинтересовалась я. — Ты не возделываешь землю, не ловишь рыбу в Ниле, не борешься, чтобы удержать хеттов, как это делала Тийя, когда эта страна воистину была могущественной!

— Нет! Я изображаю перед народом богиню! — воскликнула Нефертити. — Я изображаю из себя спасительницу царства, когда множество солдат желают взбунтоваться и не делают этого лишь потому, что мне удается убедить их, что Атон говорит моими устами, и заверить их в успехе. Это мне приходится дергать за ниточки всех кукол, и лишь отец, — у нее задрожали губы, — лишь отец знает, как это тяжело!

Нефертити закрыла глаза, и на ресницах у нее повисли слезинки.

— Пожалуйста. Останься со мной. На время.

— Но не навсегда, — предупредила я.

— Но хоть на немного.

Едва лишь Нефертити поняла, что я остаюсь, она принялась делать все, что могла, чтобы я не вспоминала о своем оставшемся в Фивах муже, пока он трудился над нашей гробницей, вырезая в камне наши изображения, дабы боги, вернувшись, узнали нас. Она постоянно смеялась, восхваляла меня, засыпала меня подарками: изумрудные подвески под цвет глаз, золотые ножные браслеты, даже бирюзовые бусины для моих волос, густых и блестящих, — единственного, что вызывало зависть у Нефертити. Каждое утро мы ездили в храм Атона, где Нефертити поклонялась солнцу, а Эхнатон гремел систрумом в святая святых.

— Что ты стоишь и ничего не делаешь, пока мы поклоняемся! — возмущалась Нефертити.

Но я отказалась, и фараон не стал спорить, ибо именно я сдерживала буйный нрав Нефертити, играла с ней в сенет, читала ей мифы, качала не по годам смышленую Меритатон на колене в те три ночи, когда он отправлялся к Кийе. Так что я стояла в прохладной тени колонн и смотрела. Я не собиралась поклоняться диску в небе. Я привезла в Амарну в своем сундуке статуэтки Хатор и Амона, и этим богам я и кланялась каждое утро.

— Что я вижу! — Возглас эхом отразился от стен пустого зала. — Сестра главной жены царя не поклоняется Атону?

Из тени вышел Панахеси.

— Атон — бог Египта! — предостерегающе произнес он.

Но я больше не боялась визиря Панахеси. Он был всего лишь отцом второй жены царя.

— Так ты веришь в безликого бога? — в ответ вопросила я.

— Я — верховный жрец Атона!

Я задержала взгляд на его драгоценных украшениях. Панахеси перехватил мой многозначительный взгляд и шагнул поближе.

— Ты знаешь, что фараон уже трижды провел ночь у Кийи, — прошипел он. — Он отправился к ней сразу же после рождения царевны. Думаю, тебе интересно будет узнать, сестричка, что Кийя уверена, что она беременна. И это будет сын, как и в прошлый раз!

Я посмотрела на лживое лицо Панахеси и не удержалась:

— Откуда ты знаешь, что она беременна? Женщина не может точно сказать этого два месяца, а то и три!

Панахеси посмотрел во внутренний двор, где стояли на коленях Нефертити и Эхнатон. Он ухмыльнулся:

— Мне был знак.

Я не стала пересказывать Нефертити слова Панахеси, но пошла к отцу, а он посоветовал мне помалкивать.

— Она еще не оправилась после родов. Не стоит тревожить ее, пересказывая слухи. Сейчас хватает хлопот и с хеттами, которые вот-вот нападут на Миттани.

— Но Эхнатон провел во дворце Кийи три ночи, — пожаловалась я.

Отец посмотрел на меня с таким видом, словно не понимал, в чем тут проблема.

— Три ночи!

— Ему необходимы сыновья. Даже Эхнатон, при всей его глупости, понимает это. Если Нефертити не может родить ему сына, он обратится к кому-нибудь еще.

Я в ужасе уставилась на отца. Он прочел мои мысли.

— Это не неверность. Это путь богов.

Отец положил руку мне на плечо, успокаивая меня, и я заметила, как много на его столе свитков, ожидающих ответа. На многих из них стояла печать Миттани.

— Так в Миттани вправду будет война? — спросила я, глядя на листы папируса.

— Еще до конца месяца.

— А потом?

— Потом Египет не пошлет своих солдат на помощь, Миттани падет, и мы будем следующими.

Мы посмотрели друг на друга, понимая, что это означает для Египта. Наше войско не готово к войне. Наши лучшие военачальники либо в тюрьме, либо в ссылке. Наше царство велико и богато, но хетты нас сокрушат.

Я вернулась к Нефертити в маленькую мастерскую, устроенную Эхнатоном для царевен. Фараон был там, и они с женой спорили. Заслышав, как отворилась дверь, Нефертити сердито кивнула мне, веля подойти, и обратилась к супругу:

— Спроси у нее!

Эхнатон посмотрел на меня с ненавистью.

— Спроси у нее! — повторила Нефертити, на этот раз громче.

Эхнатон заявил, что совершенно не обязан спрашивать у меня, сколько ночей он отправлялся к Кийе, в Северный дворец. Нефертити вылетела из комнаты. Эхнатон кинулся за ней.

— Подожди! Сегодня ночью я буду с тобой! — пообещал он.

— Надеюсь! — Нефертити была вне себя от гнева. — Или ты позабыл, что ты и их отец тоже?

Она кивком указала на Меритатон и Мекетатон. Те перестали играть с красками и теперь наблюдали за ссорой.

— Я не вернусь в ее дворец, — виновато сказал Эхнатон.

Нефертити остановилась в дверях.

— Мы поедем кататься сегодня вечером? — спросила она, заранее зная ответ.

— Да, и возьмем с собой Тутмоса, — пообещал Эхнатон.

Взгляд Нефертити смягчился.

— Хорошо.

— А мы тоже поедем? — спросила Меритатон.

Я затаила дыхание. Ребенок задает вопросы фараону? Как себя поведет Эхнатон? Но он подхватил Мери на руки.

— Конечно, ты тоже поедешь, моя маленькая царевна! Ты — дочь фараона. Фараон никуда не поедет без своих любимых.

Семейство удалилось. Нефертити пыталась заставить меня присоединиться к их поездке в город, но я отказалась, сказав, что устала.

— Ты вечно уставшая! — недовольно произнесла сестра. — Ты бродишь вокруг с таким видом, что можно подумать, будто это ты — царица!

Я бросила на нее взгляд, и Нефертити, рассмеявшись, обняла меня за талию.

— Я шучу!

— Кто растирает тебе ноги, готовит тебе сок, причесывает тебя?

Нефертити закатила глаза.

— Но тебе же всего восемнадцать лет! Какой же ты будешь в сорок?

— Возможно, мертвой, — ответила я, и Нефертити сощурилась:

— Не говори так! Ты что, хочешь, чтобы Анубис тебя услышал?

— А я думала, никакого Анубиса нету — только Атон.

Пятнадцать дней спустя моя сестра пронзительно вскрикнула:

— Какое-какое празднество?!

Зал приемов был закрыт для всех — присутствовала лишь наша семья.

— Празднество в честь второго ребенка Кийи, — пробормотал Эхнатон.

Нефертити швырнула скипетр с помоста, и он загрохотал по плитам пола.

— Это что же, ты будешь сегодня не только спать, но еще и есть в Северном дворце?! — взорвалась Нефертити.

Эхнатон понурился.

— Это празднество в ее честь, отказывать в нем нельзя. Но царица Египта — ты. — Он потянулся к жене. — Конечно же, ты тоже будешь там желанной гостьей.

На мгновение мне показалось, будто Нефертити сейчас скажет, что да, она пойдет туда. Но затем Нефертити вскочила и прошла мимо супруга.

Двустворчатые двери зала распахнулись, и Нефертити, бросив на меня повелительный взгляд, вышла. Двери с грохотом закрылись. Я посмотрела на мать.

— Иди, — тут же произнесла она.

Я побежала следом за Нефертити и отыскала ее в вестибюле, ведущем к Окну Появлений. Она смотрела на Амарну. В отдалении высились храмы Амона; их колонны в сумерках напоминали часовых. Мне не хотелось беспокоить ее, но сестра уже услышала мои шаги.

— Они ждут меня — именно меня! — сказала она.

Я подошла поближе, посмотреть, о чем это она. Внизу стояли какие-то богатые чужеземцы в тюрбанах, украшенных драгоценностями; они смотрели на дворец, словно бы увидели силуэт Нефертити в окне. Но ночная тьма укрывала ее от взглядов.

— Они любят его благодаря мне, — сказала она.

— Ему нужно ходить к Кийе, — сказала я. — Ему нужны сыновья.

Нефертити резко развернулась:

— Так ты думаешь, что я не смогу дать ему ни одного? Я подошла поближе, чтобы мне тоже был виден город внизу.

— А если так, он перестанет любить тебя?

— Он меня обожает! — с жаром произнесла Нефертити. — Кого волнует, беременна ли Кийя? Он идет туда сегодня вечером только потому, что его позвал Панахеси. Он думает, что Панахеси верен ему. — Она напряглась. — Пока отец трудится до изнеможения, обеспечивая корабли и стараясь избежать войны, Панахеси нашептывает на ухо Эхнатону, как будто его устами говорит сам Атон. И его влияние растет.

— Но ведь он не влиятельнее отца?

— И никогда не будет. Я об этом позабочусь.

Нефертити посмотрела вниз, на людей, которые ее не видели. Они шли по городу, неся корзины с зерном нового урожая по дорогам, что вились, словно белые ленты.

— Одна лишь Хатшепсут была столь же влиятельна, как я сейчас. А Кийя — не царица. Даже если у нее будет пять сыновей, она никогда не станет царицей.

Глаза Нефертити снова вспыхнули гневом.

— Мне стоило бы пойти на этот праздник, — со злостью произнесла она. — Пойти и сделать так, чтобы он был для нее безнадежно испорчен.

И по ее виду я поняла, что она говорит совершенно серьезно.

Позади послышался шум, и в вестибюль вошел отец.

— Нефертити, иди-ка сюда.

Он отвел сестру в сторонку от Окна Появлений, и они принялись негромко переговариваться. Пока они разговаривали, я провела рукой по росписям, украшавшим здешние стены. Интересно, что подумал бы Нахтмин, увидев, как золото храмов смотрит на него со стен, с позолоченных изображений моих родственников, и меня среди них, — Тутмос нарисовал нас всех по памяти.

Я принялась рассматривать один из рисунков, на котором мой отец получал от фараона золотые ожерелья. Конечно же, он был символическим, поскольку отец никогда не получал подобных подарков — ему достаточно было бы шевельнуть пальцем, чтобы у него оказалось столько ожерелий, сколько ему требовалось бы. Но на этом рисунке Нефертити обнимала его за талию, положив вторую руку на плечо Эхнатона. Тут же присутствовали и две царевны, и кто-то уже начал рисовать и третью, на руках у кормилицы. В некотором отдалении стояли мы с Тийей. Мы не воздевали руки навстречу Атону, как все прочие. Мы были одеты в платья с открытой грудью, и скульптор, Тутмос, подчеркнул зеленый цвет моих глаз. Мы — наша семья — были повсюду, и лишь присутствие в Амарне Панахеси и Кийи замалчивалось. Если Северный дворец когда-то рухнет, единственным свидетельством их существования станут их гробницы.

— Ты идешь? — окликнула меня Нефертити.

Я огляделась.

— А где отец?

Нефертити с хитрым видом пожала плечами.

— Ушел по делам.

Ее самодовольное лицо заставило меня насторожиться.

— Что происходит?

— Мы идем на празднество, — просто сказала она.

— Нефертити…

— А что такого? — возмутилась сестра.

— Это жестоко.

— Власть вообще жестока, — парировала Нефертити. — И принадлежать она будет либо мне, либо ей.

Сестра посмотрела на себя в зеркало.

— Сегодня вечером я хочу быть красивой, как Исида. Сверхъестественно красивой.

Она встала, и ее платье-сетка натянулось на груди и заструилось на спине. Серебро на ресницах и бедрах заблестело в свете факелов. Корону Нефертити надевать не стала: вместо этого она вплела в волосы серебряные бусины, колыхавшиеся при движении. Мне почти что стало жалко Кийю. Но Кийя была почти так же хитра, как и моя сестра, и если Нефертити так и не родит Эхнатону царевича, нашей семье придется склониться перед Кийей, когда ее сын займет трон. Потому я сидела и терпела, пока мне выщипывали брови и подкрашивали щеки и губы. Чтобы наша семья служила такому человеку, как Панахеси… Я покачала головой. Не бывать этому!

В открытом дворике нас ожидали придворные дамы Нефертити; они болтали и хихикали, словно девчонки. Мы прошли меж них, и мне почудилось, будто мы — серебряные капли дождя на пруду, поросшем лотосами. Дамы расступились, и я поняла, что это все незнакомые мне девушки, дочери писцов и жрецов Атона, в чьи обязанности входило развлекать мою сестру. От конюшен подошла группа стражников. Их командир подал руку Нефертити и помог ей подняться на колесницу. Она забрала у него хлыст.

— Ты собираешься править колесницей?! — воскликнула я.

— Конечно. К Северному дворцу! — крикнула Нефертити.

Она взмахнула хлыстом, и колесница рванула вперед, к белому маяку в ночи. Стражники ринулись за ней, а женщины, мчащиеся в колесницах позади, захохотали.

— Помедленнее! — закричала я, перепугавшись, что мы сейчас опрокинемся, но ветер заглушил мои слова, а колесница помчалась на север. — Нефертити, мы же умрем!

Сестра повернулась ко мне с победным видом.

— Что?

Когда колесница подъехала к воротам дворца, Нефертити натянула поводья, и лошади остановились. Дворец Кийи потряс меня своей величественностью. Его изящное отражение дрожало в водах Нила — белый бастион, построенный с любовью и вдохновением. Верх каждой колонны был сделан в виде цветка лотоса, словно бы устремляющегося вверх, в объятия Атона. В украшенном колоннами фасаде посредине был сделан широкий проход, и оттуда видны были дворцовые дворики и освещенные факелами сады. Стража Кийи, увидев нас и осознав, кто мы такие, впала в панику и принялись лезть из кожи вон, кланяясь и указывая дорогу:

— Ваше величество, мы не знали, что вы приедете…

— Объявите о нашем прибытии! — велела Нефертити.

Слуги в золотых схенти помчались вперед, а мы медленно, торжественно зашагали меж масляных ламп, окаймляющих лестницу из песчаника. Гости кланялись нам и перешептывались. Когда мы подошли к Большому залу, там уже собрались трубачи.

— Царица Нефертити и госпожа Мутноджмет! — объявил глашатай.

Мы величаво вплыли в зал, и он тут же заполнился гомоном. Дамы Нефертити шли за нами по пятам; они окружили нас полукругом и принялись подыскивать место и угощение, подобающее царице. Свет играл на серебре наших ожерелий и браслетов, и я знала, что мы прекраснее всех в этом зале, даже прекраснее гордых и красивых дочерей дворцовых визирей и писцов. Кийя резко обернулась и что-то быстро сказала мужу, чтобы привлечь его внимание, но его взгляд был прикован к моей сестре, к серебристой рыбке, сверкающей в освещенном пруду.

— Отведите меня к столу для почетных гостей, — велела Нефертити, и мы двинулись через зал к столу, за которым сидели Эхнатон и беременная Кийя.

Нефертити уселась на противоположном конце стола. В промежутке расположились все доверенные дамы Кийи. Я знала, что у меня никогда не хватило бы духу поступить так, как Нефертити: с гордо поднятой головой войти во львиное логово.

Панахеси, сидящий справа от Эхнатона, побагровел от ярости. На празднестве в честь Кийи Нефертити потребовала музыку, и все принялись смеяться, петь и пить. Кийя очутилась в ловушке; в любое другое время ее дамы стали бы изводить мою сестру пренебрежением и насмешками. Но сейчас, в Северном дворце, в присутствии Эхнатона никто из них не смел задеть Нефертити, так что они всячески подлизывались к ней, рассказывали разные истории, обменивались сплетнями, и по мере того, как усиливался порожденный вином смех, усиливался и гнев Кийи.

— Что случилось? — обеспокоенно спросил Эхнатон.

Кийя бросила на него свирепый взгляд из-под ресниц:

— Это мое празднество, а не ее!

Эхнатон оглянулся проверить, нет ли Нефертити поблизости, и пообещал:

— Я возмещу тебе это.

— Как?! — пронзительно вскрикнула она.

Эхнатон оторвал взгляд от моей сестры — та, запрокинув голову, смеялась над очередной шуткой Тутмоса.

— Я велю Тутмосу изваять тебя, — донеслось до меня.

Кийя поспешила воспользоваться преимуществом.

— А если у нас будет еще один сын, Небнефер наконец-то будет объявлен твоим наследником?

Я подалась в ту сторону, чтобы услышать, что ответит фараон.

— Это в руке Атона.

«Атона и его семьи!» — победно подумала я.

Когда празднество закончилось, я поняла по глазам Нефертити, какого напряжения ей это стоило. Когда мы добрались до ее покоев, она не терпящим возражений тоном произнесла:

— Побудь со мной, пока он не вернется.

Я уселась на ее постель и успокаивающе погладила сестру по голове.

— Хетты стоят у ворот Миттани, а я разыгрываю соблазнительницу перед собственным мужем! — разбушевалась Нефертити. Затем голос ее дрогнул. — Не может быть, чтобы у нее был еще один сын…

— Может, и не будет. Может, родится еще одна царевна.

— Но почему я не могу родить сына? — вскричала Нефертити. — Чем я прогневала Атона?

«Спроси лучше, чем ты прогневала Амона», — подумала я, но не стала говорить этого вслух.

— Ты ешь мед?

— И мандрагору.

— А в храмы ходишь?

— Атона? Конечно.

Я красноречиво промолчала.

— Ты думаешь, мне стоит обратиться к Таварет? — тихо спросила Нефертити.

— Не помешало бы.

Она заколебалась.

— А ты пойдешь? Эхнатон не узнает.

— Мы можем сходить завтра, — пообещала я, и сестра ласково сжала мою руку.

Потом она повернулась и натянула покрывало на грудь. Когда сестра уснула, я осталась лежать, размышляя, где бы найти в Амарне святилище богини-гиппопотама, покровительницы родов.

На следующее утро, еще до восхода солнца, Мерит разузнала это для меня. Она сказала, что некоторые женщины в деревне хранят у себя статуэтки Таварет на случай родов у своих дочерей. Я попросила ее отвести нас в дом с самым большим алтарем, и, когда Эхнатон еще даже не проснулся, носильщики уже несли наш закрытый паланкин вверх по склону холма, к скоплению богатых домов.

В небе поднималось жаркое солнце. Внизу просыпался город оттенков кардамона и золота. Я расправила складки на платье и вдохнула запах пекущихся лепешек с финиками и подогреваемого вина.

— Задерни занавески! — прикрикнула на меня Нефертити. — Нам нужно управиться поскорее!

— Ты сама захотела прийти сюда, — сурово отозвалась я.

— Ты когда-нибудь молилась Таварет? — спросила сестра.

Я знала, что она имеет в виду.

— Да.

На вершине холма носильщики опустили паланкин, и к нам подошла служанка поприветствовать нас.

— Ваше величество… — Девушка низко поклонилась. — Моя госпожа ждет вас на веранде.

Мы поднялись по ступеням: Нефертити, Мерит и я. Носильщики остались во дворе; они понятия не имели, зачем мы явились сюда. Навстречу нам вышла женщина в платье из тонкого льна.

— Благодарю вас, что снизошли к моему скромному дому. Я — госпожа Акана.

Но Нефертити не слушала ее. Она огляделась в поисках изваяния Таварет.

— Наша богиня там, — шепотом произнесла Акана. — Укрытая от чужих взглядов.

Она нервно поглядывала то на Нефертити, то на меня.

Мы прошли в комнату в задней части дома; окна в ней были занавешены тростниковыми циновками. На белых стенах были нарисованы изображения богини-гиппопотама. Госпожа Акана попыталась объясниться.

— Многие люди хранят у себя подобные изображения, ваше величество. Ведь запрещены лишь общественные святилища. Но многие втайне сохраняют алтари у себя.

«Не настолько втайне, чтобы это укрылось от внимания Мерит», — подумала я, а Нефертити молча кивнула.

— В таком случае я вас оставлю. Если вам что-то потребуется, вы только позовите.

И госпожа Акана отступила.

Нефертити, словно очнувшись ото сна, огляделась по сторонам.

— Спасибо, госпожа.

— Может, мне тоже уйти? — предложила я.

— Нет. Я хочу, чтобы ты помолилась вместе со мной. Мерит, оставь подношения и закрой дверь.

Мерит положила благовония и цветок лотоса на табурет и удалилась вслед за госпожой Аканой. Мы остались одни. Богиня-гиппопотам улыбалась нам; ее большой живот из отполированного черного дерева отливал синевой в солнечном свете, проникающем сквозь тростниковые циновки.

— Иди ты первая, — подтолкнула меня Нефертити и пояснила: — Тебя она знает.

Я подошла к богине, преклонила колени перед ней и протянула ей цветок лотоса.

— Таварет, — пробормотала я. — Я пришла к тебе просить, чтобы ты благословила меня ребенком.

— Мы пришли из-за меня! — одернула меня Нефертити.

Я хмуро глянула на нее через плечо.

— Еще я пришла ради царицы Египта. — Я положила лотос к ногам Таварет. — Я пришла просить, чтобы ты даровала ей дитя.

— Сына! — уточнила Нефертити.

— Ты что, сама не можешь попросить? — возмутилась я.

— Нет! Меня она может не послушать!

Я снова склонила голову:

— Прошу тебя, Таварет. Царице Египта нужен сын. Она была благословлена тремя царевнами, и теперь она просит тебя даровать ей царевича.

— Но не Кийе! — выпалила Нефертити. — Пожалуйста, сделай так, чтобы у Кийи не родился сын!

— Нефертити! — воскликнула я.

Сестра непонимающе посмотрела на меня.

— Что?

Я покачала головой.

— Просто зажги благовония.

Нефертити сделала, как ей было велено, и мы посмотрели на богиню-гиппопотама, окутанную дымком курений. Казалось, будто Таварет благожелательно улыбается нам, даже несмотря на то, что Нефертити обратилась к ней с недоброй просьбой. Я встала, и Нефертити встала рядом со мной.

— Ты всегда так молишься? — спросила я.

— Ты о чем?

— Да так. Пойдем отсюда.

На следующее утро в Зал приемов прибыл гонец.

— Великая жена Кийя больна.

Я тут же вспомнила молитву Нефертити и побледнела. Отец посмотрел на меня, и я решила во всем сознаться.

— Вчера…

Но отец взмахнул рукой.

— Отправляйся и отыщи сестру и фараона в Арене!

Я съездила за Эхнатоном и Нефертити, и, хотя Нефертити всю дорогу пыталась расспрашивать меня, я смогла лишь прошептать:

— На твою молитву ответили.

Мы влетели в Зал приемов. Зал к этому моменту очистили от слуг и просителей. Отец, завидев нас, встал.

— Вот гонец с известиями для фараона, — сказал он.

Гонец низко поклонился.

— Вести из Северного дворца, — сообщил он. — Великая жена Кийя больна.

Эхнатон застыл на месте.

— Больна? То есть как? Чем она больна?

Гонец опустил глаза.

— У нее кровотечение, ваше величество.

Эхнатон оцепенел. Отец подошел к нему.

— Вам следует поехать к ней, — сказал он.

Эхнатон повернулся к Нефертити. Та кивнула:

— Поезжай. Поезжай и удостоверься, стало ли великой жене лучше.

При виде такой доброты с ее стороны фараон заколебался, и Нефертити мило улыбнулась.

— Она хотела бы, чтобы ты поехал ко мне, — сказала она.

При виде такого лукавства я прищурилась, и когда Эхнатон вышел, я сурово покачала головой:

— Что происходит?

Нефертити сбросила плащ:

— Как ты и сказала, Таварет ответила на мои молитвы.

Отец нахмурился:

— Ничего еще не случилось.

— Она больна! — быстро произнесла Нефертити. — И она наверняка потеряет ребенка.

Я в ужасе уставилась на нее, а Нефертити улыбнулась:

— Мутноджмет, принеси мне сока, пожалуйста.

Я застыла.

— Что?

— Принеси ей сока, — распорядился отец, и я поняла, что происходит.

Они хотели, чтобы я ушла и они могли поговорить наедине.

— Гранатового! — крикнула мне вслед Нефертити, но я уже покинула Зал приемов.

— Госпожа, что случилось? — Ипу поспешно встала. — Почему всех выгнали из зала?

— Отведи меня в мой прежний особняк, — сказала я. — Найди колесницу, я еду к Тийе.

Всю дорогу мы молчали. Когда мы добрались до места, оказалось, что дом выглядит точно так же, как в момент моего отъезда. Широкая крытая веранда и круглые колонны сияли белизной на солнце, и васильки на их фоне выглядели ослепительно синими.

— Она посадила еще тимьян, — тут же обратила внимание Ипу.

Она подошла к двери, и на ее оклик отозвалась служанка. Нас провели в дом, который прежде был моим. В прихожей стало больше гобеленов и появилось несколько новых стенных росписей с изображением охоты. «Целая жизнь у власти — и вот все, с чем осталась вдовствующая царица Египта». Мы

прошли на веранду, и царица шагнула мне навстречу, распахнув руки для объятия. Она услышала, что мы пришли.

— Мутноджмет!

Тяжелые браслеты на руках тети мелодично звенели, а золотая пектораль была богато украшена перламутром. Тетя отстранилась и посмотрела мне в лицо.

— Ты похудела, — заметила она. И добавила, заглянув мне в глаза: — И стала счастливее.

Я подумала о Нахтмине и ощутила глубокое довольство.

— Да, я теперь намного счастливее.

Служанка принесла на веранду чай, и мы уселись на толстые пуховые подушки. Ипу тоже дозволено было сесть — она теперь была членом семьи. Но она помалкивала.

— Расскажи же мне все свои новости, — радостно попросила тетя.

Она имела в виду — о Фивах и о моем доме. Но я рассказала ей о родах Нефертити и беременности Кийи. А потом рассказала про празднество и про болезнь Кийи.

— Говорят, она потеряет ребенка.

Тийя посмотрела на меня, и вид у нее был себе на уме.

— Я уверена, что отец никогда не стал бы убивать ребенка! — быстро сказала я.

— Ради короны Египта? — Тийя откинулась назад. — Ради короны Египта делалось и такое, и много чего похуже. Спроси хоть у моего сына.

— Но это же против Амона! — запротестовала я. — Против законов Маат!

— И ты вправду думаешь, что это кого-то интересовало, когда тебя отравили?

Я вздрогнула. Никто уже не упоминал об этом.

— Но ведь есть еще Небнефер, — заметила я.

— Который видит отца раз в несколько месяцев, когда Нефертити выпускает Эхнатона из-под надзора. И ты что, вправду думаешь, что Эхнатон позволит

сыну править? При том, что он лучше всех знает, на какое вероломство способен сын?

Тут нашу беседу перебил старый глашатай тети. Он поклонился в пояс.

— Письмо от военачальника Нахтмина. Для госпожи Мутноджмет.

Я посмотрела на Тийю. Слуги по-прежнему продолжали называть моего мужа военачальником. Постаравшись скрыть довольство, я отозвалась:

— Но каким образом оно попало сюда?

— Гонец прослышал, где вы, и отыскал вас.

Глашатай поклонился и вышел. Я стала читать письмо, а тетя в это время наблюдала за мной.

— Наши гробницы готовы. Их уже высекли из камня и начали раскрашивать.

Тетя подбадривающе кивнула:

— А как там сад?

Я улыбнулась. Она сделалась завзятой любительницей садов. Я просмотрела письмо, выискивая новости о моих травах.

— Неплохо. Жасмин цветет, а на виноградных лозах завязались грозди. Уже. А ведь еще даже не фаменот.

Я подняла голову и увидела по лицу Тийи, что ей отчаянно хочется иметь настоящий собственный дом. Потом меня озарила мысль.

— Давай ты приедешь и посмотришь на это все, — предложила я. — Оставишь Амарну и поселишься в Фивах.

Тетя недвижно застыла.

— Вряд ли я когда-нибудь покину Амарну, — ответила она. — Я никогда не вернусь в Фивы — разве что в гробу.

Я в ужасе уставилась на нее.

Тетя подалась вперед и доверительно произнесла:

— Мое влияние не исчезло лишь оттого, что я не живу во дворце. Мы с твоим отцом много работали над тем, чтобы наше влияние было незримым. — Она печально улыбнулась. — Панахеси вполне удалось настроить Эхнатона против меня. Но он никогда не отделается от твоего отца. Во всяком случае, пока Нефертити остается царицей.

Я посмотрела на Тийю, озаренную падающим из окна светом. Где она берет силы для этого всего? Откуда у нее силы оставаться в Амарне и править из-за трона, пока ее избалованный, заносчивый сын восседает на возвышении?

— Я не так сильна, как кажется, — ответила тетя на мой невысказанный вопрос. — Возможно, когда-нибудь ты это поймешь.

— Где ты была?

Нефертити пересекла комнату в несколько шагов.

— В своем особняке.

— У тебя нет особняка! — возмутилась она.

— Я навещала Тийю.

Сестра попятилась, как будто я ударила ее.

— Я жду новостей, а ты в это время навещаешь Тийю? Кийя больна, а ты в это время покидаешь меня?! — в ярости воскликнула она.

Я рассмеялась:

— Что? Ты нуждаешься в поддержке оттого, что услышала потрясающую весть о болезни Кийи? О том, что она может потерять ребенка?

Нефертити оцепенела. Я никогда еще не разговаривала с ней таким тоном. Она заметила свиток у меня в руке.

— Что это?

— Письмо.

Нефертити выхватила у меня свиток и принялась читать.

Но я отобрала его.

— Это письмо от моего мужа!

Лицо Нефертити потемнело.

— Кто его доставил?

— Откуда мне знать?

— Когда оно пришло?

— Пока ты была с отцом.

Тут я поняла, что она сказала, и меня переполнило негодование.

— Что? — воскликнула я. — Так оно не первое? Были и другие?

Нефертити не ответила.

— Писем было больше? — крикнула я. — Ты спрятала их от меня? Нахтмин — мой муж!

— А я — твоя сестра!

Мы гневно уставились друг на друга.

— Я приду на ужин. Но после этого я возвращаюсь в Фивы, — решительно заявила я.

Нефертити шагнула вперед, перегораживая мне путь.

— Ты же даже не знаешь, что случилось с Кийей…

— Я прекрасно знаю, что случилось с Кийей. Ровно то, что ты говорила. Она потеряла ребенка.

— Панахеси будет подозревать…

— Конечно, он будет подозревать. Но тебе придется разбираться с этим самой.

— Ты не можешь оставить меня! — выкрикнула Нефертити.

Я развернулась к ней.

— Это еще почему? Потому что никто другой не может? Потому что все остальные слишком трепещут перед твоей красотой? У тебя пятьдесят других придворных дам, которые следуют за тобой, словно ручные собачки. Пускай кто-нибудь из них и присматривает за происходящим.

Я пришла на ужин, как и обещала, и Нефертити решила испытать мою верность, велев мне отыскать для нее особый плод, который, как она знала, имеется только на кухне, в кладовых. Я встала и приказала ближайшему слуге принести моей сестре блюдо с ююбой.

— Оно может быть отравлено! — воскликнула Нефертити. — Я хочу, чтобы сходила ты!

Я несколько мгновений смотрела на нее, потом в ярости вылетела из Большого зала. Когда я вернулась, вокруг моей сестры толпились молодые

придворные. Увидев блюдо с фруктами у меня в руках, Нефертити вскинула голову и улыбнулась:

— Мутни, ты его принесла!

Как будто она в этом сомневалась!

Женщины расступились, давая мне дорогу.

— Ты — лучшая сестра во всем Египте! — торжественно произнесла Нефертити. — Где музыканты? — Она хлопнула в ладоши. — Мы желаем музыки!

Когда девушки вернулись на свои места, я села рядом с матерью за стол у подножия помоста. Слуги подали жареную газель и ягненка в меду.

— Она так выказывает любовь к тебе, — сказала мать.

— Как? Превращая меня в свою служанку?

Заиграла музыка, вперед выступили танцовщицы в ярких платьях и браслетах с колокольчиками, и Нефертити захлопала в ладоши. Полдюжины придворных дам смотрели, как Нефертити пьет, держа чашу на присущий ей манер, указательным и большим пальцами.

— Сколько мне еще здесь оставаться? — сердито спросила я.

Мать нахмурилась.

— Пока не закончатся танцы.

— Я слышал, ты навещала Тийю, — сказал отец.

— Я рассказала ей, что случилось с Кийей, — отозвалась я.

Он кивнул:

— Да, конечно.

— И она не удивилась.

Отец посмотрел на меня как-то странно, и на миг я задумалась о том, что же это было: отравление или просто так распорядилась судьба? Нефертити взглянула на нас сверху и нахмурила брови. Она поманила меня пальцем.

Отец мотнул головой:

— Она тебя зовет.

Я поднялась наверх, и Нефертити похлопала по пустому креслу; оно стояло на помосте специально для гостей, которым дозволялось присесть и вести беседу.

— Надеюсь, ты не разговаривала с отцом про Кийю, — предостерегающе произнесла она.

— Конечно нет.

— Подобным разговорам конец.

— Как и ее ребенку.

У Нефертити расширились глаза.

— Смотри, чтобы тебя не услышал Эхнатон! — предупредила она.

Эхнатон обернулся посмотреть, о чем это мы говорим. Нефертити улыбнулась ему, а я бесстрастно отвела взгляд. Нефертити снова повернулась ко мне.

— Посмотри, какой праздник я устроила — и все ради того, чтобы отвлечь Эхнатона от мыслей о ней.

— Это очень мило с твоей стороны, — отозвалась я.

— Почему ты так злишься на меня? — возмутилась Нефертити.

— Потому что ты подвергаешь опасности свое бессмертное ка и поступаешь против законов Маат, — парировала я. — И ради чего?

— Ради короны Египта! — ответила она.

— Ты думаешь, никто из визирей не размышляет над тем, не отравили ли Кийю?

— Если размышляет, то ошибается, — твердо заявила Нефертити. — Я ее не травила.

— Значит, это сделал ради тебя кто-то другой.

Тут музыка прервалась, а с ней и наш разговор. Нефертити весело улыбнулась, чтобы Эхнатон подумал, будто мы болтаем о каких-то милых пустяках. Когда музыка заиграла снова, она наклонилась ко мне и быстро произнесла:

— Мне нужно, чтобы ты выяснила, о чем говорят дамы Кийи.

— Нет, — наотрез отказалась я. — Я возвращаюсь в Фивы. Я говорила тебе, что уеду. Я сказала это еще до рождения Анхесенпаатон.

В другом конце зала по-прежнему играли музыканты, но те, кто сидел ближе всего к тронам, могли слышать наш разговор. Я сошла с помоста, а Нефертити подалась вперед.

— Если ты меня оставишь, то никогда не сможешь вернуться обратно! — пригрозила она.

Все придворные развернулись в мою сторону, и Нефертити, осознав, что нас слышат, покраснела и крикнула:

— Выбирай!

У Эхнатона одобрительно расширились глаза. Я повернулась взглянуть на отца, сидящего за царским столом. Лицо его, как и подобало настоящему визирю, было бесстрастно, словно маска: отец не желал показывать, какие чувства он испытывает из-за того, что его дочери сцепились прилюдно, словно две кошки. Я глубоко вздохнула и ответила:

— Я сделала свой выбор, когда вышла замуж за Нахтмина.

Нефертити откинулась на спинку трона.

— Уходи, — прошептала она, потом пронзительно вскрикнула: — Уходи и никогда не возвращайся!

Я увидела застывшие на ее лице решимость и горечь — и вышла из Большого зала, не придержав хлопнувшие за моей спиной двери.

Ипу, сидевшая у меня в покоях, уже прослышала о произошедшем.

— Мы уедем, госпожа. Уедем сегодня вечером, на первой же царской барже. Твои вещи уже уложены.

Мои сундуки, готовые к отъезду, стояли на кровати, и меня потрясло, как быстро все это было проделано.

Меня изгнали.

Потом в покоях внезапно появилась мать.

— Мутноджмет, что ты делаешь? Одумайся! — взмолилась она.

Отец застыл в дверях, словно часовой.

— Эйе, ну скажи же что-нибудь своей дочери! — вскричала мать.

Но отец не стал уговаривать меня остаться.

Я подошла к матери и обхватила ее лицо ладонями.

— Я не умираю, мават. Я просто возвращаюсь к моему мужу, в мой дом, к моей жизни в Фивах.

— Но твоя жизнь здесь!

Она посмотрела на отца. Тот взял ее за руку.

— Это ее выбор. Одна дочь тянется к солнцу, а другой довольно чувствовать его лучи в своем садике. Они разные, только и всего.

— Но она никогда не сможет вернуться! — воскликнула мать.

— Нефертити передумает, — пообещал отец. — В конце концов ты сможешь сюда приехать, котенок.

Я обняла отца, потом крепко прижала к груди мать, а слуги тем временем принялись таскать сундуки, громоздя один поверх другого.

— Мы будем приезжать к тебе дважды в год, — пообещал отец. — Я устрою так, чтобы встретиться с царем Миттани в это время.

— Если Эхнатон тебе позволит.

Отец промолчал, и я поняла, что он собирается сделать это независимо от того, даст фараон свое соизволение или нет. Потом я услышала шум и, обернувшись, увидела двух маленьких девочек, глядящих на меня из-за колонн. Я поманила их к себе.

— Ты уезжаешь? — спросила старшая.

— Да, Мери. Хочешь проводить меня до пристани и помахать на прощание?

Мери кивнула, а потом заплакала:

— Но я хочу, чтобы ты осталась!

Ее слова тронули меня. Мы были знакомы всего лишь месяц.

— Ты еще даже не видела всех моих лошадей! Я хотела показать их тебе!

Я предпочла закрыть глаза на ее эгоизм. Наклонившись, я поцеловала малышку и пообещала:

— Когда-нибудь я вернусь и посмотрю на них.

— И мой храм? — всхлипывая, пробормотала Мери.

— И твой храм, — сказала я, хоть меня и воротило от такого потакания.

Ее собственный храм Атона? Что же за царица выйдет из этой девочки, если ей дозволена любая роскошь? Как она научится сдержанности или терпению?

Я дошла с матерью до пристани, а когда корабль был готов, не удержавшись, расплакалась. Кто знает, что может случиться после нашего прощания? Я могу умереть родами, или мать может скончаться от любой болезни из тех, что процветают на берегах Нила. Мы взялись за руки, и я вдруг очень остро почувствовала, как сильно я ее подвела. Я принесла ей лишь печаль — а ведь дочери полагается радовать мать.

— Прости, — сказала я ей. — Будь я хорошей дочерью, я бы вышла замуж за человека, угодного фараону, и осталась неподалеку от тебя. Я подарила бы тебе внуков, чтобы ты могла держать их на коленях. А вместо этого я приношу тебе лишь душевные муки.

— Ты живешь так, как предопределено Амоном. И сожалеть тут не о чем.

— Но ты одинока, — возразила я.

Мать придвинулась ко мне и прошептала — так, чтобы не слышал отец:

— И я каждую ночь утешаю себя напоминанием о том, что именно тебе, а не Нефертити, улыбнется вечность. Даже без золота, детей или короны.

Она поцеловала меня в макушку, и даже отец, кажется, расчувствовался, когда я помахала на прощание Амарне, драгоценности, сотворенной моей семьей среди песков. Амарна с ее новообретенным блеском и золотом была слабой соперницей Фивам, и все же, когда я покинула ее, на меня нахлынуло ощущение потери: это было наследие моей семьи, а я покидала ее навеки.

21

Фивы

14 фаменота

Наш корабль едва вошел в порт, а мой муж уже был на пристани. Он отвел меня домой и уложил на нашу кровать. Я посмотрела на стены. Когда мы въехали в этот дом, стены были белыми и матовыми. Теперь же на них красовались росписи, изображающие реку, и фаянсовые изразцы.

— Кто все это сделал? — спросила я.

— Я нанял одного художника из города. Он управился за три дня.

Я оценила работу этого художника по достоинству. Она была хороша. Не так великолепна, как мог бы сделать Тутмос, но все равно было красиво. Для реки он подобрал насыщенные и разнообразные цвета.

— Ну, рассказывай! — попросил Нахтмин.

Я вздохнула и рассказала ему про рождение Анхесенпаатон, потом про Кийю и про то, как меня изгнали из Амарны. Нахтмин обнял меня и крепко прижал к себе.

— Что же в тебе такое, мив-шер, что так притягивает к тебе людей? Я думал о тебе каждый день и размышлял: а вдруг твоя сестра задумает подослать ко мне убийц, а потом, когда я буду мертв, выдаст тебя замуж за кого-то другого?

Я ахнула.

— Нахтмин!

— Ты для нее — все, — сдержанно произнес он.

— А ты — все для меня. Нефертити понимает это. И если бы она услышала хоть шепоток в твой адрес, она остановила бы руку фараона…

— Она сделалась настолько могущественна?

— Ты бы видел всех этих людей у Арены и на улицах! Они сделают ради нее все, что угодно.

— А ради него?

— Не знаю.

Нахтмин погладил меня по щеке:

— Давай сейчас подумаем о другом.

И мы занялись любовью. Позднее Ипу принесла нам обед: фиги и миндаль, рыбу и свежевыпеченный хлеб. Мы ели и разговаривали, и Нахтмин рассказал мне о нашей гробнице в холмах за Фивами, о том, как основательно она сделана и как красиво рабочие ее отделали.

— Я нашел рабочих, которых нанимал фараон до переезда в Амарну. Теперь они работают по найму на любого знатного человека, который готов платить. Фараон сделал глупость, не взяв их с собой.

— Фараон сделал много всяких глупостей, — отозвалась я.

Тут со скрипом растворилась дверь, и рука Нахтмина метнулась к ножу. Я посмотрела вниз и рассмеялась:

— Это всего лишь Бастет! Иди сюда, огромный мив!

Нахтмин нахмурился:

— Ты только глянь, какой он большущий вырос!

Я посадила Бастета на колени, и он замурлыкал, радуясь вниманию.

— Даже удивительно, что он не сердится на меня за то, что я уезжала.

Нахтмин приподнял брови.

— Ну… Он тоже тосковал не меньше меня, пока тебя не было.

Я посмотрела на Бастета.

— Мив, ты хорошо себя вел?

— Спроси у своего любимого льняного платья.

Я помедлила.

— Что, того самого?..

Нахтмин кивнул.

— Ты порвал мое платье?! — воскликнула я, и Бастет прижал уши, как будто точно знал, о чем я говорю.

— Сомневаюсь, что он тебя понимает, — заметил Нахтмин.

— Еще как понимает! Он испортил мое любимое платье!

— Возможно, это научит тебя не уезжать из дома, — шутливо заметил Нахтмин.

Мы улеглись, укрывшись легкими льняными покрывалами, а Бастет свернулся у нас в ногах. Я рассказывала про Амарну, Северный дворец и Арену, над которыми трудились тысячи человек, а Нахтмин слушал. Когда настал вечер, мы отворили двери и уселись на балконе, любуясь встающей над рекой луной. В реке отражались большие дома, мерцающие сотнями огоньков.

— Как он может думать, что Амарна когда-либо сравнится с этим? — спросила я.

Я была очень благодарна Амону за то, что я жива и сижу вместе с человеком, которого люблю, на балконе, глядящем на величайший город Египта.

На следующее утро, когда я вернулась в свой сад, я восхвалила мужа за его старания обеспечить мандрагору водой, а гибискус — подкормкой. Даже Ипу поразилась тому, с какой ловкостью он управился с этим всем.

— Я была уверена, что мы тут застанем по возвращении грязь и сорняки, — призналась она.

Мы рассмеялись, и Нахтмин тут же пожелал узнать, над чем это мы смеемся.

— Всего лишь над твоими доблестными свершениями в саду! — отозвалась я.

Вернуться к моей жизни в Фивах оказалось нетрудно. Нил нес свои воды, птицы пели, цапли вели брачный танец, а Бастет шествовал по дому, словно владыка Египта.

Мы с Ипу отправились на рынок, купить рыбы для Бастета, и я снова вспомнила о том, как великолепны Фивы. Розоватые холмы и темное золото камня сияли чистыми красками раннего утра. Старухи раскладывали на прилавках свои товары, жевали бетель и сплетничали друг о дружке. Река отливала золотом под лучами зимнего солнца, а люди с тяжелыми сетями несли груз с торгового корабля. Мы прошли через толпу, и мужчины сперва глядели на меня — их внимание привлекали мои золотые и серебряные украшения, — но куда дольше их взгляды задерживались на Ипу, которая проплывала меж прилавками, улыбаясь шуткам мужчин.

Плотник Пасер пожелал узнать, доволен ли фараон сундуком, который он для него сделал семнадцать лет назад.

— Он до сих пор стоит в покоях фараона, на самом видном месте, — сообщила ему Ипу.

Старик развернулся и захлопал в ладоши.

— Вы слышали?! Сундук работы Пасера Плотника стоит в Приречном дворце!

Я посмотрела на Ипу. Та улыбнулась, довольная своей ложью. Пасер подался вперед:

— Я мог бы работать на постройке гробниц. Спорим — они бы меня взяли, если бы я поехал в Амарну! Я мог бы вырезать ушебти для путешествия фараона в загробный мир!

— А что же твоя дочь будет делать без тебя? — спросила Ипу.

— Она тоже могла бы поехать! — восторженно отозвался Пасер, потом тяжело вздохнул. — Увы, это всего лишь стариковские мечты.

— Не такой ты и старик, — польстила ему Ипу, и плотник ухмыльнулся.

Мы зашагали дальше, и я напомнила Ипу про рыбу для Бастета.

— Мы пойдем к Ренси, — пообещала она. — У него всегда была самая лучшая рыба.

— Рыба для Бастета. Не думаю, что он заметит разницу.

Ипу выразительно посмотрела на меня:

— Этот мив прекрасно все понимает!

И она целеустремленно зашагала к последнему прилавку на рынке — и резко затормозила, увидев вместо Ренси какого-то молодого человека. Он был высок, хорошо сложен, и руки его не были руками торговца рыбой.

— Чем могу вам помочь, госпожи мои?

— А где Ренси?

— Отец на два месяца уехал в Мемфис по делам. На это время его буду подменять я.

Ипу подбоченилась:

— Ренси никогда не говорил мне, что у него есть сын.

— А мне отец никогда не говорил, что у него есть такие очаровательные покупательницы.

Молодой человек смотрел на нас обеих, но я видела, что его комплимент был адресован Ипу.

— Ну что ж, нам нужен окунь. Свежий окунь, а не выловленный два дня назад и натертый тимьяном.

Сын Ренси, похоже, опешил.

— Вы что, вправду думаете, что я стану продавать лежалую рыбу?

— Не знаю. А сын Ренси — такой же достойный уважения человек, как и его отец?

Молодой человек протянул Ипу деревянную миску с уже нарезанным окунем.

— Можете взять это домой, а потом скажете мне, есть ли в Фивах рыба лучше этой.

— Боюсь, она не сможет вам этого сказать, — невозмутимо произнесла я. — Это для мива.

Продавец посмотрел на Ипу, как на ненормальную.

— Окунь для кота?! — воскликнул он и попытался забрать миску.

— Поздно! — возразила Ипу. — Ты уже ее продал!

— Это же лучшая рыба в Фивах!

Молодой человек повернулся ко мне в поисках поддержки.

— И я дам ее самому лучшему миву в Фивах, — пообещала Ипу.

— Но нельзя же скармливать окуня миву!

— Как тебя зовут? — решительно спросила Ипу.

Продавец рыбы нахмурился:

— Джеди.

— Ну что ж, Джеди, — Ипу аккуратно взяла упакованного окуня под мышку, — когда твой отец вернется, моя госпожа непременно похвалит тебя ему.

Она вышла, а Джеди остался смотреть ей вслед, разинув рот. Потом он перевел взгляд на меня.

— Я видал ее прежде. Она всегда такая дерзкая?

Я улыбнулась:

— Всегда.

Пахон выдался не по сезону теплым. Я начала убирать пожухлую листву и рассыпать толченую яичную скорлупу, чтобы подкормить почву. Наш дом на несколько месяцев раньше срока заполыхал яркими каннами и зацветшим гибискусом, но, когда я потянулась сорвать цветок лотоса, мне вспомнилась

Нефертити, и меня захлестнуло ощущение утраты. В гневе я отказалась извиняться, а вот сейчас мне представилось, как мать сидит одна в своих покоях, пока отец трудится в Пер-Меджате, рассылает лазутчиков и пишет свитки, пытаясь выяснить, насколько далеко продвинулись хетты в Миттани. Когда я сидела на балконе, ко мне подошла Ипу:

— Ты сама хотела этого, госпожа.

Я печально кивнула:

— Я знаю.

— Ты оставляла их и прежде, — заметила Ипу, не понимая моих страданий.

— Но не так. Теперь мы разлучены, потому что Нефертити злится, а мать будет беспокоиться, а отцу потребуется моя помощь, если у нее начнутся трудности, да вот только меня там не будет.

Я посмотрела вдаль и подумала: «Были бы у меня дети — все бы было иначе». Я бы заботилась о сыне или учила дочь разбираться в земле. Я никогда не стала бы брать кормилицу для своего ребенка. Он был бы моим и только моим. Он был бы для меня всем. И я не стала бы выделять любимицу среди своих дочерей. Но Таварет благословила не меня. Богиня предпочла улыбнуться Нефертити.

— Ну, будет. — Ипу попыталась отвлечь меня от мрачных мыслей. — Пойдем сходим на рынок и посмотрим на глотателей огня.

— По жаре?

— Мы можем найти тень, — предложила Ипу.

Мы отправились на рынок во второй раз за семь дней и окунулись в толчею. Нам ничего не требовалось покупать, но каким-то образом тот торговец рыбой, которому приглянулась Ипу, отыскал нас. Он протянул нам два пакета, завернутых в папирус, и смахнул со лба вспотевшие на жаре волосы.

— Для прекраснейших дам Египта, — сказал он.

— Очень мило. — Ипу мельком взглянула на рыбу. — Но ты же понимаешь, что сестра главной жены царя не может принимать еду от незнакомцев.

Она вернула рыбу, и Джеди сделал вид, будто он оскорблен до глубины души.

— Госпожа, а кто тебе сказал, что я — незнакомец? Я дважды видел тебя здесь. И еще раз — до того, как ты покинула Фивы. Возможно, ты не заметила скромного холостяка, но я-то тебя заметил!

Ипу уставилась на него.

Я рассмеялась.

— Похоже, тебе удалось лишить Ипу дара речи, — поздравила его я. — Кажется, это с ней впервые.

— Ипу, — задумчиво повторил торговец рыбой. — «Дружелюбная». — Он сунул рыбу обратно ей в руки. — Возьми. Она не отравлена.

— Если окажется, что она отравлена, я вернусь из загробного мира и разыщу тебя.

Джеди рассмеялся:

— Тебе не придется искать меня. Я буду есть рыбу этого же улова. Может, ты придешь завтра, скажешь, как тебе понравилась рыба?

Ипу с напускной скромностью отбросила волосы на спину, и вплетенные бусины мелодично зазвенели.

— Может быть.

Когда мы покинули рынок и зашли за поворот дороги, я повернулась к Ипу.

— А он интересный!

— Он всего лишь торговец рыбой, — отмахнулась Ипу.

— Вряд ли. У него на руках золотые кольца.

— Ну, может быть, он рыбак.

— С такими кольцами? — Я покачала головой. — Ты же говорила, что хочешь обеспеченного мужа. А вдруг это он и есть?

Мы остановились на дорожке, ведущей в мой сад. Ипу сделалась серьезной.

— Пожалуйста, не рассказывай об этом никому, — попросила она.

Я нахмурилась:

— Это кому же, например?

— Например, кому-то из женщин, которые приходят к тебе за травами.

Я отступила и с обидой произнесла:

— Я никогда не сплетничаю!

— Мне просто хотелось бы быть поосторожнее, госпожа. Вдруг он женат?

— Он сказал…

— Мужчины много чего могут сказать. — Но глаза Ипу заблестели. — Я просто хочу быть поосторожнее.

На следующий день я не пошла с Ипу на рынок, но увидела, как она уходит, и шепотом обратила внимание Нахтмина на то, что Ипу оделась наряднее, чем обычно.

— Думаешь, она пошла на встречу с ним? — поинтересовался Нахтмин, прижав меня к груди.

— Конечно! Мяса у нас много, и рыба нам тоже не нужна. Зачем же ей еще идти?

Я подумала, что Ипу наконец-то влюбилась, и улыбнулась.

Теперь, когда стало известно о моем возвращении в Фивы, у моих дверей снова стали появляться женщины. Наибольшим спросом пользовались акация и мед — смесь, которую фиванки боялись просить у своих лекарей. Поэтому служанки, всегда старательно скрывающие имена своих хозяек, на заре тихонько пробирались к моему дому с туго набитыми кошельками — позаботиться, чтобы встреча с любовником или несчастный брак не привели к появлению ребенка. Я пыталась не видеть в этом иронии судьбы: я продавала другим женщинам травы, препятствующие появлению детей, в то время как сама только и мечтала, что о ребенке.

Иногда женщины приходили и за другими лекарствами: за растениями, способными сводить бородавки или исцелять раны. Они не говорили, где получили эти раны, а я не спрашивала. Одна из этих женщин показала мне синяки и прошептала:

— Это можно как-нибудь спрятать?

Я прикоснулась к припухшему синяку на маленькой руке и вздрогнула. Потом прошла через комнату: Нахтмин смастерил здесь деревянные полки, чтобы мне было куда ставить свои стеклянные баночки и флаконы.

— Шесть месяцев назад ты приходила ко мне за акацией и медом. А теперь вернулась за средством замаскировать синяки?

Женщина кивнула.

Я ничего не стала говорить, просто подошла к полке из отполированного кедра, на которой стояли ароматические масла.

— Если ты подождешь, я смешаю для тебя розмариновое масло с желтой охрой. Тебе нужно будет наносить эту смесь поверх синяков в несколько слоев.

Женщина присела у моего стола и стала смотреть, как я пестиком толку охру в мелкий порошок. По оттенку ее кожи я решила, что ей потребуется цвет желтой меди, и, когда она протянула руку и синяки скрылись под слоем мази, я почувствовала гордость. Женщина заплатила мне медный дебен, а я посмотрела на ее золотое ожерелье и спросила, стоит ли его богатство таких жертв.

— Иногда, — ответила она.

Весь день приходили слуги: некоторых я знала, другие же были мне незнакомы. Когда все стихло, я вышла наружу и увидела Нахтмина в открытом дворике за домом, там, где между колоннами мерцала синевой и серебром река. Нахтмин был без туники, его золотистый торс блестел под теплым солнцем от пота. Он повернулся, увидел, что я смотрю на него, и улыбнулся:

— Ну что, все покупатели ушли?

— Да, но я не видела Ипу с самого утра, — пожаловалась я.

— Возможно, в ней внезапно проснулся интерес к рыбе.

Я наряжала Ипу для ужина с Джеди — которому, как оказалось, принадлежало целых три торговых судна — и чувствовала себя как-то странно. Я надела на нее свой лучший парик: его пряди были унизаны золотыми трубочками и надушены лотосом. Ипу нарядилась в облегающее платье и мой плащ, подбитый мехом. Плетеные сандалии из папируса тоже были мои, и, когда я посмотрела на Ипу в зеркало, мне вспомнилась Нефертити и все те вечера, когда я одевала сестру к ужину. Я обняла Ипу и прошептала ей на ухо слова поддержки, а когда она ушла, эгоистически подумала: «Если она выйдет замуж, у меня не останется никого, кроме Нахтмина». Каждую ночь я ставила ароматические масла к ногам Таварет в моем собственном маленьком святилище, и каждую луну у меня приходили месячные. Мне было двадцать лет — и не было ни одного ребенка. И возможно, не будет никогда. «А теперь у меня не будет и Ипу».

И я тут же покраснела, устрашившись того, что могу начать думать как Нефертити. «Возможно, мы с ней куда более похожи, чем я полагала».

Я отправилась на кухню и отыскала там оставленные Ипу хлеб и козий сыр.

— Сегодня вечером Ипу ужинает с тем торговцем рыбой, — сообщила я Нахтмину.

Но он сидел на веранде, погрузившись в чтение какого-то свитка, и даже не поднял головы.

— Что это? — поинтересовалась я, поднося ему еду.

— Прошение от горожан, — мрачно произнес он и протянул свиток мне.

Прошение было написано жителями Фив. Я узнала некоторые имена: они принадлежали людям, утратившим свое положение после смерти Старшего. Старым друзьям отца и бывшим жрецам Амона.

Я ахнула:

— Они хотят, чтобы ты захватил власть в Амарне!

Нахтмин, уставившись через балконную дверь на Нил, ничего не ответил.

— Мы должны как можно скорее показать это письмо моему отцу…

— Твой отец уже все знает.

Я села, глядя на мужа.

— Как он может уже знать об этом?

— Он все знает и за всем присматривает. Если сюда еще не пришли люди с оружием, чтобы перерезать мне горло, то это потому, что он велел не трогать меня. Он верит, что я не поведу войско на Амарну, так как знает, что ты для меня важнее любой короны.

— Но почему отец не арестует этих людей? Они же изменники!

— Они станут изменниками, только если я втяну их в мятеж. До этих пор они — друзья, а если Амарна когда-нибудь падет и Атон отвернется от Египта, к кому тогда твоему отцу обращаться за помощью?

Я медленно подняла взгляд, начав наконец-то соображать.

— К тебе. Потому что люди Старшего пойдут за тобой. Нахтмин кивнул, а я вдруг ощутила глубокое почтение и страх перед отцом.

— Он строит планы на тот случай, если Эхнатон умрет. На тот случай, если народ восстанет. Потому-то мой отец и позволил мне выйти за тебя замуж.

Нахтмин улыбнулся:

— Я бы хотел надеяться, что за этим все-таки стоит нечто большее. А потому нет нужды отправлять это послание ему. — Он забрал у меня папирус и скомкал его. — Я не поведу людей на бунт, и он это знает.

— Но Эхнатон не знает.

— Эхнатон не имеет дела ни с чем за пределами Амарны. Весь Египет может рухнуть, но, если Амарна останется стоять, его это вполне устроит.

У меня запылали щеки.

— Моя сестра никогда…

— Мутноджмет, — перебил меня муж, — твоя сестра — дочь миттанийской царевны. Ты знаешь, что двенадцать дней назад на Миттани напали?

У меня перехватило дыхание.

— Хетты вторглись в Миттани?!

— А Египет ничего не сделал, — зловеще произнес Нахтмин. — Но история запомнит, что мы стояли в стороне и смотрели. Если Миттани падет, мы станем следующими. Если она уцелеет, то никогда нас не простит, и никакие миттанийские царевны тут не помогут.

— Нефертити не знала своей матери. Ты не можешь обвинять ее…

— Никто ее и не обвиняет. — В лунном свете его черты лица заострились. — Но войны, на которые мы закрываем глаза, могут ослепить нас навеки.

Занавески затрепетали под ночным ветерком, и Нахтмин встал.

— Хочешь пройтись?

— Нет. — Я сидела, и на душе у меня было муторно. — Иди сам.

Нахтмин коснулся моей щеки.

— Амон хранит нас. Что бы там ни случилось в Миттани или в Амарне, у меня всегда будешь ты, а у тебя — я.

Он ушел. Я вернулась к себе в комнату, но уснуть не смогла. По жаре все, на что меня хватило, это отправиться на балкон — посидеть, подумать. Когда

Ипу вернулась, я спустилась узнать, как прошел вечер. Несмотря на свои двадцать четыре года, она выглядела молодой и сияющей.

— Гляди! — выпалила она, протягивая руку и показывая мне браслет. — Он купил его для меня! Госпожа, у меня такое чувство, будто мы с ним знакомы всю жизнь! Мы выросли в одном и том же городе, возле одного и того же храма Исиды! Его бабушка была жрицей, и моя тоже!

Я жестом предложила ей пройти на веранду, и мы проговорили там до поздней ночи.

22

14 пахона

— Тебя ждет на пристани сюрприз! — шепотом сообщил на следующее утро Нахтмин, едва лишь я открыла глаза.

Я тут же села и заморгала от яркого света.

— Что там такое?

— Вставай и посмотри! — поддразнил меня муж.

Я спихнула Бастета с кровати и прошла к окну, а затем, узнав сине-голубые вымпелы барки моих родителей, вскрикнула:

— Ипу! — Я проворно натянула нарядное платье. — Прибыли визирь Эйе и моя мать! Приготовь дом и достань хорошее вино.

Ипу возникла в дверях.

— Что стоишь? Иди за вином! — воскликнула я.

Ипу заговорщически улыбнулась Нахтмину:

— Уже все сделано.

Я посмотрела на мужа. Тот ухмыльнулся, словно Бастет. Тут до меня дошло.

— Так вы знали?

— Конечно, он знал! — энергично отозвалась Ипу. — Он скрывал этот сюрприз целых десять дней!

Я остановилась, так и не застегнув на шее золотую цепочку, и на глаза мне навернулись слезы.

— Скорее! — поторопил меня Нахтмин. — Они ждут!

Я побежала навстречу родителям, как ребенок бежит на рынок, чтобы встретиться с друзьями. Увидев меня, мать изменилась в лице.

— Мутноджмет! — воскликнула она и крепко обняла. — Ты хорошо выглядишь. — Она отстранилась, чтобы оглядеть меня. — И стала не такая худущая. А дом!

— Красивый особняк, — оценивающе произнес отец, изучая фаянсовые изразцы и окружающие холмы.

В Ниле мерцало отражение дома, а встающее солнце забрызгало воду золотом. Фиванцы с обеих сторон реки уже глазели в окна, распознав на барке царские цвета и гадая, кто же это посетил город.

— Ипу! Найди лист папируса и напиши, что я сегодня не принимаю посетителей! — распорядилась я. — И повесь на дверь!

Слуги остались позади, у корабля, а я повела мать и отца через сад. Отец торжественно поздоровался с Нахтмином.

— Ну, рассказывай, что происходит в Фивах, — сказал он.

Я не стала слушать, о чем они говорят. Я это уже знала. А пока они беседовали на веранде за жареным гусем и вином с пряностями, мы с матерью сидели в саду. Мать посмотрела вниз, на Нил, мысленно сравнивая увиденное с Амарной.

— Здесь как-то красивее, — сказала она.

— Фивы старше. Здесь меньше показной пышности и спешки.

— Да. В Амарне все куда-то спешат, — согласилась она.

— А как там Нефертити? — спросила я, поднимая чашу.

Мать вздохнула:

— По-прежнему сильна.

«В смысле — по-прежнему честолюбива».

— А мои племянницы?

— Даже будь они дочерьми самой Исиды — их и то не баловали бы больше. Ни одна лошадь или колесница не достаточно хороши для них. — Мать прищелкнула языком.

— Это скверный способ учить их.

— Я говорила Нефертити об этом, но она меня не слушает. — Мать понизила голос, хотя здесь, в саду, ее никто не слышал, кроме меня. — Ты слышала про Миттани?

— Да. — Я прикрыла глаза. — И мы не послали солдат им на помощь, — предположила я.

— Ни единого человека, — прошептала мать. — Потому твой отец и приехал сюда, Мутноджмет.

Я выпрямилась.

— Разве он приехал не затем, чтобы повидаться со мной?

— Конечно, за этим, — быстро произнесла мать. — Но еще и затем, чтобы поговорить с Нахтмином. Народ видит в нем героя, и он для нас — ценный союзник. Ты мудро поступила, выбрав его в мужья.

— Потому что теперь он может помочь нам? — с горечью спросила я.

И тут же пожалела о своем тоне. Мать, ничуть не превосходившая меня ни в хитрости, ни в претенциозности, отшатнулась.

— Если царствование Эхнатона завершится крахом, он будет нужен Египту.

— А под Египтом ты понимаешь нашу семью.

Мать поставила чашу и, перегнувшись через стол, положила ладонь поверх моей.

— Это твоя судьба, Мутноджмет. Путь к трону Гора был проложен задолго до твоего рождения и рождения Нефертити. Это было судьбой вашей бабушки, и матери бабушки, и матери ее матери. Ты можешь принять ее или опуститься вниз и измотать себя во всеобщей гонке.

Я подумала об отце: как он сидит сейчас на веранде с Нахтмином, интригует, плетет свою паутину, чтобы опутать нас и привести обратно в Амарну.

— Нефертити всегда будет царицей, — продолжала мать. — Но ей нужен — сын. Ей нужен наследник, чтобы быть уверенной, что Небнефер никогда не будет править Египтом.

— Но у нее лишь царевны.

— Надежда еще есть, — произнесла мать, и что-то в ее тоне заставило меня податься вперед.

— Она…

Мать кивнула.

— Через три месяца после рождения Анхесенпаатон?

У меня задрожали губы. На этот раз наверняка будет мальчик, о Небнефере все позабудут, и наша семья будет в безопасности. Так значит, Нефертити беременна четвертым ребенком. Четвертым.

— Ох, Мутноджмет! Не плачь…

Мать обняла меня.

— Я не плачу, — отозвалась я, но слезы потекли сильнее, и я уткнулась лицом ей в грудь. — Но ты не разочарована, мават? Не страдаешь оттого, что у тебя никогда не будет внука?

— Тсс! — Она погладила меня по голове. — Мне безразлично, сколько у тебя будет детей, один или десять.

— Но у меня нет ни одного! — вскрикнула я. — Разве Нахтмин не заслужил ребенка?

— Это в воле богов, — решительно произнесла мать. — И заслуги тут ни при чем.

Я вытерла слезы. Нахтмин с отцом вышли в сад; оба они были мрачны.

— Сегодня вечером мы встречаемся с бывшими жрецами Амона, — сообщил отец.

— У меня в доме?! — воскликнула я.

— Мутноджмет, Миттани сожжена дотла, — сказал Нахтмин.

Я в ужасе посмотрела на отца.

— Но не следует ли тебе, в таком случае, быть в Амарне? Царь Миттани будет просить солдат. Уж теперь-то наверняка…

— Нет. Сейчас мне лучше быть здесь и заняться планами, на которые в Амарне может не оказаться времени.

Я вздрогнула.

— А Нефертити знает, что ты делаешь?

— Она знает то, что хочет знать.

Следующим вечером, когда в небе висел тонкий серпик луны, слуги родителей перенесли длинный стол из кухни на середину крытой веранды. Ипу застелила его красивой скатертью и достала наше лучшее вино, развела огонь в жаровнях и бросила на угли палочки корицы. Я надела свой лучший парик и серьги, а Нахтмин отправился к подножию нашего холма, покараулить. Затем начали появляться люди в плащах с надвинутыми капюшонами и в позолоченных сандалиях: я с детства привыкла слышать имена этих людей, произносимые с величайшим почтением. Их лысые головы блестели в свете масляных ламп. Они бесшумно входили в дверь и обращались к Ипу с почтительным приветствием от имени Амона.

— Сколько будет мужчин? — спросила я у отца.

— Около пяти десятков, — ответил он.

— А женщин?

— Восемь-девять. Большинство наших сегодняшних гостей были прежде жрецами Амона. Они — влиятельные люди, — многозначительно произнес отец, — и они до сих пор поклоняются богу в тайных святилищах.

Никакого официального приветствия не было. Когда отец решил, что все в сборе, он выскользнул в темноту, за Нахтмином, потом вернулся. Он уселся на подушку, скрестив ноги, и объявил:

— Меня здесь знают все, я — визирь Эйе. Бывшего военачальника Нахтмина вы тоже знаете.

Мой муж коротко поклонился.

— Моя жена.

Мать мягко улыбнулась.

— И моя дочь, госпожа Мутноджмет.

Шестьдесят безмолвных лиц повернулись ко мне, глядя мне в глаза в трепещущем свете ламп. Я склонила голову, тяжелую и нескладную из-за парика. Я знала, что они сравнивают меня с Нефертити: мою темную кожу с ее светлой, мои простые черты с ее чеканными.

— Все мы знаем, что Миттани подверглась нападению, — продолжал тем временем отец. — Хетты перешли через Евфрат и захватили Халеб, Мукиш, Нию, Ахарати, Апину и Катну.

Присутствующие зашевелились.

— Но фараон Эхнатон уповает на договор, который он подписал с хеттским царем.

Веранду заполнили негодующие голоса.

— Вы говорили о мятеже, — обратился Нахтмин к людям, взирающим на моего отца с тревогой, — и визирь Эйе на нашей стороне. Он хочет сражаться с хеттами, он хочет освободить военачальника Хоремхеба из тюрьмы, он хочет вернуться к великому богу Амону — но сейчас не, время для мятежа.

Присутствующие неодобрительно загудели, гневно вскинув бритые головы.

— Я не желаю быть фараоном, а моя жена не желает быть царицей.

— Тогда возведите на трон Эйе! — громко заявил один из жрецов.

Отец встал.

— Моя дочь — царица Египта, — ответил он. — Народ Амарны поддерживает ее и желает, чтобы она владела посохом и цепом. Я тоже поддерживаю ее.

— А кто поддерживает фараона? — выкрикнул кто-то.

— Мы все должны это делать. Через него Египту будет дарован наследник. Царица, — объявил отец, — снова ждет дитя.

— Нам следует надеяться на рождение сына, — тихо добавил Нахтмин.

— Надежда никуда нас не привела! — перебил его мужчина с золотыми серьгами. Он встал, и стало видно, что на нем одежда из очень хорошего льна. — Во времена Старшего я был верховным жрецом Мемфиса. Когда Старший ушел в объятия Осириса, я надеялся вернуться в свой храм. Я надеялся, что мне не придется идти работать писцом, чтобы заработать на пропитание, но надежда ничего мне не дала. Мне повезло, что я был человеком бережливым, но не все могут сказать это о себе. — Он взмахнул рукой, унизанной браслетами. — Могли ли египтяне предвидеть, что произойдет после смерти Старшего? Новая религия, новая столица. Большинство из тех, кто собрался здесь, потеряли все. Визирь, мы не беспомощны, — предупредил он. — У нас сыновья в армии и дочери в позабытом фараоном гареме. Мы надеялись, что твоя дочь приведет Египет в чувство, но мы устали надеяться. Мы устали ждать.

Он сел, и мой отец заговорил, обращаясь к нему.

— Но вы должны ждать, — просто произнес он. — Наша встреча — это уже государственная измена, — отец понизил голос, — но предлагать свергнуть фараона — это еще опаснее. Свергнув фараона, мы подадим ужасный пример на будущее. Царица Египта заботится о своем народе.

— Ну да, в Амарне. А как насчет Фив? — сердито спросил бывший жрец.

— Дойдет черед и до Фив, — пообещал отец.

— Когда? — Какая-то старая женщина поднялась со своего места. — Когда я уйду в объятия Осириса? Но тогда будет слишком поздно!

Она оперлась на трость из черного дерева и посмотрела на отца.

— Ты знаешь, кто я?

Отец почтительно кивнул.

— Я была нянькой царевича Тутмоса. Я ухаживала за ним до самого его смертного ложа. И всем, кто пришел сюда, известна история о том, что я видела в ту ночь.

Присутствующие беспокойно заерзали.

— Простыни, на которых лежал царевич, — продолжала старуха, — были смяты и перепутаны, а на подушке остались следы зубов!

Я в ужасе посмотрела на отца. Тот дал старухе закончить повествование о братоубийстве.

— Эхнатон выгнал меня из Мальгатты сразу после похорон брата. Он мог бы убить и меня, но решил, что я стара и никчемна. И кто теперь возьмет меня на службу, няньку мертвого царевича?! — воскликнула она.

Старуха села, и на веранде воцарилось потрясенное молчание. Я затаила дыхание. Эта женщина только что обвинила фараона в убийстве.

— У всех нас есть какие-то деяния, что будут тяжелы на весах Осириса, и иные из них тяжелее других, — отозвался Нахтмин. — Всем нам причинили зло. Все мы вели борьбу с момента смерти Старшего, и всех нас созвали сюда, чтобы напомнить, что судьба в воле богов, а не бывших жрецов Амона. Мы должны ждать, пока у царицы родится царевич и визирь Эйе вырастит из него солдата, достойного Египта.

— Но это же еще пятнадцать лет! — хором воскликнули несколько человек.

— Возможно, — признал отец. — Но знайте, что я на вашей стороне, как и моя дочь, царица Нефернеферуатон-Нефертити. Амон не будет навечно потерян для Египта.

Он встал, давая понять, что встреча окончена.

Гости в плащах уважительно поклонились моей семье. Когда они ушли, я шепотом призналась Нахтмину:

— Что-то я не понимаю, как эта встреча может предотвратить мятеж.

— Теперь, зная, что Амон жив в сердце ближайшего советника Эхнатона, эти люди уже не будут настолько стремиться развязать войну против фараона, — ответил Нахтмин. — Египтяне, в конце концов, терпеливый народ. Худшее уже позади. Теперь им нужно только ждать перемен.

Нахтмин погладил меня по плечу.

— Не переживай, мив-шер. Твой отец знает, что делает. Он хотел успокоить их страхи, дать им знать, что будущее не настолько беспросветно, как кажется, — до тех пор, пока он на своем месте и придает ему форму. А кроме того, они увидели здесь тебя, его вторую дочь, вместе с бывшим военачальником, желающим сражаться против хеттов, и это сказало им о многом.

— О чем же?

— О том, что не все египтяне подпали под чары Амарны. Что надежда — в царской семье.

Родители пробыли у нас до конца пахона, а когда им пришло время уезжать, я закусила губу и пообещала себе не плакать, хотя и знала, что теперь они приедут не скоро.

23

1346 год до н. э.

Перет. Сезон роста

Вести о приближающихся родах Нефертити пришли в первом месяце перета, только на этот раз мне не было велено присутствовать. Если моя сестра умрет, меня даже не будет там, чтобы попрощаться.

Я отправилась к себе в лавку, Нахтмин последовал за мной. Он уселся на ярко-оранжевую подушку для посетителей и стал смотреть, как я сняла с полки ящичек с корицей, прогоняющей вшей и наполняющей дом

благоуханием. Корица была для женщины, приходящей раз в десять дней, в одно и то же время; она была дочерью уважаемого писца, который мог позволить себе покупать подобные предметы роскоши из Пунта.

Нахтмин все смотрел на меня. Я обернулась к нему.

— Я редко вижу, как ты работаешь, — объяснил он. — Меня вечно нет дома.

Кожа его потемнела — он много занимался с местными солдатами, — и сочетание с цветом волос и глаз было просто потрясающее. Я была уверена, что мужчины красивее не существует. Нахтмин встал и обнял меня.

— Я рад, что ты не едешь в Амарну, — признался он, целуя меня в шею. — Я очень скучал по тебе, когда ты уезжала.

Пока мы ждали новостей из Амарны, однажды вечером, когда мы с Нахтмином гуляли по берегу Нила, пришли совсем другие вести. Мы говорили о том, какими же мужественными должны быть солдаты Миттани, чтобы продолжать сражаться с хеттами, когда половина их городов уже потеряна. Свет заходящего солнца играл на водах реки, и то и дело в тихом вечернем воздухе разносился громкий плеск — это рыбы выпрыгивали из воды. А потом на берегу реки показалась Ипу, наряженная в свое лучшее платье, и помчалась к нам. Подняв средний палец, она воскликнула:

— Я выхожу замуж!

Мы остановились. Нахтмин первым поздравил мою служанку, обнял ее и пообещал, что мы устроим для нее такой пир, какого Фивы еще не видали.

Я взяла ее за руку, посмотреть на кольцо. Оно было золотым и массивным и стоило, должно быть, трехмесячного жалованья.

— Когда это случилось?

— Сегодня днем! — У Ипу запылали щеки. — Я пришла к нему в лавку, а он дал мне маленькую лодку, которую сам вырезал. Он сказал, что когда-нибудь мы поплывем на такой же лодке. А потом велел заглянуть в маленькую каюту, и там лежало это кольцо.

— Ох, Ипу! Нам нужно немедленно начинать готовить празднество! Когда вы собрались пожениться?

— В конце тиби.

— Как скоро! — вырвалось у меня.

Ипу улыбнулась:

— Я знаю. Но я тебя не оставлю.

— Я не это…

— А я именно об этом. Его дом не так уж далеко отсюда. Я буду приходить каждое утро и уходить к тому времени, когда он будет возвращаться из лавки, — пообещала Ипу.

Свадебный пир Ипу был назначен на десятое тиби, благоприятный день. В этот день я нарядила ее в платье из лучшего фиванского льна, накрасила ей глаза и дала на время золотое ожерелье, обильно украшенное бирюзой. В ушах у Ипу были голубые фаянсовые серьги, а в волосах — голубой нильский цветок. Пришедшие женщины накрасили ей ладони и груди хной, и, когда Нахтмин вошел в наши покои, он громко присвистнул.

— Невеста — соперница Исиды, — отпустил он комплимент.

Ипу посмотрелась в зеркало из полированной бронзы.

— Вот бы мама меня увидела… — прошептала она, положив зеркало и подняв руку так, чтобы драгоценные украшения заблестели в лучах заката.

— Она гордилась бы тобой, — сказала я, взяв ее за руку. — И я уверена, что ее ка смотрит на тебя.

Ипу сглотнула слезы.

— Да, я тоже так думаю.

— Ну идем же, Джеди ждет.

В сумерках по Нилу плыли баржи. Триста человек наблюдали за ними из нашего двора. Треугольные паруса в сумерках напоминали белых мотыльков. Мне стало любопытно: а знает ли Ипу всех этих гостей, мужчин и женщин, детей и стариков? Вдоль дорожки сада горели лампы, и весь вечер люди приходили и уходили, приносили молодоженам в подарок золото и пряности, целовали Ипу в лоб и гладили по животу, благословляя ее чрево. Я смотрела на это все, и мое настроение то поднималось, то падало, словно на весах Анубиса.

— Ты жалеешь, что у тебя всего этого не было? — спросил меня во время празднования Нахтмин.

Вокруг стояли столы с жареными гусями, приправленными чесноком, с цветами лотоса в меду и с ячменным хлебом. Вино всю ночь текло рекой, и женщины танцевали под пение флейт.

Я улыбнулась и взяла мужа за руку. Она была загрубевшей, не то что у моего отца, но она была и сильной.

— Я бы не променяла тебя на все дары Фив.

Появились Ипу с Джеди, с цветами в волосах и с такими довольными лицами, какие бывают только у молодоженов.

— За хозяев этого дома! — воскликнул Джеди, перекрывая шум, и сотни гостей подняли свои чаши за нас, а музыканты завели радостную мелодию.

— Давайте танцевать! — воскликнула Ипу.

Я протянула руку Нахтмину, и мы прошли через двор туда, где люди хлопали в ладоши, гремели систрумами и смотрели на молодых танцовщиц-нубиек. Их тела при свете факелов напоминали отполированное черное дерево. Танцовщицы одновременно прогибались и подпрыгивали под восхищенные возгласы.

Если бы кто-нибудь посмотрел на нас с другого берега Нила, он увидел бы сотни мерцающих огоньков на темно-синем фоне, поднимающихся ярусами вокруг дома, что принадлежит сестре главной жены царя. Празднование длилось до раннего утра, когда за самыми важными гостями прибыли носилки, чтобы развезти их по домам. Когда двор наконец-то опустел, я впервые со времен детства провела ночь не в обществе Ипу.

На следующее утро прибыл слуга из Амарны. Он протянул мне свиток, который я не хотела читать.

— Что в нем написано?

Я затаила дыхание. Юноша помрачнел.

— Царица родила царевну Неферуатон. Обе они живы.

Четвертая царевна.

24

1345 год до н. э.

7 moma

Восемь долгих месяцев после рождения четвертой дочери Нефертити Египет терзала засуха. Горячий ветер дул над иссохшей землей, сжигая посевы и вытягивая жизнь из Нила. Так начался сезон перет. Сперва вместо холодного ночного воздуха из пустыни стало тянуть теплым ветерком. Затем жара вторглась в тень, прокравшись повсюду, где должна была бы царить

прохлада, и старики начали спускаться к реке, чтобы постоять в воде под испепеляющим солнцем и поплескать водой в лицо.

У колодцев женщины, а у городских храмов мужчины стали поговаривать, что фараон отвернулся от Амона-Ра, и теперь великий бог жизни дал волю гневу и обрушил на нас засуху — от нее у наших соседей уже передохла половина скота, а дети рыбаков начали побираться на улицах. Один лишь Джеди, казалось, не обращал внимания на голод и говорил Ипу, что теперь самое время отправляться в плавание, что они могут подняться вверх по Нилу до Пунта и вернуться с сокровищами, что ценнее любой рыбы: с черным деревом, корицей и золотом.

— Но Ипу — не матрос! — воскликнула я. — Она умрет в Пунте!

Нахтмин посмеялся надо мной.

— Джеди — способный человек. Он наймет матросов, а торговцы вложат деньги в его экспедицию.

— Но Ипу хочет детей, — пожаловалась я.

Нахтмин пожал плечами:

— Значит, она обзаведется ими в Пунте.

От чудовищности этого мнения я лишилась дара речи.

— Она сама выбрала эту жизнь, — напомнил Нахтмин, — и лично я попрощался бы с ней еще до утра.

Я отправилась к Ипу с тяжелым сердцем. Я теряла свою ближайшую подругу. Ипу была со мной с тех самых пор, как я впервые переступила порог Мальгатты, — и вот теперь она отправлялась в путешествие в чужедальние земли, откуда могла вовсе не вернуться. Я тихо сидела и смотрела, как моя служанка, которая была больше чем просто служанкой, складывала одежду в корзины и заворачивала косметику в папирус.

— Я еду не на край земли, — попыталась уговорить меня Ипу.

— А ты хоть знаешь, как там, в Пунте, обращаются с женщинами? Откуда ты знаешь, что не так, как в Вавилоне?

— Оттуда, что египтяне уже бывали там.

— И египтянки?

— Да. Во времена фараона Хатшепсут Пунтом правила женщина.

— Но это было во времена Хатшепсут. А кроме того, ты никогда не плавала на корабле подолгу. Откуда ты знаешь, что тебя не будет тошнить?

— Я возьму с собой имбирь. — Ипу взяла меня за руку. — И я буду осторожна. Когда я вернусь, то привезу тебе травы, которых никогда не видали в Фивах. Я обыщу там для тебя все местные рынки.

Я кивнула, пытаясь примириться с тем, чего я все равно не могла изменить. Я заставила Ипу еще раз пообещать, что она будет беречь себя.

— И не смей рожать ребенка в чужих краях, без меня!

Ипу рассмеялась:

— Я скажу ему, чтобы он подождал возвращения к крестной.

На следующее утро они с Джеди отплыли на своем корабле, полном матросов и торговцев, в землю, что казалась нам, египтянам, далекой, словно солнце.

— Не так уж это и далеко, как тебе кажется, — сказал мне на следующее утро муж. Он сидел во дворе и точил наконечники стрел. — Она вернется еще до следующего ахета, — пообещал Нахтмин.

— Через год? — вырвалось у меня. — Но что я буду делать без нее?

Я уселась на пень упавшей пальмы; мне было очень жаль себя.

Нахтмин поднял голову и расплылся в улыбке.

— Ну, пожалуй, я могу придумать, что нам делать, пока Ипу в отъезде.

Мне показалось, что он даже рад на некоторое время избавиться от непрестанной болтовни Ипу.

Но мои месячные так и продолжали приходить каждую луну.

Я выращивала мандрагору, я добавляла мед в чай, я каждое утро посещала святилище Таварет в городе и возлагала к ее ногам отборные травы из моего сада. Я начала смиряться с тем, что никогда не подарю Нахтмину детей, которых он так желает. Я никогда больше не понесу. А Нахтмин, вместо того чтобы отвернуться от меня, как сделали бы большинство мужей, сказал лишь:

— Значит, вместо этого боги предназначили тебе делать плодородной землю, — и погладил меня по щеке.

Но в глазах его горел огонь, и мне стало страшно. Ведь только из-за меня и моей семьи Нахтмин отказался избавить Египет от человека, которому вообще не следовало становиться фараоном. Однако же он никогда ничего не говорил о письмах, которые слали ему солдаты из войска Эхнатона. Нахтмин лишь обнял меня, привлек к себе и спросил, не хочу ли я погулять вдоль реки.

— Пока она не исчезла, — пошутил он.

— Я слышала, как жрицы в святилище переговаривались между собой, — сказала я ему. — Они думают, что эта засуха — результат каких-то дел фараона.

Нахтмин не стал спорить. Он открыл ворота сада, мы прошли через них и спустились к воде, благо до нее было недалеко.

— Он презрел Амона и всех прочих богов.

Мы посмотрели на реку. На обнажившиеся берега, на детей, что играли голышом, бросали друг другу мяч и смеялись, пока родители наблюдали за ними, прячась под навесами. Трое женщин почтительно кивнули нам, когда мы прошли мимо, и Нахтмин сказал:

— Просто поразительно, сколько могут вытерпеть египтяне, прежде чем восстать.

Он повернулся ко мне, освещенный заходящим солнцем.

— Я говорю тебе об этом, Мутноджмет, потому что люблю тебя и потому что твой отец — великий человек, вынужденный служить вероломному фараону. Люди не вечно будут кланяться, и я хочу быть уверенным, что тебя не раздавят. Ты будешь готова.

От его слов мне сделалось страшно.

— Пообещай мне, что ты не станешь принимать глупых решений, — настойчиво произнес Нахтмин. — Пообещай, что, когда придет время, ты будешь принимать решение, думая и о нас двоих, а не только о твоей семье.

— Нахтмин, я не понимаю, о чем ты…

— Но ты поймешь. И я хочу, чтобы тогда ты вспомнила этот момент.

Я посмотрела на сузившийся Нил, на блестящее на воде солнце. Потом перевела взгляд на Нахтмина, ожидавшего моего ответа, и сказала:

— Обещаю.

25

1344 год до н. э.

Ахет. Сезон разлива

Муж больше не напоминал мне о моем обещании, сделанном на берегу реки, и я и сама не заметила, как прошли перет и шему и прибыла весть о том, что в порт вошел корабль Джеди. Я надела свой лучший парик и самый красивый пояс.

Нахтмин приподнял брови:

— Ты, похоже, решила, что это приехала царица.

Мы поехали в порт и отыскали там корабль Джеди — такой же большой и внушительный, каким он мне запомнился. В воздухе сильно пахло жареным кумином. Нам пришлось проталкиваться через толпу: люди сбились на пристани в кучу, словно рыбы в стае. Многие из них пришли, чтобы увидеть своих близких. В тот день тота с Джеди уплыло больше пятидесяти матросов, и теперь их жены толпились здесь, с цветами в волосах. Когда я разглядела на палубе Ипу, то ахнула. Она ждала ребенка!

— Госпожа! — Ипу пробилась ко мне через толчею. — Госпожа!

Она повисла у меня на шее, а мне еле-еле хватило рук, чтобы обнять ее.

— Гляди! — Ипу, улыбнувшись, показала на свой круглый живот. — Он подождал тебя.

— Сколько месяцев? — спросила я.

— Почти девять.

— Девять, — повторила я.

Мне просто не верилось. Ипу, моя Ипу, ждет ребенка.

Ипу повернулась к Нахтмину.

— Я думала о тебе по дороге, — призналась она. — На берегах Пунта солдаты носят оружие, совершенно не похожее на египетское. Мой муж привез тебе образцы. Самые разные. Из черного дерева и кедра. И даже одну штуку из металла, который они называют железом.

Ипу положила руку на круглый живот. Я никогда еще не видела ее более цветущей.

— Может, вы бы пошли вдвоем домой? — мягко предложил Нахтмин. — Я могу остаться тут, помочь Джеди, а вы пока поговорите. Здесь не место для женщины на девятом месяце беременности.

Я отвела Ипу в дом, где она не была почти целый год. По пути она рассказывала мне о земле, где живут люди с кожей более темной, чем у египтян, но более светлой, чем у нубийцев.

— И они носят в волосах странные украшения. Из бронзы и слоновой кости. Чем богаче женщина, тем больше амулетов она носит.

— А травы? — нетерпеливо спросила я.

— Ох, госпожа, ты никогда не видела таких трав! Джеди привез для тебя целый сундук с травами.

Я захлопала в ладоши.

— А ты расспросила местных женщин, для чего они?

— И большую часть записала, — отозвалась Ипу. Тут мы подошли к ее дому, и Ипу замедлила шаги. Она в немом изумлении уставилась на двухэтажный дом с коричневой отделкой вокруг окон и дверей.

— Я успела позабыть, как это здорово — быть дома, — сказала она, держась за живот, и меня затопило непривычное мне ощущение зависти.

В доме было очень тихо — такую тишину мне доводилось встречать только в гробницах Фив. Ипу посмотрела на статуи Амона; все было на тех же местах, где она их оставила. Все осталось точно таким же, если не считать тонкого слоя пыли. И самой Ипу. Первой заговорила я:

— Надо убрать все эти занавески, пусть будет посветлее.

Я стала подвязывать плетенные из тростника занавески, а Ипу смотрела на меня. Я обернулась.

— Что случилось?

Ипу опустилась на скамью, положив руки на живот:

— Мне так нехорошо, что это я буду рожать! Я так хотела, чтобы у тебя был ребенок!

— Ох, Ипу, — с нежностью произнесла я и обняла ее. — Это в воле богов. На все есть какая-то причина.

— Но какая? — с горечью спросила Ипу. — Что это может быть за причина? Я молилась за тебя, когда была там, — созналась она. — Местной богине.

Я ахнула:

— Ипу!

— Хуже от этого не будет, — твердо заявила она, и в голосе ее звучала такая серьезность, какую мне редко доводилось слышать от нее.

Мы посмотрели друг на друга в солнечном свете, пробивающемся через занавески, и я сказала:

— Ты хороший друг, Ипу.

— И ты, госпожа.

Мы принялись беседовать и попутно убирать: вытряхивать пыль с настенных драпировок и отмывать полы. Ипу рассказала обо всех ее приключениях на Ниле. Они сперва поднялись вверх по реке до Котпоса, потом, оставив корабль на попечение одного из матросов, отправились с караваном на восток, по Вади-Хаммамат. Когда они добрались до побережья, Джеди купил три лодки для всех тех товаров, которые он намеревался привезти обратно, они наняли еще матросов и отправились на юг. Ипу вспомнила, как одного из их людей, когда он пошел искупаться, чуть не убил крокодил и как ей всю ночь не давало спать хриплое урчание гиппопотамов.

— И ты не боялась?

— Там был Джеди и пятьдесят вооруженных матросов. На воде там бояться нечего, кроме животных, а когда мы заплыли дальше на юг, там стали встречаться такие животные, каких ты никогда не видела.

Я опустила запыленный подол.

— Например?

— Например, змеи длиной с эту комнату и кошки величиной… — Ипу оглядела веранду. — Величиной с этот стол.

У меня глаза полезли на лоб.

— Больше, чем их изваяния в храме Амона?

— Намного больше.

Потом она принялась описывать великолепные травы, которые ей удалось отыскать, и корицу — они привезли полные сундуки корицы.

— Мы ходили повсюду, госпожа. Там женщины не ездят в носилках. Только на ослах. А когда я округлилась, мне было легче ходить, чем ездить.

Джеди позволял ей посещать чужеземные рынки, где женщины продавали темные стручки, пахнущие имбирем и лимоном, — ими приправляли медовые лепешки и хлеб. Ипу видела взрослых мужчин ростом с ребенка и высоких пятнистых животных, объедающих листья с верхушек деревьев. Женщины продавали пряности и ароматные чаи, и на рынке царили шафраново-желтый, землисто-фиолетовый и огненно-красный цвета.

— Как их одежда.

— А что, там все носят красное?

— Только богатые. Там не так, как в Египте, — объяснила Ипу.

В Египте все, и бедные, и богатые, носили белое.

Когда с пристани пришли Джеди с Нахтмином, следом за ними тянулись матросы, тащившие сундуки с товарами. Дом заполонил запах кедра. Мы уселись на веранде и стали разглядывать необычные находки и слушать связанные с ними истории. Там была шкатулка из слоновой кости, с травами, которые Ипу собрала сама, и деревянный ящик с оружием для Нахтмина. Еще Ипу привезла для меня ярко-синее платье. Остальное были вещи для дома и украшения для будущего ребенка. Это должно было стать его наследством: слоновая кость и золото из страны Пунт.

Тем вечером мы хорошо поели и просидели до утра, слушая, как хохочет Джеди, рассказывая про одного матроса: он съел какое-то местное блюдо, а потом целый день не мог отойти от ямы — в отличие от Египта, туалетов в Пунте не знали. Джеди с Ипу хохотали, вторя друг другу, и, когда мы отправились домой, унося мою шкатулку с травами и новое оружие Нахтмина, нам казалось, будто они никогда и не уезжали.

В Египте говорят, что, когда удача решит взглянуть на тебя, она делает это трижды, по разу на каждую часть глаза Гора: верхнее веко, нижнее веко и сам глаз. На следующее утро после того, как к нам вернулась Ипу на девятом месяце беременности, закончилась засуха. С неба обрушились ливни; тяжелые капли барабанили по водам Нила и собирались в лужи на полях. А вечером, когда Нахтмин ужинал у жаровни, а я болтала с Ипу, прибыл гонец из Амарны и привез свиток с печатью моей семьи. Джеди, отворивший дверь гонцу, передал свиток мне, и глаза у него были круглые от любопытства. Он, наверное, никогда не видел печати визиря: тяжелый золотой воск и лучший папирус, растущий только в дельте Нила. Я тут же вскрыла послание и прочла его вслух.

«Твоя сестра тяжело переносит новую беременность, и жрицы Атона надеются, что это двойня — либо признак царевича. Но она часто плохо себя чувствует и зовет тебя сюда. Нахтмин тоже приглашен».

Ипу ахнула:

— Пятый ребенок?!

Я понимала, что она имеет в виду. Только царицу боги могли благословить такой плодовитостью. Каждый год Нефертити рожала по ребенку, хоть в дождь, хоть в засуху. И у меня внезапно на глаза навернулись слезы.

Нахтмин поставил чашу.

— Мив-шер… — с нежностью произнес он.

Я в смущении смахнула слезы.

— Ты можешь ехать, — сказала я. — Отец не позволил бы матери отправить такое письмо, если бы думал, что тебе грозит опасность. Ты поедешь? — спросила я его.

Нахтмин заколебался, но когда увидел, с какой надеждой я смотрю на него, то ответил:

— Конечно поеду. Мы отплывем сразу же после того, как Ипу отправится в павильон для родов.

Я тут же написала ответ, сообщив матери, что мы отправимся в путь, как только Ипу родит. «Это будет не позднее чем через пятнадцать дней», — сообщила я. Письмо было доставлено быстро, потому что через пять дней пришло другое, написанное рукой Нефертити.

«Ты хочешь дожидаться рождения твоего крестника, в то время как на свет должна появиться твоя племянница, царевна Египта? Я плохо себя чувствую каждое утро и не сплю по ночам, а ты хочешь сидеть в Фивах до атира, когда я, быть может, уже умру?»

Я так и услышала ее обвиняющий голос. Если она умрет, а меня там не будет, чтобы благословить ее, ее ка никогда не обретет покоя. Я дочитала письмо.

«Я знаю, что ты не бросишь меня, когда Анубис стоит у моего порога, поэтому я посылаю корабль. Он отвезет тебя в Амарну как можно быстрее. И поскольку я знаю, что ты не поедешь без Нахтмина, он тоже приглашен. Вы можете занять покои для гостей, те, что возле Зала приемов».

Я скомкала свиток.

— Опять началось! Она послала корабль. Но я не уеду, пока не увижу, как благословят моего крестника, — решительно заявила я.

Ипу покачала головой:

— На этот раз твоя сестра права, госпожа. Ты должна отправиться в путь, как только придет корабль. Если царица носит двойню…

Она сочувственно развела руками.

Нахтмин кивнул.

— Думаю, тебе не надо напоминать, как умерла моя мать, — мягко произнес он. — И ни один из моих братьев не выжил.

Делать было нечего — мне приходилось возвращаться в Амарну, в город, из которого меня изгнали.

— А вдруг роды Ипу закончатся плохо? — прошептала я.

Нахтмин повернулся в темноте. Изображения Таварет, вырезанные на столбиках кровати, благожелательно взирали на нас в лунном свете.

— Мутноджмет, ты же знаешь, что говорят лекари.

Он коснулся моего лба большим пальцем, чтобы прогнать тревогу.

— Они думают, что Ипу родит в ближайшие семь дней. Но они могут ошибаться. — Я прикусила губу и с беспокойством подумала о корабле Нефертити, приближающемся к Фивам. — А вдруг корабль придет, а Ипу еще не родит?

Я все не спала, думая, как бы задержать корабль. Нефертити еще несколько месяцев до родов. Она может подождать. Если Ипу не родит в ближайшие несколько дней…

Но мое беспокойство оказалось напрасным. На следующее утро Ипу отправилась в родильный павильон, построенный для нее Джеди и примыкающий к их дому. Все утро у нее продолжались схватки, и она кричала. За резной дверью Нахтмин утешал Джеди, а Ипу, вцепившись в мою руку, заставила меня пообещать, что, если она не останется в живых, я позабочусь о ребенке, кто бы это ни был, мальчик или девочка.

— Не говори глупостей! — сказала я Ипу, убирая густые волосы с ее лица, но она все равно заставила меня поклясться.

Так что я дала клятву, но исполнять ее не потребовалось. К вечеру все завершилось, и Джеди стал отцом крепкого мальчишки.

— Ты только глянь, какой он тяжелый! — похвалила я спеленатого младенца и вручила его Ипу. Младенец вопил на всю комнату. — Как ты его назовешь?

Ипу посмотрела на окровавленные простыни. Снаружи было слышно, как празднуют радостное событие Нахтмин и Джеди.

— Камосес, — сказала она.

Ожидая корабля Нефертити, я целыми днями сидела с Ипу, наблюдала за ней с Камосесом и завидовала, глядя, как она купает его, укачивает и любуется тем, как он дышит во сне. И хотя малыш оказался беспокойный, у меня ныло внутри, когда я смотрела, как он сосет грудь и мордашка у него довольная-предовольная.

По вечерам я возвращалась домой, к Нахтмину, и мы вместе ложились в постель и проводили ночи, пытаясь зачать нашего собственного сына. В нашу последнюю ночь в Фивах Нахтмин убрал волосы с моего лица.

— Если у нас никогда не будет ребенка, я смирюсь с этим. Но ты, мив-шер, не смиришься. Я это вижу.

Я смахнула слезы.

— Разве ты не хочешь сына?

— Хочу. Или дочь. Но это — дар богов.

— Дар, который мы отправили обратно!

— Нет. Который был украден, — поправил он, и голос его был мрачен.

— Иногда я вижу во сне ребенка, — сказала я, повернулась к мужу, и он утер мне слезы. — Как ты думаешь, это что-нибудь значит?

— Боги посылают нам сны не просто так.

На следующий день за нами пришла баржа, но покидать Фивы оказалось труднее, чем раньше. Мы помахали оставшимся на пристани Ипу и Джеди: они с гордостью новоиспеченных родителей время от времени передавали Камосеса друг другу. Они должны были присматривать за домом в наше отсутствие, ухаживать за садом и кормить Бастета. Ипу обещала обслуживать женщин, которые будут приходить за медом и акацией. Она уже девять лет помогала мне возиться с травами, и я пообещала хорошо заплатить ей.

— Ты вовсе не обязана платить мне, госпожа, — возразила Ипу.

Но я не согласилась:

— Это будет лишь справедливо. Мы можем задержаться там на несколько месяцев.

Я стояла на носу корабля, щурясь от яркого солнечного света, и понятия не имела ни как долго мы пробудем в Амарне, ни при каких обстоятельствах вернемся.

Мы прибыли в Амарну, когда теплое осеннее солнце клонилось к горизонту. Мы стояли на палубе, и я поразилась до глубины души, увидев, как разросся город и каким красивым он стал. За нами прислали носилки, и мы, укрывшись от солнца за льняными занавесками, проехали через весь город к Приречному дворцу. Я раздвинула занавески и обнаружила, что на всех новых храмах и святилищах изображена Нефертити: на дверях, на стенах, в облике припавших к земле сфинксов. Нефертити была повсюду; ее лицо было высечено там, где следовало бы находиться Исиде и Хатор. А с массивных колонн, окружающих дворец, вместо Амона смотрело лицо Эхнатона. Когда носильщики опустили носилки у укрепленных ворот дворца, Нахтмин посмотрел на пилоны, потом отвернулся, перевел взгляд на город.

— Они сделали из себя богов.

Тут появился мой отец, и я поднесла палец к губам.

— Мутноджмет. Нахтмин. — Он тепло обнял моего мужа. Подойдя ко мне, он понизил голос и искренне произнес: — Мы слишком долго не виделись.

— Больше двух лет после последней встречи в Фивах.

Отец улыбнулся:

— Мать ждет тебя в родильном павильоне.

— Нефертити уже отправилась в родильный павильон?!

— Ей нездоровится, — тихо произнес отец. — На этот раз беременность дается ей тяжело.

— На четвертом месяце?

— Некоторые лекари думают, что уже шестой.

Нас провели по Приречному дворцу. Дворец выглядел точно так же, как к моменту моего отъезда. Колонны из белого известняка уходили в небо, а во внутренних двориках все цвело. Некоторые из них были засажены миртом и

жасмином, и жасмин же господствовал в садах с водоемами, роняя благоуханные лепестки в воду. Мы прошли мимо Большого зала, и отец сказал:

— Вы будете жить здесь.

И указал на гостевые покои, предназначенные для иноземных дипломатов и посланцев. Я ощутила укол боли, но Нахтмин с благодарностью кивнул.

— Идем, — сказал отец. — Я отведу вас обоих в павильон.

Я посмотрела на Нахтмина:

— Но как же…

— Это Амарна, — скривившись, сказал отец. — Нефертити допускает к себе всех. Хоть женщин, хоть мужчин…

Мы вошли в родильный павильон, и там сразу же поднялся гомон. Я взглянула на лежащую в постели Нефертити. Эхнатон сидел рядом с женой и, напрягшись, с подозрением смотрел на Нахтмина. А потом нас окружили скачущие, смеющиеся дети, которым не терпелось встретиться с тетей Мутноджмет и познакомиться с дядей Нахтмином. Я посчитала и сообразила, что Меритатон уже пять лет. Ее не по летам взрослая усмешка напомнила мне Нефертити.

— Мама сказала, что ты привезла подарки, — сказала она и протянула руку.

Я посмотрела на Нахтмина. Тот приподнял брови и открыл сумку. Все подарки были завернуты в папирус, и Ипу все их подписала.

— Ну-ка, кто тут Меритатон? — спросил Нахтмин.

— Это я! — заявила самая старшая царевна. Она аккуратно взяла подарок под мышку и представила Нахтмину своих сестер. — Вот это — Мекетатон. — Она указала на полненькую кудрявую девочку. — Она всего на год младше меня. А это — Анхесенпаатон. — Меритатон указала на красивую малышку, которая стояла за спинами сестер и терпеливо ожидала подарка. — Ей два года. А это наша самая маленькая сестра, Неферуатон.

Неферуатон доковыляла к нам, и девочки получили свои подарки. Пока они лихорадочно их разворачивали, мать подошла обнять меня и расцеловала в обе щеки. Потом послышался громкий голос Меритатон.

— Я никогда не видела ничего подобного! — объявила она, и голос ее звучал так, словно ей было не пять, а все пятнадцать. — Мават! — Она подошла к постели Нефертити. — Ты когда-нибудь видела подобное?

Нефертити посмотрела на дощечку для письма, сделанную из слоновой кости; Нахтмин сделал их с помощью резчика, работающего над нашей гробницей. На дощечках были вырезаны имена царевен и сделаны подставки для кистей и неглубокие чернильницы. Моя сестра потрогала гладкие края и тоненькие кисточки, и когда она подняла голову, чтобы поблагодарить Нахтмина, взгляд ее был уже иным.

— Они прекрасны. У нас во дворце нет ничего подобного, — признала она. — Откуда это?

— Я хочу посмотреть на них, — распорядился Эхнатон.

Девочки отнесли свои таблички отцу. Фараон небрежно осмотрел их.

— Наши ремесленники могут сделать лучше.

Нахтмин почтительно склонил голову:

— Я сделал их вместе с одним резчиком из Фив.

— Очень искусная работа, — похвалила его Нефертити.

Эхнатон, побагровев, встал.

— Меритатон, Мекетатон! Мы едем на Арену!

— А военачальник с нами поедет? — спросила Меритатон.

Эхнатон остановился у двери. Все застыли. Фараон развернулся и посмотрел на Меритатон.

— Кто сказал, что этот человек был военачальником?

— Никто. — Меритатон, должно быть, услышала угрозу в голосе отца и поняла, что не стоит говорить ему правду, а правда, судя по всему, заключалась в том, что визирь Эйе до сих пор называл моего супруга военачальником. — Я просто увидела его мышцы и поняла, что он много времени работает под открытым небом.

Эхнатон сощурился:

— А почему тогда не рыбак или не художник?

Я никогда не забуду ответа Меритатон, показывавшего, сколь сообразительна она была в свои пять лет.

— Потому что наша тетя никогда бы не вышла замуж за рыбака.

На миг воцарилось напряжение, а потом Эхнатон рассмеялся и подхватил Меритатон на руки.

— Поехали на Арену, и я покажу тебе, как ездят воины! Со щитом!

— А как же я? — закричала Анхесенпаатон.

— Тебе всего два года! — отрезала Меритатон.

— Ты тоже поедешь, — объявил Эхнатон.

Когда они ушли вчетвером, отец спросил у Нахтмина:

— Может, показать тебе твои покои?

— Думаю, это было бы хорошо, — ответил мой муж.

— И мы дадим вам нескольких личных слуг на то время, что вы пробудете здесь.

Мать встала, собираясь присоединиться к ним, и Нефертити отчаянно воскликнула:

— Но ты вернешься к ужину?

— Конечно, — ответил отец таким тоном, словно иначе и быть не могло.

Я придвинула табурет к кровати Нефертити.

— У тебя красивый муж, — признала сестра. — Неудивительно, что ты предпочла его мне.

— Нефертити!.. — запротестовала было я, но Нефертити подняла руку:

— Сестры не могут быть близки вечно. Мы с Мерит стали друзьями. В этом году я сделала ее отца визирем. На должности писца он растрачивал свои способности впустую.

Я оглядела комнату.

— Она приносит мне сок. Она отлично выбирает ююбу. И она не хочет замуж, — многозначительно добавила Нефертити.

Я вздохнула.

— Ну так как ты себя чувствуешь?

Сестра пожала плечами:

— Хорошо, насколько это возможно. Говорят, беременность достаточно тяжелая, чтобы это был сын. — Ее темные глаза заблестели. — Но другие говорят, что это может быть двойня. Ты когда-нибудь слышала, чтобы женщина родила двойню и осталась в живых?

Я сжала губы, чтобы не пришлось врать.

— Никогда? — со страхом прошептала Нефертити.

— Двойни бывают редко. Наверняка должны быть женщины, которые при этом оставались живы.

Нефертити посмотрела на свой живот:

— Четыре царевны, Мутноджмет. Четыре! Думаю, Некбет отвернулась от меня.

Голос ее был мрачен. Кто знает, возможно, она впервые со времени моего отъезда из Амарны признавалась кому-то в своих истинных страхах. Да и кому еще она могла довериться? Моей матери, которая стала бы уверять ее, что все будет хорошо? Нашему отцу, который велел бы ей думать о царстве? Мерит, которая ничего не знала о родах и сопутствующей им боли? Нефертити взяла меня за руку, и внезапно жизнь в Фивах показалась мне ужасным лишением, и я почувствовала себя виноватой за то, что бросила ее здесь одну, наедине с ее страхами и честолюбием, — хотя это она меня изгнала.

— Мутноджмет, пообещай мне, что, если я умру родами, ты сделаешь Меритатон царицей. Пообещай, что Кийя никогда не станет главной женой.

— Нефертити, не надо так говорить…

Она сильнее сжала мою руку и задрожала.

— Я должна пережить эти роды. Я должна выжить, чтобы увидеть моего сына на троне.

Она с надеждой посмотрела на меня, но я не стала обещать, что она непременно это увидит. Это ведомо лишь Некбет. Лишь Таварет могла бы сказать об этом.

Вместо этого я спросила сестру:

— Сколько еще осталось?

Нефертити посмотрела на свой живот. Он был таким же маленьким и аккуратным, как и в прошлые разы, но на этот раз выглядел круглее и как-то тяжелее.

— Три. Еще три месяца, пока все это закончится.

С другими детьми она никогда не испытывала подобного нетерпения.

— Но ты мне поможешь, ведь правда же?

— Конечно.

Нефертити медленно кивнула, успокаиваясь.

— А то я подумала… — Ее глаза наполнились слезами. — Я подумала, что ты меня бросила.

Она напрочь позабыла про мое изгнание, надежно упрятала эти воспоминания, чтобы они не преследовали ее и чтобы это она была пострадавшей стороной.

— Я тебя не бросала, Нефертити. Можно любить двух людей одновременно, как ты любишь Меритатон и нашего отца.

Нефертити посмотрела на меня с глубочайшим недоверием.

— Я останусь до тех пор, пока ты не родишь своих сыновей, — пообещала я.

26

Перет. Сезон роста

Схватки начались несколько месяцев спустя, на рассвете. Эти роды были у моей сестры самыми продолжительными, и повитухи, собравшись в углу, обеспокоенно переглядывались и обсуждали, не дать ли ей ревень и руту.

— Что они говорят? — вскрикнула Нефертити.

— Что у тебя никогда еще не было настолько болезненных родов, — правдиво ответила я.

— Если что-то пойдет не так — скажи мне! — выдохнула сестра. — Если они что-то поймут…

— Ничего страшного не происходит, — оборвала я ее и успокаивающе положила руку ей на лоб, а Нефертити вцепилась в ручки родильного кресла.

— Мават! — вскрикнула она. — Где отец? Больно как!

— Тужься! — хором закричали повитухи, и Нефертити снова напряглась и пронзительно закричала, так что и Анубис проснулся бы, — а потом появились они.

Не один ребенок — двое.

— Двойня! — закричали повитухи, и Нефертити нетерпеливо спросила:

— Кто? — Она изо всех сил пыталась разглядеть детей. — Кто?!

Повитухи обеспокоенно переглянулись, потом одна выступила вперед и сообщила:

— Девочки, ваше величество.

Тут новорожденные громко завопили. Нефертити рухнула на кресло. Она предприняла пять попыток. Пять попыток — и шесть девочек. Павильон заполнился радостными возгласами. Моя мать высоко подняла одну из царевен.

— Отнесите меня обратно на кровать, — прошептала Нефертити.

Эхнатона впустили в комнату лишь после того, как ее переодели и уложили в постель.

— Нефертити!

Фараон оглядел комнату, убедился, что жена жива, и принялся искать взглядом детей.

— Двойня!

Повитухи сделали вид, будто они вне себя от радости, и вид у Эхнатона сделался триумфальный. Но потом на лице его проступила тревога.

— Сыновья? — быстро спросил он.

— Нет. Две прекрасные дочери, — ответила самая старшая из повитух, и, как ни странно, похоже было, что Эхнатон рад без памяти.

Он тут же кинулся к Нефертити.

— Как мы их назовем?

Нефертити улыбнулась ему, хотя я знала, что ее сейчас терзает жестокое разочарование.

— Сетепенре, — ответила она. — И…

— Нефернеферуатон.

— Нет! Нефернеферуре.

Я посмотрела на Нефертити и по ее решительному виду поняла, что она не намерена называть своих дочерей в честь бога, пославшего ей шестерых царевен. Интересно, а Амон смог бы дать ей царевича?

Эхнатон взял руку моей сестры и прижал к груди.

— Нефернеферуре, — уступил он, — вслед за прекраснейшей матерью в мире.

Когда мой отец услышал эти новости, он уселся под родильным павильоном и велел принести ему вина.

— Шесть девочек, — глухо произнес он, не в силах поверить в это. — Он дал Кийе сына, а твоей сестре — шесть девочек.

— Но он любит их. Он просто без ума от них.

Отец посмотрел на меня.

— Он может любить их больше, чем самого Атона, но что подумают люди?

Пока вести расходились по Амарне, я отправилась в сад и отыскала там мужа.

— Ты слышал? — спросила я, кутаясь в плащ.

— Двойня.

— Не просто двойня, — негромко произнесла я; с губ моих сорвались клубы пара. — Девочки.

— И как он воспринял эти вести? — спросил Нахтмин.

Я уселась рядом с ним на скамью у лотосового пруда и задумалась: и как это рыбы могут плавать в такой холод?

— Кто — Эхнатон или мой отец?

— Твой отец. Как себя чувствует фараон, я могу догадаться. Никакого сына, что стал бы соперничать с ним за внимание Нефертити. Никакого царевича, которого пришлось бы остерегаться в старости. Панахеси может думать, что он держит в руках все семь пешек. Но он не понимает, насколько фараон боится Небнефера.

— Но Небнеферу всего семь…

— А когда ему будет четырнадцать-пятнадцать? — поинтересовался супруг.

Я посмотрела на рыбу, подплывшую к поверхности воды: она, разинув круглый рот, искала, чего бы съесть.

— А ты стал бы ревновать к сыну?

— Ревновать? — Нахтмин рассмеялся. — Я бы считал его величайшим своим благословением, — с пылом произнес он, но тут же добавил: — Конечно, если этого так и не произойдет…

Я взяла его за руку.

— Ну а если все-таки?

Муж вопросительно посмотрел на меня. Я улыбнулась. Он вскочил со скамьи.

— Неужели ты…

Я улыбнулась, и улыбка моя сделалась шире.

Нахтмин подхватил меня со скамьи и сжал в объятиях.

— Давно ты знаешь? Ты уверена? Это не…

— Я уже на третьем месяце! — Я рассмеялась как ненормальная. — Я никому еще не говорила. Даже Ипу. Я ждала, чтобы увериться окончательно, что не ошибаюсь.

На лице Нахтмина отразилась безграничная радость.

— Мив-шер… — Он прижал меня к себе и погладил по голове. — Ребенок, мив-шер…

Я со смехом кивнула:

— К месори.

— Ребенок урожая, — восхищенно произнес Нахтмин. Это был благоприятнейший знак: рождение ребенка в сезон сбора урожая. Мы стояли, держась за руки, и смотрели на пруд, и воздух больше не казался горьким.

— Когда ты скажешь сестре?

— Сперва я скажу матери.

— Надо сказать ей до нашего отъезда в Фивы. Она захочет устроить так, чтобы быть с тобой.

— Если только сестра не потребует, чтобы я рожала здесь, — сказала я. Это было бы вполне в духе Нефертити, и Нахтмин озабоченно посмотрел на меня. — Конечно же, я откажусь. Но нам придется побыть тут еще несколько месяцев, чтобы было время успокоить Нефертити, особенно если впоследствии окажется, что у меня сын.

— А что, все должно быть устроено так, чтобы Нефертити не беспокоилась? — спросил он.

Я посмотрела на пруд, на голодную рыбу и ответила правду — так, как оно всегда было заведено в нашей семье:

— Да.

Когда я отправилась сообщать эту новость матери, Нахтмин пошел вместе со мной. Мать сидела вместе с отцом в Пер-Меджате и грелась у жаровни, пока он сочинял царям иных народов послание о том, что фараону Египта было ниспослано еще два ребенка.

Стражники отворили тяжелые двери, и едва лишь мать увидела лицо Нахтмина, как сразу же все поняла.

— Эйе, — предостерегающе произнесла она и поднялась со своего места.

Отец встревоженно опустил тростниковое перо.

— Что? Что такое?

— Я знала! — Мать захлопала в ладоши и кинулась обниматься. — Я знала, что это случится!

Нахтмин улыбнулся отцу:

— В этой семье тоже ждут наследника.

Отец посмотрел на меня.

— Ты беременна?

— На третьем месяце.

Отец рассмеялся — это случалось до чрезвычайности редко, — встал и тоже подошел обнять меня.

— Моя младшая дочь, — сказал он, взяв мое лицо в ладони. — Собирается стать матерью. Я стану дедушкой в седьмой раз!

Несколько драгоценных мгновений я была дочерью, совершившей нечто стоящее. Я собиралась родить ребенка. Кровь от нашей крови, плоть от плоти, наша частичка, что будет существовать до тех пор, пока не иссякнут пески. Мы стояли и смеялись, но тут распахнулась дверь и вошла Меритатон. И уставилась на нас.

— Что случилось?

— У тебя будет двоюродный брат или сестра, — сказала я ей, и девочка не по годам рассудительно поинтересовалась:

— Ты беременна?

Я просияла:

— Да, Меритатон.

— А разве ты не слишком старая?

Все расхохотались. Меритатон покраснела.

Моя мать мягко пожурила девочку:

— Мутноджмет всего двадцать лет. А твоей матери двадцать два.

— Но у нее же это пятая беременность! — сообщила Меритатон таким тоном, будто мы, по глупости своей, этого не понимали.

— У некоторых людей дети рождаются позже, чем у Других.

— Это потому, что Нахтмин уезжал? — спросила она у нас.

В Зале книг воцарилось неловкое молчание.

— Да, — в конце концов произнес мой отец. — Это потому, что Нахтмин уезжал.

Меритатон поняла, что сказала что-то такое, чего говорить не следовало, и подошла обнять меня.

— Двадцать — это еще не так много, — серьезно произнесла она, даруя мне свое дозволение. — Ты собираешься сейчас сказать об этом маме?

Я тяжело вздохнула:

— Да, думаю, я скажу ей сейчас.

Нефертити еще не покинула родильный павильон. Я готова была встретиться с гневом, рыданиями или драмой. Ведь ребенок отнимет меня у нее. Но я не была готова к тому, что Нефертити обрадуется.

— Теперь ты останешься в Амарне! — радостно воскликнула она.

Но это была расчетливая радость. Придворные дамы, сидевшие в родильном павильоне, уставились на меня с интересом. Они могли слышать наш разговор, невзирая на негромкую песню лиры.

— Нефертити, — отрезала я, — я поеду рожать домой.

Сестра повернулась ко мне, напустив на себя вид человека, глубоко уязвленного изменой, — чтобы выставить мое поведение неблагоразумным.

— Твой дом здесь!

Я пристально взглянула на нее.

— Ты что, думаешь, если у меня родится сын, для него будет безопасно находиться в Амарне?

Нефертити уселась в постели.

— Конечно! Если это вообще сын.

— Я останусь еще на два месяца, — пообещала я.

— А потом что? Ты уедешь и увезешь мать с собой?

— Не переживай, мать тебя одну не оставит! — огрызнулась я. — Даже ради того, чтобы увидеть рождение моего первенца!

Нефертити рассмеялась; правда, высказанная в присутствии стольких женщин, привела ее в замешательство.

— Мутни! Я же вовсе не об этом говорю! — Она подвинулась, давая мне место среди подушек, что казались рядом с ее хрупкой фигурой огромными и тяжелыми. — Иди сядь сюда.

«Она хочет подлизаться ко мне», — подумала я.

— Ты уже знаешь, что завтра будет празднество? — спросила Нефертити. — На три дня. А Тутмос сделает новый семейный портрет для храма. Чтобы Панахеси не забывал.

Панахеси придется терпеть эту картину всякий раз, как он будет проходить мимо алтаря Атона. Нефертити в короне с изображением змеи. Нефертити и шесть ее красивых детей.

Нефертити понизила голос.

— Панахеси думает, что, раз я родила сейчас двух дочерей, у меня уже никогда не будет сына. Он думает, что корона Египта перейдет к Небнеферу. Но я этого не допущу! — поклялась она.

Я огляделась, не слышат ли нас кто.

— Как?

— Не знаю, — призналась Нефертити. — Но я что-нибудь придумаю.

На третий день празднества Нефертити, вне себя от гнева, грохнула дверью своих покоев. Прежде чем я смогла ее успокоить, она швырнула свою щетку для волос об стену, и фаянсовые плитки разлетелись вдребезги.

— Я родила ему двух дочерей, а он отправился к Кийе?!

Отец велел служанке убрать осколки и резким тоном добавил:

— Подмети, а потом уходи и закрой за собой дверь.

Мы подождали, пока девушка сделает, как было велено, а Нефертити тем временем кипела от злости. Когда служанка ушла, отец встал.

— Держи себя в руках! — потребовал он.

— Я только что родила двух детей сразу, и этого недостаточно?!

— Ты родила ему шестерых девочек.

— Мы должны снова…

— Нет! — отрезал отец. — Теперь это слишком опасно.

— Сейчас это может сделать Мутни!

Отец смерил Нефертити тяжелым взглядом:

— Ты не будешь втягивать в это сестру.

Я попыталась убедить себя, что их разговор не имеет никакого отношения к той истории, когда Кийя потеряла своего второго ребенка.

— Мы положимся на волю богов, — сказал отец.

— Но она забеременеет через месяц, — прошептала сестра. — А вдруг у нее родится еще один наследник? — Судя по голосу, ее охватила паника. — Один сын может умереть, но два?

— Тогда нам придется найти другой способ удержать трон. Невзирая на шестерых девочек.

Семь дней спустя, первого фаменота, в Зал приемов явились два жреца и объявили при всем дворе:

— Ваше величество, нашим жрецам было великое видение!

Отец с Нефертити переглянулись. Этого они не затевали.

Эхнатон подался вперед.

— Видение? — переспросил он. — Что за видение?

— Видение о будущем Египта, — таинственно прошептал старый жрец.

И когда Панахеси с нетерпением вскочил с кресла, мы тут же поняли, что происходит. Он ждал этого момента с тех самых пор, как Нефертити при помощи выдуманного сна убедила Эхнатона, что Панахеси следует сделать верховным жрецом, а не казначеем. Теперь же он драматически воскликнул:

— Как могло случиться, что мне не сообщили об этом видении?

Старый жрец поклонился, взмахнув рукой:

— Это произошло лишь сегодня утром, ваше святейшество. Двум жрецам было ниспослано видение от Атона.

Я посмотрела на Панахеси и второго жреца, с круглым, добрым лицом. «Не одному жрецу, а сразу двум». Панахеси умело выбрал своих марионеток.

— Берегись лжепророков, — предостерегающе произнесла Нефертити.

Придворные выжидающе загомонили.

— Так что это было за видение? — надавил Эхнатон.

Младший жрец выступил вперед.

— Ваше величество, сегодня в храме Атона нам было явлено откровение…

— Где именно? — перебила Нефертити, а Эхнатон, услышав ее жесткий тон, нахмурился.

— Во дворе под солнцем, ваше величество.

«Все лучше и лучше».

— Мы почтили Атона возжиганием благовоний, и тут перед нами возник яркий свет, и мы увидели…

— Мы узрели видение! — вклинился старый жрец.

Им удалось завладеть вниманием Эхнатона.

— Какое?

— Видение Небнефера в царской короне.

Панахеси нетерпеливо шагнул вперед.

— Небнефера? Вы имеете в виду сына его величества?

Старый жрец кивнул:

— Да.

Придворные напряглись, ожидая реакции Эхнатона.

— Очень интересное видение, — заметил отец. — Небнефер, — он многозначительно приподнял брови, — в короне Египта.

— Видения Атона всегда верны! — отрезал Панахеси.

— Конечно, — согласился отец. — Атон никогда не лжет. И кроме того, их же было двое. Видение узрели два жреца.

Панахеси в своем одеянии из шкуры леопарда беспокойно заерзал. Ему не понравился оборот, который принимала беседа.

— Сын, восседающий на троне Египта, — продолжал тем временем отец. — В короне, что некогда венчала голову отца. Интересно, а Старшему не было подобного видения?

Придворные поняли, к чему он клонит, а Эхнатон побледнел.

Отец поспешно добавил:

— Но Небнефер предан вашему величеству. Я уверен, что этот сын хорошо послужит вам.

Подобного поворота Панахеси не предвидел.

— Конечно, Небнефер предан царю, — запинаясь, пробормотал он. — Конечно, он предан!

Эхнатон посмотрел на моего отца. Тот лукаво пожал плечами:

— С этой опасностью приходится иметь дело всякому фараону, у которого есть сыновья.

«И кому это знать, как не Эхнатону?» Я ощутила победное возбуждение, то самое ощущение торжества, которое, должно быть, испытывал отец, когда ему удавалось переиграть противника.

Кийя побагровела от гнева.

— Никто не сможет доказать, что царевич неверен отцу! — взвизгнула она.

Эхнатон перевел взгляд на жрецов.

— Что еще было в видении? — повелительно вопросил он.

— Да! — Нефертити встала, спеша полить семена, посаженные отцом. — Было ли в нем кровопролитие?

Взгляды всех придворных устремились на жрецов, и младший жрец ответил:

— Нет, ваше величество. Никакого кровопролития. Никакого предательства. Только прекрасный золотой свет.

Эхнатон посмотрел на старого жреца, ожидая подтверждения.

— Да, — поспешил согласиться старик. — Никакого насилия.

Панахеси низко поклонился.

— Ваше величество, я могу прямо сейчас привести сюда царевича Небнефера. Вы можете испытать его верность.

— Нет! — Эхнатон посмотрел на царевен, восседающих на собственных маленьких тронах. — Меритатон, иди сюда.

Меритатон встала и подошла к отцу. Двор застыл в ожидании.

— Ты всегда будешь верна своему отцу, ведь правда?

Меритатон кивнула.

— И ты научишь своих сестер быть верными отцу? — настойчиво произнес Эхнатон.

Меритатон снова кивнула, и Эхнатон улыбнулся, как мог улыбнуться лишь отец, слепо обожающий своих детей.

— Все слышали? — с нажимом произнес фараон. Он встал, подвинув Меритатон. — Царевны Египта верны мне. Ни одна из моих дочерей никогда не посягнет на мою корону!

Кийя с отчаянием посмотрела на Панахеси.

— Ваше величество, — попытался было сказать Панахеси, — царевич Небнефер никогда…

— Прекрасно, — заявила Нефертити, оборвав мольбу визиря. — Мы слышали видение, ниспосланное Атоном, и ни в чем более не нуждаемся.

Она взмахом руки велела жрецам удалиться, и придворные тоже поднялись со своих мест.

Кийя тут же кинулась к Эхнатону.

— Обоим жрецам явилось одинаковое видение, — быстро произнесла она. — Сияние и корона на голове Небнефера. Я научила нашего сына быть верным. Так же, как я верна тебе и Атону.

Но взгляд Эхнатона был неумолим.

— Конечно, ты верна. Иное было бы глупостью.

27

Амарна

9 пахона

Несмотря на то что отец восторжествовал над Панахеси, к сезону урожая Кийя забеременела. И Панахеси, невзирая на бедствие, постигшее его в Зале приемов, носился по дворцу, выкрикивая приказы, словно уже ощущал тяжесть египетской короны в своих руках.

Одним сыном можно было пренебречь, но народ не сможет не обращать внимания на двух царевичей, двух наследников престола. Если Кийе удастся родить второго сына, вопрос о престолонаследии будет окончательно решен.

Эхнатон отыскал Мерит в Большом зале и велел ей сообщить Нефертити эту новость. Сам он был для этого слишком труслив.

— Только непременно скажи ей, что никакой ребенок никогда не займет место Меритатон в моем сердце. Она — наше золотое дитя, дитя Атона.

Я посмотрела, как фараон повел своих девочек прочь. Своих обожаемых царевен. Дочерей, которые, как он верил, никогда не выступят против него,

как мог бы выступить сын, как он сам выступил против своих брата и отца. «Если он думает, что девочки не бывают хитроумны, значит, он ничего в них не смыслит», — подумала я.

Мерит посмотрела на меня, закипая от негодования.

— И как я должна говорить ей об этом?

Мы подошли к дверям Зала приемов.

— Просто скажи, да и все. Нефертити сама это предсказывала, так что это не должно стать для нее неожиданностью.

В зале Нахтмин играл в сенет с моей матерью. На помосте сидели отец с Нефертити, наклонившись друг к другу; в кои-то веки сестру не окружала толпа придворных дам. Они все отправились посмотреть, как Эхнатон ездит на колеснице.

— А ты решила остаться? — удивилась я.

— Мне не до Арены! — огрызнулась Нефертити. — Он может кататься, когда захочет, а мне нужно изучить чертежи стен. Если случится вторжение, мы окажемся беззащитны перед хеттами — но Эхнатона это не волнует… — Она оборвала фразу и внимательно взглянула на нас с Мерит. — Что вы хотели?

Я кивнула Мерит. Отец положил свиток с чертежами на колени.

— Ваше величество, — начала Мерит, — у меня для вас известия, которые вас не обрадуют. — И она, стремясь побыстрее отделаться от неприятного поручения, выпалила: — Говорят, что Кийя беременна.

Нефертити застыла. Молчание затянулось, и Мерит, почувствовав себя неловко, продолжила:

— Ваше величество, это у нее всего лишь второй ребенок. А у вас есть шесть царевен, и Эхнатон пожелал, чтобы я сказала вам…

Нефертити швырнула свитки на пол и встала.

— Мой муж послал тебя сообщить мне об этом? — пронзительно взвизгнула она.

Отец поспешно встал рядом с ней.

— Нам следует поторопиться, — сказал он. — Нужно показать всему Египту, что фараон намерен впоследствии передать бразды правления не Небнеферу, а Меритатон.

Что-то невысказанное промелькнуло между ними, и я спросила:

— Но как?

На мой вопрос никто не ответил.

— Как вы можете это показать?

Глаза Нефертити как-то странно заблестели.

— Так, как это никогда еще не делалось, — ответила она.

Эхнатон объявил дурбар, торжественный прием в честь Нефертити. Это празднество было посвящено их совместному правлению, и ревнивая жена тут же превратилась в торжествующую царицу. Нефертити ничего более не говорила про Кийю, а Нахтмин поинтересовался, насколько истощится казна Амарны из-за этого величайшего в истории дурбара.

— Мутни, иди сюда! — весело позвала меня сестра. Я вошла в ее гардеробную; там стояли дюжины сундуков с нарядами. Повсюду валялись бритвы с бронзовыми ручками и опрокинутые горшочки с сурьмой. — Какой парик мне надеть?

Парики лежали вокруг нее грудами.

— Самый дешевый, — мгновенно ответила я.

Нефертити продолжала ожидать ответа, который ее бы устроил.

— Короткий, — сказала я.

Нефертити свалила остальные парики в кучу, чтобы Мерит потом их убрала.

— Отец отправил приглашения всем царям Востока, — похвасталась она. — Когда здесь соберутся правители величайших народов мира, прозвучит объявление, которое впишет имя нашей семьи в вечность!

Я искоса взглянула на нее.

— Это в каком смысле?

Нефертити перевела взгляд на свой город.

— Это сюрприз.

28

Перет. Сезон роста

Подготовка к приему князей и придворных, младших цариц с их свитой и тысяч знатных людей из Миттани и Родоса продолжалась до самого тиби. Солдаты трудились от восхода и до темноты, затягивая Арену золотой тканью и заканчивая высекать изображения Атона на каждом святилище. Было запланировано празднество на семь вечеров, приготовлены комнаты для тысячи сановников и заготовлено вино. Дворец бурлил целый месяц, и, хотя все считали, что первый за двадцать лет дурбар посвящен царствованию Нефертити и Эхнатона, наша семья знала, как оно обстоит на самом деле.

Отец остановился в дверях покоев Нефертити. Та выбирала, какие бы сандалии ей надеть.

— Это правда? — сурово спросил он.

До меня тоже доходили слухи о том, что Эхнатон самолично написал письмо хеттскому царю Суппилулиуме и пригласил нашего врага взглянуть на великолепие Амарны.

Отец вошел в комнату.

— Это правда, что твой муж пригласил сюда хеттов? Хеттов — в этот город? — прошипел он.

Нефертити выпрямилась во весь рост.

— Да! — заявила она. — Пускай посмотрят, что мы построили!

— И пускай несут сюда чуму? — выкрикнул отец. — Черную смерть! — уточнил он специально для Нефертити. — Это тоже пускай?

Он сунул Нефертити под нос принесенный с собой свиток. Та свирепо развернула его и проглядела содержимое.

— На севере чума! — сообщил ей отец.

— Эхнатон уже знает об этом.

Нефертити сунула свиток обратно.

— Значит, он еще больший дурак, чем я думал!

Они гневно уставились друг на друга.

— Ты знаешь, что я собираюсь сделать, — сказала Нефертити.

— Да. Ты собираешься привести в этот город смерть.

— Все должны увидеть то, что произойдет. Все должны понять. Все царства Востока!

Я видела, что хочет сказать отец. Что гордыня, гордыня всей царской семьи приведет нас к погибели. Но вместо этого он повторил:

— Тогда зовите царя Нубии, но не рискуйте, приглашая сюда хеттов. Не рискуйте тем, что в город войдет чума.

— Когда это в последний раз в Египте была чума?

— Когда фараоном был Старший. Когда солдаты принесли ее с севера, — зловеще произнес отец.

Сестра заколебалась.

— Эхнатона все равно не переубедишь.

Отец смерил ее пристальным взглядом.

— Ты не видела, что такое Черная смерть, — предостерегающе произнес он. — Не видела, как у человека чернеют конечности, как под кожей появляются опухоли и превращаются в огромные черные шары.

Сестра отпрянула, отец придвинулся ближе.

— Мы не знаем, что они принесут с севера. Есть болезни, которые проявляют себя лишь по прошествии какого-то времени. Их необходимо остановить!

— Уже слишком поздно.

— Никогда не поздно действовать! — заявил отец, а Нефертити крикнула в ответ:

— Он не передумает! Хетты приедут, а когда дурбар закончится, уберутся отсюда!

— И что оставят после себя?

Нефертити самодовольно улыбнулась:

— Свое золото.

Отец отправился к Эхнатону, но тот уперся, как и предсказывала Нефертити.

— С чего бы вдруг Атону дозволять, чтобы этого города коснулась чума? — возмутился фараон. — Это величайший город во всем Египте!

Отец отправился к своей сестре, и та посоветовала предпринять еще одну, последнюю попытку. Но Панахеси лишь рассмеялся.

— Чумы не видать и не слыхать уже пятнадцать лет! — с насмешкой заявил он.

— Но она есть на севере, — ровным тоном произнес отец. — Возле Кадеша умерли сотни матросов.

— В чем дело, визирь? Ты что, боишься, что хетты явятся сюда и увидят, насколько на самом деле беззащитен этот город? Что они увидят, насколько фараон нуждается в сильном сыне, чтобы тот возглавил его войско, — если, конечно, он желает этот город защитить? Никто из твоих девчонок не поведет мужчин в битву. Наследником будет Небнефер — это лишь вопрос времени.

— Значит, ты не знаешь Эхнатона, — сказал отец, и я задумалась: а может, это и есть та тайна, с которой носится Нефертити? Может, во время дурбара Меритатон провозгласят наследницей престола? — И если ты ради этого дозволил впустить хеттов в Амарну, значит, ты еще глупее, чем я думал.

Гости прибыли со всех краев земли: нубийцы, ассирийцы, вавилоняне, греки. Женщины, явившиеся из-за пределов далеких пустынь, закрывали лица покрывалами, а мы вообще были едва одеты, но зато накрасили груди и ступни хной и надели парики, мелодично звеневшие под теплым ветром с запада.

Слуги суетились вокруг моей сестры, словно мотыльки: приглаживали, подкрашивали и подправляли корону. Тутмос нарисовал ее, пока она сидела, привыкшая, что вокруг нее суетятся и над ней хлопочут, а Мерит трудилась над ней.

— Может, скажешь все-таки, что там у тебя за сюрприз? — поинтересовалась я. — Ты, часом, не забеременела снова?

— Конечно нет. Это больше, чем сын для Египта. Это и есть Египет, — возбужденно произнесла она.

Тутмос понимающе улыбнулся Нефертити, и я повернулась к скульптору.

— Ты что, знаешь? — Я снова перевела взгляд на Нефертити. — Ты сказала Тутмосу, а мне, своей сестре, не говоришь?

Нефертити вскинула голову:

— Тутмосу нужно это знать. Ему предстоит это все запечатлеть.

Запели трубы, и Мерит отступила. На Нефертити сверкали самые драгоценные украшения Египта. Даже ее дочь, унаследовавшая ее красоту, не могла с ней соперничать. Меритатон подошла к матери.

— А это будет хороший сюрприз, мават?

— Это будет и мое, и твое достояние, — пообещала Нефертити.

Она взяла дочь за руку и позвала меня. За нами двинулись Мекетатон и трехлетняя Анхесенпаатон.

— Где фараон?

— У Окна Появлений, — ответила она.

Я услышала радостные крики еще из внутреннего дворика дворца, а когда мы подошли к окну, где мои родители о чем-то оживленно переговаривались с Эхнатоном, я затаила дыхание. Внизу было воздвигнуто и увенчано миррисом две сотни алтарей. Вокруг них собрались тысячи жрецов, и на каждом алтаре забили и поднесли Атону по быку: две сотни жертвоприношений, дабы показать всем богатство и великолепие дворца Амарны. Для дурбара, которому предстояло войти в историю, не останавливались ни перед какими расходами. Повсюду — на шеях знатных женщин и на лодыжках писцов — блестели сердолик, лазурит и полевой шпат. Люди, устроившись в тени навесов, пили, пировали и смотрели вверх, надеясь узреть бога на земле, даровавшего им все это. Жрецы были все в золоте, от лодыжек до сверкающих ожерелий на шеях, а над ними, у самого высокого алтаря, возвышался Панахеси.

— Ну что, впечатляет? — поинтересовался подошедший Эхнатон.

Мне показалось странным, что его вдруг заинтересовало мое мнение. Я посмотрела вниз, прислушиваясь к смеху, музыке арф и песням, в которых люди восхваляли великого Атона, бога, сотворившего столько золота и вина. Запах жареного мяса и мирры поднимался к окнам дворца; а еще сильно пахло пивом.

— Это запомнят навеки, — ответила я.

— Да. Навеки.

Затем Эхнатон взял Нефертити за руку и подошел к Окну Появлений.

— Дурбар для величайших фараонов Египта! — провозгласил он, и люди встретили его радостными кличами. — Фараон Эхнатон и фараон Нефернеферуатон-Нефертити!

Я ахнула.

— А что это значит? — спросила Меритатон.

Нефертити с Эхнатоном так и остались стоять у окна, а люди подняли такой крик, что богам впору было оглохнуть.

— А что это значит? — повторила Меритатон, и ей ответил мой муж, поскольку я еще не отошла от потрясения:

— Это значит, что твоя мать стала тем, чем не бывала до нее ни одна царица. Она теперь фараон и соправитель Египта.

Это было немыслимо. Чтобы царица стала царем! Чтобы она была соправителем своего супруга! Даже моя тетя не сделала себя фараоном. Лицо отца было непроницаемо, но я знала, о чем он сейчас думает. Наша семья никогда еще не поднималась так высоко.

Я оглядела покои:

— А где Тийя?

— Принимает представителей Миттани, — ответил отец.

— А Панахеси? — спросил мой муж.

Отец кивком указал на Панахеси, багрового от ярости. Тот смотрел по сторонам, пытаясь найти, как бы ему выбраться со двора, заполненного жрецами и тысячами сановников, но выхода не было. Тогда он посмотрел на картину, которую являла собою наша семья — с Окном Появлений вместо рамы.

Я отошла в сторону. Стоявший рядом Нахтмин покачал головой; судя по блеску в глазах, он пытался прикинуть, что это будет означать для царицы, не имеющей сыновей. Но я уже знала, что это значит. Теперь никто — ни Кийя, ни Небнефер, ни Панахеси — не низвергнет нашу семью.

— Мутноджмет! Меритатон! Идите сюда! — позвала Нефертити.

Мы подошли.

— Где Нахтмин? — спросил Эхнатон. Он увидел моего мужа, стоящего в другом конце покоев. — И ты тоже иди сюда.

Отец быстро шагнул вперед.

— Чего вы хотите, ваше величество?

— Чтобы бывший военачальник встал рядом со мной. Он встанет здесь, и люди увидят, что даже Нахтмин склонился перед фараонами Египта.

У меня забилось сердце: я знала, что Нахтмин откажется. Я перехватила взгляд мужа. Но тут отец приблизился к нему и что-то прошептал на ухо.

Завидев в Окне Появлений Нахтмина, люди внизу, солдаты и простолюдины, подняли такой крик, что Эхнатон даже отшатнулся, как от удара.

— Возьми меня за руку! — приказал Эхнатон и поклялся: — Они будут любить меня так же, как любят тебя!

Он поднял руку Нахтмина, и казалось, будто весь Египет выкрикнул: «Эх-на-тон!» Слева от него был Нахтмин. Справа — Нефертити. Эхнатон повернулся к своей царице-фараону и воскликнул: «Мой народ!» — сияя от любви простолюдинов, купленной хлебом и вином.

— Фараон Нефернеферуатон-Нефертити!

Когда Нефертити взяла посох и цеп, наглядные знаки царского сана в Египте, крики сделались оглушительными. Я отступила назад, а Нефертити воскликнула:

— Добро пожаловать на величайший дурбар в истории!

— Они будут думать, что ты любишь его, — шепотом сказала я мужу, пока процессия двигалась к храму. — Солдаты подумают, что ты склонился перед Атоном!

— Ничего такого они не подумают. — Нахтмин придвинулся поближе. — Они не дураки. Они знают, что я верю в Амона и что я очутился рядом с фараоном только ради тебя.

Я посмотрела вперед, на людей в солдатских схенти, с воинскими поясами.

— Они также знают, что это из-за меня ты больше не военачальник.

— Хоремхеб в тюрьме, и я был бы там же, если бы ты не полюбила меня.

Мы остановились во дворе, полном колесниц. Они сверкали электром, бирюзой и медью. Затем вперед выступил Панахеси, дабы препроводить Нефертити к судьбе, которую она сама создала для себя, не имея ни сыновей, ни опоры в истории. На лице жреца сияла улыбка, как будто он только и мечтал, чтобы Нефертити взошла на трон Египта в обход его внука.

— Теперь ему остается либо стараться возвыситься, угождая ей, либо строить козни против двух фараонов сразу, — сказал мой муж.

— Даже за счет дочери и внука? — спросила я.

Нахтмин развел руками:

— Надо смотреть, кому угождать.

Мы нырнули в море колесниц, и нас пронесло через Двор празднеств к храму со статуями Нефертити и Эхнатона. Запели трубы, и дорога к воротам вдруг сделалась свободна.

— У тебя такой вид, будто ты наелась чего-то горького. — Нефертити, спустившись со своей колесницы, мелодично рассмеялась. — Ну что еще такое, Мутноджмет? Сегодня — наш величайший день. Мы бессмертны!

«Нет. Мы окружены ложью». Прежде чем жрецы увлекли Нефертити во внутреннее святилище храма, я громко произнесла:

— Эти люди счастливы, потому что даром получили хлеб и вино. Но здесь хетты. Здесь, в столице. Нефертити, почему ты так уверена, что они не принесли с собой чуму?

Сестра недоверчиво взглянула на Нахтмина, потом снова перевела взгляд на меня:

— Зачем ты говоришь это в момент моего величайшего торжества?

— А что, теперь, когда ты стала фараоном, мне тоже следует лгать тебе, как это делают все остальные?

Нефертити промолчала.

— Не прикасайся к ним, — посоветовала я. — Не позволяй им целовать твое кольцо.

За спиной Нахтмина возник Эхнатон.

— К кому не прикасаться?

— К хеттским послам, — ответила Нефертити и велела мужу: — Не позволяй им целовать твое кольцо.

Эхнатон презрительно фыркнул:

— Вот еще! Они будут целовать мне ноги, когда увидят, что я построил!

На протяжении дурбара Эхнатон не жалел для Нефертити ничего. Она была его главной женой, его главным советником, соучастницей всех его планов, а теперь стала еще и фараоном. А чтобы мир никогда не забыл ее, мы

отправились на окраину Амарны, где Эхнатон воздвиг колонну в честь царствования Нефертити. Он встал перед послами Востока и велел Майе прочесть надпись, сочиненную им в честь его жены, фараона-царицы Египта.

«Наследница трона, Великая во дворце, Прекрасная ликом, Украшенная двойным плюмажем, Госпожа счастья, Одаренная благорасположением, Та, чьему голосу фараон радуется, Главная жена царя, его возлюбленная, Владычица Двух земель, а отныне и фараон Нефернеферуатон-Нефертити, да живет она ныне и вовеки».

Никогда еще не бывало такого, чтобы фараон даровал посох и цеп женщине. Но когда Нефертити вышла к толпе, чтобы благословить ее, люди принялись забираться на что только можно и устроили давку — и все ради того, чтобы хоть краем глаза взглянуть на нее.

— Они любят меня! — уверенно заявила она на второй день дурбара. — Любят сильнее, чем когда я была царицей!

— Потому, что теперь твоя власть над ними увеличилась, — сказала я.

Но Нефертити пропустила мое циничное замечание мимо ушей.

— Я хочу, чтобы люди запомнили это навеки, — отозвалась она. Мы находились в ее гардеробной, и в свете заходящего солнца кожа Нефертити походила на позолоченную бронзу. — Мутни, найди Тутмоса! Я хочу, чтобы меня изваяли такой, какая я сейчас.

Я отправилась через весь дворец в мастерскую художника. Дурбар должен был продлиться шесть дней и семь ночей, и на улицах уже было полно пьяных мужчин, а жены сановников, пошатываясь, забирались в носилки, и от них несло ароматическими маслами и вином. Тутмос был у себя в мастерской, в веселой компании молодых девушек и красивых мужчин. Когда он увидел меня, у него вспыхнули глаза.

— Скульптура? — выдохнул он. — Сейчас я буду готов. Когда я увидел ее в храме, с посохом и цепом, — признался Тутмос, — со вздыбившейся коброй на короне, я понял, что она позовет меня. Ни одна царица еще не носила корону с таким изяществом.

— Вообще-то ни одна царица просто не носила такую корону, — сухо отозвалась я.

Тутмос рассмеялся.

— Передай ее величеству, чтобы она пришла сюда, — величественно произнес он, затем взмахнул рукой. — А теперь пусть все уйдут!

Женщины в расшитых юбках, надувшись, потянулись к двери, прихватив чаши с вином.

Когда компания исчезла, я спросила Тутмоса:

— А почему эти женщины так любят тебя?

Тутмос на мгновение задумался.

— Потому что я могу сделать их бессмертными. Когда я нахожу в ком-то подходящую модель, с которой можно ваять Исиду, то даже когда ветра времени изгладят ее память из ее дома, ее лицо все еще будет смотреть на людей со стен храмов.

Пока я возвращалась к Нефертити, сообщить ей, что скульптор готов, я размышляла над словами Тутмоса. Нефертити за это время переоделась, и мне стало любопытно: неужто она и вправду хочет, чтобы ее навсегда запомнили в таком виде? Она надела платье из такого тонкого льна, что оно было совершенно прозрачным. На запястьях, на лодыжках, повсюду от ушей до пальцев ног сверкали украшения из золота и фаянса. Мы прошли по коридорам дворца вместе, как много лет назад в Фивах, в ту ночь, когда она девственницей пришла к Эхнатону. Снаружи, из дворов доносился гомон толпы, смех и шум танцев, но во дворце было прохладно и тихо.

В мастерской Тутмоса уже были уложены подушки, чтобы Нефертити могла сесть. Для меня было поставлено кресло с подлокотниками. Тутмос низко поклонился вошедшей Нефертити:

— Фараон Нефернеферуатон-Нефертити…

Сестра, заслышав свой новый титул, улыбнулась.

— Я хочу бюст, — сообщила она скульптору. — С пекторалью и короной.

— С атакующей коброй.

Тутмос одобрительно кивнул и подошел поближе, разглядеть сверкающие рубины, что служили змее глазами. Нефертити уселась чуть повыше.

— Я сделаю этот бюст из известняка! — объявил он.

Я встала, собираясь уйти, но Нефертити воскликнула:

— Не уходи! Я хочу, чтобы ты это видела!

И мы провели всю вторую половину дня в мастерской. Мои воспоминания о величайшем в истории дурбаре полны картинами выпивки и танцев, но отчетливее всего в моей памяти отпечаталась Нефертити, восседающая

посреди моря подушек. Кораллы и бирюза ее золотой пекторали блестели под лучами закатного солнца, а глаза ее напоминали обсидиановые озера. Лицо сестры было исполнено безмятежности. Нефертити наконец-то была уверена в том, что ее никогда не покинут, что посох и цеп фараона означают для нее вечную память.

29

Шестой день дурбара

Шакалоголовый бог обрушился на Египет, когда простолюдины еще плясали на улицах, а сановники веселились во дворце. Сперва он крался по ночным переулкам, хватая рабочих фараоновой гробницы, а потом осмелел и явился в пекарский квартал посреди бела дня. Когда паника наконец-то докатилась до дворца, уже никто в Амарне не смог бы отрицать того, что видел.

Анубис явился с Черной смертью в зубах.

В шестой день дурбара отец вошел в Зал приемов, чтобы сообщить фараону эту новость. В открытых двориках, глядящих на реку, все еще танцевали.

— Ваше величество, — произнес отец, и лицо его было столь серьезно, что смеявшаяся Нефертити осеклась.

— Слушаю тебя. — Эхнатон широко улыбнулся. — В чем дело, визирь?

Отец остался все так же серьезен.

— Ваше величество, мне сообщили, что в рабочих районах появилась чума.

Эхнатон бросил взгляд на Нефертити и прошипел:

— Это невозможно! Мы пожертвовали Атону двести быков!

— И уже одиннадцать рабочих, трудившихся на постройке гробницы, умерло.

Несколько сановников попятились прочь от помоста, а Нефертити прошептала:

— Должно быть, это хетты.

— Ваше величество, я предлагаю вам перебраться на карантин в Северный дворец.

— Во дворец второй жены?! — воскликнула Нефертити.

— Нет. Мы останемся здесь, — решительно заявил Эхнатон.

Он оглядел Зал приемов. Придворные застыли в ужасе перед чумой. В соседних покоях еще играла музыка, но женский смех стих.

— Ваше величество, — перебил его отец. — Прошу, подумайте, мудро ли оставаться в этом дворце? По крайней мере, хеттов нужно изолировать от всех. Всех, явившихся с севера, нужно отослать…

— Никто никого никуда не будет отсылать! — рявкнул фараон. — Дурбар еще не окончен!

Теперь даже музыканты остановились. Эхнатон повернулся к ним и велел:

— Продолжайте играть!

Они тут же затянули какую-то мелодию, а Панахеси быстро подошел к помосту. Я даже не заметила, откуда он взялся.

— Мы можем провести в храме особое жертвоприношение, — предложил он.

Эхнатон, пренебрежительно отвернувшись от отца, улыбнулся Панахеси:

— Прекрасно. И Атон защитит город.

— Но заприте городские ворота! — взмолился отец. — Пускай никто не входит и не выходит!

— Да, ворота нужно запереть, — согласилась Нефертити.

— Чтобы наши гости подумали, что здесь чума?

— Они и так вскоре узнают об этом, — негромко произнес отец. — Зараза уже появилась в квартале пекарей.

На миг все в ужасе смолкли, а затем сановники заговорили все разом. Придворные прихлынули к помосту, желая знать, что делать и куда идти. Эхнатон поднялся с трона, а отец собрал нашу семью — Тийю, мою мать и Нефертити.

— Разойдитесь по своим покоям, — велел отец придворным. — Сидите там и не выходите.

— Здесь фараон я, и никто не пойдет в свои покои!

Но Нефертити воспротивилась:

— Делайте, как сказал визирь!

Вся наша семья ринулась прочь, и даже шаги Тийи были поспешны. Мы свернули в коридор, ведущий к царским покоям, но тут Эхнатон отказался идти дальше.

— Нам следует подготовиться к сегодняшнему вечеру!

Нефертити впала в бешенство, и я поняла, что ее трясет от страха.

— Тут чума на дворе, а ты хочешь готовиться к пиру?! Мы же не знаем, кто уже болен! Это может быть вся Амарна!

— И что, мы позволим нашим врагам увидеть нас слабыми? — возмутился в ответ Эхнатон. — Чтобы они увидели, как неприятности испортили нам празднество?

Нефертити не ответила.

— Тогда я сам приготовлюсь к празднеству, и никто не сможет забыть, для чего они собрались здесь. Ради славы Атона. Вот что войдет в историю!

Нефертити посмотрела вслед мужу, кинувшемуся в Большой зал, а мне вспомнилось, как много лет назад мы плыли на лодке и как отец сказал: «Он ненадежен». Сестра посмотрела на собственные резные изображения и изображения ее семьи, и глаза ее наполнились слезами.

— А ведь это должен был быть великолепный праздник…

— Ты пригласила хеттов, хотя знала, что у них зараза, — напомнила ей я.

— А что мне было делать? — огрызнулась Нефертити. — Разве его остановишь?

— Ты тоже этого хотела.

Нефертити покачала головой. Это в равной мере можно было понимать и как «да», и как «нет».

— Люди будут винить нас, — сказала она, когда мы дошли до ее покоев. — Они будут винить нашу преданность Атону.

Нефертити закрыла глаза, уже понимая, что за трагедия разворачивается сейчас на улицах Амарны и по всему царству.

— А вдруг чума доберется до дворца? — спросила она. — Вдруг она уничтожит все, что мы создали?

Я подумала об Ипу: она как-то упомянула, что ее отец использовал мяту, чтобы отгонять крыс от погреба, и что ни один из его работников не умер от чумы.

— Используй мяту, — сказала я ей. — Мяту и руту. Повесь ее себе на шею и на все двери.

— Тебе следовало бы уехать, Мутноджмет. Ты беременна. — Нефертити захлебнулась слезами. — А ты так хотела ребенка!

— Мы еще точно не знаем, чума ли это, — с надеждой произнесла я.

Отец, прежде чем войти в царские покои, бросил на меня долгий взгляд:

— Это чума.

И все же пир состоялся. В тот вечер вокруг было множество арфистов и лотосовых свечей, и блики пламени играли на серебряных и золотых украшениях сотни танцовщиц. Гости держались напряженно, но никто не посмел заикаться о чуме, уже ширящейся за стенами Большого зала Амарны. В ночном воздухе витал запах цветущих апельсиновых деревьев, а во внутреннем дворе смеялись гости, нервно и пронзительно. Нахтмин принес мне блюдо с отборными кусочками мяса, и мы поели, а в это время Анубис уже бродил по улицам. Женщины флиртовали, мужчины играли в сенет, а слуги раз за разом наполняли чаши красным вином. К концу празднества страх смерти почти покинул даже меня. И лишь на следующее утро, когда несколько сотен гостей учуяли в воздухе приторную сладость, всякий понял, что творится в городе.

Вернувшийся посланец сообщил об увиденном всему Залу приемов.

Пока мы пировали, тысяча бедняков уже гнила в своих постелях.

— Запереть дворец! — крикнул Эхнатон, и стражники-нубийцы кинулись выполнять его приказ, отрезая дворец фараона от города.

— А как быть со слугами, которых отправили с поручениями? — спросил отец.

— Раз они сейчас не во дворце, то умрут на улицах.

Нахтмин повернулся ко мне:

— Это наш последний шанс, Мутноджмет. Сейчас мы еще можем вернуться в Фивы. Мы можем бежать.

Я ухватилась за край стула.

— И бросить мою семью?

— Они сами решили остаться.

Он пристально взглянул мне в глаза, и мне вспомнился тот вечер у реки.

Подошедший отец положил руки мне на плечи.

— Ты беременна. Тебе нужно думать о ребенке.

Стук молотков вдали стих. Окна закрыли ставнями, двери заколотили досками. Если болезнь проберется во дворец, то разойдется по всем комнатам. Я положила руку на живот, словно могла этим защитить ребенка от надвигающегося ужаса. Я посмотрела на отца:

— А как же ты?

— Эхнатон не уедет, — сдержанно произнес отец. — Мы останемся с Нефертити.

— А мать?

Мать взяла отца за руку.

— Мы останемся вместе. Вряд ли чума проникнет во дворец.

Но, судя по глазам, она не очень-то верила в то, что говорит. Никто не знал, отчего чума приходит в тот или иной дом, к тому или иному человеку.

Я посмотрела на Нахтмина. Он уже понял, какое решение я приняла — то же самое, что и всегда. Он понимающе кивнул и взял меня за руку.

— Это может случиться и в Фивах.

Мы тихо собрались в Зале приемов. Иноземных дипломатов, от Родоса до Миттани, выставили на улицу, и меж массивных колонн сейчас собралось всего три сотни человек. Кийя со своими дамами торчала в углу, а Панахеси тем временем что-то нашептывал фараону. Почти все стояли недвижно. Никто не разговаривал. Мы выглядели словно пленники, ожидающие казни.

Я посмотрела на плачущих слуг. Писец, которого я много раз видела в Пер-Меджате, был без жены. Где она находилась в тот момент, когда фараон решил без всякого предупреждения запереть дворец? Возможно, отправилась в храм с благодарением или домой, навестить пожилую мать. Теперь они будут ожидать прихода чумы в разлуке и надеяться, что Анубис пощадит их обоих. Либо что они воссоединятся в загробном царстве. Я сжала руку Нахтмина, и он, взглянув мне в лицо, вернул пожатие.

— Ты боишься? — спросила я.

— Нет. Этот дворец — самое безопасное место во всей Амарне. Он стоит над городом и расположен в отдалении от жилищ рабочих. Чуме потребуется пересечь две стены, чтобы добраться до нас.

— Ты думаешь, в Фивах было бы лучше?

Нахтмин заколебался.

— Чума может добраться и до Фив.

Я подумала об Ипу с Джеди. А вдруг они уже заболели и заперты в собственном доме, и некому принести им ни еды, ни воды? А как же маленький Камосес? Нахтмин положил руку мне на плечо:

— Мы возьмем с собой твои травы и постараемся как можно лучше обезопасить себя. Я уверен, что Ипу и Джеди в безопасности.

— И Бастет.

— И Бастет, — уверенно произнес Нахтмин.

— Неужели чуму вправду принесли хетты? — прошептала я.

Лицо Нахтмина посуровело.

— На крыльях фараоновой гордыни.

Когда за стенами дворца люди умирали тысячами, я преждевременно отправилась в родильные покои.

Павильон, в котором рожала моя сестра, находился снаружи, так что женщины поспешно приготовили комнату с оградительными изображениями солнца на стенах, а когда начались схватки, сестра сунула мне в руку статуэтку Таварет, а потом спрятала ее под подушку, когда я стала кричать. Повитухи велели принести хепервер и базилик, чтобы помочь мне тужиться, а позднее, когда они послали за гвоздикой, я поняла, что это дитя — подарок от Таварет и что другого у меня может и не быть.

— Он идет! — закричали повитухи. — Он идет! — И я выгнулась в последнем усилии.

Когда мой сын наконец-то решил явиться в мир, солнце уже почти село. Его рождению не сопутствовало никаких благоприятных знаков. Он был ребенком погибели, ребенком заходящего солнца, ребенком, рожденным посреди хаоса, когда люди, пировавшие на дурбаре фараона, уже умирали на улицах, сперва чувствуя, что их дыхание отдает медом, а потом обнаруживая

у себя в паху и под мышками опухоли и видя, что их члены чернеют и из них сочится гной. Но здесь, во дворце, повитухи сунули мне моего ребенка с возгласом:

— Госпожа, мальчик! Здоровенький мальчик!

Малыш завопил так, что услышал бы и Осирис, и сестра выскочила из родильных покоев, чтобы сообщить моим мужу и отцу, что мы оба живы.

Я погладила сына по густым темным волосикам и коснулась их губами. Они были мягкие, словно пух.

— Как ты его назовешь? — спросила мать, и в тот самый момент, когда в родильные покои влетел Нахтмин, я ответила: — Барака.

Неожиданное Благословение.

Два дня я осознавала лишь блаженство материнства и ничего более. Нахтмин постоянно находился рядом со мной, следя, не появятся ли у меня признаки лихорадки и не начнет ли маленький Барака кашлять. Он даже запретил слугам подходить к нам, на тот случай, если кто из них заражен чумой. На третий день, когда Нахтмин решил, что мы достаточно хорошо себя чувствуем, чтобы покинуть постель, он приказал перенести нас в нашу комнату, где он мог защитить нас от приходящих дворцовых доброжелателей.

На всех лицах лежала тень Анубиса. Слуги пробирались по коридорам дворца, стараясь не шуметь, и только вопли Бараки нарушали безмолвие гостевых покоев. Нефертити распорядилась, чтобы нашу комнату украсили бусами, золотыми, как кожа моего сына, и придворные дамы вынули бусины из своих причесок и нанизали их на нити. Так они могли хоть чем-то заняться, пока сидели во дворце, словно пленники. Меритатон, Мекетатон и Анхесенпаатон нарисовали по низу стен всяческие радостные картинки. Бусы висели в каждом углу и свисали с потолочных балок. По всему дворцу в жаровнях жгли мирру, и когда я впервые вошла в комнату, та была вся пропитана ее тяжелым запахом. Сестра посмотрела на Бараку, и мне почудилась тень негодования в ее глазах, но, когда Нефертити увидела, что я смотрю на нее, она радостно улыбнулась:

— Я уже нашла для тебя кормилицу; она будет кормить его, когда твои три дня пройдут.

— Кто она такая? — настороженно спросила я.

Я уже подумывала о том, чтобы кормить сына самой.

— Хеквет, жена одного жреца Атона.

— А ты уверена, что она не больна чумой?

— Конечно уверена.

— А откуда мне знать, что у нее хорошее молоко?

— Уж не думаешь ли ты кормить его сама? — спросила Нефертити. — Ты что, хочешь, чтобы к его трем годам у тебя груди отвисли до пупка?

Я посмотрела на сына, на его поджатые губки и довольное личико. Он был моим единственным ребенком — и, возможно, останется единственным. Почему бы мне не покормить его самой, по крайней мере до тех пор, пока чума не закончится? Кто знает, что может занести кормилица? Уже столько народу умерло! Но с другой стороны… Если я растрачу силы на кормление, а чума проникнет-таки во дворец, а я окажусь слишком слабой, чтобы сопротивляться ей? Барака останется без матери. А Нахтмин овдовеет, и ему придется растить сына в одиночку. Нефертити наблюдала за мной.

— Зови Хеквет, — сказала я. — Через два дня я перестану кормить Бараку. — Я коснулась его носика пальцем и улыбнулась. — Я понимаю, Нефертити, почему ты рожала пять раз.

Сестра скривилась:

— Значит, тебе это нравится куда больше моего.

Я посмотрела на нее с постели и попыталась возразить:

— Но ты всегда выглядела такой счастливой!

— Потому что оставалась в живых, — без обиняков заявила Нефертити.

Потом ее взгляд упал на Бараку.

— Но теперь мне это больше не понадобится. Я — фараон, и Мери станет фараоном после меня.

Я села на подушках. Барака недовольно запищал.

— А отец знает?

— Конечно! Кого еще он хотел бы видеть на престоле? Небнефера, что ли?

Я подумала о Кийе и Небнефере, устроившихся на противоположной стороне дворца. Весь амарнский двор — скульпторы, жрецы, танцовщицы, портные — все забились во дворец в поисках убежища. Теперь они теснились в

комнатах вокруг Зала приемов. Всем, кто располагал влиянием или работал при дворе, разрешили остаться, но запасы еды были не безграничны.

— А что мы станем делать, если припасы закончатся прежде, чем чума? — медленно произнесла я.

— Пошлем за новыми, — непринужденно ответила Нефертити.

— Не лги, чтобы утешить меня. Я знаю, что мало кто из слуг решится выйти из дворца. Нахтмин рассказал мне, что к окнам вчера подходил вестник и рассказал, что умерло уже три сотни рабочих. Три сотни, — повторила я. — А всего с момента дурбара — две тысячи.

Нефертити заерзала:

— Мутноджмет, тебе не следует сейчас думать об этом. У тебя ребенок…

— И я не смогу защитить его, если не буду знать правду. — Я выпрямилась. — Нефертити, что сейчас творится?

Нефертити опустилась на стул рядом с моей кроватью. Лицо ее побледнело.

— На улицах беспорядки.

Я с силой втянула воздух и прижала Бараку к себе так, что он расплакался.

— И теперь ничто не помешает бунтовщикам напасть на тюрьму и освободить Хоремхеба, — сказала Нефертити. — Войско на карантине. Лишь малая часть солдат…

— В тюрьме тоже вспыхнет чума. Раз она началась среди рабочих, строивших гробницу…

— Но если он не умрет, они смогут освободить его. А он поднимет мятеж против нашей семьи. Мы все погибнем. — Нефертити заколебалась. — Кроме тебя. Тебя Нахтмин спасет.

— Нет, Нефертити. Боги на твоей стороне. Этого никогда не случится.

Нефертити криво усмехнулась, и я поняла, что она думает о чуме, явившейся в разгар дурбара, сразу после того, как она взошла на трон этой страны. Если боги на ее стороне, откуда тогда взялась чума?

— Так что же мы будем делать? — Я посмотрела на Бараку. Жизнь этой ни в чем не повинной крохи могла оборваться, едва начавшись. Но для чего бы богам поступать так? Посылать мне ребенка после столь долгого ожидания лишь для того, чтобы тут же отнять его? — Как думает отец — что нам следует делать?

— Он считает, что нам нужно отправить гонцов в Мемфис и Фивы — предупредить их.

— Ты что, не предупредила их?! — вскричала я.

— Мы закрыли порты, — возразила Нефертити. — Никто не может уехать. Ворота заперты. Если мы отправим гонцов в Фивы, то что подумают люди? Вот так вот сразу после дурбара?

Я посмотрела на заколоченные окна.

— Это против законов Маат — не предупредить их.

— Эхнатон не станет этого делать.

— Значит, это должна сделать ты, — сказала я ей. — Ты теперь фараон.

Шесть человек из дворца получили плату золотом за согласие доставить послания в Мемфис и Фивы и предупредить о состоянии дел в Амарне, — предупредить, что хетты принесли на дурбар фараона чуму и она забрала уже две тысячи жизней.

Высеченных гробниц не хватало на всех мертвых. Даже богатых бросали в общие могилы, навеки безымянных. Некоторые люди рисковали жизнью, лишь бы надеть на своих любимых амулеты, чтобы Осирис мог узнать их. Эти могилы снились мне по ночам, и, когда я проснулась в слезах, Нахтмин спросил, что тревожит мои сны.

— Мне приснилось, что Осирис не смог найти меня, что я оказалась потеряна для вечности, что никто не потрудился написать на гробнице мое имя.

Муж погладил меня по голове и поклялся, что такого не будет, что он пойдет на любой риск, но вложит амулет в мою ладонь, прежде чем меня похоронят.

— Поклянись, что ты не станешь этого делать! — взмолилась я. — Поклянись, что, если я умру от чумы, ты позволишь забрать мое тело, хоть с амулетом, хоть без!

Нахтмин обнял меня, стараясь защитить от страхов.

— Конечно, никто тебя не заберет без свидетельства для богов. Я никогда этого не допущу.

— Но ты должен будешь разрешить, чтобы меня забрали! Потому что если я умру, а ты заболеешь, кто же позаботится о Бараке?

— Не говори так.

— Нахтмин, вся Амарна умирает. Отчего бы уцелеть дворцу?

— Оттого, что мы защищены. Твоими травами и расположением на холме. Мы выше чумы, — попытался успокоить меня он.

— А если люди ворвутся в дворец и принесут чуму с собой?

Мое недоверие застало Нахтмина врасплох.

— Тогда солдаты будут сражаться с ними, потому что здесь они защищены и накормлены.

Тут утреннюю тишину нарушил плач Бараки, и Нахтмин взял его на руки. Он с нежностью посмотрел на нашего сына и осторожно вручил его мне. Завтра малышу предстояло перейти на молоко кормилицы.

— Нефертити отправила в Мемфис и Фивы сообщение о чуме, — сказала я мужу.

Нахтмин внимательно посмотрел на меня.

— Как только чума минует, Эхнатон узнает об этом.

— Откуда ты знаешь, что она минует?

— Так бывает всегда. Вопрос только в том, скольких Анубис заберет с собой, прежде чем уйдет.

Я содрогнулась.

— Нефертити сказала, что на улицах беспорядки…

Нахтмин пристально взглянул на меня.

— Почему она сказала тебе об этом?

— Потому что я хотела знать. Потому что я никогда не лгала ей, и она знает, что я хотела бы от нее того же. Зря ты не сказал мне.

— Но зачем? Какой в этом толк?

— Представь, как я была бы потрясена, если бы бунтующие ворвались во дворец. Я могла бы не успеть спрятать нашего сына.

— Они не ворвутся во дворец, — убежденно произнес Нахтмин. — Его защищает войско фараона. Солдаты едят ту же пищу, что и мы, и носят те же травы. При всей своей глупости Эхнатон все же не настолько глуп, чтобы рисковать потерять свое войско или нубийских стражников. Нам ничего не грозит. А даже если они и явятся, я защищу тебя.

— А если они явятся вместе с Хоремхебом? — спросила я и по лицу мужа поняла, что он тоже об этом думал.

— Тогда Хоремхеб велит им не трогать тебя.

— Потому что он твой друг?

Нахтмин сжал зубы. Ему не нравилось, в какую сторону ушел наш разговор.

— Да.

— А Нефертити? — спросила я.

Нахтмин не ответил.

Я понизила голос:

— А мои племянницы?

Он снова не ответил. Вместо этого постучал посланец и попросил нас явиться в Зал приемов.

Нахтмин предположил было, что нас опять зовут играть в сенет, но на этот раз дело обстояло иначе. Отец позвал нас, чтобы сообщить, что умерло уже три тысячи египтян.

— Начинайте запасать хлеб в своих комнатах, — сказал он тем, кто собрался в зале. — И воду в сосудах. Чума протянет дольше, чем наши запасы.

Уже выйдя в коридор, отец обернулся и посмотрел на пустые троны и столы из черного дерева. Через час зал заполнится танцовщицами, а Эхнатон велит посланникам играть в сенет.

— Пустая оболочка, — негромко произнес отец. — Они целовали его сандалии, как он и желал, а теперь люди валяются мертвыми у его ног.

Когда в Зал приемов с криком вбежал повар — лицо его было все в бусинках пота, — мы поняли что чума вступила в Приречный дворец.

— Два поваренка больны! — вскричал повар. — На кухнях смерть! Пять крыс и жена пекаря мертвы!

Игроки в сенет остановились, и пальцы арфиста застыли от ужаса при этих словах толстяка.

Он все равно что спустил Анубиса с поводка.

Нахтмин схватил меня за плечо:

— Иди в наши покои. Приведи Хеквет с ее ребенком, потом запри дверь и никому не открывай, пока не услышишь мой голос. Я иду за свежей водой.

Придворные кинулись прочь. Нефертити встретилась со мной взглядом, и я почувствовала, в каком она ужасе от того, что Амарна ускользает из ее рук. Если чума проникла во дворец, это — смертный приговор для всех, кто заперт в нем. Эхнатон поднялся с трона и призвал стражников. Он кричал, что никто не смеет покидать его. Но ширящаяся паника была неостановима. Фараон повернулся к Майе, сидевшему у подножия помоста.

— Останься! — велел он.

Лицо зодчего посерело. Его город, возведенный в честь жизни, превратился теперь в монумент смерти. Посреди паники кто-то отдал приказ отвести детей в детскую. Всех детей младше шестнадцати отправили в самые защищенные покои во дворце.

— Кто будет присматривать за ними? Кто-то должен позаботиться о детях! — крикнул отец.

Но хаос было не перекричать. Ни один стражник не ступил вперед. Затем вперед вышла Тийя, мертвенно-бледная, но спокойная.

— Я присмотрю за детской.

Отец кивнул.

— Прикажи стражникам снова запереть окна, — приказал он Нефертити. — Пусть убивают всякого, кто попытается бежать. Они подвергают наши жизни опасности.

— Да какая разница? — пронзительно вскрикнула какая-то женщина. — Чума уже во дворце!

— На кухне! — огрызнулся отец. — Ее можно сдержать.

Но ему никто не поверил.

— Эй ты! — крикнул Эхнатон, указав на какую-то придворную даму, которая протолкнула своего ребенка сквозь открытое окно и собралась сама последовать за ним. Фараон выхватил у стражника лук и стрелы. — Еще шаг — и ты умрешь!

Женщина посмотрела на себя, на ребенка, сделала движение, собираясь втащить ребенка обратно, — и тут свистнула стрела. Все ахнули, а затем в Зале приемов воцарилось мертвое молчание. Женщина осела на пол, а ребенок закричал. Эхнатон опустил лук.

— Никто не покинет дворец! — выкрикнул фараон.

Он наложил вторую стрелу на тетиву и прицелился в середину молчащей толпы. Нефертити подошла к нему сзади и опустила оружие.

— Никто больше не уходит, — произнесла она.

Люди смотрели на нее круглыми, перепуганными глазами.

Эхнатон подошел к одному из жрецов. Тот рухнул к ногам фараона.

— Всякий, кто откроет окно или подсунет письмо под наружную дверь, отправится на кухню умирать. Стража! — распорядился Эхнатон. — Убейте всех поваров и поварят. Чтобы на кухне не осталось никого живого. Даже кошек.

Он посмотрел на повара, принесшего весть о чуме, и приказал:

— Начните с него.

Стражи поспешили выполнить приказ. Вопящего повара выволокли из Зала приемов прежде, чем он хотя бы успел взмолиться о пощаде. Наша семья дружно посмотрела на Нефертити.

— Все расходитесь по своим комнатам, — распорядилась она. — Тот, кто заметит у себя признаки чумы, пускай возьмет уголек из жаровни и нарисует над дверью Око Гора. Еду будут приносить раз в день.

Увидев одобрительный кивок отца, Нефертити приободрилась и заговорила громче и увереннее:

— Слуги будут брать еду из погребов, не из кухни. И чтобы никто не выходил из своих покоев до того, как дворец освободится от чумы, и еще две недели после этого.

Вперед вышел Панахеси, которому не терпелось очутиться в центре событий.

— Мы должны совершить жертвоприношение! — провозгласил он.

Эхнатон поддержал его:

— Да, пускай под каждой дверью поставят блюдо с мясом и чашу с лучшим вином Амарны!

— Нет! — Я кинулась к помосту. — Нужно повесить на каждую дверь венок из мяты и руты — и ничего больше!

Эхнатон развернулся ко мне.

— Сестра фараона считает, что знает больше, чем верховный жрец Атона?

Нефертити разозлилась:

— Она сведуща в травах! И она предлагает руту, а не гниющее мясо!

В голосе Эхнатона появилась подозрительность:

— А откуда ты знаешь, что она не пытается избавиться от своей сестры и шурина? Вдруг она хочет захватить трон ради своего сына?

— Пускай на каждую дверь повесят венок из мяты и руты, — распорядилась Нефертити.

— А жертвоприношение? — попытался надавить на двух фараонов Египта Панахеси.

Эхнатон выпрямился.

— Пусть его поставят у каждой комнаты, в которой желают защиты Атона, — громко объявил он. — Те же, кто желает навлечь на себя гнев великого бога, — он взглянул мне в глаза, — обойдутся без подношения.

Все расходились из Зала приемов в подавленном настроении. Когда толпа рассосалась, Нефертити коснулась моей руки:

— Что ты будешь делать?

— Вернусь к Бараке, запрусь и никого не буду впускать.

— Ведь нам нельзя быть всем вместе, да? — спросила сестра. — Собрать всю нашу семью в одних покоях — это значит рисковать всем.

В голосе ее звучал страх, и мне подумалось, что впервые рядом с ней будет только Эхнатон и никого более. Наши родители отправятся в свои покои, а Тийя будет присматривать за детьми.

Я погладила ее по руке.

— Мы переживем это по отдельности, — сказала я.

— Откуда ты знаешь? Ты можешь умереть от чумы, а я даже не узнаю об этом, пока кто-нибудь из слуг не сообщит об Оке Гора. А мои дочери… — Стройная фигурка Нефертити словно бы уменьшилась на глазах. — Я буду совсем одна.

Именно этого она боялась сильнее всего. Я взяла руку сестры и прижала к сердцу.

— С нами все будет хорошо, — пообещала я. — Мы увидимся через две недели.

Так я солгала ей единственный раз в жизни.

Черная смерть расползалась по дворцу, а Панахеси тем временем разносил подношения — блюда с солониной — к дверям тех, кто хотел получить благословение Атона. Он шел по коридорам в своем одеянии из шкуры леопарда и самых тяжелых золотых кольцах, а за ним тянулись молодые жрецы и высокими голосами пели хвалу Атону. А пока они пели, Анубис опустошал дворец.

Когда Панахеси подошел к нашей двери, Хеквет велела ему уходить.

— Погоди! — Я распахнула дверь и очутилась лицом к лицу со жрецом. Нахтмин и кормилица вскрикнули. — Я буду держать перед собой ветку руты, — пообещала я и снова повернулась к Панахеси. — Ты положил подношение у детской?

Панахеси отбросил полу леопардового плаща за спину и двинулся к следующей двери.

— Ты положил подношение у детской?! — крикнула я.

Жрец снисходительно посмотрел на меня:

— Конечно.

— Не делай этого! Не оставляй там подношение! Я дам тебе все, что ты захочешь, — в отчаянии взмолилась я.

Панахеси смерил меня взглядом.

— А что мне может понадобиться от сестры главной жены царя?

— От сестры фараона, — поправила его я.

Панахеси скривился.

— В детской спит мой внук. Ты думаешь, что я погублю надежду Египта, лишь бы только убить шесть ничего не значащих девчонок? Тогда ты и вправду настолько глупа, как я думал.

— Закрой дверь! — закричала сзади Хеквет. — Закрой дверь! — взмолилась она, держа на руках обоих наших детей.

Я посмотрела вслед Панахеси, уходящему с блюдами, полными мяса, а потом затворила дверь, подсунула под нее мяту и руту и заперла комнату.

Прошло два дня, а во дворце так и не появилось ни признаков Черной смерти, ни Ока смерти ни над какой из дверей. А затем, на третью ночь, ровно тогда, когда мы уже начали верить, что дворец останется защищен, Анубис вошел закусить во все покои, перед которыми стояли подношения Атону.

На рассвете тишину коридоров разорвали пронзительные крики служанки. Она промчалась к царским покоям, на бегу крича про Око Гора.

— Парень рядом с кухней! — в ужасе вопила она. — И старший конюший! Все, кто оставил подношения Атону! Два посланца из Абидоса! И один с Родоса! Из их комнат слышен запах!

— Что теперь? — шепотом спросила я за нашей запертой дверью.

— Теперь будем ждать и смотреть, — ответил Нахтмин, — и надеяться, что смерть посетит только тех, кто оставил подношения Атону.

Но когда жители Амарны увидели едущие ко дворцу повозки смерти, город захлестнула ярость. Если бог фараона не защитил дворец Амарны, с чего бы вдруг ему защищать жителей города? Невзирая на риск, египтяне вышли на улицы, скандируя гимны Амону и разбивая изображения Атона. Они явились к воротам дворца и потребовали, чтобы им сообщили, жив ли еще фараон-еретик. Я подошла к нашим заколоченным окнам и услышала крики.

— Слышите, как они его называют? — прошептала я.

Глаза Хеквет были круглыми от страха.

— Царь-еретик, — отозвалась она.

— А ты слышишь, что они кричат?

Мы прислушались к грохоту камней и молотков. Люди уродовали статуи Эхнатона и кричали, призывая разрушить саму Амарну: «Сожжем ее! Сожжем ее!»

Я прижала Бараку к груди.

В полдень, когда принесли еду, Нахтмин отворил дверь и потрясенно отступил. Еду принесла другая служанка; она дрожала и плакала.

— Что случилось? — спросил Нахтмин.

— Детская! — выдохнула девушка.

Я передала сына Хеквет и подбежала к двери.

— Что там?

— Все заболели, — заплакала она, протягивая нам корзину. — Все дети заболели!

— Кто?! Кто заболел?! — крикнула я.

— Дети. Царевны-двойняшки умерли. Царевна Мекетатон скончалась. И Небнефер, госпожа…

Служанка закрыла рот ладонью, как будто готовые сорваться слова следовало удержать любой ценой.

Нахтмин схватил девушку за руку:

— Умер?

У служанки задрожали колени.

— Нет. Но у него чума.

— Давай сюда еду и закрой дверь, — быстро произнес Нахтмин.

— Подожди! — взмолилась я. — Нефертити и мои родители. На их комнатах есть Око Гора?

— Нет, — прошептала девушка, — но наша фараон захочет умереть, когда услышит, что из шести ее царевен осталось всего три.

Я в ужасе отпрянула.

— Так ей не сказали?

Девушка сжала губы. Слезы ее полились сильнее, и она покачала головой:

— Об этом никому не сказали, кроме тебя, госпожа. Слуги боятся его.

Его. Эхнатона. Я оперлась о дверной косяк. Три царевны умерли, а вскоре и царевич Египта будет мертв. А раз чума проникла в детскую, что случилось с Тийей? С Меритатон и Анхесенпаатон? Нахтмин запер дверь на засов, а Хеквет тут же вскочила:

— Нам не следует есть эту еду.

— Чума не передается через еду, — сказал Нахтмин. — Иначе мы бы все уже поумирали.

— Кто-то должен спасти выживших, — сказала я.

Нахтмин устремил взгляд на комнату, в которой лежал наш сын.

— Кто-то должен спасти царицу и Меритатон, — повторила я. — Анхесенпаатон…

— Погибла.

Взгляд мужа был мрачен.

— Она еще жива! — запротестовала я.

— Но мы ничего не можем для нее сделать. Ни для кого из них. Раз три царевны уже умерли, детская должна быть на карантине.

— Мы можем отделить здоровых. Мы можем разместить их в отдельных покоях и дать им возможность выжить.

Нахтмин покачал головой:

— Фараон отнял у них всякую возможность выжить, когда пригласил хеттов, а потом послушался Панахеси.

Вскоре новость о том, что царевны-двойняшки, двухлетняя Неферуатон и пятилетняя Мекетатон унесены смертью, стала известна всем.

Во дворах зазвонили колокола, и во дворце послышались крики. Женщины плакали и молили Атона снять проклятие, павшее на амарнский дворец. Пришедшая служанка рассказала нам, что в детскую — спасти царицу и оставшихся принцесс — отправили нубийских стражников, но для Небнефера это оказалось слишком поздно. Я заперла дверь, и мы прислушались к крикам под стенами дворца. Никогда еще они не были такими громкими.

— Они знают, что во дворце чума, — сказал Нахтмин, — и думают, что раз умерли даже дети фараона, то это, должно быть, из-за того, что фараон сделал что-то плохое.

Крики не прекращались три дня. Нам слышно было, как разгневанные египтяне взывали к милосердию Амона и проклинали фараона-еретика, навлекшего на них чуму. Я стояла рядом с окном, прижавшись лицом к доскам, и, закрыв глаза, прислушивалась к крикам.

— Он никогда не станет известен как Эхнатон Строитель. Они всегда будут звать его Фараон-еретик.

Я подумала о Нефертити, сидящей в одиночестве в своих покоях, представила, как она узнала, что четверо из ее детей умерли, — и, когда я

посмотрела на моего сына, сосущего грудь Хеквет, у меня защипало глаза. Барака такой маленький. Слишком маленький, чтобы сражаться с чем-то столь великим. На ночь я взяла его к себе и пыталась быть благодарной за то время, что провожу с ним.

Днем мы услышали у дворца грохот повозок смерти. Когда повозки приблизились, мы бросили игру в сенет. Чье тело разденут и сожгут навеки безымянным, без знака, по которому Осирис, когда вернется на землю, смог бы узнать его? Я просила служанок, приносящих нам еду, принести еще руты, но все они говорили, что ее во дворце не осталось.

— А в погребах вы смотрели? Ее могли положить среди вина. Посмотри надписи на бочках.

— Прости, госпожа, я не умею читать.

Я взяла из шкатулки тростниковое перо и чернила и написала на обороте одного из лекарских папирусов название травы. Мне пришлось преодолеть себя, чтобы порвать этот папирус. Потом я сунула обрывок женщине в коридоре.

— Должна быть вот такая надпись. Поищи ее на бочках. Если найдешь, возьми и себе и положи под дверь. Отнеси, сколько сможешь, моей сестре и родителям. А остальное принеси нам. Если найдется вторая бочка, раздай ее содержимое всем выжившим.

Женщина кивнула, но прежде, чем она удалилась, я спросила ее:

— Что заставляет тебя ходить по этим чертогам смерти?

Служанка обернулась. Взгляд у нее был загнанный.

— Золото. Мне платят золотом за каждый день, и я складываю кольца в своей комнате. Если я выживу, то отдам их сыну, и он сможет выучиться на писца. Если же я умру от Черной смерти, он сделает с ними что захочет.

Я подумала о Бараке, и у меня перехватило дыхание.

— А где твой сын?

Морщины вокруг глаз служанки словно бы разгладились немного.

— В Фивах. Ему всего семь лет. Мы отослали его туда, когда пришли известия о Черной смерти.

Поколебавшись, я спросила:

— А многие ли слуги отослали своих детей в Фивы?

— Да, госпожа. Мы все думали, что и вы поступите так же, и царица…

Но тут она осеклась и посмотрела на меня, проверяя, не сказала ли она лишнего.

— Спасибо, — прошептала я. — Если найдешь руту, принеси ее сразу же.

Служанка вернулась на следующий день с корзинкой трав.

— Госпожа! — Она нетерпеливо постучалась к нам. Нахтмин приотворил дверь ровно настолько, чтобы разглядеть ее лицо. — Пожалуйста, скажите госпоже, что я нашла траву и сделала все так, как она велела. Я положила понемногу под каждую дверь и отнесла корзинку визирю Эйе.

Нахтмин поманил меня, и я сменила его у двери, приотворенной лишь на самую малость.

— А царице?

Служанка заколебалась.

— Фараону Нефернеферуатон-Нефертити?

— Да. Ей ты отнесла?

Служанка потупилась, и я тут же догадалась:

— Что, к двери подошел фараон Эхнатон? Пожалуйста, вернись туда и положи руту им под дверь.

Женщина ахнула.

— А вдруг меня кто-нибудь увидит?

— Если кто спросит, скажешь, что ты выполняешь приказ моей сестры. Фараон заперт внутри. Он никогда об этом не узнает.

Служанка попятилась. Я коснулась ее руки.

— Ему никто не скажет, — пообещала я. — А если он спросит у царицы, она поймет, что это от меня, и скажет, что да, она так распорядилась.

Но служанка все медлила, и я поняла, чего она ждет.

Я нахмурилась.

— Мне нечего тебе дать.

Служанка посмотрела на мой браслет. Он не был золотым, но он был сделан из бирюзы. Мне его подарила Нефертити. Я сняла браслет и сунула служанке. И заставила ее поклясться, что она сплетет венки из руты и развесит их повсюду.

Служанка положила браслет в корзинку.

— Обязательно, госпожа.

Я не видела эту служанку семь дней, и мне оставалось лишь надеяться, что она сделает то, за что ей заплатили. А крики во дворце становились все отчаяннее. Я слышала топот женских сандалий по плитам коридора. Кто-то в исступлении бился в запертые двери, и я представляла себе ужас этих людей. Но мы не открывали никому и не покидали своих покоев. На восьмую ночь в нашу дверь стала колотить женщина, у которой умер ребенок, она отчаянно взывала к нам, умоляя отворить.

Я поняла, что она не хочет умирать одна, и прижала Бараку к груди, понимая, что нам недолго суждено быть вместе.

— Не прижимай его так сильно. Ты можешь навредить ему, — попыталась увещевать меня Хеквет.

Но мой страх все возрастал.

— Запас еды не бесконечен. Если мы не умрем от чумы, так умрем от голода. А наша гробница не закончена! А для Бараки даже не сделали саркофаг!

У Хеквет расширились глаза.

— И для моего сына тоже, — прошептала она. — Если мы умрем, то сгинем здесь безымянными.

Нахтмин яростно замотал головой:

— Я не допущу этого! Не допущу, чтобы такое случилось ни с тобой, ни с ним!

Я посмотрела на нашего сына.

— Надо помолиться Амону.

Хеквет ахнула:

— Во дворце фараона?

Я прикрыла глаза.

— Да. Во дворце фараона.

На следующее утро, когда солнце встало, во дворце не обнаружилось новых признаков чумы и не появилось больше ни одного Ока Гора. Мы подождали еще день, потом два, а когда прошло семь дней и не осталось никакой еды, кроме черствого хлеба, придворные начали понемногу выбираться из своих покоев.

Я увидела служанку, рисковавшую жизнью ради золота.

Она пережила Черную смерть. Теперь она могла отправить своего сына в школу, чтобы он стал писцом. Но многие, очень многие оказались не столь удачливы. Из комнат вышли сломленные матери и отцы, потерявшие единственных сыновей. Я увидела Майю; никогда прежде он не выглядел таким согбенным и болезненным. Глаза его потухли. Когда мы вышли, по дворцу ползли шепотки о том, что фараон Египта болен.

— Чумой?

— Нет, госпожа, — тихо произнесла женщина, положившая руту под дверь моей сестре. — Рассудком.

Во дворце зазвонили колокола, созывая визирей, придворных и всех оставшихся слуг в Зал приемов. В зале, где прежде стояли сотни, осталась лишь горстка людей. Я тут же принялась оглядывать зал, разыскивая родителей.

— Мават!

Я кинулась к матери, а она расплакалась и прижала Бараку к груди — так крепко, что он завопил. Нефертити посмотрела на нас с трона. Я не могла понять по ее лицу, что она думает, но она держала Эхнатона за руку. У подножия их тронов сидели Меритатон и Анхесенпаатон. Из семьи в восемь человек осталось всего четверо, и даже маленькая Анхесенпаатон сидела тихо и неподвижно — должно быть, онемев от того, что ей пришлось насмотреться в детской, когда там умирали ее сестры.

— Нам следует покинуть Амарну, — прошептала мать. — Покинуть этот дворец и перебраться в Фивы. Тут произошли ужасные вещи.

Я подумала было, что она имеет в виду проклятие чумы, но, когда отец стиснул зубы, я поняла, что они имеют в виду нечто иное.

Я посмотрела на них:

— О чем вы?

Мы отошли от помоста, чтобы нас не было слышно.

— На седьмой день карантина фараон оскорбил царя Ассирии.

— Царя? — переспросил Нахтмин.

— Да. Царь Ассирии прислал посланца; он хотел получить три трона из черного дерева. Когда посланец добрался сюда, он узнал, что здесь чума, и заколебался. Но у него был приказ его царя, и он вошел в город и добрался до дворца.

— Стражники вместо твоего отца позвали фараона, — выпалила мать, — а Эхнатон отослал его прочь. С подарком.

Нахтмин услышал в голосе моей матери зловещие нотки и посмотрел на отца:

— Что это был за подарок?

Отец прикрыл глаза.

— Детская рука, изуродованная чумой. Из детской.

Я отшатнулась. Нахтмин помрачнел.

— У ассирийцев многотысячное войско, — мрачно предупредил он.

Отец кивнул и без тени сомнения произнес:

— Они выступят на Египет.

— Здесь слишком опасно, — заявил Нахтмин.

Я поняла, что теперь не мне решать, оставаться ли тут. Мы пережили Черную смерть. Но когда на Египет обрушатся ассирийцы, Амон может и не оказаться столь же милостив. Нахтмин посмотрел на меня:

— Мы ничего больше не можем сделать.

— Подождите погребения. Ну пожалуйста! — взмолилась Нефертити.

— Мы уезжаем сегодня вечером. Ассирийцы у порога, а твое войско не готово встретить их.

— Но ведь сегодня вечером похороны! — в отчаянии произнесла Нефертити. — Останься со мной, — прошептала она. — Это же мои дети. Твои племянницы.

Я взглянула ей в глаза и заколебалась, потом тихо спросила:

— Что сделали с телами?

Нефертити задрожала.

— Приготовили к сожжению.

Я прикрыла рот ладонью.

— Так погребения не будет?

— Они умерли от чумы! — с яростью произнесла сестра, но гнев ее был направлен не на меня.

Я подумала о Мекетатон и о маленькой Неферуатон, об языках пламени, что скоро окружат царевен Египта и скроют от взглядов.

— Но сразу же после этого мы уезжаем в Фивы, — непреклонно произнесла я. — И если нашим родителям хватит мудрости, они возьмут Тийю и последуют за нами.

Наша тетя все еще была нездорова, но не из-за чумы. У нее болело сердце. Она была в детской, когда Анубис нанес удар. Она видела, как умирают ее внуки, Мекетатон, Неферуатон, Небнефер. А ведь там были и другие: сыновья и дочери богатых торговцев и писцов. Когда я пришла навестить ее, у меня на глаза навернулись слезы. Я стала упрашивать тетю:

— Поедем с нами! Разве тебе не хочется развести свой сад?

Тийя покачала головой и сжала мою руку.

— Скоро я буду разводить сад в вечности.

Теперь же головой покачала Нефертити.

— Отец никуда не поедет, — сказала она. — Он не оставит меня.

— Люди разгневаны, — предупредила я ее. — Они умирали от чумы и винят в этом фараона. Они верят, что Атон отвернулся от них.

— Я не могу слышать этого. Сейчас не могу.

— Тогда ты услышишь об этом, когда станет слишком поздно!

— Я сумею это исправить!

— Как? Что ты сделаешь, когда царь Ассирии увидит отправленный ему подарок? Ты думаешь, восточные царства еще не узнали о безрассудстве Эхнатона? Как ты думаешь, отчего они писали отцу, а не ему?

— У него были мечты… Мечты о могуществе, Мутноджмет. Он так хотел, чтобы его любили…

— Как и ты.

— Это не одно и то же.

— Нет, потому что он ничего не сделал для этого. А ты умна и практична. Ты вся в отца, и потому он любит тебя больше всех.

Нефертити попыталась было что-то сказать, но я продолжала:

— Поэтому он и останется здесь с тобой, даже если город рухнет. Даже если все мы умрем. Но стоит ли оно того? — гневно спросила я. — Стоит ли бессмертие такой цены?

Нефертити не ответила. Я печально покачала головой и ушла. Я отыскала Нахтмина и Бараку в коридоре, ведущем к нашим покоям.

— Хеквет поедет с нами, — сказал Нахтмин. — Сейчас баржи не приходят в Амарну и не уходят отсюда. Мы можем уехать верхом и найти корабль за пределами города. Мы не будем подходить к жилищам рабочих. Мы поедем прямо к воротам. Нас выпустят, — уверенно произнес он.

— Но мы не сможем уехать до вечера, — сообщила я ему. — Сегодня похороны. Я знаю, что ты скажешь, но она не справится с этим сама. Просто не справится.

— Так это будет огненное погребение? — спросил Нахтмин.

Я кивнула.

— Маленькая Неферуатон… — Я посмотрела на Бараку, лежащего на сильных отцовских руках, и у меня задрожали губы. — Я не представляю, как Нефертити вынесет это.

— Вынесет, потому что она сильна и ей ничего больше не остается. Твоя сестра не дура, невзирая на то что она поддержала Эхнатона. И она не слаба.

— Я бы не вынесла, — призналась я.

Нахтмин коснулся моей щеки и посмотрел в глаза:

— Тебе никогда и не придется этого делать. Я увожу тебя отсюда, хочешь ты того или нет.

— Но после погребения.

Когда стемнело, раздался звон колоколов, и жрецы Атона, пережившие чуму, собрались во дворе дворца Амарны. На всех были венки из руты. Костер сложили нервничающие слуги — чума могла таиться за любым камнем, — но мы собрались все вместе, закрыв лица покрывалами. Женщины плакали. Мать прижалась к моему плечу в поисках поддержки, а отец тем временем стоял рядом с Нефертити — они были словно два непокорных столпа силы. Кийя рыдала так, что это невозможно было слушать. Она была на позднем сроке беременности, и я поразилась тому, что в этом непростом состоянии она сумела пережить чуму.

Но, впрочем, маленький Барака тоже ведь пережил…

Кийя рыдала так, что сердце разрывалось, и я подумала, как это жестоко, что рядом с ней сейчас нет никого, кроме нескольких женщин, которых она оставила при себе. Панахеси в одеянии жреца стоял у сложенного костра, а Эхнатона держала за руку Нефертити, боясь отпустить.

— Как ты думаешь, они с Атоном? — спросила Анхесенпаатон.

Она стала теперь совсем другой, печальной и замкнутой.

— Думаю, да, — солгала я, поджав губы. — Да.

Анхесенпаатон повернулась к языкам огня, поднявшимся с дальней стороны погребального костра. Тела были завернуты в льняные простыни, сбрызнутые рутой. Пламя взметнулось к небу и поглотило царевен. Затем огонь добрался до Небнефера, и саван спал с него, обнажив лицо. Над двором пронесся отчаянный крик, и Панахеси схватил Кийю. Эхнатон посмотрел на своих охваченных горем жен, и что-то в нем сломалось.

— Это все почитатели Амона виноваты! — выкрикнул он. — Нас предали! Это кара Атона! — закричал он, теряя рассудок. — Колесницу мне!

Стражники-нубийцы попятились.

— Колесницу! — закричал фараон. — Я сломаю все двери, войду в каждый дом, но отыщу их лжебогов! Они почитают Амона в моем городе! В городе Атона!

Он был безумен. Лицо его исказилось от бешенства.

Нефертити схватила мужа за руку:

— Стой!

— Я разорву на части всех, в чьих домах есть лжебоги! — поклялся Эхнатон.

Он вырвал руку, сбросил плащ и вскочил на поданную колесницу. Лошади беспокойно заржали. Эхнатон взмахнул хлыстом.

— Стража! — крикнул он, но стражники в страхе отступили.

В городе еще бушевала чума, и никому не хотелось рисковать жизнью. Когда Эхнатон увидел, что никто не последует за ним, он приказал отворить ворота, невзирая ни на что.

— Не открывать! — рявкнула Нефертити.

Стражники переводили взгляды с одного фараона на другого, не понимая, кому же подчиняться. А потом Эхнатон погнал колесницу прямо на запертые ворота, и Нефертити, испугавшись, что он сейчас разобьется насмерть, закричала:

— Откройте! Открыть ворота!

Эхнатон и не подумал останавливаться. Ворота едва-едва успели отвориться, как бешеная колесница с наездником промчалась сквозь них. Фараон Египта исчез в ночи, а языки пламени во дворе поднялись еще выше, скрывая тела его детей.

Нефертити шагнула в круг света. В правой руке у нее были посох и цеп, знаки власти. Левую она сжала в кулак.

— Верните его обратно!

Стражники заколебались.

— Я — фараон Египта! Верните его обратно, — она повысила голос, — пока он не уничтожил всю Амарну!

Из дворца с плачем выбежала служанка, и все, кто находился во дворе, дружно обернулись. Девушка упала на колени перед Нефертити.

— Ваше величество, вдовствующая царица скончалась!

Присутствующие истерически запричитали, и отец быстро подошел к Нефертити.

— Если он вернется, он может принести чуму. Мы должны отпустить обитателей дворца. Найти баржи и вывезти их за пределы города. Слуги останутся. Твои дети…

— Должны уехать, — самоотверженно произнесла Нефертити. — Пускай Мутноджмет увезет их.

Ее слова потрясли меня.

— Нет! — воскликнула Меритатон. — Мават, я тебя не оставлю! Я не уеду из Амарны без тебя!

Отец взглянул на Меритатон, оценивая, насколько серьезно она настроена.

— Я не покину дворец! — решительно заявила Меритатон.

Отец кивнул:

— Тогда отошли с Мутноджмет Анхесенпаатон. Они могут пожить в Фивах до той поры, пока Эхнатон не восстановит порядок.

Он посмотрел в сторону дворца и на миг прикрыл глаза — но это было единственной передышкой, какую он себе позволил.

— А теперь я должен повидать мою сестру, — сказал он.

Я видела, какую дань взимала власть с моей семьи. У отца запали глаза, а Нефертити словно бы съежилась под бременем стольких потерь. А вот теперь скончалась женщина, приведшая нас к власти. Никогда больше мне не увидеть ее проницательного взгляда, не услышать ее смеха в моем саду. Никогда больше она не посмотрит на меня, угадывая мои мысли, словно бы читая их с листа папируса. Женщина, правившая бок о бок со Старшим, с Аменхотепом Великолепным, и взявшая на себя его роль, когда он устал от власти, ушла в загробный мир.

— Да благословит тебя Осирис, Тийя, — прошептала я.

Женщины и дети с пронзительными криками мчались к Залу приемов.

— Фараон бежал! Фараон бежал! — выкрикнула какая-то служанка, и ее крик разнесся по коридорам, среди комнат прислуги.

Я видела, как женщины мчатся мимо открытых окон, перекрикиваются и тащат в охапках одежду и драгоценности.

— Боги покинули Амарну! — крикнул кто-то. — Даже фараон нас бросил!

Женщины тянули детей через двор, заполненный едким дымом, чтобы добраться до пристани. Они несли сундуки с одеждой, а мужчины тащили остальные пожитки семьи. Слуги бежали вперемешку с придворными и послами. Это было безумие.

Мои родственники кинулись во дворец, но Нахтмин остановил меня, прежде чем мы добрались до Зала приемов.

— Мы не можем оставить твою родню в таком положении, — сказал он. — Фараон умчался. Когда люди в городе обнаружат, что он исчез, твоя родня окажется в опасности.

— Мы окажемся в опасности, если он вернется, — в отчаянии произнесла я. — Он может снова принести чуму.

— Значит, мы посадим его в карантин.

— Фараона Египта?!

— Без согласия твоего отца я никогда не смог бы жениться на тебе, — пояснил Нахтмин. — Так что мы в долгу перед ним. Оставайся с Баракой и Хеквет и будь готова уходить, как только придет весть. И Анхесенпаатон тоже забери. Я пойду отыщу твою сестру. Она должна быть готова посадить его в карантин, если он вернется.

Когда во дворец, спотыкаясь, вошли стражники с царем, пребывающим в полубессознательном состоянии, окровавленным и обожженным — он поджигал дома собственных подданных, — все, кто еще остался при дворе, развили лихорадочную деятельность.

— Поместите его в самые дальние покои и заприте дверь! Дайте ему еды на семь дней, и пускай никто не входит к нему! Пускай никто — под угрозой смерти! — не выпускает его наружу!

Пока отец отдавал распоряжения касательно карантина, стоящий рядом с ним визирь Панахеси безмолвствовал.

— Не вздумай подходить к нему, — предупредил отец.

— Еще чего не хватало! — огрызнулся Панахеси.

Когда Эхнатон осознал, что происходит, дверь уже закрыли и заперли. Он стал кричать на весь дворец, требуя, чтобы его выпустили, звал Нефертити, а в конце концов стал призывать Кийю.

— За Кийей кто-нибудь следит? — спросила моя сестра.

К Кийе приставили стражников; Кийя, узнав, что Эхнатона заперли в его покоях, словно заключенного, принялась плакать. На второй день именно ее пронзительный, перепуганный крик оповестил дворец, что Эхнатон кашляет кровью и что стражники у покоев царя слышали из-за двери сладковатый запах, подобный запаху меда и сахара. На третий день кашель прекратился. На четвертый за дверью воцарилась тишина.

Прошло шесть дней, прежде чем подтвердилось то, что мы и так уже знали.

Фараон-еретик предстал перед Анубисом.

Когда эту весть сообщили Нефертити, она кинулась к нашей матери, рыдать в ее объятиях. Потом она пришла ко мне. Эхнатон был эгоистичным царем и слабым правителем, но он был ее мужем и соучастником всех дел. И он был отцом ее детей.

— Нам следует оставить этот город, — сказал отец, входя в комнату.

Следом за ним вошел Нахтмин.

Нефертити посмотрела на него, вне себя от горя.

— Это — конец Амарны, — прошептала она мне. — Когда мы умрем, Мутни, она рухнет, а кроме нее у нас ничего нет, что поведало бы о нас.

Ее мечте о бессмертии и величии предстояло остаться в пустыне и кануть в пески. Нефертити закрыла глаза, и мне захотелось знать, что сейчас стоит перед ее мысленным взором. Ее город, лежащий в развалинах? Ее муж, изуродованный чумой? Она слышала о том, что люди выходят на улицы и жгут собственные дома в знак протеста против Эхнатона. Его изваяния были разбиты, а изображения на стенах храмов изуродованы. При первых признаках чумы Нефертити велела Тутмосу запереть его мастерскую и бежать. Это было ее единственным самоотверженным деянием. Но в Амарне нечего было больше строить. Все уже было построено — а теперь будет разрушено.

Отец предупредил:

— Они жгут свои дома, а если войско бежит, они примутся за дворец. Нам следует похоронить Эхнатона.

Нефертити всхлипнула.

— Но Панахеси забрал тело Эхнатона в храм, — сказала я. — Он готовит его к погребению.

Нахтмин застыл.

— Что-что он сделал?!

Я посмотрела на мужа, на отца, снова на мужа.

— Забрал тело в храм, — повторила я.

Нахтмин посмотрел на моего отца.

— Найдите Панахеси! — приказал отец группе солдат, стоявших в коридоре. — Не дайте ему покинуть дворец!

— Что происходит? — спросила я.

— Сокровищница находится рядом с храмом. Панахеси вовсе не собирается хоронить Эхнатона, — объяснил Нахтмин. — Он собирается захватить золото и отнять власть у твоей сестры.

Мой муж повернулся к Нефертити.

— Тебе следует выпустить Хоремхеба из тюрьмы. Освободи военачальника, и солдаты пойдут за ним. Или Панахеси может заполучить войско первым, купив его за золото Атона. А если Кийя носит в чреве сына, Египет погибнет.

Нефертити посмотрела на нас невидящим взором. На лице ее виднелись следы слез. Она закрыла глаза.

— Мне все равно, что будет дальше, — сказала она. — Все равно.

Но Нахтмин порывисто шагнул к Нефертити и схватил ее за плечи.

— Ваше величество, фараон Нефернеферуатон-Нефертити, вашей стране грозят враги, и ваше царствование в опасности. Если вы останетесь здесь, вы умрете.

Нефертити открыла глаза, но в них не было жизни.

— Меритатон убьют или заставят выйти замуж за Панахеси, а Анхесенпаатон лишат жизни, — сказал Нахтмин.

Нефертити едва заметно приподняла голову. Затем взгляд ее сделался жестким.

— Освободите его.

Нахтмин кивнул и исчез во тьме.

Отец повернулся ко мне.

— Ты доверяешь своему мужу?

Я посмотрела на отца. Нахтмин мог освободить Хоремхеба из тюрьмы и вместе с ним захватить власть.

— Он никогда этого не сделает, — заверила я отца.

На улицах бушевал бунт. Египтяне взялись за вилы и косы и за любое оружие, до которого смогли добраться. В Зал приемов то и дело прибегали

слуги с новостями. «Они напали на храм Амона в холмах. Они движутся ко дворцу, требуя вернуть их богов, всем вернуться в Фивы, а Амарну сжечь».

Кийя сидела в кресле у помоста, и на лице ее застыла мучительная боль. Я попыталась представить себе, что она сейчас чувствует. Она была второй женой мертвого царя. У ее ребенка никогда не будет отца. А когда ребенок появится на свет, то он, если это будет мальчик, станет угрозой для царствования Нефертити.

Один лишь Панахеси мог спасти ее.

Двери Зала приемов отворились, и вошел Нахтмин, а за ним Хоремхеб. Тюрьма оставила свой отпечаток на военачальнике. Волосы у него отросли ниже плеч, а нижнюю часть лица закрывала темная борода. Но в глазах его горела безумная решимость, какой мне никогда еще не доводилось видеть. Отец встал.

— Какие новости?

Хоремхеб шагнул вперед.

— Люди напали на храм Атона. Тело фараона сожжено; от него ничего не осталось.

Отец посмотрел на Нахтмина. Тот добавил:

— Люди напали еще и на сокровищницу. Золото сохранено, но семь стражников убиты. И с ними визирь Панахеси.

Раздался леденящий душу крик. Кийя поднялась с кресла; по ногам ее текла кровь. Но Хоремхеб подошел к трону:

— Я сидел в тюрьме по приказу вашего мужа, ваше величество.

— А я восстанавливаю тебя в прежнем звании, военачальник, — быстро произнесла Нефертити, не обращая внимания на крики Кийи. Сейчас важен был только трон. — Тебе вместе с военачальником Нахтмином надлежит взять в свои руки руководство войском.

Она вернула моему мужу его звание. Но кровь у Кийи текла сильно и быстро.

— Мой ящик! — крикнула я. — Кто-нибудь, принесите мне тысячелистник!

— А откуда мне знать, что вы меня не предадите? — спросил Хоремхеб.

— А откуда мне знать, что ты не предашь меня? — вопросом на вопрос ответила Нефертити.

Я приказала слугам принести воду и простыни.

— Царствование Атона закончено, — добавила Нефертити. — Я возмещу тебе то, что ты утратил. Проведи меня к моему народу, чтобы я могла сказать ему, что пришло новое царствование.

— А хетты? — спросил Хоремхеб.

— Мы будем сражаться! — поклялась Нефертити, сжимая посох и цеп. — Мы уничтожим их, так что от них и следа не останется!

Я кинулась сооружать для Кийи подушку из льняного платья.

— Дыши! — велела я ей.

Оглядевшись по сторонам, я поняла, что все покинули зал. С нами остались лишь несколько слуг из числа той немногочисленной верной прислуги, которая не сбежала в Фивы.

— Нам надо перенести ее в другое помещение! — крикнула я, и слуги помогли мне перенести Кийю.

— Пожалуйста, не позволяй ей убить моего ребенка, — прошептала Кийя. Она с такой силой вцепилась в мою руку, что я вынуждена была посмотреть ей в глаза. — Пожалуйста!

Я поняла, о ком она говорит.

— Она никогда не…

Я умолкла, не договорив.

Слуги перенесли Кийю в покои для гостей и положили на кровать, обложив подушками.

— У нас нет родильного кресла, — сказала я. — Я не…

Кийя закричала, впившись ногтями в мою руку.

— Вырасти моего ребенка, — попросила она.

— Нет. Ты будешь жить, — пообещала я. — Все будет хорошо.

Но, едва лишь сказав это, я поняла, что Кийя не выживет. Слишком уж бледной она была, слишком рано начались роды. На лбу у нее выступили бисеринки пота.

— Поклянись, что ты вырастишь его! — взмолилась она. — Только ты сможешь защитить его от нее. Пожалуйста!

И вместе с водами на свет появился кричащий малыш. Царевич. Царевич Египта. Кийя посмотрела на сына. Его громкий вопль разнесся по пустым покоям, в которых не было ни амулета и ни единого изваяния Таварет. Глаза Кийи наполнились слезами. Слуги принесли нож, и я перерезала пуповину. Кийя упала на подушки.

— Его имя — Тутанхатон, — произнесла она, цепляясь за мою руку, как будто мы с ней никогда не были врагами.

Потом она закрыла глаза, и лицо ее сделалось спокойным и кротким. Она вздохнула и застыла.

Слуги вымыли ребенка, запеленали и вручили крохотный сверток мне. Я посмотрела на малыша, ставшего моим сыном, ребенка злейшей соперницы моей сестры. Я положила его рядом с матерью, чтобы он смог ощутить ее грудь и чтобы он знал, что она любила его. А потом я расплакалась. Я плакала о Кийе, о Нефертити и ее детях, о Тийе и о маленьком Тутанхатоне, которому никогда не суждено изведать материнского поцелуя. А еще я плакала о Египте, потому что в глубине души знала, что наши боги покинули нас и что мы навлекли на себя эту смерть.

Дворец выглядел так, словно по нему пронеслась буря.

За считанные дни драпировки были сорваны со стен, шкафы опустошены, кладовки опорожнены подчистую. Все, что не мог вместить в себя наш караван судов, оставляли в Амарне, с тем чтобы это потом забрали слуги — либо чтобы оно кануло в пески времени. В погребе осталось пиво и любимое вино Эхнатона. Я взяла немного самого выдержанного красного для Ипу и положила вместе с моими травами. Остальному так и предстояло лежать здесь до тех пор, пока кто-нибудь не вломится во дворец и не разграбит здешние запасы либо пока оставленная стража не впадет в такое отчаяние, что устроит налет на погреба фараона. В конце концов, никто никогда не проверит, что там осталось, и неизвестно, вернемся ли мы сюда когда-нибудь.

Когда мы пришли на пристань, никакого официального прощания там не было. Отца интересовало лишь одно — чтобы мы уехали поскорее. Какой-нибудь узурпатор из рядов войска, или верховный жрец Атона, или разгневанный последователь Амона мог вырвать из рук Нефертити посох и цеп. Произойти могло все, что угодно, и все сейчас зависело от поддержки народа. Люди больше не верили в Амарну. Они хотели возвращения к старым богам, и мой отец с Нефертити собирались дать им это. Когда мы отплыли в Фивы, никто не думал о том, что осталось позади.

Нефертити сидела на носу и смотрела в сторону Фив, как когда-то в юности.

— Нужно провести церемонию, — сказал отец, подойдя к ней.

Стало прохладно. Над рекой дул бодрящий ветер.

— Церемонию? — оцепенело переспросила Нефертити.

— Церемонию смены имени, — объяснил отец. — Царевнам не следует более носить имена в честь Атона. Нам надо показать людям, что мы забыли Атона и вернулись к Амону.

— Забыли? — Голос Нефертити дрогнул. — Он был моим мужем. Он был провидцем.

Она закрыла глаза, и на лице ее отразилась искренняя привязанность. Он сделал ее фараоном Египта. Он дал ей шестерых детей.

— Я никогда не забуду.

— И тем не менее это следует сделать.

30

Фивы. 1343 год до н. э.

1 пахона

Мы стояли у колонн храма и смотрели на освещенную закатным солнцем аллею припавших к земле сфинксов с головами баранов, напоминающих о том, что строил Аменхотеп Великолепный и что пытался уничтожить его сын. Вокруг собрались лысоголовые жрецы Амона и знать. Верховный жрец Амона вскинул сосуд, я затаила дыхание — и хлынула вода, смывая имя фараона, который едва не погубил Египет.

— Тутанхатон, во имя Амона, бога Фив и отца всех нас, отныне твое имя перед Осирисом — Тутанхамон.

Нахтмин поддержал головенку Тута, когда его окатили водой. Ребенок был слишком мал, чтобы понимать, что значит его имя. Нефертити стояла рядом со своими дочерьми.

Анхесенпаатон опустилась на колени и подставила шею под освященную воду, чтобы стать Анхесенамон. Но когда верховный жрец призвал царевну Меритатон, Нефертити ступила вперед и с силой произнесла:

— Нет.

Когда присутствующие поняли, что она делает, возникло краткое замешательство.

— Меритатон не надо. Она будет править вместе со мной. Она будет моей соправительницей и напоминанием о нашем прошлом. Помажьте ее на царство как Меритатон, царицу Египта, — пускай жрецы Атона знают, что они не покинуты.

Либо Нефертити предприняла умный шаг, чтобы умиротворить жрецов Атона, либо она не желала полностью стирать память о своем муже, сделавшем ее фараоном Египта.

Отец резко втянул воздух, а верховный жрец изобразил улыбку согласия. Он взял второй сосуд, с маслом, и поднял его над Меритатон. Маленькая царевна шагнула вперед с изяществом, непостижимым для ее семи лет, склонила голову и приняла корону.

Верховный жрец заколебался.

— А под каким именем мне короновать фараона Египта? — спросил он у Нефертити.

Все повернулись к моей сестре, а она посмотрела на меня и объявила:

— Под именем Сменкхара.

«Сильный в душе Ра».

Нефертити приняла официальное имя, в котором не упоминался Атон, и тем самым ясно дала всем понять, что ныне наступило иное царствование, что возвращаются времена, когда владения Египта простирались от Евфрата до Судана. Сейчас у Египта оставалась лишь Нубия. Эхнатон все упустил, все — Кносс, Родос, долину Иордана, Микены. Повернувшись, я увидела, как Хоремхеб отдает честь фараону, и подумала: «Это не навеки. Придет день, и Египет снова станет великим».

Я посмотрела на Нахтмина:

— Ты не отправишься вместе с Хоремхебом на войну с хеттами?

Нахтмин посмотрел на наших сыновей на руках у кормилиц и улыбнулся:

— Нет, мив-шер. Здесь тоже хватит работы. Нужно учить солдат, которых при Эхнатоне толком не обучали. Я могу с этим справиться. А Хоремхебу придется выступить против хеттов еще с кем-нибудь.

— Но с кем? — забеспокоилась я.

— Возможно, с Рамсесом. — Муж указал на солдата, украшенного знаками отличия, рыжего, словно солнце. — Он был комендантом крепости Сэйл и

когда-нибудь станет визирем. Мы с ним вместе воевали в Нубии. Он умный писец и талантливый солдат. Никто не мог превзойти его во владении луком.

— Кроме тебя.

Нахтмин улыбнулся, но возражать не стал.

Тем вечером фараон Нефертити пообещала народу великие победы. Облаченная в одежды ослепительной орлиноголовой Некбет, богини войны, она поклялась, что Египет вернет себе земли, которые Еретик в глупости своей упустил.

— Мы вернем обратно Родос, Микены и Кносс! Мы придем в пустыни Палестины и заявим свои права на земли, которые Аменхотеп Великолепный подчинил Египту! И мы не успокоимся, пока хетты не будут изгнаны из Миттани обратно в свои холмы!

Войско ответило кличем, от которого и боги бы оглохли, и только я понимала, какой ценой Нефертити справлялась с обязанностями фараона. Вокруг глаз у нее появились морщинки, которых прежде не было, а выражение лица сделалось жестким, как прежде у Тийи. Сестра вскинула сжатый кулак:

— Под покровительством Амона Египет не может потерпеть неудачу! Правление фараона-еретика закончено!

Солдаты радостно завопили, как будто она уже вручила им победу.

Щиты у них в руках были новые — на них переплавили сосуды из храма Атона, — а каменные наконечники копий были сделаны из сотен скульптур, стоявших прежде в коридорах Приречного дворца. И когда Нефертити победно вскинула руки, меня она не обманула. Я представила ее прекрасные особняки, занесенные песком, и опустевший дворец, продуваемый ветрами насквозь, и мне осталось лишь гадать, насколько же тяжелы посох и цеп. Однако же поражение Нефертити не было окончательным. Пускай ее противники уничтожили Амарну, ее блистательный город над Нилом, и превратили ее изваяния в прах, но они не сумели стереть с лица земли ее саму. У нее все еще оставалась возможность высечь свое имя на монументах Фив.

— Ереси больше не будет! — воскликнула Нефертити. — Амон, великий бог Египта, вернулся!

Отец, стоящий за колоннами, кивнул. Он написал царю Ассирии и послал ему в подарок семь золотых тронов — плату за одну-единственную руку,

изуродованную чумой. Теперь лишь время могло показать, окажется ли этого достаточно, или нас ждет еще и война с Ассирией.

Стоявшая рядом со мной мать пробормотала:

— Осталась только Меритатон. Царевича теперь уже не будет.

— Есть еще Анхесенамон, — напомнила я.

Мы посмотрели на четырехлетнюю царевну, незаметно подбирающуюся поближе к Окну Появлений. Она в полной мере унаследовала неукротимую красоту Нефертити, но совершенно не обладала серьезностью Меритатон. Когда она подрастет, то сделается проказницей.

Как только войско, десять тысяч сильных воинов, двинулось на Миттани, Нахтмин коснулся моей руки. Нефертити посмотрела на меня и сказала:

— Ведь правда же, ты не уйдешь?

Я посмотрела на сестру, которая держала в руках посох и цеп Египта и до сих пор переживала из-за того, что она остается одна.

— Меня на том берегу ждут два сына.

— Но ты ведь вернешься вечером, правда? Ты будешь приходить каждый день?

— Мы будем приходить каждый вечер, — пообещала я. — Я буду приводить Бараку и Тута, чтобы они росли вместе со своими двоюродными сестрами.

Нефертити нахмурилась, но я сказала:

— Нефертити, он мой сын. Он теперь такой же царевич Египта, как Барака или Нахтмин, не более.

Нефертити удержалась и не стала говорить того, что хотела. Вместо этого она повторила:

— Но ты придешь!

— Да, — ответила я, и мысленно добавила: «Как и всегда».

Хеквет стояла у открытого окна, выходящего на раскинувшиеся вокруг сады, и негромко пела Бараке и маленькому Тутанхамону. Услышав шаги на дорожке, она подняла голову, а потом кинулась из веранды нам навстречу.

— Госпожа, к тебе приходила какая-то женщина по имени Ипу. Она оставила вот это. — Хеквет указала на небольшой ящичек на столе. — Она сказала,

что там кое-что новое, что она отыскала. Она думает, что ты можешь захотеть посадить это у себя в саду.

Я открыла крышку ящика и обнаружила внутри маленький розовый цветок, растение с корнями. Он как раз цвел, и я коснулась нежных лепестков. Лепестки были длинные и гладкие, как у ткани из самого лучшего льна. Я посмотрела на его изумительный цвет, схожий оттенком с закатным солнцем. Вернуться в мой сад, в мой дом, к моей семье, иметь возможность выйти на свет и почувствовать тепло земли в руках и жизнь, растущую у ног…

Хеквет остановилась.

— Госпожа, с тобой все в порядке?

— Да. Я просто рада, что вернулась домой.

Хеквет выпрямилась и оглядела расписанные стены и корзины с бельем.

— А что ты теперь будешь делать без двора? — спросила она.

— Жить в соответствии со своей судьбой, — ответила я. — В детской моих детей и в моем саду.

Я постучала в дверь, на которой красовалось резное, раскрашенное изображение корабля, плывущего по морю.

— Госпожа!

Радостный крик Ипу разнесся по всей улице.

Щеки у нее сделались полнее, а волосы отросли ниже плеч. Сзади послышался тоненький голосок — это подал голос Камосес, сидящий у отца на руках. Я поразилась, увидев, как он вырос.

— Ой, какой большой!

— Да, ему уже больше года! И от него столько радости, что я готова повторить. — Ипу положила руку на живот и улыбнулась. — В месори.

Я ахнула:

— Ипу…

— Ой, ну кто бы говорил! — воскликнула она. — Мать двух сыновей.

Она отступила немного, чтобы оглядеть меня, и радостно заулыбалась:

— Ох, госпожа! Ну наконец-то!

Ипу обняла меня, а потом потащила в дом.

— С возвращением, — сказал Джеди.

Он выглядел здоровым и довольным. Чума не задела ни один город, кроме Амарны, и я старалась не думать, что это означает.

— Так значит, это и есть Камосес, — сказала я, пытаясь осознать, что это и вправду тот самый малыш, которому я махала на прощание год назад. — Он красивый. У него твой нос, — сказала я Ипу.

— И глаза Джеди. Повитуха сказала, что он будет богатым.

— А откуда она знает?

— Потому что первым его криком было «нуб».

Я от души рассмеялась:

— Золото? Ох, Ипу, как я по тебе соскучилась!

— А Ипу соскучилась по тебе, — ухмыльнувшись, сообщил Джеди. — Она только о тебе и говорила!

— Все только и говорили, что об Амарне, — призналась Ипу. — Никто не понимал, чему верить. Сперва дурбар, потом объявление Нефертити соправителем, потом чума. А правда, — она понизила голос, — что фараон отослал царю Ассирии отрубленную руку?

Я кивнула. Ипу покачала головой:

— Расскажи мне обо всем. Я хочу знать все-все.

И я рассказала ей о дурбаре и коронации моей сестры, а потом о Черной смерти и подношении, затеянном Эхнатоном. Я описала смерть самых младших дочерей Нефертити, смерть Небнефера и кончину Тийи. Когда я стала рассказывать о том, как Эхнатон умчался в город, Джеди посадил Камосеса в кроватку. Он просто поверить не мог, что фараон так вот взял и умчался без всякого сопровождения, чтобы уничтожить запрещенные изваяния Амона.

— Фараон был вне себя от ярости, — сказала я, но у меня не хватало слов, чтобы описать, с какой горечью Эхнатон смотрел на то, как его детей сжигают в городе, который он возвел во славу Атона.

— Когда мы узнали, что баржам запрещено покидать Амарну, то подумали, что все, кто там остался, погибнут, — призналась Ипу, и на глаза ее навернулись слезы. — И вы с Нахтмином тоже.

Я обняла ее.

— А мы понятия не имели, как передается чума. Мы тоже боялись.

Что-то потерлось об мою ногу, и внезапно на колени ко мне запрыгнул крупный, тяжелый кот.

— Бастет! — воскликнула я и посмотрела на Ипу.

— Он однажды пошел за мной следом и не захотел возвращаться. Теперь ты можешь забрать его, — сказала Ипу, но я заметила неуверенность в ее взгляде.

— Ну вот еще! Пускай живет у тебя, — с пылом произнесла я. — Он бы умер вместе со всеми дворцовыми кошками, если бы ты его не спасла.

— Они перебили мивов?

— Да, вместе со всеми остальными животными во дворце.

— А где они захоронили тела? — спросил Джеди.

— Приехали повозки и увезли их.

— Без амулетов? — прошептал Джеди.

— И похоронили без гробниц?! — воскликнула Ипу.

— В общих могилах. В земле вырыли ямы и засыпали потом песком.

Ипу с Джеди онемели.

Позднее, теплым вечером, мы пошли ко мне домой. Ипу захотела второй раз послушать историю о том, как Кийя на смертном ложе попросила меня усыновить ее ребенка. Я рассказала еще раз, и даже шумный Камосес притих, как будто история околдовала его.

— Все случилось не так, как я себе представляла, — сказала Ипу. — Египет перевернулся вверх тормашками. Подумать только, ты растишь царевича Египта!

— Нет, не царевича Египта, — твердо произнесла я. — Просто маленького мальчика.

Мы вели тихую повседневную жизнь, и она была спокойной и размеренной. К Нахтмину то и дело приходили горожане и рассказывали ему о том, что происходило в Фивах, пока в Амарне бушевала чума. Потом они пытались подбить его выступить на войну, говоря, что он тратит время впустую,

обучая солдат, хотя мог бы вести наше войско к победе на Родосе. Солдаты стояли у нас под домом, качали головами и обвиняюще смотрели на меня.

— Он — лучший военачальник во всем войске фараона, — сказал Джедефор. — Люди не могут понять, отчего он не возвращается в войско. Они упросили меня прийти сюда и спросить у него. Хоремхеб суров и безрадостен, и его не будут любить так, как любят Нахтмина.

Мне снова вспомнился отцовский вопрос — «ты ему доверяешь?» — и я посмотрела туда, где Нахтмин обучал солдат моей сестры. Под кожей его переливались крепкие мускулы, а лоб был весь в поту. Я улыбнулась.

— Им придется довольствоваться сознанием того, что он делает из их мальчишек мужчин.

— Но чем вы занимаетесь, раз ты не при дворе, а он не воюет?

Я рассмеялась — с такой серьезностью прозвучал этот вопрос.

— Просто живем, — ответила я. — И когда-нибудь Нахтмин обучит наших сыновей искусству писцов или солдатскому делу.

Джедефор посмотрел на меня как-то странно:

— Сыновей?

— Есть еще Тут, — резким тоном напомнила я.

Мы посмотрели на другую сторону сада, туда, где мальчики ползали в тени старой акации. Хеквет присматривала за ними.

— Сын Кийи, — произнес Джедефор, потом добавил: — И возможный царевич Египта.

— Нет! — отрезала я. — Он вырастет здесь, вдалеке от двора. Следующим фараоном станет Меритатон, а после нее — Анхесенамон.

Я понимала, что он хочет сказать. Что Египту требуется царевич, что так было всегда и будет впредь. Но вместо этого Джедефор просто сказал:

— Ты, должно быть, слышала, что предложили жрецам Атона?

— Что им дали две недели, чтобы сменить их одеяния на облачение жрецов Амона?

— Да. И некоторые отказались.

Я была потрясена.

— Но они не могут отказаться. Им некуда идти!

— Есть — в дома последователей Атона. Их много, госпожа. Детей, никогда не знавших Амона, и ревностных верующих, покинувших Амарну лишь после того, как их дома были сожжены. От них можно ждать неприятностей.

Тем вечером я вошла в Зал книг во дворце, и молодой писец провел меня к отцу. Отец сидел спиной ко мне. В руке у него была связка папирусов в кожаном переплете.

— Отец!

— Мутноджмет? — Отец обернулся. — Мне так и показалось, что я слышал твой голос.

— Что ты делаешь?

Отец положил папирусы и вздохнул.

— Изучаю карты Ассирии.

— Что, семи тронов оказалось недостаточно?

— Недостаточно. Ассирийцы заключили союз с хеттами.

Я вздохнула.

— Эхнатон причинил великий вред. Почему Нефертити допустила это?

— Твоя сестра делала больше, чем ты осознаешь. Она отвлекала его, пока мы с твоей тетей занимались делами Египта. Она забирала золото у храма Атона, чтобы мы могли кормить войско и платить чужеземным царям, дабы те оставались нашими союзниками. Верность стоит дорого.

— Эхнатон не платил войску?

— Нет. — Отец многозначительно посмотрел на меня. — Платила Нефертити.

Мы помолчали.

— А как ей удавалось скрывать это золото? — спросила я.

— Она маскировала его под работы в честь Атона. А ведь это была не какая-нибудь пригоршня медных дебенов. Это были полные сундуки золота.

— А что же теперь будет с жрецами Атона? Один солдат сказал мне, что они будут причинять неприятности Нефертити.

— Если она будет продолжать встречаться с ними.

— Она встречается с ними наедине?!

Я воскликнула это слишком громко, и мой голос эхом отразился от стен Пер-Меджата.

— И вопреки моему совету.

Но отец не стал просить меня пытаться переубедить ее. Нефертити уже двадцать семь лет. Она — взрослая женщина, и она — царь.

— Но почему она встречается с ними?

— Почему? — Отец тяжело вздохнул. — Я не знаю, почему. Возможно, потому, что ей кажется, что она в долгу перед ними.

— В каком долгу? Они убивают жрецов Амона! Возможно, она надеется положить этому конец? — предположила я.

— Конец борьбе? Она не кончится никогда. Они верят, что Атон — бог Египта, а народ верит в силу Амона.

Я прислонилась к стене.

— Так значит, война будет всегда.

— Всегда. Так что радуйся, что у тебя есть твой тихий садик. Возможно, мы с матерью найдем там пристанище, когда бремя государственных забот сделается слишком тяжелым.

— Таким, как теперь?

Отец мрачно улыбнулся:

— Таким, как теперь.

31

1335 год до н. э.

Ахет. Сезон половодья

Мышцы Бараки напряглись; он натянул тетиву и послал стрелу в мишень, стоящую на противоположном краю двора. Оперение стрелы сверкнуло красным и золотым.

— Хороший выстрел, — похвалил сына Нахтмин.

Барака довольно кивнул. Он выглядел в точности как отец: те же широкие плечи и буйные темные волосы. Просто не верилось, что ему всего девять лет. Его вполне можно было принять за одиннадцати-двенадцатилетнего.

— Теперь твоя очередь, — сказал Барака и уступил место Анхесенамон.

— Спорим, я выстрелю лучше, чем Тут! — хвастливо заявила девочка. — Пока ты сидишь учишься, я прихожу сюда тренироваться с Нахтмином, — поддразнила она Тутанхамона и натянула лук.

— Так держать, — подал голос Барака.

Стрела свистнула и впилась почти в самый центр мишени. Анхесенамон радостно завизжала. Барака заткнул уши.

— Очень хорошо, — одобрительно произнес Нахтмин. — Из тебя получается хороший солдат, Анхесенамон. Скоро твоей матери придется разрешить тебе заниматься вместе с моими учениками.

— Я хочу когда-нибудь стать солдатом!

Нахтмин взглянул на меня. Трудно было представить себе ребенка, более не похожего на своего отца.

— Давайте поплывем во дворец и покажем маме, что я умею! — с гордостью предложила Анхесенамон.

— Думаешь, царице это понравится? — поинтересовался практичный Барака.

Анхесенамон откинула с лица юношеский локон. Через два года ей предстоит сбрить этот локон и сделаться женщиной.

— А кого волнует, что там себе думает Меритатон? Она только и делает, что читает свитки и декламирует стихи. Она как Тутанхамон, — обвиняюще заявила девочка.

Тут обиделся.

— И вовсе я не такой, как царица! — возразил он. — Я каждый день хожу на охоту!

— Ты тоже декламируешь стихи, — поддразнила его Анхесенамон.

— Ну и что такого? Наш отец писал стихи.

Барака оцепенел, а Анхесенамон зажала рот руками.

— Все в порядке, — поспешил вмешаться Нахтмин.

— Но Тут сказал…

Анхесенамон не договорила.

— Неважно, что он сказал. А давай-ка мы отправимся сейчас к твоей матери и покажем ей, что ты умеешь? Она в любом случае будет ждать нас.

Солнце уже почти зашло. Вскоре нас действительно должны были ждать в Большом зале Мальгатты. Когда мы плыли через реку — на веслах сидели двое слуг, — Анхесенамон повернулась к Тутанхамону:

— Тебе не следовало так говорить про отца.

— Оставь его в покое, — сказал Барака, выступив на защиту Тута. — Он был и твоим отцом тоже.

Анхесенамон набычилась:

— Спорим, Мутноджмет это не понравилось бы!

— Что не понравилось?

Трое детей посмотрели на меня. Я улыбнулась с невинным видом.

Анхесенамон изо всех сил постаралась сделать вид, что правота на ее стороне.

— Разговоры про царя-еретика. Я знаю, что ты бы этого не одобрила, — сказала девочка. — Мать говорит, что о нем не следует говорить, особенно при людях, и что это из-за него творятся эти беспорядки в Нижнем Египте. Если бы он не отказался от богов и не создал жрецов Атона, они сейчас не дрались бы на севере, и нашим жрецам в Фивах ничего бы не грозило, потому что никто не нападал бы на них по ночам и не устраивал беспорядки.

— Твоя мать так говорит? — с интересом спросил Нахтмин.

— Да.

Но Анхесенамон продолжала смотреть на меня, ожидая моего ответа, и в конце концов все, кто был на барке, повернулись ко мне, посмотреть, что я скажу.

— Возможно, и вправду лучше не говорить о фараоне Эхнатоне при людях, — признала я, и Анхесенамон заносчиво посмотрела на Тутанхамона. — Однако же нет ничего дурного в том, чтобы помнить о человеке хорошее.

Анхесенамон уставилась на меня. Нахтмин приподнял брови.

— Он писал стихи. — Я заколебалась. — Он искусно управлялся с луком и стрелами. Возможно, вы унаследовали эту способность от него.

— Моя мать хорошо стреляет из лука! — возразила Анхесенамон.

— Это верно, но Эхнатон управлялся с ним необыкновенно проворно.

И мне тут же вспомнилась та женщина в Зале приемов, которая пыталась бежать от чумы, чтобы спасти своего ребенка. Я запахнула плащ на груди, а Анхесенамон потянулась ко мне, словно ей очень нужен был ответ на какой-то важный вопрос.

— А мой отец вправду был еретиком? — спросила она.

Я неловко поерзала на подушке, избегая взгляда Нахтмина.

— Он был ревностным приверженцем Атона, — осторожно произнесла я.

— Это поэтому мать встречается со жрецами Атона, хотя визирь Эйе говорит, что это опасно? Из-за того, что наш отец верил в Атона и ей их жалко?

Я посмотрела на Нахтмина.

— Не знаю, — ответила я. — Я не знаю, почему она встречается с ними, хотя все ей говорят, что это опасно. Возможно, она до сих пор грустит.

— О чем?

— О том, что поддалась обману Атона, в то время как великий бог Египта — это Амон, — заявил Барака.

Нефертити встречалась с жрецами Атона вопреки протестам своих визирей, здравому смыслу и отцовским предостережениям.

— Я все улажу, — поклялась она, шагая по парапету новой стены, окружающей Фивы.

С возрастом ее хрупкая красота посуровела и сделалась пронзительной, словно нож. Ей был уже тридцать один год.

— Но что, если здесь нечего улаживать? — спросила я. — Они преступники. Они хотят власти, и они готовы убивать, лишь бы снова заполучить ее.

Нефертити решительно покачала головой:

— Я не допущу междоусобицы в Египте.

— Междоусобица будет всегда. Так же как и раздоры.

— Но не в моем Египте! Я поговорю с ними.

Нефертити вцепилась в край амбразуры и посмотрела на другой берег Нила. Недавно обтесанные камни нагрелись под палящим солнцем месори. С того места, где мы стояли, виден был весь город: мой дом за Нилом, храм Амона, сотни царских изваяний.

— Что толку в разговорах? Их следовало бы отправить в каменоломни.

— Я — народная царица. Пока я правлю этой страной, здесь будет мир.

— И чем встречи с жрецами Атона помогают достичь этого самого мира?

— Возможно, мне удастся убедить их вернуться к Амону. Прекратить борьбу. — Нефертити искоса взглянула на меня, проверить, слушаю ли я. — Мне является столько видений, Мутноджмет… О Египте, снова раскинувшемся от Евфрата на востоке до Куша на юге. О стране, где Амон и Атон могут существовать бок о бок. Завтра я встречаюсь с двумя жрецами Атона. Они обратились с прошением о собственном храме…

— Нефертити! — твердо произнесла я.

— Я не могу разрешить им занять какой-нибудь храм Амона. Но их собственный храм… Почему бы и нет?

— Потому что они захотят большего!

Нефертити помолчала, глядя на Фивы.

— Я заключу мир с ними, — поклялась она.

Следующим вечером я влетела в Пер-Меджат. Отец испуганно взглянул на меня.

— Ты видел Нефертити? — спросила я.

— Она в Зале приемов, с Меритатон.

— Нет. Тутмос видел ее в обществе двух жрецов Атона. Она обещала, что встретится с ними в Большом зале, но там ее нет!

Мы с тревогой посмотрели друг на друга и помчались на поиски вместе. Время приема просителей уже закончилось. Мы ворвались в Большой зал, и дворцовые стражники напряглись.

— Найдите фараона! — выкрикнул отец.

В его голосе прозвучал такой страх, что дюжина стражников тут же сорвались с места и побежали в разные стороны, распахивая дверь за дверью и зовя Нефертити по имени. Нам слышны были их крики «Ваше величество!» — но ответа им не было.

У меня мучительно заныло под ложечкой — никогда прежде я не испытывала ничего подобного.

Нахтмин отыскал нас в Большом зале.

— Что случилось?

— Нефертити! Ее не могут отыскать. Тутмос сказал, что видел, как она разговаривала с двумя жрецами Атона.

Нахтмин увидел страх в моих глазах, сразу же выскочил в коридор и велел стражникам запереть все двери во дворце.

— Никого не выпускайте! — крикнул он.

Появились Анхесенамон с Тутанхамоном.

— Что случилось? Кто пропал?

— Нефертити и Меритатон. Отправляйтесь в Зал приемов и никуда не выходите.

Я подумала об Окне Появлений. Нефертити иногда принимала посланцев в этих покоях, чтобы показать им город. Дети замешкались.

— Быстро! — прикрикнула я на них.

Я помчалась через дворец. Струйки пота текли из-под парика мне в глаза. Я сорвала парик и отшвырнула в сторону. Мне было безразлично, куда он упадет и кто его подберет.

— Нефертити! — крикнула я. — Меритатон!

Как они могли уйти обе? Где они могут быть? Я свернула в коридор, ведущий к Окну Появлений, и отворила дверь.

Кровь уже растеклась по мозаичному полу.

— Нефертити! — закричала я, и мой голос эхом разнесся по дворцу. — Нефертити!!! Нет! Не может быть!

Я встряхнула ее.

— Не может быть!

Я прижала тело сестры к груди, но оно уже остыло. Потом в покоях появились отец с Нахтмином.

— Обыскать дворец! — крикнул Нахтмин. — Обыщите все покои! Все шкафы, все сундуки, все погреба!

Он видел нож, валяющийся на полу, и видел, насколько глубока рана в боку у Меритатон.

Я рухнула рядом с племянницей.

— Эхнатон!!! — закричала я так, что меня должен был услышать и Анубис.

Это были его жрецы, его религия. Отец пытался оторвать меня от Нефертити, но я не могла ее отпустить. Тогда он присел рядом, и мы сидели вместе, обнимая нашу царицу, мою сестру, его дочь, женщину, которая тридцать один год правила нашими жизнями.

Тут в покои вбежала моя мать, а за ней — Анхесенамон и Тутанхамон, нарушившие мое распоряжение.

— Амон милостивый… — прошептала мать.

Велеть детям уходить было поздно. Они уже увидели, что сделали жрецы Атона.

— Осторожно! — воскликнула я.

Хотя что уже было толку с осторожности?

Анхесенамон нагнулась и коснулась сестры, жизнь которой оборвалась, когда ей было всего пятнадцать лет. Анхесенамон посмотрела на меня, а Тутанхамон закрыл глаза Меритатон.

Я прижала тело Нефертити к себе, пытаясь прижать к себе и ее дух, вернуть ее обратно.

Но царствование Нефертити завершилось. Она покинула Египет.

— Тсс, — прошептал Нахтмин сыну. — Мама плохо себя чувствует.

— Может, принести ей ромашки? — спросил Барака.

Нахтмин кивнул:

— Давай.

Муж подошел к кровати, посмотрел на меня, потом отстегнул свой меч и сел рядом со мной.

— Мутноджмет, — мягко произнес он. — Мив-шер. — Он погладил меня по щеке. — Прости, но я принес плохие вести. Я хотел сам сообщить тебе об этом, пока ты не услышала все от кого-то другого.

Я попыталась подавить страх. «О боги, только бы не мать с отцом!»

— Тело твоей сестры осквернили. Жрецы Атона ворвались в покойницкую и попытались уничтожить его.

Я отбросила льняные покрывала.

— Я должна видеть ее!

— Не надо. — Нахтмин взял меня за руку. — Повреждения… — он заколебался, — очень серьезные.

Я прикрыла рот ладонью.

— Ее лицо? — прошептала я.

Нахтмин опустил взгляд.

— И грудь.

Места, в которых обитает ка. Они попытались уничтожить ее душу. Они попытались убить ее не только в жизни, но и в смерти!

— Но почему? — вскрикнула я, с трудом поднимаясь с постели. — Почему?

— Бальзамировщики все исправят, — пообещал Нахтмин.

Но я обезумела от ярости.

— Как они могут исправить ее? Она была прекрасна! Прекрасна!

Я упала мужу на руки.

— Бальзамировщики это умеют. А потом ее похоронят втайне, сегодня же ночью. Уже сделан новый саркофаг. А ее саркофаг когда-нибудь пригодится Туту. Он будет следующим фараоном.

Наш Тут? Да ему же всего девять лет!

— Как же Осирис узнает ее в лицо? — всхлипывая, спросила я.

— Они привезут ее статуи из Амарны. Высекут ее имя на всех стенах новой гробницы. Осирис найдет ее.

Но я заплакала еще сильнее. Я не могла сдержать слез. Потом до меня дошло, что сказал Нахтмин, и я посмотрела на него сквозь боль:

— А погребение?..

— Сегодня ночью. Присутствовать будут только твой отец и верховный жрец Амона. Это слишком опасно. Жрецы Атона могут отыскать ее и уничтожить во второй раз.

Он обнял меня.

— Мутноджмет, мне ужасно жаль…

Люди на улицах плакали о Нефертити. Она была их царицей, их фараоном. Она вернула им Фивы и восстановила блистательные храмы Амона. Я стояла у Окна Появлений и смотрела, как люди толпятся у ворот дворца, увешивая их амулетами и цветами. Одни безудержно рыдали, другие были молчаливы, и мне казалось, будто сердце в моей груди превратилось в камень — таким тяжелым оно было.

Нефертити умерла.

Она отправила наше войско навстречу победам на Родосе и в Лакисе, но никогда больше она не наденет одеяние Некбет и не вскинет руки, приветствуя народ. Никогда больше я не услышу ее смеха и не увижу, как она недовольно щурится. В коридоре послышались шаги отца, и я подумала, что он пришел посмотреть, как тут я. Дверь в пустой Зал приемов распахнулась, и тишину нарушил стук сандалий.

— Мутноджмет.

Я не обернулась.

— Мутноджмет, мы собираемся в Пер-Меджате. Тебе тоже следует там быть. Это касается Тутанхамона.

Я не ответила. Отец подошел и встал рядом.

— Ее похоронили со всем подобающим тщанием, — сказал он. — Со всеми статуями из Амарны и богатствами Фив.

Голос его был исполнен печали, и я повернулась к отцу. Его любовь к Нефертити была записана на его лице морщинами. Он стал выглядеть куда старше, но Египет остался, и им нужно было править. Египет будет всегда, даже если Нефертити с нами нет.

— Это несправедливо. — Я с трудом сдержала всхлип. — Почему жрецы Атона убили ее? Почему?

— Потому что она сотворила пылких верующих, — ответил отец. — А верующие готовы сделать все, что угодно, лишь бы заставить замолчать того, кто нападает на них.

— Но она была фараоном! — воскликнула я. — Чего они добились, убив ее? Что это им дало?

— Страх. Они надеются, что следующий фараон будет настолько бояться их, что позволит им возвести свои храмы. Они не понимают, что, если следующий фараон не вернет храмы Атона Амону, он умрет в любом случае.

— Потому что народ взбунтуется, — поняла я.

Отец кивнул.

— Значит, фараон обречен иметь во врагах либо жрецов Атона, либо весь народ.

— А никакой фараон не пойдет против собственного народа.

Я смахнула слезы.

— Почему время не остановилось? — прошептала я. — Этого не должно было произойти!

Отец молча посмотрел на меня.

— Пусть бы весь Египет рухнул, прежде чем она умерла! И Меритатон… ей же было всего пятнадцать!..

Я представила себе мир, в котором нет Нефертити, и мне сделалось невыносимо страшно и одиноко.

— Что нам теперь делать? — в ужасе спросила я. — Что теперь делать нашей семье?

— Готовить новое царствование, — отозвался отец. — И встретиться в Пер-Меджате, когда ты будешь готова.

32

Перет. Сезон роста

Царь Тутанхамон взошел на помост к тронам Гора бок о бок с царевной Анхесенамон, и я увидела, как отец что-то шепчет ему на ухо, в точности так же, как шептал Нефертити.

— Твой отец снова сделался силой, стоящей за троном, — заметил Нахтмин.

— Только на этот раз он стоит за троном нашего сына.

Легкий ветерок, напоенный ароматом цветущих лотосов и мирриса, слегка развеивал летнюю жару. Я схватилась за руку мужа.

— Неужто мне никогда не уйти от этого?

— От тронов Гора? — Нахтмин покачал головой. — Похоже, что нет. Но на этот раз все будет иначе, — пообещал он. — На этот раз Египет будет процветать, и при фараоне Тутанхамоне никаких мятежей не будет.

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда, что здесь я, и оттуда, что Хоремхеб разобьет хеттов и вернется с победой во славу Амона. Через пятнадцать лет об Атоне позабудут.

Меня пробрала дрожь. Я подумала о городе Нефертити, лежащем среди песков, — о том, как ветра времени стирают его с лица земли. Все, над чем она трудилась, прилагая столько усилий, потерпело неудачу. Но осталась еще Анхесенамон. Я посмотрела на помост, на девочку, так похожую на мою сестру, и мне показалось странным, что я буду сидеть в том же самом кресле, которое занимала при царствовании Нефертити. Много ли это дитя будет помнить о своей матери? Анхесенамон посмотрела в мою сторону — те же самые темные глаза и гибкая шея, — и мне подумалось: а что они с моим сыном вместе напишут на колоннах вечности?

Послесловие

История Нефертити — одна из тех, которые можно сложить, словно мозаику, из сотен изображений, найденных в Амарне. Они с Эхнатоном, безмерно увлеченные искусством, покрыли город своими резными изображениями — и изображениями Атона, второстепенного божества, возведенного Эхнатоном в статус верховного. А чтобы никто не перепутал его ни с каким другим фараоном, портреты Эхнатона с семейством делались индивидуальными. Их длинные шеи, удлиненные головы и женственные бедра характерны для амарнского периода. Эхнатон и Нефертити во многих отношениях преобразили египетское искусство. Но запомнились они не этим, а своим еретическим отказом от Амона, и из-за него же Хоремхеб, став фараоном и сделав Мутноджмет своей царицей, как это записано в хрониках, разнес Амарну по камешку.

Несколько имен в романе изменены для удобства читателей. Например, город Ахетатон здесь фигурирует под своим нынешним названием — Амарна, а Фивы тогда на самом деле назывались Васет. Многое в этом романе соответствует исторической действительности, от деталей быта, таких, скажем, как стремление древних египтян выдерживать вино подольше, и до рисунков на помосте в Мальгатте. Однако же я позволила себе вольно обойтись с некоторыми персонажами, именами и малозначительными событиями. Например, невозможно сказать с определенностью, как именно Мутноджмет относилась к мечтам своей сестры о Египте, избавленном от жрецов Амона. Но на рисунке, найденном в Амарне, Мутноджмет стоит одна, подбоченившись, в то время как все остальные радостно обнимаются с Атоном. Я сочла, что для периода, в котором впервые была предпринята попытка изображать реальность такой, как она есть, это вполне значимая деталь. Или, скажем, хотя Нефертити действительно родила Эхнатону шестерых дочерей, насколько нам известно, двойни у нее не было.

Некоторые же детали истории просто не известны в точности. Был ли Аменхотеп Младший соправителем своего отца? Правила ли Нефертити когда-либо сама по себе? В каком возрасте она умерла? Отчего скончалась Тийя? На эти вопросы не существует полностью достоверных ответов, и я в конечном итоге выбрала те интерпретации, которые казались мне наиболее вероятными.

Возможно, когда-нибудь мы получим ответы на некоторые из этих вопросов, если будут обнаружены амарнские мумии. Хотя значительная часть погребального имущества Кийи была найдена в гробнице Тутанхамона, из вещей Эхнатона и Нефертити не осталось практически ничего. Некоторые археологи утверждают, что мумии, обнаруженные в тайнике в гробнице KV35, принадлежат Нефертити и вдовствующей царице. Если это так, они остались потрясающими красавицами даже после смерти. Если же нет, значит, поиски двух едва ли не самых могущественных за всю историю Египта женщин продолжаются.

Примечания

1

Египетский год делился на три сезона по четыре месяца — Ахет («половодье»), Перет («выхождение») и Шему («засуха»); каждый месяц был разделен на 3 периода по 10 дней, что в сумме давало 360 дней в году. К этой цифре добавлялись пять дней, посвященных богам Осирису, Хору, Сетху, Исиде и Нефтиде. Начало года совпадало с появлением на небе звезды Сотис (Сириуса) 18 или 19 июля и разливом Нила. (Прим. перев.)

(обратно)

2

Схенти — набедренная повязка (передник) из неширокой полосы льняной ткани.

(обратно)